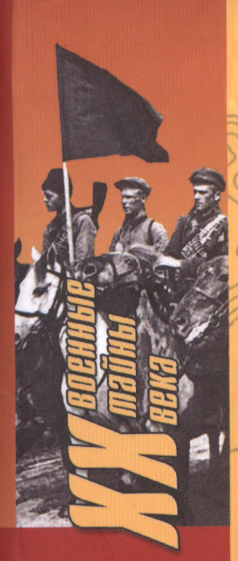


КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В РОССИИ В 1918—1922 гг.

От махновщины до антоновщины

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ
В РОССИИ В 1918—1922 гг.

XX военные тайны века

П.Ф. Алешкин, Ю.А. Васильев

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В РОССИИ в 1918–1922 гг.

От махновщины до антоновщины

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612
А49

Алешкин, П.Ф.

А49 Крестьянские восстания в России в 1918—1922 гг. От махновщины до антоновщины / П.Ф. Алешкин, Ю.А. Васильев. — М. : Вече, 2012. — 400 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-9533-6211-5

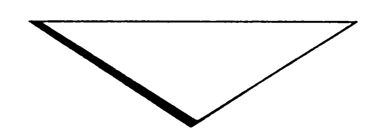
В настоящей книге рассматривается феномен массового и стихийного социального и политического протеста российского крестьянства в условиях политики военного коммунизма в 1918—1921 гг., дана оценка причин и факторов возникновения крестьянского протестного движения, анализ его природы, типологии, динамики и форм сопротивления. Условия, созданные политикой военного коммунизма, рассматриваются в качестве фактора порождения протестных явлений.

Природа крестьянских восстаний в 1918—1922 гг. в Советской России как войны гражданской по своему содержанию, подготовленной революцией 1917 г., позволяет выявить типологическую общность крестьянского протеста на территории всей страны.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-9533-6211-5

© Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012



ВВЕДЕНИЕ

С понятием «народ» непосредственно связано определение крестьянства как основной его части, самой значительной социальной группы (как известно, до 1917 г. крестьянство составляло 80 % населения России). Что нас сегодня заставляет осознавать прошлое, искать ответы на вопросы: что происходило с российским народом (крестьянством) в тот или иной период отечественной истории? Почему нас захватывает проблема собственного прошлого? Вероятно, речь может идти об измерении исторического сознания или исторического понимания, благодаря которому нам становится известно о существовании прошлого, частью которого мы себя осознаем сегодня. Благодаря историческому сознанию, познанию исторического опыта прошлое становится реальностью, в определенной степени прошлое осознается частью нас самих.

В историческом сознании российского общества существует феномен забвения. История побуждает нас признавать значение тех аспектов прошлого, на которые прежде не обращали внимания. Гражданская война между красными и белыми, порожденная революцией 1917 г., заслонила собой не менее ожесточенный «внутренний фронт» Гражданской войны — Крестьянскую войну 1918 —1922 гг. против политики военного коммунизма со стороны Советского государства. Крестьянское протестное движение в Советской России в послеоктябрьской истории — пока еще открытая страница социального феномена, именуемого советским обществом. Мощный социальный протест вынудил государственную власть к безотлагательному поиску принципиально новых путей выхода из глубокого общественного кризиса, в котором оказалась страна. Примечателен следующий факт: Госиздат Советской Республики объявил публичный конкурс рабоче-крестьянских сочинений в газете «Правда» 20 июля 1919 г. Было дано десять тем, в том числе: «Почему некоторые крестьяне идут против Советской власти и в чем их ошибка?», «Кто такие контрреволюционеры?». Пожалуй, лучшее сочинение на данную тему (конечно, не

имеющее никакого отношения к конкурсу) написал замечательный писатель В.Г. Короленко. Через год, в августе—сентябре 1920 г., в период апогея политики военного коммунизма, в пятом письме наркому народного просвещения Советской России А.В. Луначарскому острое писательское перо создало точный и ироничный образ под названием «Неудобное положение»: в сидячем на штыках «неудобном положении», по оценке Короленко, оказалась правящая коммунистическая партия. В деревне подобное «положение» было «прямо трагическое»: «то и дело оттуда приносят коммунистов и комиссаров, изувеченных и убитых». Ответная реакция партии — «выжигать целые деревни сплошь — и богачей и бедных одинаково» [1: 237—240].

Забвение в истории может проявляться, когда есть основания намеренно забыть о тех или иных сторонах прошлого: например, когда память о них оказывается слишком болезненной, чтобы включить их в наше коллективное сознание. Отмечается нередко парадокс одновременно забытого и сохраняющегося в памяти травматического опыта. О последнем забывают, поскольку его стараются вытеснить из сознательной памяти. Однако о нем помнят, поскольку субъект травматического опыта оставил слишком серьезные духовные раны. Травматический опыт приспосабливается к идентичности, как и новая идентичность приспосабливается к травматическому опыту. В такой ситуации происходит примирение опыта и идентичности, создающее условия для их продолжительного сосуществования.

Тема крестьянского сопротивления политике военного коммунизма после революции 1917 г. в советский период являлась закрытой темой. В прошлом российского крестьянства есть немало обыденных событий в повседневной жизни, которые можно забыть, поскольку они никак не связаны с настоящей или будущей идентичностью. Однако даже специалисты иногда «забывают» о том, что имело решающее значение в прошлом. Но происходит это чаще не потому, что они хотят намеренно исказить прошлое, а просто потому, что они не знают о значении определенных причинных факторов. Сегодня нередко приходится читать сочинения, в которых авторы акцентируют свое внимание на отдельных фактах, которые будоражат сознание, вызывая эмоциональное восприятие истории крестьянского движения, но не создают полной и объективной картины. Пафосные сравнения крестьянской войны в Советской России по размаху и последствиям с крестьянскими войнами, имевшими место в отечественной истории (Болотникова, Разина, Пугачева) создают не более чем формальное

сходство. Поверхностное отношение в применении к советской истории выражается в ставшей крылатой пушкинской фразе о русском бунте — «бессмысленном и беспощадном».

Трагический исторический опыт Гражданской войны в России служит восприятию исторического сознания. Травматический опыт проявился прежде всего в изменении идентичности российской нации и народа. Идентичность нации, народа имеет глубокие корни в их прошлом, поэтому, если мы хотим постичь их идентичность, следует прежде всего обратиться к их истории. Именно история предоставит доступ к пониманию собственной идентичности. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем отчетливее станут контуры идентичности и тем более адекватными станут индивидуальные и коллективные действия в российском обществе.

Примером может служить выяснение причинно-следственных отношений политики военного коммунизма и крестьянской войны в России: именно политика военного коммунизма воспроизводила протестные явления на всей территории страны. В период создания различных мифологем формировалось обличительное восприятие крестьянских протестных явлений в общественном мнении: так появились «антоновщина», «махновщина», «мироновщина», «сапожковщина», «серовщина», «роговщина», «лубковщина» и др. (в закавыченном виде). В подобном контексте причастные к крестьянскому сопротивлению становились бандитами, крестьянские восстания — кулацкими, эсеровскими и белогвардейскими. Однако сегодня вполне уместно употребление приведенных терминов в качестве знаковых феноменов, обозначающих реальные социальные явления прошлого (причем без всяких кавычек).

Объективное исследование событий того времени в масштабе всей страны еще только начинается. Речь идет не только и не столько об описательной стороне отдельных восстаний, выступлений, волнений — важнее объяснить, чем было вызвано крестьянское протестное движение не в отдельных регионах, а повсеместно во всей стране. В данном случае не обойтись без раскрытия природы такого явления в ранней советской истории, как политика военного коммунизма.

Несомненный интерес представляет типологическая характеристика крестьянского движения. Само по себе движение протеста предполагает массовость, добровольность участия, наличие определенных политических лозунгов, разнообразие форм сопротивления (как пассивных, так и активных). Отметим в этой связи, что повстан-

ческое движение в структуре протестного движения рассматривается как одна из форм открытого вооруженного сопротивления. Субъектом движения выступала основная часть населения России — крестьянство. Нельзя все проявления крестьянского бунтарства, обусловленные условиями Гражданской войны, причислять к организованному крестьянскому движению. Содержательной основой крестьянского движения выступал социальный и политический протест, выраженный в стихийных массовых формах.

Источники и примечания:

Владимир Короленко. Письма к Луначарскому // Свободы вечное преддверье. Л., 1990. Инициатива переписки, по свидетельству В.Д. Бонч-Бруевича, принадлежала В.И. Ленину: «Надо просить А.В. Луначарского вступить с ним в переписку: ему удобней всего, как комиссару народного просвещения, и к тому же писателю» (В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 508). После встречи 7 июня 1920 г. с навестившим его в Полтаве Луначарским Короленко написал шесть писем полемического содержания, но ни одного ответа не получил. Отсутствие ответов Луначарский объяснял разными причинами. Знал ли Ленин о содержании писем? По свидетельству современников, он их читал.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОТЕСТНЫХ ЯВЛЕНИЙ В КРЕСТЬЯНСКУЮ ВОЙНУ

Политика большевиков в деревне создала условия для протестных проявлений и неприятия политики военного коммунизма. В годы Гражданской войны крестьянство заявило о себе в качестве субъекта исторического процесса, не пожелавшего быть объектом борьбы политических партий. Просчеты в хозяйствовании имели политические последствия, подрывая опору большевиков в народе.

Скрытое недовольство продовольственной политикой Советского государства сопровождал нарастающий глухой ропот в крестьянской среде. После возвращения солдат с фронтов Первой мировой войны в родные села крестьяне стали активнее в выражении своих требований [1]. Крестьянство отстаивало собственное понимание прав и свободы, завоеванных в ходе революции. Никогда ничего подобного в России не происходило: в дореволюционном прошлом

крестьяне поднимали оружие против помещиков, но не против правительства.

По материалам ВЧК, в 1918 г. в 20 губерниях России произошло 245 восстаний[1] [2: 91]. В Центральной России в летние месяцы 1918 г. сопротивление крестьян вылилось в 130 выступлений против местных Советов, 154 акта самозащиты против продотрядов, 73 восстания и массовые отказы унтер-офицеров ряда губерний (Орловской, Курской, Воронежской) от явки на призывные пункты [2: 104].

Весной и летом 1918 г. подавление крестьянских волнений со стороны советской власти, как правило, ограничивалось следующей схемой: на ликвидацию недовольства направлялся вооруженный отряд, арестовывались зачинщики, устанавливались меры наказания (штрафы, реквизиции) — в большинстве случаев дело обходилось без кровопролития, расстрелов. Крестьянство решалось на открытые выступления, тем более вооруженные, в тех случаях, когда других средств оказывалось недостаточно, чтобы добиться своих требований, или чаша терпения переполнялась. Любой здравомыслящий человек давал себе отчет, какую роковую черту он переступал и каковы могли быть последствия подобного шага, если он решался на открытый протест против власти. Поэтому противодействие распоряжениям властей в активные формы обычно не выливалось.

Заметные проявления крестьянского недовольства продовольственной политикой коммунистов начались с периодом уборки урожая. Вспышка крестьянских волнений в 12 селах на юге Саратовской губернии произошла в августе 1918 г. — на их ликвидацию был направлен отряд ВЧК. Отряд разоружил деревенских жителей, восстановил Советы, наложил контрибуцию. Были расстреляны 36 человек [3: 85—86].

Выступление крестьян в селе Кучки Пензенской губернии 5 августа 1918 г. вылилось в вооруженное нападение на продотряд, расправу с местным комбедом. Волнения бедняцкого и середняцкого населения распространились на всю Кучкинскую волость, перебросились на соседние волости. При помощи вооруженной силы 8 августа недовольство было подавлено, 13 человек расстреляны [3: 306].

---

[1] По оценкам Р. Пайпса, в результате 245 восстаний большевики потеряли 875 человек, восставшие — 1821. Кроме того, 2431 человек из числа восставших были расстреляны (*Пайпс Р.* Русская революция. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1994. С. 425).

Крестьянское восстание в селе Кучки и волостях Пензенской губернии вызвало серьезную озабоченность Ленина, когда он получил информацию в телеграмме от Пензенского губисполкома. Волна крестьянских восстаний в то время только набирала свою силу: трудно себе представить, чтобы о каждом рядовом восстании в 1920—1921 гг. телеграфировалось председателю Совнаркома лично (завалили бы телеграммами). Активное участие в восстаниях «полупролетариата», по Ленину, вероятно, сильно озадачило большевистского вождя, поскольку разрушало его собственное доказательство и обоснование существования в Советской России социальной опоры диктатуры пролетариата. Вероятно, именно это обстоятельство объясняет столь заинтересованное внимание Ленина к данному событию, его требования в кратчайшие сроки задушить крестьянские волнения, попытка объяснить причины выступлений против политики власти кулацкими происками [4]. Восстание в селе Кучки для Ленина не было рядовым событием. Иначе нельзя объяснить, почему руководитель государства, вопреки всем законам управления, лично занимался решением локального местного вопроса.

Ленинский идеологический миф об опоре диктатуры пролетариата в лице рабочих и крестьянской бедноты в качестве «полупролетариата» был опровергнут восстаниями крестьян, совпавшими с празднованием первой годовщины пролетарской революции. С 1 по 25 ноября они произошли в 80 уездах, охватив 11 из 12 уездов в Рязанской губернии, 9 — в Смоленской, 7 — в Тамбовской. По 6 уездов было вовлечено в восстания в Калужской, Костромской, 4 — во Владимирской, восстания имели место в Московской, Тульской, Ярославской, Череповецкой губерниях [2: 111— 112]. Восстания явились результатом недовольства крестьян действиями власти по взысканию с них чрезвычайного революционного налога, проводимыми реквизициями хлеба, лошадей для нужд фронта, мобилизацией молодежи в Красную армию. В ноябре 1918 г. практически вся территория России, контролируемая большевиками, оказалась охвачена крестьянским движением. Позиция крестьянства в отношении советской власти во второй половине 1918 г. определялась нежеланием взваливать на свои плечи тяготы Гражданской войны и продовольственной диктатуры большевистского государства.

4 ноября крестьяне в селе Высь Суздальского уезда Владимирской губернии выступили против изъятия хлебных излишков, разогнали комбед. Чтобы утихомирить крестьянство, власти послали вооружен-

ный отряд, который без кровопролития разогнал толпу, арестовав 12 человек [5].

Крестьянское выступление в Веневском уезде Тульской губернии началось 7 ноября. В день годовщины Октябрьской революции в местном клубе шел спектакль, где была почти вся местная организация РКП(б). Во время спектакля были получены сведения, что станция Мордвес (между Веневом и Каширой) занята восставшими крестьянами. Крестьяне обезоружили отряд, заняли почту, перерезали провода, заблокировали железнодорожный путь, после чего, разделившись на две части, направились — одна часть на Каширу, другая — на Венев. Не успели проверить эти сведения, как поступило известие, что в Бороздинской волости появился еще один очаг волнений: крестьяне разогнали волостной Совет, есть убитые коммунисты. 8 ноября утром в Венев на базар стала съезжаться масса крестьян, особенно из Бороздинской волости, а также крестьяне из других волостей, в частности из Юдинской и Клинской (в числе прибывших отмечалось много мобилизованных). Съехавшиеся в Венев крестьяне устроили митинг. Толпа была враждебно настроена по отношению к местной власти, выступивший на митинге военный комиссар Соломенцев был избит. Митинг разогнали усилиями местного отряда ЧК и коммунистов, после чего здесь же, на месте, был произведен расстрел участников избиения военкома. Вечером появились сведения о ряде избиений и убийств коммунистов в Клинской волости, о наступлении на Венев крестьян из Толстовской и Щучьинской волостей, затем пришло известие о выступлении в Косневской волости. Последнее было остановлено посылкой на основные дороги отрядов красноармейцев. 9 ноября волнения в Куребинской волости и попытка выступления на Венев вооруженным советским отрядом были парализованы.

10 ноября началось восстание в Кормовской волости: разгром Совета, избиение советских работников, убийство секретаря Совета коммуниста Говорова, еще одна попытка наступления на Венев, которая была блокирована отрядом, прибывшим из Каширы. В этот же день предприняли наступление на Венев крестьяне Новоприборной, Холтобинской, Спасской, Урусовской и Поведской волостей, в которых произошел целый ряд убийств и избиений советских работников, коммунистов, членов комитета бедноты.

Для подавления волнений 11 ноября в восставшие волости и по всему уезду были посланы карательные отряды, которые расправи-

лись с зачинщиками на местах, накладывали контрибуцию на местное население [3: 101—102]. В конце 1918 г. с тамбовских крестьян была взыскана огромная контрибуция хлебом за участие в ноябрьских восстаниях.

В ноябре заметные крестьянские выступления против принудительной реквизиции хлеба произошли в Пензенской губернии. В селе Лада Саранского уезда среди населения распространился слух, что приехавший в село продотряд будет отбирать весь хлеб, закроет церковь, заберет иконы. Утром 14 ноября на базарной площади села стали кучками собираться женщины и возбужденно обсуждать новости. Через некоторое время позвонили в набат. Вооруженный отряд арестовал наиболее активных зачинщиков. По постановлению ЧК были расстреляны 12 человек участников волнений. Протестные выступления имели место также в Пятинской волости Самарского уезда [3: 307—309].

В селе Мастиновка Пензенского уезда 10 ноября 1918 г. около здания школы сельское собрание обсуждало продовольственный вопрос. Участники схода потребовали, чтобы продовольственный отряд немедленно покинул село. Толпа крестьян, сбежавшаяся на звон колокола местной церкви, обезоружила продармейцев, которые без сопротивления сдали оружие и разбежались, некоторые были арестованы [3: 309].

Новый импульс протестные выступления получили в связи с всеобщей принудительной мобилизацией в Красную армию осенью 1918 г. Первый массовый призыв крестьян в армию в губерниях Центральной России (мобилизация была отложена до осени в связи с необходимостью завершения полевых работ) послужил поводом для крестьянского недовольства. В первые же дни призыва начались выступления мобилизованных крестьян. Активные выступления мобилизованных происходили в Тверской, Смоленской губерниях [6; 3: 85). Выходцы из деревень, включая бывший младший командный состав царской армии (унтер-офицеры, прапорщики), навоевавшиеся в годы Первой мировой войны, уклонялись от призыва.

За счет принудительной мобилизации в течение одного декабря 1918 г. Красная армия возросла почти на четверть [7: 26). В Красную армию призывалось в первую очередь бедняцкое крестьянство. Именно беднота, поддержанная средним крестьянством, во многих местах поднимала мятеж мобилизованных. Мятежниками руководили фронтовики, прошедшие военную выучку на полях Первой мировой вой-

ны. Движение получило массовый характер: в Михайловском уезде Рязанской губернии им было охвачено 20 волостей, в Гжатском уезде Смоленской губернии — 19 волостей, в Верейском уезде Московской губернии — 18 волостей с 10 тыс. участников, в Медынском уезде Калужской губернии — 17 волостей с 7—8 тыс. повстанцев. Повстанцы захватили Касимов в Рязанской губернии, в Тамбовской — Шацк, в Смоленской — Духовщину, Гжатск, Поречье, в Калужской — несколько населенных пунктов и станций.

Ноябрьско-декабрьские восстания крестьян охватили 138 из 286 уездов центральных губерний, то есть почти половину уездов, находившихся под контролем советской власти [2: 109, 113, 114]. Эти восстания стали первым массовым протестом крестьян против системы «военного коммунизма».

В конце 1918 — начале 1919 г. произвол и насильственные методы взимания со стороны комбедов и местных Советов введенного ВЦИК единовременного чрезвычайного 10-миллиардного налога привели к «бакурскому восстанию» крестьян девяти волостей Сердобского уезда Саратовской губернии.

За январь—июль 1919 г. восстания происходили, по неполным данным, в 124 уездах Европейской России. В январе—феврале 1919 г. восстания имели место в отдельных волостях многих губерний, но больше всего их отмечено в Тверской губернии (в 16 волостях) [2: 123].

Наивысший подъем сопротивления крестьян отмечен в марте 1919 г. В этом месяце крестьяне должны были сдать 30 % годовой разверстки. Вследствие недостатка семян весной 1919 г. значительно сократилась площадь посевов в крестьянских хозяйствах. На почве недовольства изъятием хлеба восстания произошли в Симбирской, Пензенской, Уральской, Оренбургской и части Казанской губернии.

Весной 1919 г. крестьянские волнения и выступления отмечались повсеместно, особенно в Вятской губернии (Ториальная волость Уржумского уезда), Курской (Михайловская волость Дмитриевского уезда), Самарской (район Сергиевск—Кротовка), Воронежской (уезды, прилегающие к Дону), Тамбовской (Лебедянский уезд), Смоленской (деревни Кальчиновка, Григоровка, Рубанка), Казанской (Спасский уезд), Московской (Рузский уезд); восстания до 10 тысяч казаков в районе Поворино—Царицыно и Лиски—Миллеровская, в станицах Вешенская, Шумилинская, Еланская [8, 3: 127—129]. В ходе выступлений восставшими были разобраны железнодорожные пути, нарушена телеграфная связь.

Местные органы ВЧК информировали центр о тревожном настроении крестьян в волостях и селах, обусловленном недовольством политикой Советов и недоверием в отношении представителей коммунистических ячеек, которые, по словам крестьян, ничего не имели общего с коммунизмом: занимались пьянством, всевозможными нерегистрируемыми конфискациями у населения.

Сельские коммунисты устраивали «с пышностью помещика николаевских времен» свадьбы в клубах, увлекались картежными играми. Поступало множество заявлений и жалоб, в которых указывалось на неправомерные действия и злоупотребления местных властей: у крестьян отбирали обручальные золотые кольца, серебряные часы и массу другой мелочи, за неуплату очередного чрезвычайного налога крестьянин мог лишиться хозяйства и последнего скота: в одном случае крестьянин вместо 15 тыс. руб. уплатил 13 700, в результате все его имущество выставили на продажу. Крестьяне жаловались: «Только и слышим: "Арестуем! Расстреляем!" Мы власти поэтому боимся, даже ходить на собрания и даже просить, чтобы почаще... поясняли, что такое Советская власть, к чему она стремится, поясняли о коммунизме» [3: 122—123].

Информационные сводки характеризовали отношение к власти в крестьянской среде как «недоверчивое» (Московская, Рязанская губернии), «враждебное» (Владимирская, Тверская, Костромская, Пензенская), «отрицательное» (Саратовская) [3: 156—159, 162—164].

Весной начались вооруженные выступления крестьян в Астраханской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Курской, Пензенской и других губерниях Центральной России. В марте 1919 г. в селе Б. Язясе Пензенской губернии во время восстания было убито около 20 человек, ранено около 100 [3: 118].

В первой половине 1919 г. в трех губерниях аграрного центра (Воронежская, Курская, Орловская) из 238 восстаний 72 произошли на продовольственной почве (30,25 %), 51 — вследствие мобилизации (21,43 %), 35 — восстания дезертиров (14,7 %), 34 — из-за реквизиций (14,29 %), 17 — из-за аграрных споров (7,14 %) и 6 — на политической основе среди красноармейских частей (2,52 %) [2: 128—129].

По неполным данным, в первой половине 1919 г. произошло 99 восстаний (всего 344 восстания за полтора года). Однако по другим данным, только в трех губерниях страны — Воронежской, Курской и Орловской — за первую половину 1919 г. имели место 238 восстаний крестьян [2: 91]. Летом крестьянское движение в центре стра-

ны превратилось в настоящую войну. Уже в 1919 г. Гражданская война между красными и белыми проходила параллельно с войной крестьянства против политики «военного коммунизма». Крестьянская революция 1917—1918 гг. трансформировалась в крестьянскую войну с коммунистической властью. Место прежнего извечного врага — помещика — в крестьянском восприятии заняло государство, завладевшее землей.

Постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны от 28 мая 1919 г. все войска особого назначения, существовавшие при Наркомпроде и других наркоматах и ведомствах, за исключением железнодорожных и пограничных войск, перешли в подчинение НКВД через штаб войск ВЧК и были переименованы в войска Внутренней охраны республики (ВОХР).

Штаб войск ВЧК был реорганизован в штаб ВОХР. Основная задача этих войск заключалась в обеспечении охраны тыла страны. Войска ВОХР предназначались для выполнения следующих функций: вооруженная борьба с мятежами и восстаниями, охрана государственных учреждений, сооружений, охрана и оборона железнодорожных и военных путей сообщения, борьба с мешочничеством, охрана продовольственных складов, контроль и учет сельскохозяйственных продуктов. Общее руководство войсками ВОХР осуществлял военный совет войск под председательством Ф.Э. Дзержинского.

В крестьянском сопротивлении оформилась специфическая форма борьбы — «зеленое» движение. В годы Гражданской войны в России «зелеными» называли тех, кто уклонялись от воинской службы. Они, как правило, скрывались в труднодоступных местах — в лесах, горах. В основном отряды зеленых состояли из дезертиров или уклонившихся от мобилизации как в Красную армию, так и в Белую. Зеленые действовали и против красных, и против белых: обе противоборствующие стороны враждебно относились к зеленым. В народном творчестве периода Гражданской войны отразилась суть зеленого движения: «Эх, яблочко, цвета спелого. Бей слева красного, справа — белого»; «Пароход идет мимо пристани, Будем рыбку кормить коммунистами. Эх, пароход идет — волны валами, Будем рыбку кормить генералами!»

Зеленое движение активно проявилось уже в 1918 г. О нежелании населения участвовать в гражданском противоборстве свидетельствовал провал мобилизации в Народную армию Комуча осенью 1918 г.: в Среднем Поволжье антибольшевистским силам удалось привлечь

в нее лишь 2,5 % трудоспособных мужчин. Лето 1919 г. отмечено усиленным ростом движения зеленых, связанным с увеличением дезертирства. Одной из главных причин являлись многочисленные мобилизации. Противоборствующие стороны в Гражданской войне сравнительно лояльно относились к пленным из числа принудительно мобилизованных. У многих были справки о мобилизации, выданные и красными, и белыми. Отмечались случаи, когда мобилизованные умудрялись по нескольку раз оказаться в каждой из враждебных армий.

В условиях ожесточенной Гражданской войны обе противоборствующие стороны, нередко неоднократно в одних и тех же местностях, использовали на контролируемых территориях одинаковые методы принудительных мобилизаций местного населения в армию, конфискаций и реквизиций имущества, лошадей, продовольствия, накладывали контрибуции, осуществляли аресты и расстрелы. Грабежи и мародерство в прифронтовой зоне стало обычным явлением. Дезертиры из обеих противоборствующих армий, как правило, имеющие боевой опыт солдаты, создавали вооруженные формирования, основу которых составляло население из мест, занимаемых воюющими армиями. Отряды зеленых вели вооруженную борьбу партизанскими методами против существовавшей на данной территории власти.

Отряды зеленых были неоднородными по составу, состояли преимущественно из крестьянства. Зеленое движение являлось специфической формой крестьянского сопротивления. «Подлинные» («истинные») зеленые состояли из обездоленных властями крестьян, связанных с местным населением, они пользовались его помощью и поддержкой. Зеленые выполняли функции крестьянского ополчения, отрядов самообороны для защиты селений от грабителей, продовольственных и карательных отрядов. Они, как правило, не занимали населенные пункты, чтобы не допустить репрессий против сельчан. Зеленые устраивали нападения на склады оружия, ссыпные пункты. Летом 1919 г. произошел захват зелеными Юрьева-Польского Владимирской губернии с находившимся там артиллерийским складом. В июле 1919 г. Пошехонский уезд Ярославской губернии был целиком охвачен восстанием зеленых. В некоторых случаях зеленые располагали даже артиллерией и пулеметами.

Зеленые принимали активное участие в крестьянском повстанческом движении в 1918—1922 гг.: махновщине, антоновщине, повстанчестве на юге России и в Сибири. Однако неправомерно отождест-

вление зеленого движения с крестьянским протестным движением: зеленое движение являлось лишь частью крестьянского протеста. Оно не имело политических целей, не стремилось к захвату власти. В основе зеленого движения лежали пацифистские лозунги. Зеленые предпочитали руководствоваться принципом «вы нас не трогайте, и мы вас не тронем» и надеялись на благоприятное изменение ситуации. Отдельную часть зеленых составляли дезертиры, занимавшиеся откровенными грабежами и мародерством. Однако большинство зеленых отвергали уголовщину и искали опору в крестьянской среде.

По направленности текущих действий зеленые определялись как «красно-зеленые» и «бело-зеленые». Сформированные противоборствующими сторонами в тылу противника партизанские отряды лишь условно можно отнести к красно-зеленым или бело-зеленым. Считается, что бело-зеленые состояли в основном из дезертиров Красной армии или уклонившихся от мобилизации со стороны красных, красно-зеленые — дезертиры или уклонившиеся от мобилизации белых. В зависимости от конкретной ситуации Гражданской войны нередко происходила их кардинальная трансформация: «бандиты» становились партизанами-союзниками и наоборот. Действия зеленых вносили серьезные осложнения в стратегию борющихся сторон, внося хаос в тылу и отвлекая войска с фронта. Зеленое повстанчество являлось положительным фактором для красного или белого командования, если оно базировалось на территории, занятой противником, но оно же превращалось в отрицательный фактор, когда территория переходила в руки своих войск: недавние партизаны объявлялись бандитами.

Красно-зеленое движение оформилось летом 1919 г. на Черноморском побережье Кавказа. Крестьянство Сочинского, Туапсинского и Новороссийского округов уклонялось от мобилизации в армию Деникина, скрывалось в лесах приморских склонов Кавказского хребта. Организованные выступления зеленой армии в широком масштабе начались, однако, не ранее января 1920 г., когда белый фронт отступал к морю. Зеленая армия освободила почти всю северо-восточную часть Черноморского побережья. При встрече с передовыми частями Красной армии основные силы зеленой армии влилась в ее состав. Новороссийская катастрофа белых войск явилась причиной возникновения бело-зеленого движения на юге России.

Нередко движение зеленых в широком смысле используется как определение для «третьей силы» в Гражданской войне. Однако по-

добная трактовка представляется несостоятельной. Третья сила без собственной идеологии и политической программы не могла быть соперником ни большевизму, ни реставрации. Сами зеленые о создании власти «третьей силы» не задумывались. Локальные, разрозненные, неоднородные, неустойчивые формирования зеленых не являлись самостоятельной силой. Тем более нельзя объединять в единое движение противников — красно-зеленых и бело-зеленых.

В качестве «третьей силы» позиционировала себя партия эсеров. Позиция эсеров в роли «третьей силы» была закреплена IX Советом партии в июне 1919 г. Противоборствующим сторонам в Гражданской войне — большевизму и реставрации — эсеры пытались противопоставить «трудовую демократию города и деревни» (крестьянство в первую очередь) как «третью силу». В этой связи зеленая армия рассматривалась в качестве «третьей силы» для борьбы против обеих диктатур. Однако попытка создать демократическую альтернативу в условиях борьбы на два фронта была обречена на провал. Эсеры находились в состоянии глубокого кризиса: отсутствовал единый центр, низовые организации были разгромлены. Союза зеленого движения с социалистами-революционерами не сложилось.

Дезертирство из армии получило широкое распространение. В июле 1919 г. дезертиров в европейской части России насчитывалось 266 тыс., в августе — 284 тыс., за все второе полугодие 1919 г. — 1545 тыс. [2: 133]. В 1919 г. стало массовым дезертирство крестьян из Красной армии. В июне 1919 г. распространилось в Псковской, Тверской, Ярославской, Костромской губерниях [9]. В Московской губернии к числу неблагонадежных районов относились Можайский, Волоколамский, Московский и Звенигородский. В июне — сентябре на учете в Калужской губернии насчитывалось 16 310 дезертиров, в Нижегородской — 29 147, в Тамбовской — 80 тыс. [3: 189—193, 195—196].

В одной только Смоленской губернии с 1 марта по 8 августа дезертировали 2295 человек, не явились по призыву 20 606 человек. Всего же по губернии в дезертирах числилось 9604 человека. Процветало повторное (злостное) дезертирство. В указанный срок в Смоленской губернии задержаны путем облав 4468 дезертиров. К концу лета на учете Смоленского губкомдезертир насчитывалось до 30 тыс., в Ярославской губернии — целые волости [3: 171—174, 176—185].

Власти предпринимали решительные и жесткие меры в борьбе с дезертирством. В начале 1919 г., в соответствии с постановлением

Совета обороны от 25 декабря 1918 г., в стране были созданы Комиссии по борьбе с дезертирством из Красной армии. Согласно этому постановлению учреждалась Центральная комиссия по борьбе с дезертирством из представителей военного руководства, военных комиссаров, на местах создавались губернские комиссии по борьбе с дезертирством.

29 марта 1919 г. губернским комиссиям по борьбе с дезертирством было предоставлено право рассматривать дела о дезертирстве с наложением взысканий и наказаний. Были введены меры наказания за дезертирство (от условного лишения свободы вплоть до расстрела). Комиссии получили право проводить полную или частичную конфискацию имущества и передавать земельные наделы дезертиров и их укрывателей во временное пользование семьям красноармейцев.

Основную часть дезертиров составляли деревенские жители — крестьяне-середняки. Крестьянское население сочувственно относилось к дезертирам: дезертирство в весенний, летний и осенний период объяснялось необходимостью выполнения неотложных сельхозработ, посевной кампании и своевременной уборки урожая во время полевого сезона. Многим семьям красноармейцев некому было оказать помощь. Необеспеченность семей красноармейцев являлась существенной причиной дезертирства. Неслучайно, что массовый отлов дезертиров практиковался именно во время сельхозработ, в поле.

В связи с разрастанием фронтов Гражданской войны резко увеличился призыв в Красную армию. В середине 1919 г. ее количественный состав насчитывал 1, 5 млн человек — в течение полугода армия более чем утроилась [7: 26].

3 июня 1919 г. Совет труда и обороны принял постановление о мерах по искоренению дезертирства. При добровольной явке в военные комиссариаты в течение недели со дня опубликования постановления дезертиры и лица, уклонившиеся от мобилизации, освобождались от суда и наказания. Комиссии по борьбе с дезертирством получили полномочия проводить полную или частичную конфискацию имущества и передавать земельные наделы во временное пользование семьям красноармейцев. Такие же меры могли быть применены и к укрывателям дезертиров.

Власти применяли репрессивные меры к семьям дезертиров, использовали принцип круговой поруки, устанавливая контрибуции целым селам за дезертиров, в первую очередь хлебные, различные виды штрафов. В практику вошли показательные расстрелы дезертиров.

Летом 1919 г. отмечены волнения во многих смоленских селах и хуторах: Глушевка, Карабаново, Анциферово, Смоляки, Велико и Веливко Катынской волости, Ананьенка, Тетери, Большой и Малый Обурох, Охотное Руднянской волости. В числе организаторов крестьяне Николай Горбачев, Федор Леонтьев, Павел Малашенков, Леонтий Иванов, братья Карпошкины, Андрей Григорьев, Федор Степанов, Михаил Качаев, Дмитрий Лавренов, Роман Меничкин, Андрей Зайцев, Захар Муравьев [10].

В июле 1919 г. с участием дезертиров имели место восстания в Московской губернии (Можайский и Волоколамский уезды), Тверской (Вышневолоцкий уезд), во всех уездах Ярославской и Костромской губерний, во Владимирской (Юрьевецкий уезд — «Аньковское восстание», Александровский уезд), Вологодской (Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский уезды), почти всех уездах Тамбовской губернии [11].

В Тамбовской губернии летом 1919 г. из 14 785 человек, подлежавших мобилизации, на призывные пункты явилось лишь 3108 (21 %). На 20 июля в губернии числилось 48 572 дезертира. В Тамбовском уезде вооруженные выступления дезертиров имели место в четырех волостях, в Кирсановском — в районе Инжавино.

В 1919 г. на губернию была установлена продразверстка в 27 млн пудов. Но год выдался неурожайным. Крестьяне прятали скудные остатки прошлогоднего хлеба. В июне стало ясно, что добровольной сдачи хлеба не будет. 20 июня Тамбовский губисполком констатировал полное прекращение сдачи хлеба крестьянами. 3 июля в восьми уездах было введено военное положение, чтобы сломить сопротивление крестьян. На фоне массового дезертирства применение вооруженной силы продотрядов для сбора хлеба лишь обострило положение. 26 июля Кирсановский уездный ВРК признал бессилие власти в борьбе с дезертирами, заложниками которых стали коммунисты и работники деревенских Советов. ВРК приказал волостным исполкомам, военным комиссарам и ячейкам РКП(б) взять заложников из кулаков, укрывателей дезертиров, самогонщиков и других, чтобы они отвечали головой за каждого убитого коммуниста и любое сопротивление крестьян [2: 129].

В августе в Казанской губернии разгорелись волнения одновременно в пяти волостях, ликвидированные отрядом губчека. Результат: два расстрела и в качестве меры наказания — 760 тыс. рублей штрафа, наложенных на непокорные 18 селений.

В Костромской губернии вооруженные отряды, занимавшиеся подавлением восстаний в Красносельской, Семеновской, Быгизинской и Мисковской волостях, производили незаконные реквизиции продуктов, реквизиции сопровождались убийствами местных жителей [3: 181, 12].

В это же время произошло восстание в селе Большое Ливенского уезда Орловской губернии. Стихийный крестьянский протест был вызван расстрелом группы селян, притеснениями и угрозами со стороны местной власти, взяточничеством, пьянством ее представителей, вымогательством. За несколько дней до восстания разнесся слух, инициированный одним из членов комбеда, что скоро будут расстреливать крестьян в Большом — население заволновалось. Удары набата собрали народ всей волости, в военкоме разбирались винтовки. Был арестован и убит руководитель комбеда, после чего создан отряд. После ликвидации восстания особым отделом были арестованы 11 крестьян, в том числе Руднев Федот, член РКП ливенской организации, объявленный зачинщиком, Подоприхин Андрей Арсентьевич, 70 лет, обвиненный в подготовке восстания [13].

Недовольство произволом продотрядов, натуральной и трудовой повинностью привело к волнениям и восстаниям в Самарской губернии в сентябре 1919 г. [21: 167].

В ходе подавления восстаний получил практическое применение целый арсенал средств: обстрел лесов и болот из орудий и пулеметов, конфискация имущества участников выступлений, грабежи населения, объявленного пособником бандитов, взятие заложников — родителей, родственников. В Новохоперском уезде Воронежской губернии село Третьяки было сожжено бомбами с аэроплана [14].

Колебания крестьян в условиях Гражданской войны приводили к изменению линий фронтов. Вооруженные отряды противоборствующих сторон (белых, красных, зеленых), зачастую по нескольку раз проходившие через одни и те же деревни, доводили крестьян до полного разорения. Восстания крестьян в аграрных губерниях Центра способствовали прорыву белогвардейской конницей генерала Мамонтова Южного фронта и рейда по тылам советских войск в августе—сентябре 1919 г. Крестьянские восстания облегчили продвижение армии Деникина к Москве.

Характерно, что летом и осенью 1919 г. с приближением фронта в прифронтовой полосе настроение крестьянства резко менялось в сторону советской власти и осуждения дезертирства: подобные ме-

таморфозы отмечались в Тамбовской, Самарской, Екатеринбургской, Тобольской губерниях [3: 185, 211, 213]. Опасность для крестьянства реставрации старой власти и возвращения помещиков перевешивала недовольство политикой советской власти и привела к поддержке крестьянством советской власти в критический момент борьбы против белых [15].

На захваченных белыми территориях бывшие помещики возвращались в свои имения и наводили порядок, наказывая крестьян за самоуправство. Белые предоставили бывшим помещикам и землевладельцам возможность отбирать у крестьян переданную им землю, отнимать у крестьян хлеб. Подобная политика вызывала неприятие со стороны крестьянства в отношении Белой армии. Примечателен следующий факт: после освобождения Екатеринбургской губернии от власти Колчака мобилизация крестьян в Красную армию дала свыше 10 тыс. добровольцев. Аналогичная ситуация сложилась в Тобольской губернии [3: 32].

С удалением фронта боевых действий общественное настроение в крестьянской среде опять возвращалось в привычное русло: в октябре—ноябре 1919 г. отношение крестьянства к власти на территории Советской Республики характеризовалось как «недоброжелательное» (Тульская, Екатеринбургская губернии), «отрицательное» (Ярославская, Новгородская), «враждебное» (Пермская, Псковская, Вятская, Тамбовская) «недоброжелательное», «ропот» населения (Нижегородская) [3: 209, 211—212, 217—219, 222—223]. Единство устремлений крестьянства и большевиков совпадало в рамках непосредственной борьбы с Белой армией, но с устранением белой опасности вновь возникали объективные противоречия. Крестьяне и большевики, по сути, не были союзниками — с учетом целевых установок логичнее их взаимоотношения характеризовать как отношения попутчиков, связанных тактическими интересами; в стратегии эти интересы расходились.

Разгром Деникина и Колчака не облегчил положения крестьян — более того, государственный гнет усилился. Все это происходило на фоне тяжелого экономического положения деревни. Недоедание стало привычным явлением. Острый дефицит в предметах первой необходимости — соли, керосине, мыле, спичках и других товарах — приобрел хроническую форму. Не хватало сельскохозяйственного инвентаря (косы, серпы, сепараторы) и орудий производства (косилок, веялок, молотилок).

Продовольственная разверстка, принудительная мобилизация в Красную армию, трудовые повинности порождали крестьянские восстания, создавали благодатную почву для расширения повстанческого движения на территории всех регионов Советской России. В конце 1919 г. в многотысячных восстаниях основную часть повстанцев составляла крестьянская беднота [3: 412]. Самыми «ненадежными» губерниями вновь стали поволжские и приуральские.

В связи с необходимостью уборки урожая и выполнения неотложных сельскохозяйственных работ резко возросло дезертирство. В первой половине октября 1919 г. на территории Советской Республики были задержаны в результате облав 47 745 дезертиров, во второй половине данного месяца, по неполным данным — 73 025 человек (без учета данных по 7 губерниям — Воронежской, Смоленской, Курской, Орловской, Пензенской, Оренбургской и Уральской). Кроме этого в результате проведенных поверок выявлено в начале ноября 123 893 человека, уклонившихся от мобилизации. На 1 ноября в Московской губернии насчитывалось 24 685 дезертиров, из которых были задержаны 15 727, добровольно явились 8558 [3: 211—212, 215— 216, 220]. В Тамбовской губернии количество дезертиров к концу года выросло до 120 тысяч [2: 129].

По сведениям Центральной комиссии по борьбе с дезертирством, в последние две недели 1919 г. были задержаны 75 352 дезертира. За укрывательство дезертиров на две деревни Каширского уезда Тульской губернии наложен штраф 22 тыс. рублей. В Тверской губернии десять семей дезертиров оштрафованы на сумму 52 500 рублей. В Московской губернии наложен штраф на Тимоновскую волость в 190 тыс. рублей. В Нижегородской губернии на 12 сел наложен штраф. В Саратовской губернии 60 семей дезертиров оштрафованы на сумму 475 500 руб. В Петроградской губернии 41 семья оштрафована на сумму 458 146 рублей. В Череповецкой губернии 139 человек привлечены за укрывательство дезертиров к общественным работам, в Псковской — 150 человек. Во Владимирской губернии оштрафованы пять семей на сумму 29 тыс. рублей. [3: 230—231].

Советские органы усилили меры наказания не только в отношении дезертиров, но и населения: возросли штрафы за укрывательство, расширилась практика наложения штрафных санкций на целые селения, привлечения укрывателей к общественным работам, лишения их наделов, конфискации за укрывательство лошадей, коров и другого рабочего и домашнего скота.

Крестьянство протестовало не против продразверстки как таковой. В регионах, где урожай был лучше, крестьянству было легче выполнить государственную разверстку — соответственно это сказывалось на настроении крестьян. Обратная картина наблюдалась в губерниях, где урожай был плохой. В таких районах продотряды безжалостно выметали все до зерна. Нередко случалось, что установленная разверстка оказывалась значительно выше показателей, представленных местными органами власти [3: 225].

Отмечались многочисленные и повсеместные волнения крестьян, возмущенных продовольственной политикой, вооруженные столкновения с советскими отрядами, сопровождавшиеся жертвами.

В начале осени вспыхнуло восстание в Извольской, Каменской, Воронецкой волостях Орловской губернии с количеством участников в 15—20 тыс. 5 ноября 1919 г. началось крестьянское восстание в Тихвинском уезде Звонецкой волости Череповецкой губернии, в котором участвовали вместе с крестьянами 150 дезертиров. Они разоружили продотряд и провели перевыборы волисполкома. Восстание ликвидировано отрядом ЧК, 65 человек арестованы. Крестьянскими волнениями были охвачены Островская и Карпиногорская волости Маловишерского уезда Новгородской губернии: данные волости отказались отдавать скот для Красной армии. Волости были объявлены на военном положении [3: 207, 216].

В 1920 году огонь крестьянской войны вспыхнул ярким пламенем. Примечателен следующий факт: в то время, когда на территории Центральной России, Поволжья, Урала, Сибири уже не было интервентов и белых армий, в 36 губерниях сохранялось военное положение — по-прежнему шла борьба с крестьянским движением.

Недовольство крестьянства в отношении власти усилилось с начала 1920 г. в связи с трудовой повинностью. Крестьяне Литвиновской волости Веневского уезда Тульской губернии отказались от выполнения обременительной гужевой повинности по вывозу дров, после чего чрезвычайной топливной комиссией вся волость была объявлена контрреволюционной, впредь до выполнения наряда по подвозке дров. Не прекращался произвол со стороны продотрядов.

Жалобы на грубые и неправомерные действия продработников поступали отовсюду. Недовольство вызывала также деятельность многих представителей органов местной власти. Так, в селе Копаевке Пугачевского уезда Самарской губернии председатель комячейки и волисполкома Тарасов игнорировал законы, сам же от граждан тре-

бовал точного их исполнения: на местной мельнице смолол 28 пудов зерна без разрешения сельского Совета, в день второй годовщины революции с площадной бранью и револьвером в руках разогнал рабочих на мельнице. Заместитель председателя ячейки и председатель сельского исполкома Труханов устраивал самоличные реквизиции овчин, стекла, присвоил доски, предназначенные для постройки народного дома. Военком Гущин конфисковал у крестьян четыре пары валенок и 8 фунтов шерсти. Член ячейки Куранов предоставил льготные условия для группы зажиточных граждан по изготовлению валенок, за что получил щедрое вознаграждение в виде шерсти. В Оренбургской губернии, по данным проведенного анкетирования, не более 17 % крестьян выразили одобрение в отношении советской продовольственной политики, остальная же часть оказалась настроена враждебно [3: 226—229].

В начале 1920 г. основная территория Сибири была освобождена Красной армией от власти белых в результате разгрома армии Колчака.

В информационной сводке Томской губчека под литерой «А» о положении в губернии отмечалось: крестьяне высказывают недовольство: непомерным и тяжелым бременем по выполнению натуральных повинностей — по подвозке дров, хлеба, по обеспечению потребностей войсковых частей, очистке дорог и железнодорожных путей от снега; низкими твердыми ценами на хлеб; отсутствием предметов первой необходимости; неравномерным распределением продразверстки и произволом в изъятии хлебных излишков от населения; незаконными действиями представителей милиции; волокитой и бюрократизмом в советских учреждениях, особенно в губпродкоме.

Крестьяне жаловались, что они вынужденно теряли много времени на получение всевозможных справок и разрешений, бесполезно бегая из одного учреждения в другое и часто безрезультатно. Так, крестьяне, члены сельского коммунального общества, обратились с ходатайством к губпродкому о выдаче им семян для засева полей, обратив внимание на близость весенней распутицы и необходимость срочно получить семена. Долгое время ответа не поступало — разрешение на вывоз семян из ближайшего ссыпного пункта было получено только тогда, когда дорога уже испортилась и не представлялось возможности вывезти семена. Чекистская сводка заканчивалась явным пессимизмом: «По-прежнему деревня погружена в беспросветную тьму, освоившись с новой жизнью и порядками, снова начинает почти поголовно выгонку самогонки и ее истребление» [3: 256].

Сообщения органов ЧК по-прежнему фиксировали враждебное отношение крестьянства к продовольственной политике власти (Владимирская губерния), «скверное» (Тверская), «подавленное» и «глухонеприязненное» (Рязанская), «самое нежелательное» (Воронежская), «отрицательное», «глухой скрытый ропот» (Ярославская, Тамбовская губернии), «ненадежное» (Вятская) [3: 238, 16].

Сообщения о сопротивлении крестьян весной 1920 г. поступали в Москву со всех сторон — из Вятской, Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Смоленской, Тульской и других губерний. На первом месте по активности борьбы были крестьяне Уфимской, Вятской, Пермской, Екатеринбургской губерний, где хлеб выметали «под метлу». Вновь поднялась волна дезертирства, давшая за январь—июнь 1920 г. 1093 тыс. человек, а добровольная явка дезертиров уменьшилась в два раза [2: 137, 138].

По данным ЦК по борьбе с дезертирством, в первые две недели 1920 года были задержаны 36 097 дезертиров, добровольно явились 29 871. Властям удавалось задержать лишь незначительную часть дезертиров: так, на учете только в одной Владимирской губернии в январе 1920 г. числилось 37 186 дезертиров. В начале лета в Тверской губернии насчитывалось 8, 5 тыс. дезертиров, в Тамбовской — 35 тыс. [3: 230—231, 233, 272].

Волна восстаний нарастала. В феврале—марте 1920 г. восстания разгорелись в Тульской губернии (Крапивенский, Богородицкий, Чернский уезды), Воронежской (Острогожский, Алексеевский, Богучарский, Павловский, Калачский, Валуйский), Самарской (районы Абдулино, Глуховская, Покровская, Новотроицкое, Тураево, Бакташево), Пензенской (Ижморское, Ушинское), Уфимской губернии [3: 243—252].

Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнули волнения. В селе Большие Ижморы Пензенской губернии поводом восстания стала мобилизация подвод для вывоза дров на железную дорогу. 22 февраля 1920 г. в деревнях Ижмора и Ушинково крестьяне разоружили отряд из 35 красноармейцев, отобрали пулеметы, разграбили ссыпные пункты, убили райпродкомиссара и одного из представителей местной власти. На ликвидацию восстания был брошен комбриг 11-й бригады с отрядом из 400 штыков, 26 сабель, трех пулеметов. Из Троицка послали дополнительно отряд из 142 штыков. Любой повод мог стать последней каплей крестьянского терпения. Так, в одном случае продармейцы отбирали хлеб и сваливали его в кучу на снег на глазах

крестьян, что вызвало сильное возмущение и послужило сигналом к выступлению [3: 244, 235].

Во многих регионах происходили выступления женщин, особенно жен красноармейцев. В селе Остроговка Марксштадского уезда Области Немецкого Поволжья 25 марта собравшиеся на сход жены красноармейцев потребовали выдачи мануфактуры из лавки Остроговского кооператива и выбрали делегацию для поездки к райпродкомиссару. В это время в село прибыл отряд красноармейцев для вылавливания дезертиров. Разъяренная толпа женщин окружила отряд. Командир отряда и два красноармейца были убиты и спущены в прорубь, остальные красноармейцы разбежались. В селах Розенталь и Гофенталь того же Марксштадского уезда 23 мая произошло женское волнение с требованием: оставить в селе по норме хлеб и семена на один год вследствие засухи и плохого прогноза на урожай. Села были объявлены на военном положении. В селе Гофенталь был открыт оружейный огонь, что привело к жертвам среди женщин. Предположение, что расправа над женщинами не может быть столь же беспощадной, с какой подавлялись выступления мужчин, в условиях гражданского противостояния оказывается ошибочным.

В другой части страны — Алтайской губернии произошло восстание партизан, перебросившееся в пределы Щегловского и Кузнецкого уездов Томской губернии. Движение партизан проходило под лозунгами «Долой попов, коммунистов, Советы, да здравствуют большевики!» [3: 270—271].

В то время, как наиболее сознательная и идейная часть сельских коммунистов ушла на фронт, погибала в боях с белыми, в далеком тылу, особенно в деревне, многие местные советские и партийные работники, не выделявшиеся уровнем образования и умением управлять, формировали в крестьянской среде негативный моральный облик представителя новой власти: пьянствовали и вели разгульный образ жизни, вымогали у крестьян деньги и продукты, брали взятки.

В июле—августе 1920 г. на почве недовольства продразверсткой произошло восстание крестьян и казаков Бухтарминского края Семипалатинской губернии под лозунгами: «Долой коммунистов! Да здравствует Советская власть! Да здравствует свободная торговля!» Восстание было жестоко подавлено советскими отрядами [17: 404—456].

Тяжелая продовольственная обстановка усугубилась природными катаклизмами — жаркое засушливое лето 1920 г. привело к пожарам,

охватившим в июле—августе большую часть России. В результате стихийного бедствия страна понесла огромные убытки: пожаром были уничтожены целые села, огромные площади леса. Особенно пострадали Тверская, Московская, Новгородская, Калужская, Ярославская, Вологодская, Нижегородская губернии. В ряде мест официальные власти попытались списать ущерб на происки кулаков, сознательные поджоги, но подобное обвинение прозвучало несерьезно: именно крестьяне, не надеясь на помощь властей, самоотверженно, порой рискуя жизнью, защищали родные края и собственное имущество от капризов природы.

К осени 1920 г. на фоне нарастания социальной и политической напряженности в стране еще более усилилось негативное настроение крестьян в отношении власти: «враждебное» (Омская, Воронежская, Вятская, Челябинская, Томская, Тобольская, Иркутская губернии), «неудовлетворительное» (Астраханская, Оренбургская), «недоброжелательное» (Казанская, Самарская), «неопределенное» (Уфимская губерния).

Недовольство крестьян объяснялось низкими (твердыми) ценами, отсутствием товарообмена, острым недостатком предметов первой необходимости (соли, спичек, керосина, мануфактуры), «выкачками хлеба» [3: 295—296, 348, 354, 355].

По оценке ситуации местными органами ВЧК, крестьяне не желали реставрации власти вроде Колчака, против которой сами же боролись, но хотели, чтобы представители Советской власти были бы подлинными представителями народа.

Апеллируя к власти, крестьяне заявляли: «Мы Вас видим тогда, когда Вам нужен хлеб и солдаты. а если нет, то пришлете карательную экспедицию» [3: 334].

В деревне росло недовольство крестьян продолжающейся Гражданской войной и политикой советской власти. В определенной мере напряжение сдерживалось ожиданием победы над Врангелем, окончанием войны и наступлением мирной жизни: крестьяне роптали, но терпеливо переносили разверстку и повинности, надеясь на справедливую жизнь в мирных условиях.

Кроме хлебной разверстки устанавливались разверстки мяса, масла, яиц, молока, картофеля и других продуктов. Все виды производства в сельском хозяйстве взаимосвязаны: нельзя произвести мясо, молоко, яйца, масло, если нет фуража и нечем кормить домашних животных. Власти этот объективный фактор не волновал. Нормы

для питания крестьян, а также домашних животных устанавливались явно недостаточные, полуголодные, но ведь крестьянам надо было заниматься тяжелым физическим трудом, эксплуатировать рабочий скот. Власти не могли обеспечить сохранность продовольствия на ссыпных пунктах, отсутствовал необходимый транспорт для вывоза. Продработники в заготконторах и ссыпных пунктах практиковали обвес, устанавливая, к примеру, высокий процент сорности сдаваемого продукта.

Разверстка, в свою очередь, связана с трудовой повинностью: для выполнения последней необходимы не только рабочий скот, но и подводы, фураж, инвентарь. Издержки продовольственной политики Советского государства негативно сказывались на крестьянстве. Установка Наркомпрода была следующая: план разверстки необходимо выполнить любой ценой. Если у крестьянина хлеба или других продуктов нет — добывайте любым способом.

1920 год выдался неурожайным. Чтобы выполнить продразверстку, отбирали последнее, не считаясь с неурожаем. Вошедший в практику произвол со стороны продотрядов в отношении крестьянства имел свое объяснение: центр требовал принять «нечеловеческие меры» к изъятию хлебных излишков — чтобы выполнить поставленную задачу, продотряды пускали в ход нагайку. Имели место многочисленные случаи преступлений, совершенных продотрядами с корыстной целью [3: 283, 320].

Пензенские чекисты сообщали: «Часто выгоняют крестьян возить хлеб, а в результате приходится накладывать другие продукты, как солому, к чему крестьяне в этот момент не приготовились, приезжают для выполнения наряда, а им велят ждать по несколько часов и мерзнуть на холоде, при приемке от них продуктов приемщики их обмеривают и обвешивают, грубо обходятся, придираются, находят много сорности или недоброкачественности, райпродкомы обещают после выполнения разверсток выдавать соль или иные продукты, а в результате обыкновенно обманывают или выдают с большим запозданием; когда делят лес, то почему-то селам отводят делянки как раз в дальних местах, хотя лес имеется рядом с селом и тоже вырубается. Сейчас крестьянам нужны подковы и гвозди, а им не дают этого, а подводы гоняют ежедневно, некоторые же спецы смеются еще в глаза и советуют подковы и гвозди делать самим из дерева, при больших нарядах красноармейцы выгоняют на работы даже беременных женщин, да вдобавок еще бьют за отказ, разверстку распределяют по-

ровну, как на богатого, так и бедного, но богатый всегда сумеет откупиться, так что его доля опять ляжет на шею бедняка и середняка» [3: 362].

Осенью 1920 г. по решению местных органов советской власти была введена так называемая помольная система, предусматривающая получение крестьянами специальных помольных билетов за право размола зерна на мельницах. Подобным образом местные власти рассчитывали взять под контроль собранное крестьянами зерно с целью его реквизиции в счет продовольственной разверстки.

Помимо неурожая объективным фактором невыполнения продразверстки являлся массовый недостаток у большинства крестьян сельскохозяйственных машин — молотилок, веялок, косилок, сепараторов. Так, из-за отсутствия сепараторов крестьяне не могли выполнить масляную разверстку.

В Омской губернии разверстка на волости осенью 1920 г. была установлена произвольно. На Борисовскую волость Омского уезда разверстали заготовку зерна в количестве 314 тыс. пудов. Губпродкому были посланы сведения своевременно о площади посевов. Но оказалось, что с каждой десятины необходимо было собрать 35 пудов, чтобы выполнить разверстку, — волость была не в состоянии это сделать: в других волостях на десятину приходилось 18 пудов разверстки. Чем руководствовался губпродком, определяя Борисовской волости вдвое завышенный план? Оказалось, что, невзирая на данные волостного руководства, губернское установило разверстку на основании сведений 1917 г., но за прошедшие три года из состава Борисовской выделились Боголюбовская и Максимовская волости. Руководители Борисовской волости обращались в губпродком по поводу недоразумения с расчетом разверстки, но там не обратили на данное ходатайство никакого внимания. Заранее установив нереальный план, волость заведомо лишали возможности получения так называемого товарного пайка — промышленных товаров для населения. Губернские власти ограничились кратким объяснением: разверстка проводится по приказу товарища Ленина, а раз приказал т. Ленин — значит, надо выполнить.

На долю Омского уезда была установлена следующая мясная заготовка: крупного рогатого скота в количестве 6031 головы, овец — 257 595 голов, свиней — 4667 голов. Доставлено на заготпункты крупного рогатого скота в процентном отношении: крупного рогатого скота в количестве — 30 %, овец — 11, свиней — 5 %.

Петропавловскому уезду установили заготовку крупного рогатого скота в количестве 1857 голов, молодняка — 762, овец — 7223, свиней — 1075 голов. Оказалось выполнено в процентном отношении: крупного рогатого скота — 50 %, молодняка — 25 %, овец — 8, 7 %, свиней — 0, 5 %. Хлебную разверстку на Петропавловский уезд установили таким образом, что только 5—7 % хлеба были доставлены на ссыпные пункты.

Имели место случаи, когда на ссыпных пунктах продработники отказывались принять привезенное зерно. В результате чего большинство крестьян, стоявших в очереди, были вынуждены сбрасывать зерно и уезжать домой на начавшиеся полевые работы. Непринятое и брошенное зерно оказалось разворовано. Результат недальновидной продовольственной политики — в сентябре 1920 г. в Петропавловском уезде Омской губернии произошло выступление крестьян против продотрядов [3: 328, 288—294]. Волнения охватили беднейшее крестьянство, на котором неурожай отразился сильнее.

Пензенской губчека осенью 1920 г. докладывал в центр: «Разверстка выполняется быстро и меры применяются крутые, но в связи с этой быстротой и стремительностью раздаются со всех концов жалобы на массовые неправильности, вызывающие сильнейшие чувства негодования у обиженных, особенно среди семей красноармейцев. Разверстка, которая была наложена на некоторые продукты, как капуста, по отдельным местностям, даже по словам самих райпродкомов, была настолько произвольна и преувеличена, что являлась без сомнения невыполнимой, к этому присоединяется также и то обстоятельство, что учет второстепенных продуктов велся крайне неправильно и халатно.

Из взглядов и разговоров с крестьянами заметно, что они не столько недовольны самой разверсткой, как тем, что разверстка разделяется и раскладывается неправильно, открытых жалоб от крестьян не слышно, так как крестьяне на практике знают результат и на все махнули рукой.

Многие волости выполнили разверстку своими силами без отрядов, которых они по опыту прошлого года очень боятся. Проделки продотрядцев и местных властей на продовольственной почве попрежнему продолжаются» [3: 348].

Примечательно, что в докладе секретного отдела ВЧК о повстанческом движении в конце 1920 г. подчеркивалось: трудно отличить, где кончается бандитизм и где начинается повстанческое движение [3: 369].

Приведем показательный пример. В отчете Пензенской губчека отмечалось, что в 1918—1920 гг. ЧК было арестовано 5520 человек, в том числе крестьян — 1939 (то есть 35 %), кулаков — 227 (4 %, или 10, 5 % от общего числа арестованных крестьян). В основном аресты приходились на 1918 г. (так, в этом году арестовали 147 кулаков, то есть 65 % всех кулаков, арестованных за три года). По обвинению в участии в восстаниях были арестованы 244 крестьянина: в 1918 г. — 41, 1919 г. — 101, 1920 г. — 102. Статистика в отношении кулаков демонстрирует обратную динамику: соответственно 1918 г. — 27, 1919 г. — 15, 1920 г. — 14. В 1920 г. было арестовано 516 крестьян, кулаков — 6 (1 % от всего арестованного крестьянства). Больше арестовывали даже сотрудников ЧК — 9, коммунистов — 27 [3: 313, 316].

В одном из чекистских сообщений зафиксирован любопытный факт: в субботнике по погрузке зерна в вагоны, устроенном группой коммунистов на станции Мариановка Омской губернии 8 августа 1920 г., приняли добровольное участие кулаки, которые пришли помочь коммунистам и работали вместе с ними [3: 313—316, 290].

Непонимание крестьянами целей и задач коммунистической партии объяснялось их политической малограмотностью. Отношение крестьян к коммунистической партии определялось на обыденном уровне негативной оценкой роли коммунистов в осуществлении продовольственной политики советской власти. Политика коммунистов разоряла крестьянские хозяйства и обрекала крестьянские семьи на полуголодное существование — соответственно отношение к коммунистической партии у крестьян становилось отрицательным [3: 33]. Особенно если ситуацию усугубляли члены партии, облеченные должностными полномочиями в структуре власти, нередко дискредитируя ее своими действиями и моральным обликом. Разочарование в компартии и ее политике породило выход из ее рядов. Нередко по приезде домой красноармейцы скрывали свою партийность.

В чекистских сообщениях по поводу дезертирства отмечалось: среди дезертиров нет политического настроя не служить Советской власти, а преобладает мнение не служить никому. В течение первой половины октября 1920 г. были задержаны 47 745 дезертиров [3: 334, 351].

В большинстве восставшие крестьяне выдвигали лозунг «За Советы без коммунистов». Нередко повстанцы объявляли собственную позицию как «Долой коммунистов, да здравствуют большевики!» —

в этом явлении отображались коллизии крестьянской психологии. Считалось, что коммунисты и большевики — не одно и то же: большевики дали крестьянам право на землю, а коммунисты это право отбирают и занимаются насилием, устанавливая грабительские продразверстки, повинности, мобилизации. В обиходе повстанческого сопротивления появился даже своеобразный, но характерный для крестьянской психологии призыв — «Бей коммунистов, долой Троцкого! Да здравствует Ленин и Учредительное собрание!» [3: 347].

Крестьянские волнения распространились на уральские и сибирские территории. В Томской губернии бунты и восстания охватили всю губернию. Восставшие захватили г. Колывань. Томские чекисты докладывали: слово «коммунист» стало ненавистно крестьянам: во время выступлений вырезались все коммунисты и их семейства с малыми детьми, по деревням прокатились избиения коммунистов. Активное недовольство выражали десятки сибирских казачьих станиц. В Оренбургской губернии повстанцы заняли район западнее Верхне-Уральска. Боевые силы повстанцев, руководимые штабом, объединяли пять полков, в том числе казачий. Повстанческие части насчитывали до 5 тыс. башкир. В Башкирской губернии численность повстанцев достигала 1500 человек. Лозунги восставших: «Бей коммунистов! Да здравствует Советская власть, свободная торговля и мелкая собственность!» [3: 296, 337].

Осенью 1920 г. в Енисейской губернии вспыхнул ряд небольших и разрозненных крестьянских восстаний вследствие недовольства населения продразверсткой, трудовыми повинностями, мобилизацией в армию новобранцев и одновременно унтер-офицеров старой армии. Голопуповское восстание (с начала октября по 19—20 ноября 1920 г.) охватило шесть волостей Канского уезда и насчитывало, по неполным данным, более 500 участников. В Зеледеевском восстании (12—13 октября — ноябрь 1920 г.) приняло участие примерно такое же количество крестьян шести волостей Красноярского уезда. Сережский мятеж, отличавшийся особой ожесточенностью действий обеих сторон с 1 по 5 ноября 1920 г., перекинулся на территорию пяти волостей Ачинского уезда и насчитывал свыше 600 участников. При этом мятежники, число которых не было постоянным, выдвигая разные лозунги, в основном выступали за Советы, но без коммунистов.

В ходе подавления только Голопуповского и Сережского мятежей со стороны крестьян были убиты 230, взяты в плен 293 человека. Советские войска потеряли убитыми 34 и ранеными 59 красноармейцев.

К расстрелу по этим делам были приговорены 85 мятежников. Пытавшиеся пробиться в Урянхай остатки сережских и зеледеевских повстанцев в феврале—марте 1921 г. были ликвидированы на территории Минусинского уезда. Участники этих восстаний, создав мелкие отряды Виноградова—Саломатова, Дреголя (Друголя) — Самкова, Мосина—Юркова—Карелина и Марьясова, продолжали действовать, порой с жестокостью расправляясь с коммунистами, в Ачинском и Красноярском уездах вплоть до осени 1922 г. [18: 108—109].

Вооруженный протест против власти продемонстрировали участники сибирских и уральских партизанских отрядов, воевавшие в 1918—1919 гг. против белогвардейских войск и чехословацкого корпуса [19]. Попытки повлиять на крестьян через партизанских руководителей ни к чему не привели. Так, популярный бывший командир партизанского отряда антиколчаковского сопротивления Лубков Петр Кузьмич отмалчивался, а затем неожиданно поднял бывших партизан на восстание в Мариинском уезде Томской губернии. Толчком к выступлению Лубкова послужил большой митинг на станции Тайга, где выступление бывших партизан встретило горячее сочувствие крестьянства, недовольного продовольственной разверсткой. В воззвании Лубкова к населению Мариинского уезда от 21 сентября 1920 г. следующим образом были изложены причины и цель восстания: «Партия же коммунистов одна захватила власть в свои руки и неумелым своим правлением заставила нас голодать и ходить раздетыми. Дальше жить так нельзя, поэтому все крестьянство восстало и вступает в Народную Армию под командой тов. Лубкова и просит всех присоединиться к ней. Всем будет дарована жизнь и свобода и совместно мы (сможем) свергнуть с власти коммунистов» [17: 465; 3: 761].

Лубков произвел мобилизацию мужского населения в Народную армию от 17 до 60 лет. 21 сентября отряд Лубкова внезапно нагрянул в село Почитанка, где были арестованы все члены комячейки и расстреляны секретарь исполкома и милиционер. Лубков, выступая на сельских собраниях против коммунистов, именовал себя командиром рабоче-крестьянской армии. Главный центр агитации повстанцев был направлен против коммунистов как виновников продолжающейся войны. Отряд быстро вырос до 1,5 тыс. человек, организованных в два батальона в количестве 17 рот, с командным составом, штабом. Значительную его часть составляли вступившие в отряд добровольно представители татарского населения. Силы повстанцев в разгар восстания достигали 10—20 тыс. человек.

Лубков со своими повстанцами неоднократно осуществлял набеги на железнодорожную магистраль. 22 сентября произошло нападение на станцию Ижморка, где был задержан поезд, но после перестрелки с поездной охраной повстанцы отступили. В этот же день отряд численностью до тысячи человек обстрелял станцию, но после приближения бронепоезда повстанцы ушли и расположились у села Почитанка.

Под деревней Тавлинской один из батальонов Лубкова был разбит карательными советскими частями. В конце сентября около деревни Михайловки произошел решающий бой, в результате которого на поле сражения осталось убитых лубковцев до 500 человек, не считая раненых. У Лубкова остался небольшой отряд из его бывших партизан [3: 336—337].

Летом и осенью 1920 г. волновалось донское и кубанское казачество. На Дону произошли открытые выступления казаков Верхне-Донского, Донского, Хоперского округов. Волнениями были охвачены несколько тысяч казаков в станицах Елизаветинской, Григориполисской, Богаевской, Манычской, Ольгинской, Хомутовской, Кагальницкой, Мечетлинской, Горлинской и многих других станиц. Для ликвидации волнений использовались регулярные красноармейские части, пулеметы и артиллерия.

Во многих казачьих станицах Кубанской области вспыхивали восстания: Ново-Троицкой, Ново-Александровской, Кармалиновской, Невинномысской, Егорлыке, Темихбекской, Фельдмаршальской, Темноласской, Вознесенской, Владимирской, Ларийской, Кубанской, Абшеронской, Челыкской, Лабинской. Число восставших, по неполным сведениям, достигало в общем до 8 тыс. человек, большинство из которых составляла кавалерия. В восставшие станицы направлялись красноармейские карательные отряды, которые производили самочинные обыски и конфискации имущества повстанцев; при обысках отбиралось все, что попадалось под руки: черкески, бешметы, шапки, башлыки, фуражки [3: 300, 302, 321—322].

С 1 сентября 1920 г. войска Внутренней охраны республики (ВОХР) вошли в состав вновь образованных войск Внутренней службы (ВНУС) наряду с караульными частями, войсками обороны железнодорожной прифронтовой полосы, транспортной милицией. Войска ВНУС находились в подчинении НКВД и главкома Вооруженных сил. Высшим органом их управления является штаб войск ВНУС.

Крестьянство и казачество становились повстанцами не только в родных селениях и станицах. Мятеж Ф. Миронова и сапожковщина стали прецедентами крупных мятежей в Красной армии, которые положили начало серии подобных выступлений. Настроение жителей деревни, находящихся в Красной армии, отражалось на состоянии воинских частей: социальный состав Красной армии на 75 % был представлен крестьянами [20: 498]. Крестьяне и казаки, одетые в красноармейскую форму, составляли основную часть повстанцев в красноармейских соединениях.

Командиры Красной армии становились во главе мятежников. Особенно повстанческое движение активизировалось в результате начавшейся демобилизации (к концу 1920 г. Красная армия насчитывала около 6 млн человек) [21: 136]. После победы Красной армии над генералом Врангелем в Крыму военное противостояние с Белым движением закончилось.

В 1921 г. засуха поразила Поволжье, бассейн реки Урал, среднее течение Дона, часть Казахстана и Западной Сибири, южные районы Украины и Черноземного Центра, в результате чего разразился страшный голод. В марте 1921 г. появилась информация о фактах голодной смерти крестьян в Поволжье.

В это же время начались волнения, связанные с нарастающим голодом на значительной части России, особенно в Поволжье. Засуха, недосев, пожары предыдущего года привели к тому, что крестьяне резали рабочий и домашний скот, в пищу употреблялись собаки и кошки. Ели хлеб со мхом, желудями, жмыхом, мякиной и другими суррогатами, а также травы, лебеду, коренья. В пищу шли также древесная кора, опилки.

Отовсюду поступали сведения о фактах голодной смерти, самоубийств на почве голода. Фиксировались многочисленные случаи каннибализма, трупы мертвецов вырывались из могил [3: 455, 457, 463, 560—562, 567, 568, 573, 575, 592, 595, 597, 598, 612, 614, 616, 626, 627]. Началось бегство от голода в более благополучные районы — в Туркестан, на Украину. Всего в голодные 1921—1922 гг. официально насчитывалось 1,5 млн беженцев. В 1921—1922 гг. голодали свыше 30 млн человек, от голода погибли от 1,5 до 2 млн человек. К лету 1922 г. в Самарской губернии голодали 3,5 млн человек, в Саратовской — 2 млн, в Екатеринбургской и Челябинской губерниях — около 1,6 млн человек, на Украине — более 2 млн, в Уфимской — 1,5 млн, в Симбирской — 1,2 млн, в Казахстане и

Ставропольской губ. — по 1 млн человек. Миллионы людей голодали в Пензенской, Омской, Воронежской губерниях, в Крыму и на Северном Кавказе [3: 42, 49][1].

Одновременно с голодом по России растекались эпидемии среди населения: тифа, холеры, чумы, цинги, скарлатины, эпидемии сибирской язвы у скота. Голод стал причиной массовых явлений разгрома крестьянством ссыпных пунктов, мельниц, общественных продамбаров. Участниками подобных акций была в основном крестьянская беднота [3: 421, 425, 436, 438, 445, 449, 451—460, 468, 491]. Разграбленное семенное зерно немедленно засевалось, чтобы не успели изъять. Именно беднейшее деревенское население не позволяло осуществлять вывоз зерна за пределы своих сел.

В марте 1921 г. большая часть Самарской губернии была охвачена крестьянскими восстаниями. В апреле вспыхнуло восстание казаков в Лабинском уезде Кубанской области под лозунгом «Долой коммунистов, да здравствует настоящая Советская власть!» — свыше тысячи участников. Одновременно в другой части страны — в Иркутской губернии — полыхало восстание под лозунгом «Советская власть без коммунистов!» [3: 387, 417—418, 419].

Серьезное сопротивление оказывали крестьяне проведению мероприятий советской власти — сбору продналога, выполнению трудгужповинности. Неслучайно поэтому в 1922 г. повстанческое движение не только не прекратилось, но в ряде районов оно еще более усилилось (Алтайская губерния, Сибирь, Украина). Ключевая фигура в повстанческом движении на Алтае — А.П. Кайгородов. В 1921 г., получив сведения об усилении недовольства крестьян на почве продразверстки, провел мобилизацию русского населения в Монголии, собрал отряды в количестве до 1 тыс. человек и двинулся на Алтай с целью свержения советской власти. Кайгородов объявил себя главой освободительного движения в горах. К 1922 г. объединения Кайгородова, именовавшиеся «Свободным русско-инородческим партизанским отрядом», достигли численности 4 тыс. человек. Была разработана политическая программа (без коммунистов, за свободный труд

---

[1] На заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) ежедневно 27—31 января и 2 февраля 1922 г. специально рассматривались вопросы, связанные с явлением людоедства в голодающих регионах, в том числе по поводу ограничения материалов в печати (Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 150).

и предпринимательство, за Учредительное собрание), созданы свой военно-полевой суд и контрразведка.

С января 1922 г. Горный Алтай был объявлен на чрезвычайном положении, к сочувствующим повстанцам принимались карательные меры. В результате приток людей и помощи прекратились. В январе 1922 г. из остатков нескольких отрядов Кайгородов создал 2-ю народную дивизию — Чуйский полк из 130 человек и 1-й полк из 80 человек. 10 апреля 1922 г. отряд Кайгородова был настигнут истребительным отрядом у деревни Катанда, зарублены и взяты в плен до 500 повстанцев, сам Кайгородов и его штаб уничтожены [3: 796].

По данным органов ГПУ, в 1922 г. зарегистрировано свыше 300 так называемых бандитских формирований, состоявших в подавляющем большинстве из крестьян [3: 50]. Отдельные отряды насчитывали по несколько сот, а то и тысяч человек. Иногда на сторону повстанцев переходили отряды красноармейцев. Конечно, были и уголовные банды, занимавшиеся разбоем и грабежом, но основную массу повстанцев составляли крестьяне, недовольные действиями власти. Нередко крестьяне помогали повстанцам продовольствием и фуражом.

Политбюро ЦК РКП(б) в 1922 г. неоднократно рассматривало вопросы о борьбе с бандитизмом. В территориях, охваченных повстанческим движением, губчека разрешалось выносить высшую меру наказания без утверждения ВЧК [22: 150, 164].

Отметим немаловажное обстоятельство: руководство повстанческим крестьянским сопротивлением со стороны эсеров, меньшевиков и других небольшевистских партий в условиях того времени является идеологическим мифом. В 1919—1921 гг. члены партии эсеров принимали участие в крестьянском движении в качестве рядовых участников, а иногда и в качестве организаторов крестьянских выступлений и повстанческих отрядов. Однако реальное влияние эсеров на крестьянское движение в годы Гражданской войны по объективным причинам не могло иметь существенного значения. Крестьянское движение было стихийным, самостоятельным движением, развивающимся независимо от небольшевистских партий. Возрос контроль органов власти за уцелевшими осколками различных партий. В каждой губернии представители некоммунистических партий находились на учете ВЧК. Так, в Тюменской губчека в сентябре 1920 г. на учете значилось 128 меньшевиков и эсеров [3: 318]. К тому же партия эсеров была категорически против создания и деятельности крестьянских

союзов. Позиция партии основывалась на установке: организация крестьянства должна строиться на почве политической программы, а не на почве профессиональных крестьянских интересов. Крестьянские союзы создавались без участия партии эсеров [23].

В директиве ЦК партии социалистов-революционеров местным партийным организациям эсеров 25 февраля 1921 г. давались следующие установки: предостерегать крестьянство от разрозненных стихийных выступлений, разъясняя их практическую нецелесообразность; предупреждать возможность вспышек на почве отдельных вооруженных столкновений крестьянства с продотрядами, карательными отрядами и представителями коммунистической власти, так как такие локальные вспышки наносят ущерб общему движению. Руководство партии эсеров рассматривало в качестве объективной необходимости наличие длительного периода оформления классового самосознания крестьянства. Принятая 11 марта 1921 г. Инструкция ЦК партии социалистов-революционеров местным партийным организациям эсеров определила лозунг текущей работы: выборы всероссийского Учредительного собрания для установления основных законов Республики и закрепления социальных завоеваний революции [24].

Другим мифом является характеристика повстанческого крестьянского движения как следствие заговоров и руководства белогвардейского офицерства.

Перечислим некоторых руководителей повстанцев. Аверин И.С. — уроженец села Большая Ижмора Пензенской губернии. В годы Первой мировой войны дослужился до чина подпоручика. После войны занимался крестьянским хозяйством. В ходе восстания 23 февраля 1920 г. в родном селе назначен начальником обороны села.

Ефремов И.С. — уроженец села Большая Ижмора Пензенской губернии. В годы Первой мировой войны — унтер-офицер. После войны — красноармеец, занимался крестьянским хозяйством, был председателем сельского Совета. В ходе восстания 23 февраля 1920 г. в родном селе избран председателем «нового правительства», один из руководителей обороны села.

Горин Е.И. — крестьянин Пугачевского уезда Самарской губернии. Унтер-офицер в царской армии. В 1921 г. возглавил повстанческий отряд из крестьян своего уезда.

Далматов Ф.И. — уроженец села Орлов-Гай Новоузенского уезда Саратовской губернии. Служил в лейб-гвардейском гренадерском

полку. Член РКП(б). Военком 7-го кавполка 2-й Туркестанской дивизии Сапожкова. В отряде Серова — председатель реввоенсовета и начальник политотдела.

Елисеев И.В. — уроженец села Петропавловка Новоузенского уезда Саратовской губернии. В царской армии — командир пулеметной команды, офицер. В 1922 г. — помощник командира повстанческого отряда Иванова, действовавшего в Саратовской и Уральской губерниях.

Колесников Л. — из крестьян села Тележиха Бийского уезда Алтайской губернии. В царской армии — унтер-офицер. Командир эскадрона в партизанской дивизии антиколчаковского сопротивления. В 1921 г. командир «4-го повстанческого освободительного полка», заместитель Кайгородова по делам мобилизации, после гибели последнего объявил себя его преемником.

Орлов (Туркин) П.С. — из крестьян деревни Кукуя Ойротской области Алтайской губернии. Бывший унтер-офицер. Возглавлял «Бартский отряд», помощник командира 1-го Сибирского повстанческого конного полка.

Пьянков А.М. — уроженец села Тоурак Бийского уезда Алтайской губернии. В царской армии — унтер-офицер. В 1919 г. служил в армии Колчака, в 1920 г. — в Красной армии. В 1921—1922 гг. командир «Бартского отряда» повстанцев в составе отрядов Кайгородова в Алтайской губернии.

Яковлев-Сарафанкин С.Н. — крестьянин из Балашевской волости Дергачевского уезда Саратовской губернии. Унтер-офицер царской армии. Служил в 25-м дивизионе Красной армии. Командир кавэскадрона повстанцев в отряде Серова, затем командир самостоятельного отряда, действовал в Новоузенском и Дергачевском уездах Саратовской губернии [3: 781, 787—789, 792, 799, 801, 810].

Приведенный перечень показывает: старая армия подготовила деревне талантливых организаторов и руководителей крестьянской войны. Кроме того, разочарование в политике советской власти привело к тому, что нередко недавние командиры Красной армии становились во главе повстанцев. Широкие массы крестьянства были готовы пожертвовать жизнью в борьбе за свои права, завоеванные в годы революции и защищенные в Гражданской войне с помещиками, олицетворением которых для крестьян была Белая гвардия, костяк которой составляло офицерство.

Источники и примечания:

1. РГВА.Ф. 1. Оп. 1. Д. 138. Л. 20.

2. *Осипова Т.В.* Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

3. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922.

4. 9 августа 1918 г. секретарь Пензенского губисполкома Е.Б. Бош в своей телеграмме Ленину сообщила о событиях в селе Кучки. В этот же день Ленин направил ответную телеграмму, в которой потребовал провести «беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 143—144). В ночь с 10 на 11 августа 1918 г. Ленин одобрил написанную наркомом продовольствия А.Д. Цурюпой телеграмму в Пензу с предписанием местной власти приложить все усилия для подавления крестьянского восстания в пяти волостях губернии, принять все меры для изъятия излишков хлеба у крестьян, назначить из них по каждой волости заложников, на которых возложить обязанность собрать все излишки хлеба и вывезти его на ссыпные пункты, выпустить специальное обращение к населению с разъяснением сущности и задач этой меры, как необходимой для подавления кулацкой контрреволюции (Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 1. С. 759—760).

В течение одного дня — 12 августа 1918 г. Ленин направил в Пензенский губисполком сразу три телеграммы, в которых снова потребовал применения решительных мер против крестьян. «Получил Вашу телеграмму, — отвечал он Е. Бош. — Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания... Не хочу думать, что Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков» (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 148).

В телеграмме председателю Пензенского губсовдепа Минкину Ленин указывал: «Получил Вашу телеграмму о подавлении бунта кулаков. Надо ковать железо, пока горячо, и для этого использовать подавление кулаков для повсеместного беспощадного подавления спекулянтов хлебом, для конфискации у крупных богатеев хлеба и для массовой мобилизации бедноты, наделяемой хлебом. Телеграфируйте исполнение. Надо закрепить власть бедноты в прифронтовой полосе окончательно» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 148). В третьей телеграмме председателю Пензенского губсовнаркома Кураеву

он требовал собрать сведения об участии в крестьянских восстаниях левых эсеров и принять против них в связи с этим соответствующие меры (см.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 148).

19 августа 1918 г. Ленин направил в Пензу две телеграммы в связи с восстанием в Чембарском уезде. В первой из них, переданной по прямому проводу, он призвал членов исполкома и всех коммунистов «беспощадно подавлять кулаков и конфисковывать весь хлеб повстанцев». Ленин указывал: «Возмущен Вашей бездеятельностью и слабостью. Требую подробных отчетов об исполнении всех моих распоряжений и о мерах подавления и конфискации особенно» (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 156). Ленинское негодование звучало и во второй телеграмме: «Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от Вас о том, какие же, наконец, серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены Вами. Бездеятельность Ваша преступна. Надо все силы направить на одну волость и очистить в ней все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 156).

Еще одна телеграмма была направлена Лениным в Пензенский губисполком 20 августа 1918 г. В ней он снова повторил высказанную ранее позицию: «Сейчас прочел Вашу докладную записку. Повторяю приказ прибывшим с экспедицией латышам остаться пока, впредь до нового распоряжения, в Пензе. Выделяйте надежнейших из ваших восьмисот солдат и действуйте беспощадно — сначала против одной волости, доводя дело до конца. Присылайте точный отчет про Чембар. До сих пор у Вас был явно не только недостаток сил, но и недостаток энергии, ибо Вы могли все же подавить восстание пяти волостей, значит могли бы довести до конца хоть в одной волости. Если будет нужно, пришлем еще сил, телеграфируйте подробнее и точнее, где у Вас сколько занято, где, куда, какая подмога нужна» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 161. С. 759—760).

5. РГВА.Ф. 16011. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

6. РГВА.Ф. 16011. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

7. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 2. М., 1990.

8. РГВА.Ф. 33987. Оп. 3. Д. 32. Л. 13, 26—27, 32.

9. РГВА.Ф. 33987. Оп. 3. Д. 32. Л. 79, 104—105.

10. РГВА.Ф. 6. Оп. 12. Д. 13. Л. 214—216.

11. РГВА.Ф. 6. Оп. 12. Д. 13. Л. 214—216.

12. РГВА.Ф. 198. Оп. 5. Д. 14. Л. 79.

13. РГВА.Ф. 198. Оп. 5. Д. 14. Л. 79.

14. РГВА.Ф. 33987. Оп. 3. Д. 32. Л. 74—75.

15. Западный исследователь О. Файджес утверждает, что крестьяне, разрушив в 1917—1918 гг. учреждения прежнего режима в деревне, прежде всего хотели, чтобы их оставили в покое. Они боялись реставрации старого порядка больше, чем большевиков, поэтому, пока существовали Белое движение и опасность реставрации, их оппозиция новой власти оставалась скрытой. Только после поражения белых крестьяне пошли на ряд кровавых, отчаянных, но в итоге обреченных антибольшевистских восстаний (*Figes O.* Peasant Russia, Civil War. Oxford, 1989).

16. РГВА.Ф. 33987. Оп. 2. Д. 74. Л. 7—8.

17. *Шишкин В.И.* Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997.

18. Вопросы истории. 2006. № 2.

19. Партизанское движение в Сибири зародилось в конце лета — осенью 1918 г. после захвата Сибири белогвардейскими и белочешскими войсками. С лета 1919 г. оно приняло массовый характер. Основную массу партизан составили сибирские крестьяне, недовольные грабежами, реквизициями и принудительными мобилизациями в колчаковскую армию. По неполным данным, в партизанских отрядах Сибири насчитывалось 140—150 тыс. бойцов. Они оказали существенную помощь Красной армии в освобождении Сибири от белогвардейцев и иностранных интервентов. Партизаны разрушали коммуникации противника, дезорганизовывали его тыл, приковывали к себе значительные силы колчаковской армии. После разгрома колчаковских войск часть бывших партизан, пользуясь безвластием, занялась грабежами и самообеспечением. Крайнее недовольство у них вызвала продовольственная политика советской власти [3: 757—758].

20. Офицерский корпус в политической истории России: Документы и материалы 1920—1925 гг. Т. 3. Калуга, 2003.

21. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 1. М., 1990.

22. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952: Каталог / Т. 1. 1919—1929. М., 2000.

23. Весной 1920 г. партия эсеров приняла решение создать крестьянские союзы и неожиданно для себя обнаружила их существующими на местах. Но, оставаясь на платформе, разработанной еще в 1917 г., партия начала создавать другие, параллельные. Когда весной

1921 г. в печати появились сведения о руководстве тамбовским восстанием крестьянского союза, официальный орган партии эсеров в эмиграции — газета «Воля России» — опубликовал специальное разъяснение, что в Тамбовской губернии имеются два разных крестьянских союза: эсеровский и независимый; эсеровский к восстанию не имеет никакого отношения, а руководит восстанием независимый союз и его деятель А.С. Антонов, который еще летом 1919 г. был дезавуирован эсерами за то, что убивал коммунистов (после установления колчаковской диктатуры в Сибири, начала наступления деникинской армии с Кубани и Дона, по решению IX съезда партии эсеров, состоявшегося в Москве 18—20 июня 1919 г., прекращалась вооруженная борьба против большевистской власти: с коммунистами требовалось вести политическую борьбу, вооруженную — с белогвардейцами) (Хрестоматия по истории России. М., 2004. С. 444—445).

24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 273. Л. 4, 25.

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Недовольство политикой военного коммунизма в крестьянской среде усиливалось антирелигиозной политикой Советского государства. Церковь, как самая массовая организация в огромной крестьянской стране, воспринималась в качестве серьезной угрозы новому строю, поэтому советская власть вела беспощадную борьбу с ней. Провозгласив в 1918 г. курс на отделение церкви от государства, советская власть встала на путь конфронтации по отношению к Русской православной церкви. Закрытие и разгром церквей, аресты и преследование духовенства, вскрытие мощей, надругательства над святыми местами, ликвидация монастырей и другие подобные мероприятия советской власти не только отчуждали население, но и вызывали возмущение. Религия и церковь продолжали занимать в жизни крестьян важное место. В селах фигура сельского священника пользовалась авторитетом.

Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» провозгласил принцип полного лишения религиозных организаций любой собственности: никакие церковные и

религиозные общества не имели прав владения собственностью и прав юридического лица. Церковная собственность одним указом подверглась «национализации»: церкви и монастыри без их ведома оказались не собственниками, а лишь пользователями имущества, накопленного за десятилетия и столетия, в основном за счет прихожан.

Характерно, что созданная в Наркомате юстиции в апреле 1918 г. комиссия для осуществления декрета об отделении церкви от государства стала называться «ликвидационной». Инструкция от 24 (30) августа 1918 г. о порядке применения декрета предусматривала комплекс жестких конфискационных мер, включая изъятие капиталов, ценностей, другого имущества церквей и монастырей. Все церковное имущество передавалось на баланс местных Советов [1: 21].

Однако сразу же осуществить экспроприацию церковных ценностей оказалось невозможно. В сельских регионах страны большинство населения относилось к верующим различных конфессий, в основном исповедовало православие. В деревне негативно отнеслись к гражданской метрикации, к изъятию из храмов метрических книг. За отказ выдать книги сельские священники подвергались арестам и отдавались под суд.

Верующие отказывались составлять договоры с советской властью («о передаче в пользование...») и описи церковного имущества. Такие случаи произошли в Тверской губернии (Татарковская волость, Старицкий уезд), в селах Медведево и Збоево Ржевского уезда крестьяне избили представителей исполкомов, явившихся к ним объяснить значение и цель декрета. В обоих случаях большевики обвинили «церковников в контрреволюционной агитации». В Пошехонском уезде Ярославской губернии в связи с волнениями прямо у церкви было арестовано около 100 человек, трое подверглись расстрелу без суда, 56 человек угодили под революционный суд [2: 231].

Если в городах изъятие церковного достояния протекало быстро, в деревнях оно затянулось. В сравнении с церковным имуществом в городах сельские приходы, как правило, отличались бедностью. Органы советской власти получали многочисленные прошения (резолюции сельских сходов, скрепленные сотнями подписей крестьян) не трогать монастыри и церкви, церковное имущество — как пожертвованное верующими. Крестьянское население рассуждало следующим образом: поскольку церковный инвентарь, как и сами церковные постройки, приобретались на пожертвования многих поколений сельских прихожан, поэтому должны достаться им: если продавать

имущество, то не в пользу государства. Национализация церковной собственности вызывала ожесточенный протест верующих.

В Костромской губернии в селе Красное 13 февраля 1918 г. произошло сильное крестьянское волнение. Весной 1918 г. в Раифской пустыни Соловецкого округа толпа крестьян бросила в огонь шестерых коммунистов, пришедших национализировать церковное имущество. В селе Благовещенском (Муромский уезд Владимирской губернии) женщины узнали, что местную церковь большевики хотят отобрать под Совет. Весть быстро облетела село, женщины бросились на проходившее заседание кооперативного собрания, разогнали президиум, а бумаги и протокол порвали на мелкие кусочки. В октябре 1918 г. с резким сопротивлением советскому декрету выступили верующие Орловской области [2: 231, 237].

В обращении к советскому правительству 13 октября 1918 г. патриарх Тихон писал: «Сначала под именем "буржуев" грабили людей состоятельных, потом, под именем "кулаков", стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна. Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нем сознание греха, но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отмщении грехами и преступлениями» [3: 72].

Значительное число выступлений на религиозной почве отмечалось в Тамбовской, Воронежской, Курской губерниях, в Верейском, Рузском уездах Московской губернии, в Варнавинском уезде Костромской губернии [4: 129]. Примеров волнений и выступлений крестьянства, связанных с религиозными причинами, было немало. В их числе: восстания в селе Большой Азясь Краснослободского уезда Пензенской губернии в марте 1919 г., в Покровской волости Наровчатовского уезда Пензенской губернии в январе 1920 г., в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии в июле 1920 г. Широкое распространение получили отказы от мобилизации по религиозным причинам.

В марте 1919 г. произошло восстание в Н.-Матренской волости Усманского уезда Тамбовской губернии на религиозной почве. Члены сельского Совета села Пластинок попытались забрать метрические

книги — пошел слух, что пьяные сельсоветчики отбирают святые предметы в церкви, кресты, Евангелие, кто-то ударил в колокол, собралась толпа, выгнали Совет из церкви и некоторых побили. Вызванным отрядом были арестованы несколько человек [5: 121—123].

22 ноября 1919 г. в селе Казанка Скопинского уезда Рязанской губернии произошло восстание среди крестьян, порожденное распространившимися слухами о закрытии местной колокольни [5: 223]. В мае 1920 г. крестьяне села Ярул Канского уезда Красноярской губернии воспротивились попытке местной власти арестовать священника, ударили в набат, разогнали волревком и милицию [5: 297].

Одной из причин «вилочного восстания» в январе—марте 1920 г. Казанской, Уфимской, Самарской, Симбирской губерниях было недовольство крестьян проводившейся в деревне антирелигиозной политикой советской власти, сопровождавшейся закрытием церквей и мечетей, насилиями над священнослужителями. В татарских селах проводили принудительную мобилизацию мулл, брали их в качестве заложников за невыполнение государственных повинностей, закрывали базары [5: 756].

Тем не менее религиозные выступления в деревне, направленные против большевистской власти, носили локальный и вторичный характер: земля и хлеб — вот что составляло основной объект борьбы в деревне, отчуждая крестьянское население от интересов Советского государства.

Духовенство по объективным причинам не могло быть активным сторонником большевистского государства. Многие из сельских священников принимали участие в крестьянских восстаниях, причем не только в качестве рядовых участников, но и руководителей. Монастыри, церкви и церковные помещения нередко становились местами хранения оружия и убежищем для повстанцев. Священники вели активную агитацию, скрытую или явную, против советской власти. Советскую власть они считали порождением антихриста и поэтому незаконной. Причина подобной позиции духовенства заключалась в политике советской власти по отношению к церкви. В большинстве своем сельские священники негативно отнеслись к декретам большевиков о свободе совести и вероисповеданий и об отделении церкви от государства и школы от церкви. Данная тема постоянно звучала в антисоветских проповедях и агитации духовенства. Политика большевиков по отношению к церкви вызвала недовольство и у крестьян, нередко становясь одной из причин массовых крестьянских восста-

ний. Но неверным является мнение о том, что духовенство представляло собой реакционную массу, противостоявшую революционному строительству советской власти.

В 1920 г., по мере укрепления позиций советской власти, наблюдалось изменение отношения к власти со стороны части сельского духовенства. Более того, лояльные советской власти священники привлекались органами ВЧК к сотрудничеству и выполняли их поручения [5: 35). Так, курские чекисты в 1920 г. докладывали, что в губернии в среде духовенства сложилось направление, которое можно назвать «советским». Эта часть священников старалась, отмечалось в тексте сообщения, разъяснить темным массам о пользе проводимой политики Советской власти [5: 271]. Отмечались факты добровольной записи священников на общественные работы.

Показателен пример по Пензенской губернии. В 1918—1920 гг. Пензенская губчека арестовала в общей сложности 5520 человек, в числе которых значилось 59 представителей духовенства. Основные аресты пришлись на 1918 г. — 35 священнослужителей, из которых 14 были расстреляны. В 1920 г. арестовано лишь 8 представителей духовенства, расстрелы прекратились (для сравнения: в этом же году ЧК арестовала 9 чекистов и 27 коммунистов) [5: 313, 316].

В информационных сводках местные органы ВЧК докладывали: духовенство открыто не выступает, за каждым шагом священников следят компетентные органы, но тяготение крестьян к церкви попрежнему значимо. Любопытный пример: крестьяне Покровского прихода села Соколовское Тюменской губернии на сельском сходе постановили: «Осмеливаться коленопреклонно просить Народную власть не допускать насилий над православным духовенством, которое нам необходимо» [5: 318].

Стихийное бедствие, обрушившееся на Россию в 1921 г. — массовый голод в Поволжье и других регионах — было использовано для проведения масштабной, в рамках всей страны, кампании изъятия церковного имущества. Цель изъятия для населения декларировалась как необходимость получения средств для оказания помощи голодающим. Однако помимо этого у данной акции были другие стороны: создание материального фонда для укрепления государства, а также возможность подорвать основу могущества Церкви.

Традиционная причина голода — засуха — обострилась и усилилась состоянием разрухи, связанной с опустошительной Гражданской войной, с гибельными экономическими экспериментами «воен-

ного коммунизма», с кровавым подавлением крестьянских волнений и восстаний против этих экспериментов в самых хлебных районах страны. Характерно, что с голодом как стихийным бедствием явно не могли справиться государственные органы страны.

Первые известия о начавшемся массовом голоде вызвали значительное общественное движение помощи голодающим. Одной из первых откликнулась на беду Русская православная церковь. Патриарх Тихон 22 августа 1921 г. издал воззвание «О помощи голодающим», где призывал всех верующих и духовенство полусотни тысяч православных приходов страны к добровольным благотворительным пожертвованиям в помощь голодающим. В июле—августе 1921 г. и позднее патриарх неоднократно обращался с церковных амвонов с призывами произвести сборы денег и продовольствия и выслать их вымирающему от голода населению Поволжья. Тогда же был основан Всероссийский Церковный комитет помощи голодающим и во всех храмах и среди верующих начались сборы денег на оказание помощи голодающим. Так, церковный совет Ленинского уезда Царицынской губернии принял решение отдать церковные ценности в пользу голодающих. Крестьяне поддержали решение совета. Духовенство в Белозерском и Кирилловском уездах Вологодской губернии выпустило воззвания к верующим о сборе церковных ценностей [5: 589].

Но церковная инициатива была признана советским правительством излишней и все собранные церковью денежные суммы по его требованию сданы правительственному комитету.

Патриарх Тихон предлагал руководителям ВЦИК признать созданный Церковный комитет помощи голодающим и разрешить ему вести благотворительную работу. Руководители страны из центральных партийных органов не выразили желания делать подобную «уступку». Решение срочной проблемы затягивалось на месяцы, желание помочь беде квалифицировалось как уловка классового врага. Вместо Всероссийского комитета помощи голодающим с широким представительством общественности в конце концов была создана при ВЦИК Центральная комиссия помощи голодающим (Помгол) как орган партийно-советского аппарата, а многие деятели Всероссийского комитета были репрессированы. Руководимый М.И. Калининым Помгол отныне жестко контролировался ВЧК—ГПУ и Политбюро ЦК РКП(б).

Лишь 8 декабря 1921 г. ВЦИК разрешил наконец религиозным организациям, но исключительно под руководством Помгола соби-

рать средства в помощь голодающим. Церковь выразила готовность немедленно начать эту работу, но оказалось, что следует ожидать появления инструкций и положений о порядке осуществления данного разрешения. Соответствующее положение, готовившееся нарочито неспешно, было утверждено лишь 1 февраля 1922 г. Причинами подобной неспешности являлась боязнь партийных руководителей дать хоть какое-то легальное поле действия небольшевистским общественным силам, а также продолжавшиеся споры о методах искоренения религиозности и церковности в огромной крестьянской стране.

Церковь, получив разрешение на участие в помощи голодающим под руководством советского органа (Помгола), усилила легальную практическую работу. Патриарх Тихон обратился 6 февраля 1922 г. к верующим с новым воззванием о помощи голодающим. Оно было составлено, как только патриарх получил утвержденное Помголом «Положение о возможном участии духовенства и церковных общин в деле оказания помощи голодающим», 14 февраля 1922 г. воззвание патриарха было опубликовано, с разрешения правительства, в массовой печати. Патриарх Русской православной церкви объявил о разрешении для духовенства и приходских советов, с согласия общин верующих, на попечении которых находилось храмовое имущество, жертвовать на нужды голодающим драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления, на оказание помощи голодающим: подвески в виде колец, цепей, браслетов, ожерелий и других предметов, пожертвованных церкви для украшения святых икон, золотой и серебряный лом [1: 8, 11].

Руководство Церкви рассматривало церковные пожертвования как сугубо добровольные, настаивало, чтобы процесс сбора этих пожертвований, их сосредоточения и направления голодающим проходил под постоянным контролем церковной организации на всех ее уровнях, от церковного старосты и священника до архиерея и патриарха. Подобный подход помог бы осуществить реальное соглашение государства и церкви о совместной бесконфликтной работе по сбору церковных средств в помощь голодающим.

Однако советская сторона все сделала по-другому. Президиум ВЦИК 16 февраля 1922 г. потребовал от местных Советов немедленно изъять все драгоценные предметы из золота, серебра и камней и передать их в органы Наркомата финансов со специальным назначением в фонд Помгола. Изъятию подлежали церковные ценности, отсутствие которых не должно было «существенно затронуть интересы

самого культа». Для осуществления данной акции в каждой губернии создавались специальные комиссии [6: 16].

Декрет ВЦИК от 16 (23) февраля 1922 г. по своему характеру напоминает методы централизованной государственной продразверстки. Этот документ отразил накопленный советской властью опыт времен «военного коммунизма». Именно он создал юридическую основу для масштабной акции по разграблению церквей и монастырей, параллельно — по разгрому Русской православной церкви. Этим декретом центр тяжести решительно переносился с добровольных церковных пожертвований на насильственное изъятие церковных ценностей органами власти. На практике главной задачей становилось не спасение жизней голодающих, а ускоренная ликвидация церкви как таковой. Изъятию из храмов подлежали все драгоценные церковные вещи, в том числе богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви, подобный акт оценивался как святотатство. Устами своего патриарха РПЦ не одобрила изъятие из храмов священных предметов, включая добровольное пожертвование [1: 113—114].

Инструкция ЦК Помгола устанавливала порядок изъятия церковных ценностей. Подчеркивалось, что все ценности являлись не собственностью верующих, а находились в их пользовании. Требовалось обязательное представление старой, до 1917 г., церковной описи или инвентарной книги (отметим, что отсутствие дореволюционного реестра или несоответствие ему позволяло обвинить духовенство в хищениях и грабежах: отсутствующие предметы заносились в особый протокол, который передавался следственным органам для привлечения виновных к ответственности). Верующим предоставлялось лишь право вносить в протокол изъятия замечания и возражения по поводу предметов богослужебного пользования. Изъятое имущество подлежало отправке в губернские или уездные финотделы для направления в Гохран. Инструкция Помгола категорически запрещала реализацию ценностей на местах. Изъятые предметы учитывались по весу (золотые и серебряные) или в штуках (драгоценные камни) [6: 21—23].

ГПУ контролировало реакцию населения на изъятие церковных ценностей — этим специально занимался Секретный отдел ГПУ. Информационные сводки ГПУ дают представление о повсеместном недовольстве крестьянства изъятием ценностей, формах крестьянского сопротивления. В голодающих губерниях и духовенство, и крестьяне относились более лояльно к изъятию церковных ценностей.

В сводках ГПУ за первую половину марта 1922 г. отношение к кампании по изъятию со стороны крестьянства в Петроградской, Новгородской, Череповецкой, Северо-Двинской, Владимирской, Калужской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Брянской губерниях характеризовалось как «враждебное» (в Тихвинском уезде Череповецкой губернии даже «тревожное»). Во многих местах отмечались случаи, когда комиссии не допускались к работе. В Нижегородской губернии происходили массовые выступления против изъятия ценностей.

В Архангельской губернии стихийно собирались многолюдные собрания верующих, большинство составляли женщины. На собраниях в губернии принимались следующие решения: обратиться к загранице с просьбой дать хлеба под залог церковных ценностей, последние же оставить на месте.

В Тарусском уезде Калужской губернии в одной из волостей имело место открытое выступление крестьян, на подавление которого власти направили вооруженный отряд. В Лихвинском уезде одна из общин взамен церковных ценностей предложила хлеб по рыночной цене — губкомиссией ходатайство было отклонено. В Либкнехтовс-кой волости этого же уезда крестьяне устроили самосуд над уполномоченным комиссии и милиционером. В Боровском уезде верующие не дали комиссии приступить к работе — в уезд был направлен отряд.

Наиболее неудовлетворительным настроение крестьян в связи с декретом об изъятии церковных ценностей оказалось в Тамбовской губернии. В Усманьском и Козловском уездах крестьяне отказались отдать ценности из церквей. В одном из сел Елатомского уезда комиссия по учету церковных ценностей была разогнана крестьянами. В другом селе крестьяне едва не убили председателя комиссии по изъятию церковных ценностей. В Липецком уезде крестьяне потребовали собранные церковные ценности сдать патриарху или организовать специальную комиссию, которая произведет обмен церковных ценностей на хлеб и распределит среди голодающих. Распространились слухи о том, что церковные ценности будут распределены между коммунистами. В Шуйском уезде Иваново-Вознесенской губернии население препятствовало работе комиссий по изъятию, особенно активно в Тейковском уезде. В Лежневском уезде крестьяне избили председателя волисполкома [1: 31—34; 6: 84—89].

Повсеместные протесты против срочного и насильственного изъятия церковных ценностей заставили ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г.

объявить о временной приостановке изъятия ценностей — в губкомы и обкомы партии была направлена телеграмма по поводу приостановки изъятия «из-за осложнений».

Просьбы верующих прихожан о замене церковных ценностей хлебом, продовольствием, деньгами для голодающих власти категорически отвергали — такую установку местные власти получили из центра. Делегация из Тверской губернии отправилась в Москву к Калинину, чтобы получить разрешение. Ходоков принял зам. председателя ВЦИК и зам. председателя ЦК Помгола Смидович. Заместитель Калинина популярно объяснил ходокам: государству нужен не хлеб, а золото [6: 57]. Президиум ВЦИК 13 марта разрешил ЦК Помгола замену «в исключительных случаях» церковных ценностей равным по весу количеством золота или серебра в других изделиях или слитках. 23 марта председатели губисполкомов получили телеграмму Калинина и члена Президиума ВЦИК Сапронова со строгим предупреждением: ходатайства губернских комиссий о замене церковных ценностей золотом в каждом конкретном случае рассматриваются только в ЦК Помгола [6: 53, 93].

В течение марта—апреля 1922 г. кампания по изъятию ценностей, по оценке ее организаторов, проходила медленно и вяло. Подобная картина наблюдалась в Екатеринбургской, Вологодской, Казанской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Уфимской, Астраханской, Тюменской, Царицынской губерниях, а также в Горской Республике, на Северном Кавказе и Дону [1: 177—178, 180]. Темп изъятия был задержан посевной кампанией и главным православным праздником — Пасхой.

Сверху постоянно шли директивы, требующие ускорить изъятие ценностей. 9 мая Калинин направил шифротелеграмму губкомам партии и губисполкомам, в которой объявил о невыполнении директивы центра: изъятие церковных ценностей должно было закончиться в европейской части страны к 1 мая, в Сибири — во второй половине мая. Устанавливался новый конечный срок выполнения заданий — до 20 мая, для Сибири — 1 июня. Губернские партийные и советские руководители предупреждались о привлечении к партийной и советской ответственности в случае их невыполнения [6: 232—233].

2 апреля ЦК РКП(б) направил шифротелеграмму губкомам и губисполкомам, в которой требовалось обязать в первую очередь священников отвечать за хищения церковных ценностей — арестовывать и предавать их суду в подобных случаях [1: 169—170].

Отмечались многочисленные случаи, когда крестьяне защищали своих приходских священников. Один из таких примеров связан с именем священника Иоанна из села Палех Шуйского уезда Иваново-Вознесенской губернии. Отец Иоанн (И.С. Рождественский) был арестован по обвинению в участии в борьбе против изъятия церковных ценностей (по делу о событиях в г. Шуе).

Сельский сход села Палех 18 апреля 1922 г. направил ходатайство в Верховный трибунал при ВЦИК об освобождении священника Иоанна: «...Принимая во внимание то, что о. Иоанн Рождественский много поработал, как общественно прогрессивный деятель, на пользу родного прихода и всего Палеховского района и снискал к себе всеобщее уважение — мы, собравшиеся, не можем остаться безучастными при обвинении его в агитации в проповеди против Рабоче-Крестьянской власти. Чтобы не быть голословными в утверждении за о. Иоанном репутации прогрессивного общественного деятеля — считаем нужным довести до сведения Ревтрибунала хотя бы о том, что благодаря трудам и энергии о. Иоанна в селе Палехе в разное время были открыты следующие общественно-полезные учреждения, как то: 1) Палеховское Общество Потребителей, 2) Палеховская Библиотека Читальня, существующие и в настоящее время, и Палеховское Кредитное Товарищество. О. Иоанн много содействовал распространению просвещения среди крестьянства; Палеховская школа II ступени, рассадник знания нескольких волостей уезда, обязана своим открытием больше всех — все ему же о. Иоанну. Таковы его только главнейшие заслуги перед государством и местным крестьянским населением. Словом и делом служа интересам крестьянства, о. Иоанн не мог призывать, и не призывал к неисполнению распоряжений власти, власти крестьян и рабочих» [1: 190].

Однако крестьянское ходатайство не достигло желаемого результата: 25 апреля выездная сессия Верховного трибунала в Иваново-Вознесенске приговорила священника Рождественского к расстрелу. Правда, 26 апреля в Верховный трибунал поступила телеграмма Калинина и секретаря ВЦИК Енукидзе с предложением о приостановке исполнения смертного приговора Рождественскому. 5 мая Президиум ВЦИК рассмотрел ходатайство о помиловании Рождественского — приговор Верховного трибунала ВЦИК оставил в силе. 10 мая в 4 утра последовало секретное донесение в Верховный трибунал об исполнении смертного приговора Рождественскому [1: 204, 206, 232, 236].

Руководство всей кампанией по изъятию ценностей осуществляли руководители большевистской партии. Идейным вдохновителем был В.И. Ленин. Показательно в этой связи письмо Ленина членам Политбюро о политике в отношении церкви 19 марта 1922 г., в котором содержатся идеологические установки коммунистической партии. Ленин писал: «Для нас, именно в данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализирование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым

энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий, не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает)» [1: 141—142].

Ленин предлагал на съезде партии провести секретное совещание делегатов по данному вопросу совместно с главными работниками ГПУ, Наркомата юстиции и Ревтрибунала. Цель данного совещания — принятие секретного решения съезда о том, что изъятие церковных ценностей должно быть проведено с «беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок». Чем большее число представителей духовенства удастся по этому поводу расстрелять, настаивал Ленин, тем лучше. Требовалось «именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». С целью «быстрейшего и успешнейшего проведения этих мер» предлагалось на секретном совещании партийного съезда назначить специальную комиссию с участием Троцкого и Калинина, не публикуя об этой комиссии никакой информации, чтобы руководство комиссией «всех операций» проводилось бы не от ее имени, а «в общесоветском и общепартийном порядке» [1: 143].

Особая организационная роль отводилась Л.Д. Троцкому. Именно он стал главным организатором кампании. Все вопросы обсуждались и решались на самом высоком уровне — в Политбюро ЦК РКП(б). 12 марта 1922 г. Троцкий направил в Политбюро записку. Автор вно-

сил в главный партийный орган предложение: допустить представителей «советской» части духовенства в органы Помгола. Стратегия Троцкого была рассчитана на раскол среди духовенства посредством конкретного вопроса — изъятия ценностей из церквей. Троцкий утверждал: поскольку вопрос изъятия является острым, то и раскол на этой почве должен принять очень острый характер, в результате часть духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию, окажется противопоставлена сторонникам патриарха Тихона. Предлагалось установить сотрудничество с лояльной («советской») частью духовенства, причем еще до введения их в органы Помгола. Подобный шаг позволял, по мнению Троцкого, опровергнуть распространенные подозрения и сомнения по поводу того, что изъятые из церквей ценности расходуются не на нужды голодающих [6: 51].

17 марта 1922 г. Троцкий подготовил для Политбюро новое письмо с предложениями об организации изъятия церковных ценностей. Суть предложений заключалась в следующем. В центре и губерниях создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей. Председателем Центральной комиссии назначить Калинина. В губерниях в состав комиссий включить военных представителей — комиссаров дивизий, бригад или начальников политотделов. Секретные комиссии по организации изъятия ценностей должны существовать под прикрытием официальных комиссий или отделов при комитетах помощи голодающим для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих. Агитации придать характер, направленный на помощь голодающим, при этом внешне отвлеченный от борьбы с религией и церковью. Одновременно с этим внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении инициативу, взять под защиту государственной власти священников, которые открыто выступают в пользу изъятия. Видных представителей нелояльного духовенства не трогать до конца кампании, но негласно (через компетентные органы) и официально (под расписку) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они ответят первыми. Работу по изъятию ценностей провести в кратчайший срок. Изъятие в каждом районе начинать с церкви, во главе которой стоит лояльный священник. Поблизости должна находиться надежная воинская часть, лучше всего отряд ЧОН [1: 134—135]. 20 марта Политбюро утвердило предложения Троцкого в качестве политической директивы.

В соответствии с указаниями Ленина и при непосредственном участии Троцкого была создана центральная комиссия по вопросам

изъятия церковных ценностей. Она получила своеобразное наименование — Комиссия по учету и сосредоточению ценностей (в ней заседали Троцкий, Калинин, Сапронов, Уншлихт, Медведь, Белобородов, Красиков, Стеклов и др.). Комиссия имела «строго конспиративный характер». Адрес, состав не афишировался. Протокол заседаний Комиссии печатался в одном экземпляре и имел гриф «Архи-секретно. Хранить конспиративно». Комиссия принимала решения, которые служили директивами для Помгола. 20 марта 1922 г. Комиссия по учету и сосредоточению ценностей определила примечательную установку: к церквям в крестьянских приходах относиться «с осторожностью и тщательно выяснив всю обстановку» [11: 40, 77].

Предложения Троцкого о конкретных политических мероприятиях члены Политбюро получили 23 марта и утвердили их. Еще через несколько дней, 26 марта, Троцкий внес в Политбюро письмо с предложениями о дополнительных мерах. Установка Троцкого сводилась к следующему: «Попы должны отвечать не на вопрос о том, нужно ли помогать голодающим, а должны прямо и точно призывать к исполнению декрета» [1: 153, 156, 160].

Наконец, 30 марта 1922 г. появилась очередная записка Троцкого в Политбюро о политике по отношению к церкви. Троцкий констатировал наличие двух направлений среди духовенства: контрреволюционного и «советского». Идеология последнего определялась «вроде сменовеховской». «Сменовеховское духовенство» предлагалось рассматривать как «опаснейшего врага завтрашнего дня». Но в текущий момент привлечь их для устранения контрреволюционной части духовенства, фактически управлявших церковью. В этой борьбе предлагалось тактически «опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально». Форсирование кампании, по Троцкому, не позволит «сменовеховским вождям очухаться» и совершить под «советским» знаменем попытку буржуазной реформации Православной церкви.

Кампания по поводу голода, подчеркивал Троцкий, для этого крайне выгодна, так как акцентировала все вопросы на судьбе церковных ценностей. Ставилась двуединая задача: во-первых, заставить «сменовеховских попов» открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей, во-вторых, заставить их довести эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с церковным руководством, до созыва собственного нового церковного собора и новых выборов иерархии. «Нет более бешеного ругателя, как оппо-

зиционный поп» [1: 162—163] — данная фраза Троцкого достойна сборника крылатых изречений.

В подобном духе Троцкий подготовил предложения для партийных губкомов и губисполкомов. Суть сводилась к следующему: расколоть духовенство, расправиться с «черносотенными попами», неофициально поддерживать «сменовеховских попов», при этом взять их на учет. 30 марта Президиум ВЦИК и ЦК РКП(б) направили губисполкомам и губкомам шифротелеграмму с директивой о подержке «лояльного духовенства». К лояльному относилось духовенство, которое «точно и прямо призывает верующих к исполнению декрета ВЦИК об изъятии ценностей» [1: 164, 165].

Троцкий подготовил инструкцию для печати с главной установкой: расколоть духовенство. Объявлялась борьба против «князей православной церкви». Предлагалось скомпрометировать их на вопросе помощи голодающим, обличая их «скаредность, жестокосердечие», а затем показать им «суровую руку рабочего государства» [1: 251; 6: 40]. Специально для Политбюро Троцкий подготовил 10 мая проект воззвания группы представителей «большинства рядового духовенства».

Первоначальную редакцию прочли Сталин, Каменев, Томский, Рыков, Молотов, Зиновьев. По поводу воззвания Троцкий телеграфировал в редакции газет «Правда» и «Известия» 14 мая: внушить уверенность лояльному духовенству, что «государство его в обиду не даст», поднять его дух, в результате дать возможность борьбе духовенства развернуться «в самой яркой и решительной форме», при этом «не выпячивать на первый план в ближайшее время позицию большевиков в отношении к религии». 16 мая Сталин предложил всем членам Политбюро утвердить предложенное Троцким «как директивы ЦК газетам». Все члены Политбюро предложение поддержали. Ленин также откликнулся: «Троцкий нажал, мы не оспариваем» [1: 312, 314—315].

24 мая в очередном письме в Политбюро Троцкий настаивал: «Нет необходимости ангажироваться, даже неофициально. Выгоднее, если разгорится внутрицерковная борьба» [1: 181]. Сопротивление самих верующих не позволило уничтожить церковь, вследствие чего ставка была сделана на организацию раскола внутри Церкви посредством так называемого обновленческого движения, начавшегося в России после Октября 1917 г. Большевики, прежде всего Троцкий, взяли курс на создание «советской церкви», первые попытки были предприняты к концу 1919 г.

Обновленческое движение организационно оформилось в 1922 г. К числу обновленческих церковных групп относились «Живая церковь», «Возрождение», «Древлеапостольская церковь», «Свободная Трудовая церковь» (лозунг последней — «Долой буржуев из храмов»). Идеологи обновленчества проповедовали «коммунистическое христианство», ратовали за возвращение к так называемым демократическим порядкам раннего христианства, стремились отождествить коммунизм и христианство. Обновленцы внесли ряд изменений в церковное устройство, культ и быт духовенства (высшее церковное управление, демократизация прихода, богослужение на русском языке). Деятельность обновленцев была направлена на конфронтацию со старой церковной иерархией во главе с митрополитом Тихоном и способствовала эволюции Русской православной церкви в сторону лояльности к советской власти.

Церкви обновленцев красились в красный цвет. На октябрьских празднествах обновленцы провозглашали здравицы: да будет советский колокольный трезвон, многая лета коммунистической партии. В Екатеринбургской губернии на первомайском празднике в станице Новопластунской местный священник заявил, что с победой русской революции «над черной реакцией» учение Христа претворяется реально в жизнь, так как Христос был тоже революционер, пострадавший за идеалы трудового народа [7: 30, 31].

Сообщения местных органов в Секретный отдел ГПУ демонстрировали особое внимание ГПУ к созданию групп «Живой церкви» в каждой губернии. Распоряжение Президиума ВЦИК Донскому исполкому 15 августа также ориентировало на «особенно внимательное и деликатное отношение» к нуждам «Живой церкви» со стороны Советской власти, как лояльной власти. Всероссийский съезд духовенства «Живая церковь» в августе 1922 г. принял резолюцию о превращении провинциальных монастырей в трудовые коммуны [6: 310; 1: 316]. Крестьяне в большинстве своем безразлично или с осуждением относились к обновленческому движению.

Характер масштабной общероссийской кампании по изъятию ценностей, заданный высшим органом правящей коммунистической партии, определял массовое изъятие ценностей в срочном порядке, как правило, без какой-либо экспертизы. Результат работы комиссий по учету и сосредоточению ценностей измерялся конкретным количеством изъятого в килограммах, штуках. Местные власти нередко практиковали вторичное изъятие ценностей. К саботажникам при-

менялись жесткие меры наказания. Поскольку критерии наказаний определены не были, то на местах наказания выносились различные за одинаковые деяния. Верховный и губернские ревтрибуналы выносили многочисленные расстрельные приговоры. Так, решением Вятского губернского ревтрибунала были приговорены к высшей мере наказания «за агитацию против изъятия церковных ценностей, подготовку и организацию на почве изъятия восстания 2 мая в селе Поджернове, сопровождавшееся разгромом сельскохозяйственной коммуны и убийством двух милиционеров»: Поляков Иван Александрович, 50 лет, священник; Семушкин Михаил Александрович, 58 лет, церковный староста, крестьянин; Широков Семен Митрофанович, 44 года, крестьянин, председатель крестьянской общины [1: 248].

В форсированном «сосредоточении» ценностей такие факторы, как условия хранения, надлежащая упаковка, оценка, транспортировка имели вторичное значение. Финансовая стоимость изъятых предметов имела приоритетный характер, художественная ценность имела второстепенное значение. В результате изъятые ценности поступали нередко в Гохран через местные финотделы (в соответствии с Инструкцией ВЦИК) в разрушенном или испорченном виде. О варварских методах изъятия ценностей докладывала в Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей не кто иная, как Н.И. Троцкая (жена Л.Д. Троцкого), занимавшая должность заведующей Главмузеем Наркомпроса [6: 228—230].

Даже сам Троцкий возмутился по поводу практики изъятия ценностей. В телеграмме председателю ВЦИК и ЦК Помгола Калинину и члену Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей Белобородову 5 апреля 1922 г. Троцкий писал: «По имеющимся у нас сведениям и по моим личным — при отобрании ценностей случается, что в церквях и даже алтарях курят. Иконы, когда снимают, кладут на пол, причем пол часто бывает очень грязным. Все это раздражает население... Неужели допускаются подобные безобразия? Надо бы поймать в одном хотя бы случае и предать трибуналу. Надо приучить щадить чувство верующих и не безобразничать» [6: 140].

Несмотря на запреты властей, крестьянское население надеялось сохранить ценности сельских храмов в обмен на хлеб и продовольствие для голодающих. В одном из ходатайств на имя Ленина 16 июля приходская община села Бараит Красноярского уезда Енисейской губернии в количестве 6 тысяч прихожан просила заменить изъятие немногочисленных церковных ценностей из сельского храма местного

небогатого прихода продуктами в количестве 150 пудов хлеба, 75 пудов мяса, 15 пудов масла. ЦК Помгола отказал в ходатайстве, пояснив, что возможна замена только золотом и серебром [6: 306—307].

Крестьянское население, в большинстве своем верующее, недоумевало: почему для помощи умирающим от голода в Поволжье, на Украине, Урале нужно только церковное золото, серебро и другие ценности? Для обмена ценностей за границей на продовольствие требовалось время. Всем было известно: состояние транспорта не позволяло оперативно доставить закупленное за границей продовольствие голодающим в Поволжье и другие регионы из портов.

Духовенство активно выступало против расхищения ценностей, использования их не для голодающих, а на другие цели[1]. Данное обстоятельство власти нередко интерпретировали как контрреволюционные призывы и использовали в целях преследования неугодного духовенства.

К 1 ноября 1922 г. было изъято следующее количество церковных ценностей (по ведомости ЦК Помгола): золота — 33 пуда 32 фунта, серебра — 23 997 пуда 23 фунта, бриллиантов — 35 670 штук, других драгметаллов — 71 762 штук, жемчуга — 14 пудов 32 фунта, золотой монеты — 3115 руб., серебряной монеты — 19 155 руб., различных драгоценных камней — 52 пуда 30 фунтов. Стоимость всего изъятого

---

[1] Для подобных сомнений по поводу использования церковных ценностей не по назначению имелись серьезные основания. Ценности реализовывались за границей по демпинговой стоимости. Этим занимался не только Наркомат внешней торговли, но и другие ведомства, а также отдельные лица. Примечательны следующие примеры: К Л. Каменеву обратился некий гражданин Шор, который предложил быстро реализовать ценности, изъятые из еврейских синагог: из Гохрана они выдаются группе лиц, представляющих религиозное течение в иудаизме, эта группа возмещает их стоимость металлической валютой, реализуя потом ценности за границей (в Америке). Другой пример связан с предложением председателя Совнаркома Украины Х. Раковского Троцкому: изъятые ценности заложить за границей, чтобы получить более значительный целевой заем (изъятие из антикварных предметов камней и драгметалла резко понижало их рыночную цену). Н. Троцкая предлагала не пускать ценности из золота, серебра и других драгметаллов в сплав, а реализовать часть ценностей, как востребованных предметов искусства и старины, на Ближнем Востоке и в Западной Европе. В результате сумма валютной выручки резко возрастала. Для этого требовалось организовать отбор и экспертизу предметов, имеющих художественно-историческую ценность, для продажи на заграничном рынке [6:250, 252, 272.273].

оценивалась на сумму 4 650 810 руб. 67 коп. Кроме того, было изъято 964 единиц антикварных вещей [1: 183—184][1].

Антирелигиозная кампания в Советской Республике в значительной степени решила проблему пополнения фонда материальных ресурсов Советского государства. Однако доктринальная установка большевистской партии, связанная с ликвидацией религии и церкви в ходе строительства социализма, осталась нерешенной. Советская власть, декларированная как власть рабочих и крестьян, столкнулась с массовым и повсеместным протестом со стороны собственного народа.

Источники и примечания:

1. Архивы Кремля. В 2-х кн. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. Кн. 1. М. — Новосибирск, 1997.

2. *Степанов В.* (*Русак*). Свидетельство обвинения. В 3-х кн. М., 1993. Кн. 2.

3. Родина. 1990. № 6.

4. *Осипова Т.В.* Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

5. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922. М., 2000.

6. Архивы Кремля. В 2-х кн. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. Кн. 2. М. — Новосибирск, 1998.

7. *Степанов В.* (Русак). Свидетельство обвинения. В 3-х кн. М., 1993. Кн. 3.

МАХНОВЩИНА: МЕЧТА О ВОЛЬНОМ КРЕСТЬЯНСКОМ РАЕ

Махновщина — крестьянское движение Юга России и Украины в 1918—1921 гг. [1]. Нестор Иванович Махно (Михненко) стал символом этого движения. Неправ был Ленин, считая возможным включить в опору диктатуры пролетариата тех, кого он назвал «полупролетари-

---

[1] Приводится также другая оценка изъятого: почти 7 млрд руб., включая церковное серебро на сумму 6624 тыс. руб., золото на сумму 260 142 руб., драгоценные камни (*Кристкалн А.М.* Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1997. С. 29).

атом», — Махно был выходцем именно этого социального слоя: его отец был батрак, конюх, кучер, а сам Нестор, пятый сын в семействе, в юности начинал как сельскохозяйственный рабочий.

Движением были охвачены Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии. Главными очагами махновского движения были уезды Новомосковский, Павловский и Александровский Екатеринославской губернии, Константиновский и Кременчугский Полтавской губернии, Изюмский, Купянский, Старобельский Харьковской губернии. География махновщины распространилась также на Дон, Кубань, Воронежскую, Тамбовскую, Саратовскую губернии.

По оперативным данным советского военного командования, в мае 1919 г. повстанческая дивизия Махно насчитывала 20 тыс. штыков и 2 тыс. сабель. Сам Махно по состоянию на июнь 1919 г. оценивал ее силу в 27 тыс. бойцов [2: 145, 228]. Осенью того же года численность махновцев составила 30—35 тыс.[1] [3: 118, 142; 5: 757].

В состоянии соглашения с советской властью Махно был трижды. В 1918 г. — начале 1919 г.[2] Махно боролся против гетмана Скоропадского, Петлюры, Добровольческой армии. В июне 1918 г. он встречался в Москве со Свердловым и Лениным. В феврале 1919 г. махновское воинство стало третьей бригадой советской Заднепровской дивизии, Махно — комбригом Красной армии. В мае 1919 г. бригада преобразовалась в дивизию («Первая украинская повстанческая дивизия») под командованием начдива Махно.

В конце 1919 г. махновцы боролись против белогвардейской армии Деникина, захватившего всю Украину и Юг России и дошедшего до Тулы. По признанию самого командующего Вооруженными силами на Юге России генерала А. Деникина, действия Махно осенью 1919 г.

---

[1] В изданной в 1925 г. книге крупного советского военного специалиста Н.Е. Какурина, которая долгие годы хранилась в спецхране, отмечалось, что к 20 октября 1919 г. силы Махно составили 28 тыс. штыков и сабель при 50 орудиях и 200 пулеметах (*Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 1. 1917—1918 гг. М., 1990. С. 103). Аналогичные данные привел современный исследователь махновщины В.В. Комин, увеличив, однако, количество пулеметов до 500 (*Комин В.В.* Нестор Махно: мифы и реальность. М., 1990. С. 42). Количественные показатели махновщины в некоторых изданиях доводятся до 40—50 тыс. участников [7:217, 321].

[2] В феврале 1919 г. Махно отправил в подарок для голодающих московских и петроградских рабочих и крестьян 3 поезда (90 вагонов с 90 тыс. пудами пшеничной муки), добытые в боях с деникинской армией [2:66].

приняли настолько широкие размеры, что расстроили тыл белых и ослабили фронт в наиболее трудное время. Махно оценивался Деникиным как легендарная личность, «отважный и очень популярный разбойник и талантливый партизан» [4: 75, 139].

В октябре 1920 г. Махно заключил третье соглашение с советской властью — против белой Русской армии генерала Врангеля. Примечательно, что Врангель, рассчитывая вовлечь в борьбу против власти большевиков все небольшевистские силы, неоднократно предпринимал попытки заручиться поддержкой Махно. В частности, в июне 1920 г. по поручению Врангеля в стан Махно явился посланец с письмом из штаба, в котором предлагалось объединиться в совместной борьбе против коммунистов: «Русская армия идет исключительно против коммунистов с целью помочь народу избавиться от коммуны и комиссаров и закрепить за трудовым крестьянством земли государственные, помещичьи и другие частновладельческие. Последнее уже проводится в жизнь. Русские солдаты и офицеры борются за народ и его благополучие. Каждый, кто идет за народ, должен идти рука об руку с нами. Главное командование будет посильно помогать Вам вооружением, снаряжением, а также специалистами. Пришлите своего доверенного в штаб со сведениями, что Вам особенно необходимо, и для согласования боевых действий». Письмо было подписано начальником врангелевского штаба генералом Шатиловым [4: 77].

По приказу Махно белогвардейский офицер был публично расстрелян, сообщение об этом и текст письма опубликованы в махновской печати [5: 162].

Крестьянство, составлявшее основу махновщины, объединяло с красными наличие общего врага — Белой гвардии, пытавшейся восстановить ненавистную для крестьянства помещичью Россию[1]. Для крестьянина главным врагом был помещик и его защитник — Добровольческая армия. Белогвардейцы в крестьянском сознании ассоциировались с бывшими угнетателями, одетыми в офицерские мундиры,

---

[1] Отметим следующее обстоятельство: махновцы жестоко наказывали бывших махновцев, примкнувших к Русской армии Врангеля. Так, командир партизанского отряда в Русской армии Врангеля А. Савченко, бывший командир батальона махновцев, был расстрелян махновцами за измену в октябре 1920 г. Г. Яценко, командир роты, сотни у махновцев, впоследствии командир партизанского отряда в Русской армии, в октябре 1920 г. был также расстрелян махновцами за измену.

которые мечтали о реставрации былой великой, единой и неделимой России. К тому же деникинское правительство не пыталось привлечь крестьянство на свою сторону даже обещаниями — решение земельного вопроса относилось на неопределенное будущее. Импульсивные попытки земельных реформ последнего белого правителя генерала Врангеля имели определенную ориентацию на зажиточного сельского хозяина.

Соглашения Махно с советской властью объективно не могли иметь постоянный и стабильный характер: временный союз определялся общим интересом — борьбой с белогвардейцами. «Вольный советский строй» махновского движения по своему содержанию был несовместим с диктатурой советской власти. Двойной стандарт, определявший революционную тактику Махно, недооценили представители советского руководства — Антонов-Овсеенко, Каменев, Ворошилов. Чрезвычайный уполномоченный Совета труда и обороны Л. Каменев высказывал уверенность в лояльности Махно: «Слухи об антисоветских и сепаратистских планах Махно беспочвенны». Антонов-Овсеенко в докладе советскому руководству Украины 2 мая 1919 г. превозносил позитивные достижения в махновских районах: создание детских коммун, школ, трех средних учеб-заведений в Гуляйполе. Командарм уверял: «Махно против нас не выступит, необходимо прекратить травлю Махно» [2: 129— 130, 136] [1].

Крестьянская революция в деревне, основанная на идеале уравнительной справедливости, расходилась с политикой большевистской власти. Новая власть воспринималась как власть вообще, которая грабит труженика налогами, набирает рекрутов в армию, заставляет выполнять трудовые повинности, отвлекая крестьянина от неотложных сельскохозяйственных работ в собственном хозяйстве.

Резолюции 2-го Гуляйпольского районного съезда фронтовиков, Советов, отделов и подотделов военно-революционного штаба района, состоявшегося 12—16 февраля 1919 г., на котором присутствовали представители от 350 волостей, свидетельствовали об осознанном выражении крестьянских требований. Нестор Махно в своем высту-

[1] После разрыва советской власти с Махно Антонов-Овсеенко в докладе в ЦК РКП(б), датированном 18 июля 1919 г., писал: «Махно — убежденный анархист, лично честный, за спиной которого совершалась всякая пакость, — мог быть великолепно использован нами...» (РГВА. Ф.33987. Оп. 2. Д. 132. Л. 87).

плении на съезде заявил: грубая насильственная власть большевиков над трудовым народом долго продолжаться не может — терпению народа от «партийного ига большевиков» пришел конец. Трудовой народ успел подержать в своих руках управление государством в форме свободно избранных Советов, но они долго не просуществовали — партия большевиков объявила на них свою монополию: небольшевик удалялся из Советов как враг народа [2: 80]. Представитель анархистов Барон[1] призывал крестьян: создать в каждой деревне свои вольные, выборные, безвластные Советы как «истинно трудовой советский строй», поскольку только они смогут удовлетворить все нужды народа, организовать хозяйственную жизнь и защищать интересы трудящихся без вмешательства партийных комиссаров, навязывающих сверху свой партийный диктат [2: 84].

В резолюции о текущем моменте, принятой съездом 15 февраля, советское большевистское правительство обвинялось в стремлении во что бы то ни стало отнять у местных Советов рабочих и крестьянских депутатов их свободу самодеятельности: «Нами не избранные, но правительством назначенные политические и разные другие комиссары наблюдают за каждым шагом местных Советов и беспощадно расправляются с теми товарищами из крестьян и рабочих, которые выступают на защиту народной свободы против представителей центральной власти. Именующие себя рабоче-крестьянскими правительства России и Украины слепо идут на поводу у партии коммунистов-большевиков, которые в узких интересах своей партии ведут гнусную непримиримую травлю всех других революционных организаций. Прикрываясь лозунгом "диктатуры пролетариата", коммунисты-большевики объявили монополию для своей партии, считая всех инакомыслящих контрреволюционерами». Советское правительство, подчеркивалось в резолюции съезда, своими действиями порождало серьезную угрозу для развития рабоче-крестьянской революции.

Съезд объявил освобождение трудящихся делом самих трудящихся, обратившись к крестьянам и рабочим с призывом не доверять дело освобождения трудящихся какой бы то ни было партии или центральной власти: «Пусть существуют различные революционные организации, пусть проповедуют свободно свои идеи, но мы не позволим ни

---

[1] Барон Старший (Канторович Арон) — член секретариата Харьковской анархистской конфедерации «Набат», делегат 2-го Гуляйпольского районного съезда.

одной из них объявить себя властью и заставить всех танцевать под свою дудку». Было заявлено право местных вольных Советов крестьян и рабочих на строительство нового свободного общества «без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира, без властителей-панов, без подчиненных рабов, без богачей и без бедняков». Резолюция заканчивалась лозунгами: «Долой комиссародержавие и назначенцев! Долой чрезвычайки — современные охранки! Да здравствуют свободно избранные рабоче-крестьянские Советы! Долой однобокие большевистские Советы!» [6].

Подобные же лозунги составили основу резолюции 3-го районного съезда представителей волостей и уездов Екатеринославской губернии, повстанческих фронтовых частей в поддержку действий Махно 10 апреля 1919 г. На съезде в Гуляйполе участвовали представители от 72 волостей Александровского, Мариупольского, Бердянского, Бахмутского и Павлоградского уездов. В резолюции съезда констатировался захват власти политической партией коммунистов, «не останавливающейся ни перед какими мерами для удержания и закрепления за собой государственной власти, с центра вооруженной силой проводящей свою преступную по отношению к социальной революции и трудящимся массам политику». Съезд постановил: истинным выразителем воли трудового народа может быть только съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, не признающий никакого насилия.

Крестьянский съезд выразил протест против политики большевистской власти, проводимой комиссарами и чрезвычайными комиссиями, которые, по определению махновцев, превратились в руках большевиков в оружие для подавления воли трудящихся. Выдвигались требования социализации земли, «изменения в корне» продовольственной политики, замены реквизиций системой товарообмена между городом и деревней и создания широкой сети обществ потребителей и кооперативов, упразднения частной торговли, полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым партиям и группам [2: 111—112].

Крестьянство ожидало от новой власти обещанного решения, в духе Декрета о земле, земельного вопроса. Оно предполагало, что лозунг «земля — крестьянам» должен быть разрешен на следующих основаниях: вся земля должна поступить в непосредственное распоряжение производителя — трудового крестьянства. Исходя из

принципа, что «земля ничья» и пользоваться ею могут только те, кто на ней трудится, земля должна перейти в пользование трудового крестьянства по уравнительно-трудовой норме, то есть обеспечивать возможность получения потребительной нормы на основе собственного труда. Крестьянин, захватив землю, приходил к мнению, что государство вообще не нужно крестьянству. Подобные настроения по поводу отношения к государству в крестьянской среде подогревались психологическим ощущением собственной силы: солдат-крестьянин возвращался в деревню с войны, как правило, с оружием и уверенностью недавнего фронтовика.

Крестьянство рассуждало следующим образом: советская власть дала крестьянам землю — это сделали большевики. А власть, которая ввела продразверстку, не отдала всю помещичью землю крестьянам, а организовала на ней совхозы, коммуны, — это власть «коммуны», власть не большевиков, а коммунистов. Подобное крестьянское настроение выражалось в политической формуле: «За большевиков, но против коммунистов». Крестьяне нередко объявляли себя одновременно большевиками, но врагами коммунистов: крестьянин был сторонник антипомещичьей «экспроприации экспроприаторов» (что усиливало популярность большевистских обещаний социализации земли), но протестовал против методов военно-коммунистической политики — продовольственной диктатуры, продразверстки, ЧК, организации социалистического землеустройства в виде совхозов и коммун, что врезалось в сознание крестьянина как творение «коммуниста», а не большевика — создалось представление, что большевики — это одно, а коммунисты — другое. Коммунисты воспринимались врагами труда.

Крестьянской стихии в духе «грабь награбленное» был противопоставлен принцип изъятия советским государством части земель и всего помещичьего инвентаря, который крестьянство считало своим, на организацию общественного хозяйства. Пролетарская революция в деревне породила новую уравнительную волну, связанную с переделом земель зажиточных мужиков.

Нельзя не учитывать также психологический фактор, связанный с желанием многих представителей бедноты подняться из нужды и стать самостоятельными хозяевами за счет уравнительного передела. Деревенские батраки, подобно бедноте, тоже стремились стать самостоятельными хозяевами. Желание батрака получить собственные десятины земли перевешивало перспективу работать в советском хо-

зяйстве. К середине 1919 года население украинской деревни во всех своих слоях было недовольно политикой Советского государства.

Нестор Махно был выразителем крестьянских настроений[1]. В деревне крестьянин требовал социализации хозяйства, не желая отдавать излишки в город. Он не мог примириться с установленными государством низкой ценой на хлеб, низкими нормами зерна, оставляемого для хозяйства, в особенности для содержания рабочего скота. По оценкам советских руководителей, в махновском движении трудно было отличить, где начинается бедняк, где кончается кулак — это являлось свидетельством массового крестьянского движения [7: 94]. Махновская армия в значительной степени состояла из бедняцкой молодежи, верившей своим крестьянским умом в идеал уравнительного социализма, готовой умереть за «освобождение трудового народа». Кулачество к махновцам, по свидетельствам советских агентурных данных, относилось весьма недоброжелательно или враждебно [8] [2].

В донесениях особого отдела ВЧК обращалось особое внимание на обстоятельство, что основная часть махновской армии — беднейшая крестьянская молодежь, которой Советская власть не сумела дать ничего, кроме формального права на землю [9]. Советское руководство осознавало, что уход крестьянской бедноты к махновцам явился следствием просчетов властных органов, которые не обеспечили защиты интересов бедноты [10: 260] [3].

Социальный смысл лозунга «За советскую власть, но против коммунистов» заключался в том, что крестьянин поддерживал стадию революции, связанную с объявлением мира, ликвидацией помещичьего землевладения, жестокой Гражданской войной против помещи-

---

[1] Аршинов настаивал на утверждении: Махно — защитник интересов беднейшего крестьянства, фанатично преданный беднейшему крестьянству. Махновщина определялась как низовое движение крестьян, причем движение преимущественно беднейших слоев крестьянства всех национальностей [5: 79, 193, 194, 204, 209].

[2] Неправомерно утверждение исследователя махновщины В.В. Комина о том, что кулачество являлось основной опорой Махно (*Комин В.В.* Указ. соч. С.52, 65).

[3] По заключению современного исследователя махновщины А.В. Шубина, антикулацкая направленность махновщины привлекала к ней середняцкие и бедняцкие слои (*Шубин А.В.* Махно и махновское движение. М., 1998. С. 66).

ка и интервентов. Но крестьянин протестовал против установившегося военного коммунизма.

Разногласия махновского крестьянства с политикой Советского государства по земельному вопросу нашли отражение в решениях 2-го съезда фронтовиков-повстанцев, советов Гуляйпольского района в феврале 1919 г. В специальной резолюции съезда по земельному вопросу предлагалось решение земельного вопроса во всеукраинском масштабе на Всеукраинском съезде крестьян на следующих основаниях: вся земля в интересах социализма и борьбы против буржуазии должна перейти в руки трудового крестьянства. Исходя из принципа, что «земля — ничья», и пользоваться ею могут только те, кто на ней трудится и кто ее обрабатывает, земля должна перейти в пользование трудового крестьянства бесплатно по уравнительно-трудовой норме, то есть обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда. Решение земельных проблем возлагалось на местные волостные земельные комитеты при содействии уездного земельного комитета. Распределение живого и мертвого инвентаря передавалось в ведение уездного Совета. Съезд выразил пожелание, чтобы земельные комитеты на местах немедленно взяли на учет все помещичьи, удельные земли и распределили бы их между безземельными и малоземельными крестьянами, обеспечив их и вообще всех граждан посевными материалами.

Одновременно был высказан протест против коммунистической политики: советское правительство «отказалось удовлетворить требования трудового крестьянства: заменить землю национализированную и частновладельческую — социализированной, содействовать свободному распространению коллективной обработки земли, обеспечение как коллективного, так и трудового единоличного хозяйства деревни семенами, техническими силами и сельскохозяйственными орудиями, необходимыми для ведения общественного и единоличного трудового хозяйства». Культурные земледельческие хозяйства (опытные, показательные поля, пасеки, фруктовые сады, питомники и леса) объявлялись достоянием всего трудового народа [2: 90—91]. Протест был ответом на декреты Советского государства, в которых объявлялось, что все крупные и культурные хозяйства, принадлежавшие ранее помещикам, закреплялись за государством для организации совхозов. Так, в декрете о национализации сахарных заводов говорилось: «Все земли, за исключением крестьянских, в севооборот которых входил в течение какого бы то ни было из последних 5 лет,

т.е. с 1913—1914 гг., посев сахарной свеклы, в полном составе, со всеми угодьями, лесами, торфяными болотами и прочими полезными ископаемыми, водами и т.д., со всеми сооружениями, постройками, инвентарем живым и мертвым, независимо от того, кому бы они ни принадлежали, признаются неприкосновенным фондом национализованных сахарных заводов». То же относилось к винокуренным заводам: «Все принадлежавшие владельцам заводов, а также и другие земли, подлежащие конфискации, в севооборот которых входил из последних 4 лет с 1915 года посев картофеля и хлебов, предназначавшихся для винокурения, в полном составе, со всеми угодьями, лесами, торфяными болотами, полезными ископаемыми, водами, со всеми сооружениями, постройками, инвентарем живым и мертвым, признаются неприкосновенным фондом национализованных винокуренных заводов» [7: 85].

Местные органы государственной власти обязывались принять меры к возвращению самовольно захваченного живого и мертвого инвентаря, другого имущества бывших нетрудовых хозяйств, особенно в отношении возвращения племенного и рабочего скота, сложных машин и их частей (локомобилей, паровых плугов, молотилок, жаток, сеялок и веялок, механических грабель и т.д.). Согласно декрету государства, инвентарь с прокатных пунктов в первую очередь предоставлялся землепользователям, образовавшим товарищеское хозяйство (коммуну, общественную обработку земли, трудовую артель), и только во вторую очередь — единоличным хозяйствам [7: 86].

К середине 1919 года определилось различное отношение Советского государства и крестьянства не только в организации землевладения в деревне, но и в отношении использования полученного урожая. В бывших имениях учреждались совхозы — государственные предприятия, а также коммуны. Совхозы создавались по типу городской национализированной промышленности, продукция которой должна была поступать в распоряжение государства. Это вызывало недовольство производителя. В крестьянской среде советское хозяйство стало восприниматься как новая форма эксплуатации, когда место прежнего собственника занял новый владелец в лице государства.

Первоначально крестьянство активно занялось созданием коммун. В апреле 1919 г. в нескольких верстах от Гуляйполя, в бывшем имении помещика Классена в селе Покровском появилась коммуна имени Розы Люксембург. Анархо-коммунистический идеал самоуправляющейся коммуны, близкий к крестьянским интересам, раз-

бился о прозу жизни, когда коммунисты выразили требования на результат труда новоиспеченных коммунаров — собранный урожай. Существование коммун в условиях хлебной монополии, тем более продовольственной диктатуры, продовольственной разверстки оказалось бессмысленно. Но крестьянство, вовлеченное в коммуны и совхозы, не желало отдавать выращенное собственным трудом. Запасы хлеба, которые не успели вывезти органы Наркомпрода, захватили крестьяне. В середине 1919 г. махновщина выступила против коммун и совхозов.

Воззвание махновцев в августе 1919 г. содержало следующие положения: никакая политическая партия и государственная власть не может создать, установить и укрепить рациональную экономическую (хозяйственную) жизнь; никакая власть не может восстановить разрушенное производство, создать общественную организацию труда, привести к социальной стабильности. Выражалась необходимость отказаться от всякой власти и приступить к строительству новой жизни на основе свободной, безвластной, беспартийной, экономической (а не политической), объединяемой снизу (а не сверху), организации трудящихся — рабочих и крестьян. Подобной организации предлагалось добиваться посредством Советов как беспартийных трудовых органов для устройства справедливой и свободной жизни. Организация хозяйственной, общественной и культурной жизни без партий и без государственной политической власти, при помощи рабоче-крестьянских организаций и Советов — в подобном подходе выражалась суть махновской программы.

Протест махновцев был направлен против политики коммунистов: «Партия и власть большевиков-коммунистов, оказавшись бессильной в деле общественно-хозяйственного строительства, лишь снова открыла широкую дорогу врагам революции и подготовила новую почву для реакции. Сведенная коммунистами на ложный путь, революция попала в тупик и, побившись в нем, поворачивает назад». Коммунисты подвергались обструкции из-за вовлечения этих организаций на ложный путь: «Партия подменила свободную экономическую работу этих организаций бессильной работой своей власти и своих государственных чиновников».

Махновцы призывали крестьян в районах, освобожденных повстанцами от всякой политической власти, под их охраной восстановить вольные Советы и приступить к устройству новой жизни [2: 289].

В листовке «За что борются махновцы?» предлагалось создавать в масштабе всей страны федерации — вольные объединения рабочих и крестьянских союзов и ассоциаций по различным видам производства, без политической окраски, в качестве экономических регулирующих органов в сфере производства, товарообмена, распределения и транспорта [11].

От продразверстки страдала не только зажиточная часть крестьянства, но и беднота. Советское правительство крестьянину ничего дать не могло. Государству необходимого количества продуктов собрать не удавалось — собирали значительно меньше установленных планов. У крепкого хозяина отбирали хлеб, оставляя минимальную норму на пропитание (скоту тоже была положена скудная норма). Излишки направлялись в город. У зажиточного крестьянина после реквизиции прожиточная норма оставалась. Бедняк же эту норму должен был получать из органов Наркомпрода, но далеко не всегда мог получить свою долю. Огромный аппарат для сбора продразверстки — продармия — не справлялся со сбором продуктов, транспортировкой и охраной его по железной дороге в город (особенно это касалось заготовок скота: во время переезда значительный процент скота погибал). Не хватало транспорта для доставки хлеба на ссыпные пункты. Не было транспорта для доставки городских товаров в деревню.

Политика государства по ограничению крестьянства в области землепользования, отразившаяся на бедном крестьянстве, дополнилась издержками в снабжении его продовольствием. Чем беднее был район, тем больнее отражалась продразверстка на крестьянстве. Отсутствие стимула у представителей комбедов (комнезамов) в активном содействии продорганам усиливалось боязнью махновской мести. В этом заключалась причина медленного расширения сети комбедов на огромной территории, контролируемой Махно. В приказе Махно требовалось пресечь организацию и деятельность комнезамов, разгонять и уничтожать продотряды [7: 193; 12]. В обширной сфере влияния Махно блокировался вывоз хлеба, мобилизация молодежи в Красную армию, комбеды (или комитеты незаможних селян) ликвидировались, уничтожались продотряды и продработники.

Крестьянская масса видела в революции средство избавления от гнета помещика и кулака, а также политической и административной власти сверху. В простую формулу махновских требований «вольного свободного строя» вписывались лозунги «За Советы без коммуни-

стов» («За советскую власть, но против коммунистов»), «За свободные Советы», «Прочь коммуны», «За истинную советскую власть».

Власть Советов в крестьянском сознании отождествлялась непосредственно с волей самих трудящихся. Народная воля должна была проявляться в выборности советов снизу доверху, неподчинении Советов назначенным со стороны комиссарам. Советы не воспринимались крестьянством в качестве чуждых им политических учреждений, через которые осуществляется власть политических партий.

19 апреля 1919 г. член РВС Южного фронта Г.Я. Сокольников направил в адрес Ленина телеграмму, в которой сообщалось: наступил подходящий момент, чтобы «убрать Махно» [13]. Данный документ может служить свидетельством, что решение в отношении Махно уже созрело в высшем советском руководстве. Неслучайно местные чрезвычайные комиссии по команде сверху развернули усиленную борьбу против махновцев в марте—апреле 1919 г. [14]. Возможно, имелись тактические разногласия: «инспекции» Ворошилова и Каменева в Гуляйполе происходили соответственно 4 и 7 мая 1919 г.

В дальнейшем инициативу взял в свои руки Предреввоенсовета Советской Республики Л. Троцкий, который, как всегда, действовал решительно и непоколебимо. 28 мая Троцкий направил телеграмму в адрес советского и военного руководства Украины (Раковскому, Подвойскому и Антонову-Овсеенко) с требованием немедленно начать в печати кампанию против Махно с целью ликвидации махновщины [15]. 2 июня 1919 г. в газете «В пути», издававшейся в поезде Троцкого, появилась его статья под названием «Махновщина». Председатель Реввоенсовета Республики объявил, что «некий Махно» восстает против советской власти. Уничижительное определение («некий») в адрес Махно не означало, что Троцкий не был осведомлен о махновском движении. Но важнее другой факт: именно Троцкий начал раздувать миф об анархистской природе махновщины, чтобы заслонить ее народное крестьянское содержание. Главный аргумент Троцкого: махновцы как анархисты отрицают государственную власть, поэтому являются врагами советской власти как государственной власти рабочих и трудовых крестьян [2: 162].

4 июня 1919 г. в приказе РВС Республики объявлялось о разрыве отношений с Махно, запрещалось проведение назначенного махновцами на 15 июня в Гуляйполе очередного съезда представителей уездов, участие в нем определялось как государственная измена по отношению к Советской Республике, делегаты на съезд подлежали

аресту и суду трибунала [16]. Приказ Троцкого от 6 июня 1919 г., «расстрельный» по содержанию, состоял из устрашающих формулировок: махновцы должны быть беспощадно раздавлены, пощады не будет, власть выжжет язву махновщины каленым железом. Махновщина рассматривалась в одной плоскости с другим явлением — «григорьевщиной» [17].

Последнее утверждение нельзя воспринимать иначе, как вполне осознанное создание Троцким очередного идеологического мифа. Сами махновцы оценили «Универсал» атамана Григорьева, поднявшего мятеж против советской власти, как проповедь национализма, антисемитизма, национальной вражды между трудящимися [5: 105]. По приказу Махно Григорьев был убит его ближайшим окружением, причем произошло это уже после разрыва отношений Махно с советской властью (о свершившемся событии Махно телеграфировал в Москву).

Отношение махновского руководства к «григорьевщине» обосновал П. Аршинов. Он подчеркивал: движение, подобное григорьевскому, создавало угрозу свободе трудящихся и поэтому являлось таким же враждебным махновщине, как и большевизм. Махновщина не могла объединиться с отдельными противобольшевистскими выступлениями на том только основании, что сама махновщина выступала против большевизма. По образному описанию Аршинова, возник «новый хищник в лице атамана Григорьева, который, каркая народу о его бедствиях, труде и угнетении, несет на самом деле старый разбойничий порядок, при котором труд народа будет порабощен, бедствия его возрастут, неволя закрепится, права упадут» [5: 108, 109].

8 противовес утверждениям Троцкого Аршинов обвинял коммунистическую власть в порождении явления григорьевщины. Суть его рассуждений сводилась к следующему. Большевики установили диктатуру своей партии, как партии государственной, для управления народом. В результате создалась ситуация, в которой трудовой народ попал под надзор и управление органов власти, чуждых трудящимся, применявших методы произвола и насилия. Диктатура партии коммунистов-большевиков породила в народной массе озлобление, протест и враждебное настроение к существующему порядку. Этим воспользовался в своей авантюре Григорьев. Григорьев — предатель революции и враг народа, но именно партия коммунистов-большевиков своей безответственной диктатурой создала в массах озлобление, которым он воспользовался (аналогично данным обстоя-

тельством может воспользоваться другой авантюрист). Обличая в предательстве Григорьева, Аршинов одновременно считал необходимым обвинить за появление григорьевского движения коммунистическто партию [5: 111—112].

9 июня 1919 г. в реввоенсоветы армий Южного фронта поступила телеграмма Троцкого с указанием о ликвидации «Гуляйпольского заговора махновцев», с требованием передать все дела чрезвычайному трибуналу [18].

В качестве протеста против указанных действий Махно отправил 8 июня 1919 г. телеграмму в адрес руководства Советской Республики с заявлением: неотъемлемое право крестьян созывать съезды для обсуждения злободневных вопросов есть завоевание революции, поэтому запрет на проведение съездов — нарушение революционных прав народа [19].

Съезд крестьян, рабочих и повстанцев революционной повстанческой армии Украины (махновцев), созванный в г. Александровске 28 октября — 2 ноября 1919 г., объявил о создании повсеместно на махновской территории вольных крестьянских организаций, их съездов (местных и областных) для решения насущных вопросов социального строительства. Свободные общественно-хозяйственные организации на местах предлагалось объединить между собой [2: 231, 235].

Значения второго термина из словочетания «вольные безвластные Советы» никто из махновцев определенно не понимал, но первое воспринималось положительно: на практике многие уже познали, что представляют собой Советы при большевистских ревкомах, белогвардейских и петлюровских комендантах [3: 148].

«Вольный советский строй» означал в крестьянском восприятии отказ от налога на содержание государства, города, который ничего не мог дать взамен деревенских продуктов. Лозунг «вольных советов» выражал протест как против крепостнических остатков и капитализма, так и против военного коммунизма. Идея «вольного Советского строя» предполагала организацию новой хозяйственной и общественной жизни свободных крестьян, организация которой декларировалась на основе социального равенства и справедливости с ликвидацией классов, политических партий, национального неравенства.

Революционное знамя Нестора Махно олицетворяло не столько знамя анархии, как нередко представляется, сколько народное дви-

жение за справедливость, направленное на решение наболевших общественные вопросов — освобождение трудящихся, создание жизненного устройства без гнета и произвола властей. Анархистская умозрительная теория, как и другие идеологии радикального революционного толка, оказалась далекой от подлинных интересов трудящихся, которых они якобы собирались «освобождать». У Махно практически не было мирного времени для социального строительства: анархистские методы апробировались в боевых условиях.

Махновское движение возникло на собственной почве, развивалось как самостоятельное крестьянское движение с осознанными целями. Не оно пришло к анархизму, а группа анархистов-коммунистов примкнула к крестьянскому движению в качестве политических работников. Махновщина вобрала в себя элементы анархизма, которые могли способствовать достижению целей массового крестьянского движения.

Выпячивание анархистской оболочки махновщины, попытки определить типологию данного массового крестьянского движения в качестве анархистского нередко подкрепляются ссылками на воспоминания Махно. Мог ли сам малограмотный атаман написать мемуары, или же текст сочиняли другие — вопрос дискуссионный. С юношеских лет Махно попал под влияние екатеринославских анархистов, затем осваивал его во время многолетнего пребывания в Бутырской каторжной тюрьме, где в роли наставника молодого Махно выступил анархист Петр Аршинов. Жизненные университеты выковали в «Скромном» (кличка Махно со времен каторги) анархистские волю и жестокость. Являясь по своим взглядам приверженцем анархизма, Махно в теории разбирался неважно[1]. Махно сохранил верность усвоенным в юности идеалам — идее всеобщего передела и равенства, всевластия трудящихся, желания сделать бедных счастливыми. Свобода, вольный труд, равенство и солидарность были призваны восторжествовать над рабством под игом государства и капитала. Анархисты, отрицая диктатуру пролетариата, понимали социальную революцию как переход средств производства в распоряжение трудящегося-производителя. Врагами трудящихся для анархо-коммунистов были не только помещики, но и кулаки как угнетатели трудового народа.

---

[1] Анархистский наставник Махно — Петр Аршинов (Марин) отмечал недостаток знаний (теоретических, исторических, политических) у Махно, вследствие чего Махно «часто упускал теорию из виду» (5: 210].

Ближайшее окружение Махно состояло из его земляков, освоивших в основном начальный образовательный уровень (одно-двухгодичное обучение в школе), включая самого малограмотного «полупролетария» Махно. Можно предположить, что они вряд ли штудировали анархо-коммунистические сочинения Кропоткина, но верили в уравнительный социализм. Для махновцев более понятен был язык, выраженный в одной из листовок штаба махновцев: «Повстанческая армия считает своим святым долгом стать на защиту интересов трудового крестьянства против попытки господ коммунистов запрячь в свой хомут трудовое крестьянство. Повстанческая армия — меч в руках трудового народа, призывает Вас, товарищи крестьяне и рабочие, самим взять в свои руки и дальнейшее строительство своего счастья, и свои народные трудовые богатства без помощи партийных лиц, пророков и большевистских шарлатанов, которые достойны смерти как гнусные воры, трусы и разбойники перед трудовым народом, в котором они находят только "человеческий материал" и пушечное мясо» [2: 337].

Для характеристики социального состава махновского воинства приведем группу командного состава махновцев, входивших в число ближайших сподвижников Махно: Куриленко Василий — уроженец семьи батрака Мариупольского уезда — являлся командиром полка, членом штаба повстанческой армии, был представлен к награждению орденом Красного Знамени за взятие Мариуполя; Петренко Петр — из батрацкой семьи — полный георгиевский кавалер, прапорщик, командир полка, командир ударной группы, начальник штаба Азовской группы повстанческой армии; Правда — из батрацкой семьи Александровского уезда — командир отряда, полка, начальник лазарета, армейского обоза; Троян Гавриил — батрак из Гуляйполя, адъютант Махно, секретарь Военно-революционного совета махновской армии, командир особого полка, особой группы при командарме; Каретников (Каретник) Семен — безземельный крестьянин, батрак Гуляйпольской волости — командир полка, помощник командарма (заместитель Махно), и.о. командующего повстанческой армией (махновцев), командующий особой Крымской группой войск махновцев; Щусь Федор — крестьянин-бедняк села Большая Михайловка Александровского уезда — начальник махновской кавалерии, член штаба повстанческой армии, заместитель Махно; Белаш Виктор — уроженец села Новоспасовка Бердянского уезда Таврической губернии, рабочий-машинист паровоза — начальник оперативного отдела штаба Махно, начальник штаба, за-

меститель председателя совета Революционной повстанческой армии Украины (махновцев); Василевский Григорий — крестьянин Гуляйполя, из бедной семьи — личный друг Махно и соратник, нередко исполнял роль его заместителя, в конце 1919 г. — январе 1920 г. — адъютант Махно; Вдовиченко Трофим — уроженец батрацкой семьи села Новоспасовка Бердянского района — участник Первой мировой войны, прапорщик, полный Георгиевский кавалер, с мая 1918 г. — командир 2-го Новоспасовского отряда, с сентября по декабрь 1919 г. — командир 2-го Азовского корпуса повстанческой армии махновцев, с мая 1920 г. по май 1921 г. — командир Азовской группы повстанческой армии; Веретельников Борис — крестьянин из Гуляйполя, работал литейщиком на заводе Кригера и на Путиловском заводе в Петрограде. В начале 1919 г. — главный комиссар Военно-революционного полевого районного штаба Гуляйполя, в мае 1919 г. — старший помощник начштаба 3-й Заднепровской дивизии; Марченко (Шевченко) Алексей — уроженец Гуляйполя, из семьи бедняков — младший унтер-офицер царской армии, член Совета революционных повстанцев, в конце 1919 г. — начале 1920 г. — командир корпуса, командующий всей кавалерией армии, с июня 1920 г. — командир кавгруппы [2: 886—890, 897, 901, 905, 911—912, 917, 920—921]. Приведенные махновские командиры, игравшие заметную роль в крестьянском движении, являлись выходцами из бедноты, имели в основном образование не выше начального.

Махно усвоил анархистское отрицание национальности как таковой и сплочение трудящихся на интернациональной основе: боролся с националистами-самостийниками, выступал против антисемитизма[1]. Анархисты в окружении атамана в большинстве своем были евреи. В составе махновских отрядов, боровшихся против гетмана и деникинщины, позже против советской власти, была особая еврейская батарея (весь состав ее, повстанцы и командиры, были исключительно евреи). Махновскую контрразведку возглавлял Лев Задов (Зинь-

---

[1] Одной из причин убийства окружением Махно атамана Григорьева явились антисемитские погромы. В опубликованном 7 мая 1919 г. в Елизаветграде (Кировоград) «погромном универсале» Григорьева «К украинскому народу [Его начало]» говорилось: «Народ украинский. Народ измученный! Тебе насильно навязывают коммуну, чрезвичайку и комиссаров из Московской “обжорки” и той страны, где распяли Христа...» [2:860].

ковский). Макс Черняк, ваходец из бедной еврейской семьи, занимал в разное время должности командира полка, начальника бердянской контрразведки (1919), начальника махновской контрразведки в начале 1921 г. [2: 919—920].

Почти весь созданный при атамане, по примеру большевиков, собственный «революционный военный совет» состоял из евреев. В него входили, помимо старших наставников Махно П. Аршинова и В. Волина, анархисты И. Тепер, И. Эмигрант, Я. Алый, А. Барон. В начале 1919 г. исполком Военно-революционного совета в воззвании к рабочим, крестьянам и повстанцам объявил резкое осуждение еврейских погромов [2: 64].

2-й съезд Гуляйпольского районного съезда фронтовиков, Советов, отделов и подотделов военно-революционного штаба района в феврале 1919 г. в специальной резолюции «против грабежей, насилий и еврейских погромов, чинимых разными темными личностями. прикрывающимися именем честных повстанцев», объявил: порабощенные всех национальностей — русские, поляки, латыши, армяне, евреи, немцы — должны объединиться в одну общую дружную семью рабочих и крестьян, чтобы «сбросить с себя цепи экономического рабства и духовного закрепощения». Все лица, принимавшие участие в подобных бесчинствах и насилиях, объявлялись врагами революции и трудящегося народа и подлежали расстрелу на месте преступления [2: 88—89].

Обладавший природным прагматичным умом Махно не мог не осознавать несоответствие анархических идей с их реальным воплощением. Анархическое движение, полное революционного пафоса, сыграло заметную роль в революционной общественной ломке. В соответствии с анархистской доктриной махновцы разрушали и взрывали тюрьмы в занятых городах — давали человеку свободу. Но анархические мечты и идеалы разбивались от столкновения с жизненными реалиями. Теоретики анархизма не могли придумать конкретных путей воплощения собственных идей в практике построения нового общества.

Анархисты ожидали, что их теоретик Кропоткин укажет конкретные пути для организации крестьянского движения в деревне, объяснит, как трудящийся может завладеть землей без власти над собой. 30 мая 1919 г. из Гуляйполя Махно написал Кропоткину письмо, в котором сообщал о посылке продовольствия для теоретика анархизма и просил прислать в махновское издание статью «о социальном строительстве в деревне», что, по его словам, «очень важно было бы

для крестьян» [20: 530]. Летом 1918 г. Махно в Москве встречался с Кропоткиным. Но ожидания не оправдались. Мечтатель-идеалист Кропоткин не дал ответа на эти вопросы. Анархисты в махновщине самостоятельно пытались создать образ крестьянства в качестве творца и носителя революции в деревне.

Жизненная практика разрушила анархистские идеальные теории. Идея сделать Повстанческую армию махновцев Всемирной Повстанческой армией [2: 337] являлась анархической грезой. Доктрина анархо-коммунизма отвергала государство, но практика заставила Махно заняться основами государственного строительства: у нового «государства» (Махновии) образовалась столица — Гуляйполе, пришлось создавать государственные органы — советы («вольные» и «безвластные» по названию), заниматься повседневной организацией жизни населения.

Махновский реввоенсовет в своем постановлении продекларировал анархокоммунистический принцип свободного обмена продуктами труда, главным образом между трудящимися. Но попытка воплощения данной кропоткинской идеи по поводу непосредственного товарообмена деревни с городом, без участия посредника в лице государства, на практике провалилась. Попытка устройства вольных коммун оказалась безуспешной, когда государство заявило свои права на результат труда «свободных» коммунаров. Постановление ВРС устанавливало оборот различных видов денег — советских, украинских и иных [2: 323]. Но анархистский догматизм, выразившийся в хождении всех видов денежных знаков (от царских до советских и деникинских), привел к полному хаосу финансового рынка в Махновии.

Анархистские теоретики, выступавшие от имени популярного народного атамана, общего языка с крестьянской массой не находили. Неслучайно среди анархистов существовали настроения, что махновщина «не гармонирует» с идейными основами социализма [2: 602]. Интересы крестьян не противоречили стихийному анархизму, но анархизм не воспринимался как политическое учение. Психология мелкого собственника в сочетании с природным индивидуальным анархическим эгоизмом демонстрировала нежелание любой власти над собой. Поддержка населением махновщины (пополнение, укрывательство) обусловливалась потребностью в защите от грабительской политики власти, самоуправлении, а также возможностью воспользоваться материальными выгодами безвластия (отказ от уплаты налогов и выполнения повинностей, захват земли, военная добыча).

В резолюции экстренного совещания активных работников анархистской конфедерации «Набат» в марте 1920 г. содержались следующие положения: «Поскольку в этом движении проявляется стремление народных низов к самоосвобождению, долг каждого анархиста — активно помогать ему в борьбе с государством. Но махновская армия не анархистская армия. Махновская армия представляет собою сплетение революционной преданности, отваги, самопожертвования с предрассудками среднего деревенского жителя....Твердо зная ближайшую непосредственную задачу — бить буржуев и гнать насильников-властителей, повстанцы-махновцы имеют, однако, весьма смутное представление об анархическом идеале». Поэтому совещание конфедерации «Набат» напоминало своим сторонникам: нельзя смешивать махновское движение с анархистским движением, тем более подменять одно другим. Ставилась задача «из наиболее сознательной части повстанцев-махновцев сделать передовой идейный анархистский авангард» [21: 388—389; 2: 332—333].

Объективную оценку отношений анархизма и махновщины дал П. Аршинов. По его свидетельству, махновщина зародилась и развивалась самостоятельно, без воздействия со стороны анархических организаций. Анархисты вошли в движение с громадным опозданием, когда социальное строительство было прервано боевыми действиями. Анархисты оказались в обстановке военных действий. Аршинов сожалел о нераскрытом потенциале анархизма, который, по его мнению, являлся единственным мировоззрением, на который могла опереться махновщина в борьбе с большевизмом [5: 225, 227, 228].

Примечательно мнение по поводу влияния анархизма на махновщину, высказанное анархистом Д.И. Поповым: попытки как партии, так и различных анархических групп предпринимались неоднократно, но успехом не пользовались. Попов аргументировал собственную оценку: «Приходится, констатируя неподготовленность трудовых масс, сказать, что анархическое строительство массовое невозможно, а, следовательно, и попытка затеять сейчас кампанию в массах за ломку существующего государственного коммунистического аппарата Советской власти была бы попыткой в высшей степени необдуманной и, несомненно, в ущерб интересам революции. Предположим, что за короткий срок в какой-то степени и удалось бы разрушить государственный аппарат, но, несомненно, создать взамен его не удалось бы абсолютно ничего. Отсюда — короткий отдых, предназначенный для укрепления революционных сил, данной борьбой и

ломкой вконец бы обессилил и расшатал и без того измученный организм революции. Разрушив хотя и существующее с большими недостатками государственное коммунистическое строительство, мы бы остались у разбитого корыта: неспособные ни к малейшему отпору наступающей реакции. Следовательно, для меня, как для анархиста-коммуниста, в принципе идейно отвергающего государственность, наименьшим все-таки злом является не разрушение в данный момент государственного аппарата власти, а его сохранение, поскольку он является единственным аппаратом налаживания и усиления в данный момент революционной мощи крестьян и рабочих» [22].

Махновский анархистский реввоенсовет устраивал митинги, пытаясь разъяснить основы анархистского учения, издавал газеты-листовки с бунтарскими названиями «Набат», «Путь к свободе», «Вольный повстанец», содержание которых переполнялось анархистской демагогией. Кто читал анархистские издания? Неграмотная крестьянская масса?

Властных полномочий реввоенсовет не имел. Штаб Махно держал его в «ежовых рукавицах». Группа махновской армии крымского направления решением начальника корпуса организовала даже собственный ВРС, не подчинявшийся ВРС Волина. Показательно следующее событие. 20 ноября 1919 г. на совместном заседании Военно-революционного Совета и командования Повстанческой армией махновцев председатель реввоенсовета Волин в ответе на заявление Махно, что «Совет ничего не делает», заявил: Совет напрягает все свои усилия, но с ним не считаются, в результате решения реввоенсовета остаются лишь на бумаге — постановления и предписания Совета не выполняются. Командарм, сокрушался Волин, редко бывал на заседаниях реввоенсовета. Волин обращался к Махно с просьбой издать по армии специальный приказ, в котором потребовать от командиров выполнения всех постановлений ВРС. Попытка реввоенсовета вмешаться в дела махновской контрразведки получила немедленный отпор со стороны начальника контрразведки: «Мы над собой никаких комиссий не признаем. Мы работаем так, как показывает нам необходимое для блага трудящихся». Даже рассмотрение вопросов санитарной комиссии закончилось постановлением: просить Батько Махно, чтобы выполнил данное обещание в отношении санитарной комиссии [2: 279—281, 285].

Анархистские комиссары Махно сформулировали необходимость проведения так называемой «добровольной мобилизации» — яркое

свидетельство того, как анархистская догма расходилась с реальной жизнью. Термин «мобилизация» подразумевает принудительный призыв в армию населения с суровым наказанием за уклонение. Но в теории анархисты были против принуждения. Вот и придумали нечто вроде развития анархизма через подобное словосочетание. Первоначально в феврале 1919 г. 2-й съезд Гуляйпольского районного съезда фронтовиков, Советов, отделов и подотделов Военно-революционного штаба района объявил обязательную всеобщую мобилизацию. Трактовка резолюции по данному вопросу вызывает недоумение: мобилизация определялась, с одной стороны, как непринудительная — отвергающая принцип давления сверху насилием и приказами, но, с другой стороны, как обязательная: каждому крестьянину, способному носить оружие, предлагалось самому осознать свой долг по защите интересов всего трудящегося народа и пойти в ряды повстанцев [2: 89].

Съезд крестьян, рабочих и повстанцев революционной повстанческой армии в Александровске 28 октября — 2 ноября 1919 г. принял решение о «добровольной мобилизации» в махновскую армию. Резолюция по вопросу об организации военных повстанческих сил устанавливала проведение на территории, освобожденной повстанческой армией (махновцами), добровольно-уравнительной мобилизации мужчин возрастной категории за 30 лет — с 19 до 48 лет. Формирование производилось по территориальному принципу — по селам, волостям и уездам. Специальная инструкция по формированию революционной добровольно-повстанческой армии из трудящихся разъясняла, что «все население мужского пола, начиная с 19 до 48-летнего возраста включительно, согласно добровольно-уравнительной мобилизации и с согласия каждого на то, что он идет добровольно в ряды Повстанческой армии для защиты интересов трудящихся масс от капитала, берется на учет и разбивается на следующие отдельные категории: а) от 19 до 28 лет включительно; б) от 29 до 38 лет; в) от 38 до 48 лет». Учет каждой отдельной категории разделялся по военной специальности: пехота, кавалерия, артиллерия, инженерные части, из которых и проводилось формирование Повстанческой армии в боевые единицы: отделения, взводы, роты и т.д. Выборы командиров подлежали ограничению — до полка включительно. Выполнение инструкции возлагалось на местные военные отделы волостных Советов, в случае их отсутствия — на волостные Советы. Командиры крупных соединений — бригад, дивизий, корпусов — назначались

штабом армии и Военно-революционным советом. Для установления «стальной товарищеской дисциплины» в рядах Повстанческой армии требовалось создать товарищеские суды [2: 232—234].

Конечно, создание «товарищеских судов» в военной армии, в условиях Гражданской войны — сам по себе нонсенс. Для этой цели создаются другие органы — военные и военно-полевые суды, трибуналы. Анархии «вольной безвластной армии» в махновщине не существовало. Анархистская «выборность командного состава» не могла заменить принцип назначения и единоначалия: командиров частей и подразделений (не только крупных соединений, как было записано в приведенной инструкции) назначал сам Махно или его приближенные.

В соответствии с доктриной анархизма, отрицавшей власть государства, носители теории не должны были признавать обязательные государственные атрибуты — вооруженные и полицейские силы. Но в данном вопросе также анархистская теория столкнулась с противоречием практики: «безвластная» власть Махно устанавливала якобы безвластие силой оружия — винтовка рождала власть. Анархистское отрицание законов порождало произвол.

Крестьянское движение находило свое организационное выражение в махновской повстанческой армии. Повстанческая армия Махно сложилась весной 1919 г. Приказы Махно по Революционной повстанческой армии (махновцев) требовали ввести в частях, вполне в анархистском духе, «братскую, разумную дисциплину» [23]. В телеграмме от 29 января 1919 г. в адрес советского командования Махно уверял: предприняты самые строжайшие меры по прекращению грабежей, убийств, реквизиций и конфискаций — если совершается где-либо подобное, то только провокаторами [24]. Однако осуждение грабежей не могло их остановить, даже методом показательных расстрелов грабителей-махновцев: привычным явлением стали расстрелы, которые производились махновским воинством, в том числе непосредственно Батькой, жестокие расправы, грабежи и конфискации имущества, ужасы махновской контрразведки. Во всех видах «революционного насилия» Махно сам принимал непосредственное участие.

Черный анархистский флаг[1] над массовым крестьянским движением являлся лишь внешней оболочкой махновщины. Крестьянская

---

[1] Наряду с черными в махновских отрядах встречались красные флаги [2: 621].

вольница с оружием в руках отстаивала независимость родных сел. В условиях Гражданской войны, когда смерть стала восприниматься обыденным делом, крестьяне твердо усвоили простую истину: их атаман против красных с их продразверсткой и против белых с их реквизициями — то и другое воспринималось как грабеж. Поэтому крестьянство поддерживало Махно, который их защищал со своими боевыми отрядами.

Основные принципы организации армии, по анархистской умозрительной конструкции, — добровольчество, выборное начало, самодисциплина — в действительности оказались не более чем декоративным фасадом реального построения вооруженного махновского воинства. Революционно-повстанческая армия махновцев в основе своей копировала организацию Красной армии. Пехота делилась на бригады, полки, батальоны, роты, взводы, отделения.

Приказ № 2 по Повстанческой армии в октябре 1919 г. требовал ввести в частях строжайшую дисциплину, прекратить самочинную конфискацию лошадей, бричек, грабежи «пресечь в корне». В приказах по подразделениям махновской армии командиры угрожали жестоким наказанием за самовольные реквизиции и контрибуции, пьянство, занятие «гульбой и развратом», насилие и «коварное обращение с мирными жителями» [25; 2: 286, 287, 299].

Один из первых обладателей советского ордена Красного Знамени (по свидетельству его жены Г.А. Кузьменко — других документальных свидетельств не сохранилось), Махно создавал и умело использовал тактику партизанской войны (в том числе против Красной армии). Командный состав махновской армии состоял из бывших унтер-офицеров царской армии с хорошей боевой подготовкой и накопленным опытом партизанской войны в годы повстанческого движения [26]. Установленный штабом повстанческой армии регламент штабной работы проявился в тактической четкости и разработанности организации военных действий махновского штаба и командиров частей, основанных на информации, полученной из агентурных данных.

Разведка махновцев была четко отлажена: приказы штаба основывались на точных агентурных сведениях, добываемых с помощью населения: отслеживалось передвижение и прибытие советских воинских частей (с указанием конкретной части, цели прибытия, маршруты движения). Отметим, что советское военное руководство высоко оценивало результаты разведки Махно не только в селениях, но и на уровне уездов, волостей [27].

Недостаток воинского порядка и сил восполняли подвижность, стремительность, неожиданность и смелость действий. Для переброски пехоты, пулеметов, боеприпасов применялись тачанки — именно махновцам принадлежит приоритет использования тачанки (легкие рессорные экипажи) для стремительной транспортировки пехоты и пулеметов[1]. Быстрота передвижения достигалась за счет замены лошадей у местного населения. Махно требовал в обмен на свежих лошадей отдавать утомленных, а также рассчитываться деньгами. Переход едва ли не в сотню верст за сутки был для них не редкость. Махно и его штаб долгое время были неуловимы. Оружие, боеприпасы и снаряжение пополнялось из числа трофеев. Потери личного состава махновцев восполнялись новым молодым пополнением.

Махно изобрел гибкие тактические схемы. Оставив небольшой отряд для приманки, он мог быстро отступить, стараясь заманить противника, а затем быстро и незаметно зайти ему в тыл и во фланги. В результате противник терпел поражения от подобных неожиданных и стремительных рейдов, ударов с тыла. Другой тактический прием партизанской тактики заключался в следующем: в окружении махновцы распылялись на мелкие группы, просачивались сквозь кольцо окружения и затем снова соединялись, чтобы ударить с тыла. При необходимости группы махновцев уходили в разные стороны, сбивая врага с толку. Махновские партизанские отряды растворялись в степных просторах, зарывая оружие в землю, превращались в мирных селян. В дальнейшем по условленному сигналу они опять соединялись в организованном порядке в единую боевую силу.

Масштабная ликвидация махновщины началась сразу после победы советских войск над Врангелем. Последний — третий по счету — временный союз советской власти с Махно, обусловленный

---

[1] Создание легенды о приоритете 1-й Конной армии С.М. Буденного в использовании тачанки для транспортировки пулеметов и пехоты принадлежит И. Сталину. На торжественном заседании в Военной академии 17 ноября 1923 г. по поводу годовщины создания 1-й Конной армии Сталин объявил: «Самая характерная страница истории Конной армии это то, что летом 1919 года кавалерия превратилась в соединение массы конницы с массой пулеметов. Знаменитая "тачанка" является показателем этого соединения. Характерная черта состоит в том, что конница приобрела еще одно новое свойство, давшее ей победу над конницей Деникина: она присоединила к себе некоторые пехотные части, которые она обычно передвигала на подводах» (*Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 352—353).

совместной борьбой с Белым движением, был разорван сразу после окончания боев на Крымском полуострове. Советское военное командование нарушило военно-политическое соглашение между правительством УССР и Революционной повстанческой армией Украины (махновцев), заключенное 2 октября 1920 г.: в соответствии с этим соглашением махновская армия входила в состав вооруженных сил Советской Республики как партизанская, с сохранением установленного распорядка, «не проводя основ и начал регулярных частей Красной армии» [2: 485]. 23 ноября 1920 г. Реввоенсовет Южного фронта отдал приказ командованию Повстанческой армии махновцев: немедленно приступить к преобразованию партизанских повстанческих частей в регулярные воинские соединения Красной армии. Судьба данного приказа была предопределена изначально: на подобный шаг махновцы не пойдут. РВС фронта (Фрунзе, Смилга) явно превысили свои полномочия. На следующий день М. Фрунзе в своем приказе объявил: «С махновщиной надо покончить в три счета» [28].

26 ноября 1920 г. приказом РВС Южного фронта Махно и все его отряды объявлялись врагами Советской Республики [29]. Командир Крымской группы войск махновцев С. Каретников 24 ноября был вызван в штаб Фрунзе якобы на военное совещание, арестован и 28 ноября расстрелян. Аналогичная участь постигла начальника полевого штаба махновцев в Крыму П. Гавриленко. Представитель махновцев при штабе Южного фронта в Харькове А. Буданов был арестован ЧК в ночь с 25 на 26 ноября, в конце ноября расстрелян.

Против махновцев была развернута мощная пропагандистская война, в которой использовались провокационные средства. В частности, активно эксплуатировался созданный миф о тайном союзе Махно с белогвардейскими генералами [2: 427]. Население Украины возбуждалось настойчивыми сообщениями о регулярных захватах махновцами железнодорожных продовольственных составов для рабочих Донбасса [30].

10 октября 1920 г. в воззвании Троцкого «Что означает переход Махно на сторону Советской власти?» утверждался новый миф: махновщина «по недомыслию» опиралась непосредственно на кулацкие верхи деревни [2: 498]. Автор не обращал внимание на явное противоречие данного утверждения его же собственному заявлению в статье «Махновщина» в 1919 г. об анархистской природе махновщины: ведь кулак для анархокоммуниста воспринимался не иначе, как враг трудящихся. Поэтому попытка Троцкого объединить в одном соци-

альном явлении — махновщине — непримиримые стороны представляется не просто ошибочной — скорее провокационной: квалифицированный теоретик Троцкий не мог не понимать элементарных теоретических нюансов. Другое дело, подобные упражнения в знаниях не интересовали неграмотную крестьянскую массу. Для народа более понятными были их собственные жизненные наблюдения, когда кулаки пытались уничтожить Махно силами добровольческих отрядов.

Едва закончилась крымская кампания, как советская власть на Украине развернула борьбу с явлением, которое в то время называлось термином «бандитизм». Детальный порядок ее ведения регламентировался специальным документом — «Краткой инструкцией по борьбе с бандитизмом на Украине», которую утвердили председатель СНК Украины Х. Раковский, командующий всеми вооруженными силами Украины М. Фрунзе, секретарь ЦК КПУ В. Молотов в г. Харькове 8 декабря 1920 г.

Согласно данной инструкции, все виды вооружения и воинского снаряжения подлежали изъятию у населения. Поскольку приказы о сдаче всего оружия, как правило, цели не достигали, предлагалось, пользуясь сведениями особых отделов, устанавливать точно количество оружия, подлежащего к сдаче. При назначении планового количества, подлежащего выдаче, рекомендовалось «не зарываться» и указывать действительно возможное к исполнению, но требование доводить до конца, не останавливаясь перед расстрелом заложников, взятых в качестве обеспечения успешного сбора оружия. С целью максимального сбора оружия разрешалось одновременно с данной операцией устанавливать контрибуцию для местного населения: лошадь, корову или свинью за несданную винтовку, например. Контрибуцию можно было заменить оружием. В случае обнаружения не сданного при обыске оружия, независимо от того, выполнен ли наряд на винтовки полностью или нет, виновные в сокрытии подлежали расстрелу.

С учетом особой важности транспортных путей и средств связи вводились предупредительно-карательные меры в пятнадцативерстной полосе по обе стороны железнодорожной линии или телеграфной магистрали: возложение на местное население ответственности за взрыв мостов, порчу пути или паровозов, взятие заложников. В районах и местностях, наиболее охваченных бандитизмом, на местное население возлагалась ответственность в виде круговой поруки за какое бы то ни было волнение или выступление против советской власти.

В подобных случаях взятые заложники или часть связанных круговой порукой мирных жителей отвечали «головой за гибель агентов советской власти или лиц, стоящих под ее защитой». Аналогичная ответственность возлагалась за несвоевременное предупреждение о появлении в данном районе банд, уходе в банды односельчан или в случае, если в данном селе укрывался бандит или подозрительные лица без определенных занятий, особенно неместного происхождения.

В случае проявления враждебности населения в какой-либо местности в отношении советской власти, укрывательства или невыдачи бандитов и повстанцев для местного населения устанавливались различные наказания: контрибуция продуктами и продовольствием; контрибуция предметами обмундирования (белье, теплая одежда, сапоги, подушки, одеяла и т.п.); выселение и «изъятие» семейств главарей и зачинщиков восстаний с конфискацией всего их имущества и передачей последнего бедноте; в определенных случаях уничтожение (поджог или разрушение) домов бандитов. При этом специально оговаривалась недопустимость сжигания или уничтожения артиллерией «вне боя» селений целиком или отдельных кварталов [31]. Последнее запрещение уничтожения сел и деревень объяснялось чрезмерным расточительством потенциальной собственности и имущества. Текст приведенной инструкции местами пересыпался акцентированными ссылками на кулаков, «кулацкое население», «кулацкие слои», однако подобные классовые акценты не могли заслонить совершенно определенную антинародную направленность данного документа.

В ликвидации махновщины использовались те же военно-карательные методы, которые апробировались на образовавшемся в первой половине 1921 г. «внутреннем фронте» в борьбе с другими крупными очагами крестьянского повстанчества, особенно антоновщиной и Западно-Сибирским восстанием. Тактика борьбы с партизанскими методами махновцев включала в себя изолирование повстанцев от основных баз и опорных пунктов — в повстанческих районах были расставлены постоянные гарнизоны из состава регулярных войск, преимущественно кавалерийские. Для этого специально определялись «бандитские очаги» — села объявлялись «контрреволюционными гнездами», из которых выселялись подозреваемые в связях с махновцами, их имущество конфисковывалось. Под охраной гарнизонов создавался советский аппарат на местах, формировались отряды самообороны [32]. Против повстанцев использовались броне-

поезда, броневики, аэропланы, производившие разведку, бомбежку и обстрел.

На предполагаемых маршрутах движения махновцев устанавливались сильные заслоны. Беспрерывное изматывающее преследование махновских отрядов обеспечивали маневренные отряды и особые кавалерийские летучие отряды при гарнизонах, в состав летучих отрядов входили подготовленные и проверенные чекисты-разведчики. Специальные органы занимались организацией агентурной сети среди населения. Перед особыми отделами и органами ВЧК были поставлены четкие задачи: выявление действующих руководителей банд, место их пребывания, лиц, их укрывающих, и способы вылавливания или уничтожения; определение количества рядовых участников банд, их вооружение, расположение штабов, возможности разложения и ликвидации; политическое состояние деревенского населения, его отношение к действующим бандам, количество оружия у населения; оперативные мероприятия по устранению и ликвидации главарей; введение осведомителей в состав советских органов — волисполкомы и волревкомы — для выявления проникших в них бандитских элементов и ликвидации их [33]. Производилась также чистка красноармейских частей от промахновских настроений — над этим работали специальные армейские комиссии.

По личному настоянию председателя ВЧК Ф. Дзержинского Оргбюро ЦК РКП(б) обсуждало вопрос о награждении отличившихся красноармейцев в боях с махновцами — для этой цели выделялась большая партия подарков, в том числе из фондов Гохрана: серебряные портсигары, металлические и серебряные часы, цепочки, шашки, кинжалы [34]. В циркулярной телеграмме всем губчека и особым отделам от 30 марта 1921 г. Дзержинский требовал усилить в деревнях вербовку агентов в крестьянской среде, ускорить ликвидацию главарей, «не останавливаясь перед наградами, ни денежными, ни материальными» [2: 608—609]. По инициативе Дзержинского формировались специальные отряды ВЧК для борьбы с махновцами (говоря на современном языке — спецназ) [35].

Приказ командующего всеми вооруженными силами на Украине и уполномоченного РВС Республики М. Фрунзе 6 апреля 1921 г. ввел в действие «Инструкцию о заложниках», утвержденную Центральной комиссией по борьбе с бандитизмом при СНК Украины. В соответствии с установками данного документа в каждом отдельном случае перед взятием заложников объявлялся конкретный срок, в течение

которого должны быть выполнены предъявленные населению требования, причем широко оповещалось, что в случае невыполнения установленных требований ответственность возлагалась на все население местности.

Заложники должны определяться из числа родственников бандитов, лиц, заподозренных в соучастии и сочувствии бандитам и повстанцам. После взятия заложников населению на месте объявлялось, что лишь по мере выполнения предъявленных населению требований, в течение определенного срока заложники будут освобождаться. В то же время местное население оповещалось руководителями операции о следующем: заложники содержались в губернском городе, чтобы в случае проявления в дальнейшем бандитизма в данной местности, ухода жителей к повстанцам и восстаний они подлежали расстрелу. Данной инструкцией были обязаны руководствоваться все советские войска, направленные на борьбу с бандитизмом [2: 610].

С целью ликвидации повстанчества использовалось объявление амнистии в отношении добровольно вернувшихся бандитов и партизан. Местные советские органы принимали постановления: раскаявшиеся бандиты и партизаны имели возможность получить обратно свои прежние земельные наделы [2: 611]. Для махновцев устанавливалась амнистия в связи с 4-й годовщиной Октября, позднее срок амнистии был продлен постановлением ЦИКа Украины до 15 мая 1922 г. V Всеукраинский съезд Советов принял закон об амнистии. Воззвание бывших атаманов «К повстанцам-махновцам» призывало добровольно сложить оружие[1]. Амнистия по всей Советской Республике объявлялась в связи с 5-й годовщиной Октябрьской революции. Переход к нэпу значительно подорвал основы повстанческого движения.

Источники и примечания:

1. В постсоветский период по тематике махновщины издано множество книг; приведем лишь некоторые из них: *Семанов С.Н.* Нестор Махно. Вожак анархистов. Новое прочтение по новым материалам.

---

[1] Амнистированные махновцы использовались для поимки и ликвидации главарей повстанцев, не сложивших оружия. Так, член махновского реввоенсовета, командир особой группы войск Брова был убит амнистированными повстанцами своего отряда. Тарановский Е., член ВРС махновской армии, член штаба армии, начальник штаба Повстанческой армии (заместитель Махно) был сожжен крестьянами на костре в августе 1921 г.

М., 2005; *Шумов С.А., Андреев А.Р.* Махновщина. М., 2005; *Верстюк В.* Комбриг Нестор Махно. Харьков, 1990; *Комин В.В.* Махно: мифы и реальность. М., 1990; *Нестор Иванович Махно.* Воспоминания, материалы, документы. Киев, 1991; *Голованов В.Я.* Тачанки с юга. Художественное исследование махновского движения. М. — Запорожье. 1997; *Телицын В.* Нестор Махно. Историческая хроника. М. — Смоленск, 1998; *Шубин А.В.* Махно и махновское движение. М., 1998; *Ахинько В.М.* Нестор Махно. М., 2000.

2. *Нестор Махно.* Крестьянское движение на Украине. 1918—1921: Документы и материалы. М., 2006.

3. *Семанов С.Н.* Нестор Махно. М., 2005.

4. *Деникин А.И.* Вооруженные силы Юга России (Очерки Русской Смуты) // Белое дело: Избр. произведения в 16 кн. Поход на Москву. М., 1996.

5. *Аршинов П.А.* История махновского движения (1918—1921 гг.). Запорожье, 1995.

6. РГАСПИ.Ф. 71. Оп. 35. Д. 581. Л. 1—40.

7. Махновщина. М., 2005.

8. РГВА.Ф. 25899. Оп. 1. Д. 91. Л. 120—123.

9. РГВА.Ф. 33987. Оп. 2. Д. 74. Л. 7—8; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 93.

Л. 48—49.

10. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 1. М., 2000.

11. РГВА.Ф. 198. Оп. 5. Д. 40. Л. 43.

12. Комитеты незаможных селян (КНС) — организация сельской бедноты на Украине в 1920—1933 гг. В отличие от украинских комитетов бедноты 1919 г. они включали и наименее состоятельную часть середняков. Перед комнезамами ставились задачи осуществления законов о продразверстке, наделении землей и инвентарем безземельных и малоземельных крестьян, укрепления органов советской власти в деревне. К моменту X съезда комнезамов (октябрь 1920) было создано 10 тыс. сельских и волостных КНС. Они производили конфискацию помещичьих земель и излишков кулацких земель (с инвентарем и скотом), распределяли их среди бедноты и середняков, выявляли скрытые хлебные запасы у кулаков.

13. РГАСПИ.Ф. 2. Оп. 1. Д. 9361. Л. 1.

14. РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 114. Л. 1—5.

15. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 216. Л. 128.

16. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 216. Л. 212.
17. РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 78. Л. 81.
18. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 216. Л. 255
19. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 93. Л. 91—104.
20. *Махно Н.И.* Азбука анархиста. М., 2005.
21. Анархисты: Документы и материалы. 1883—1935 гг.: В 2-х т. Т. 2. 1917—1935. М., 1999.
22. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 109. Л. 19—28, 31—42.
23. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1574. Л. 1—3.
24. РГВА. Ф. 936. Оп. 1. Д. 14. Л. 27.
25. РГВА. Ф. 198. Оп. 5. Д. 45. Л. 1, 30; Д. 40. Л. 5.
26. РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 444. Л. 4.
27. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1589. Л. 11—64; РГВА. Ф. 32015. Оп. 1. Д. 11. Л. 63.
28. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 408. Л. 156.
29. РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 38. Л. 9.
30. РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 528. Л. 2.
31. РГВА. Ф. 25899. Оп. 1. Д. 35. Л. 345—347.
32. РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 240. Л. 48; Оп. 1. Д. 89. Л. 113.
33. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1574. Л. 16—18.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 122. Л. 88—89.
35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 205. Л. 24.

ГРИГОРЬЕВЩИНА

В мае 1919 г. на юге Украины произошло крупное восстание против Советского государства. По имени его руководителя атамана Григорьева антисоветское выступление получило наименование григорьевщины.

Григорьев Николай (Никифор) Александрович [1878—1919] — из крестьян, штабс-капитан царской армии. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Награжден Георгиевским крестом. В 1917—1918 гг. служил в войсках Центральной рады, затем получил звание полковника в Украинской державе гетмана Скоропадского. В декабре 1918 г. примкнул к петлюровцам, одновременно вошел в сговор с левыми украинскими эсерами-боротьбистами. После поражения Директории Украинской народной республики перешел 2 февраля 1919 г. на сторону Красной армии. По соглашению с командующим

Украинским советским фронтом В.А. Антоновым-Овсеенко партизанские григорьевские отряды влились в состав 2-й украинской советской армии на правах автономной единицы. Условия подобного присоединения противоречили порядку формирования регулярной Красной армии. Взаимные уступки объяснялись пониманием обеими сторонами временности и недолговечности заключенного союза.

18 февраля Григорьев был назначен командующим сформированной из его бойцов 1-й бригады Заднепровской советской дивизии П.Е. Дыбенко (комбригом 3-й бригады являлся Н.И. Махно). 10 марта 1919 г. войска Григорьева овладели Херсоном, 12 марта французское командование добровольно освободило Николаев. После этого Григорьев отправил телеграмму военному губернатору Одессы, предлагая сдать город, угрожая в противном случае снять с него кожу и сделать из нее барабан. Франко-греческие войска получили от собственного командования приказ очистить Одессу в трехдневный срок (после падения в начале апреля во Франции правительства Клемансо, активного сторонника интервенции, первыми шагами его преемников был отзыв союзного десанта Антанты из России). Поэтому войска Григорьева, не встретив отпора, 6 апреля 1919 г. заняли Одессу. Тем не менее комбриг Григорьев был награжден орденом Красного знамени за взятие Одессы. 25 апреля его бригаду, состоявшую из 6 полков, конного и артиллерийского дивизионов, реформировали в 6-ю стрелковую дивизию 3-й украинской советской армии. Однако красный комдив предпочитал называть себя «атаманом партизан Херсонщины и Таврии». В подражание великому киевскому князю Святославу Завоевателю атаман в своих обращениях к противнику сообщал: «Иду на вас». Современники однозначно характеризовали его как властного, чрезмерно честолюбивого, самолюбивого, коварного, авантюрного, бесшабашного и хвастливого человека. По описанию Нестора Махно, это был плотный, приземистый, говорящий в нос, грубый, самоуверенный, с некрасивым тупым лицом человек, вечно ругающий «жида» Троцкого [1: 528].

Атаман Григорьев обладал способностью быстро менять политический облик ради перспективы собственной блестящей карьеры, многократно предавая своих недавних соратников. Феномен григорьевщины был порожден издержками революционной общественной ломки, когда заявления о верности украинскому народу сопровождались на практике стремлением разрушить украинское государство. Атаман Григорьев мечтал о славе «победителя империалистов Ан-

танты», о роли вождя украинского народа. После взятия Одессы он говорил о себе как о великом полководце, стратеге мирового уровня. В течение двух недель в мае 1919 г. атаман стал одной из главных фигур украинской политики, претендуя на роль диктатора всей Украины. Но у него не оказалось ни политического опыта, ни образованности (образование его составляло лишь два класса начальной школы). С февраля 1919 г. начальником штаба у Григорьева являлся Юрий Тютюнник, бывший прапорщик царской армии, в 1917—1918 гг. — член Центральной рады, организатор восстания против гетмана Скоропадского, начальник штаба войск петлюровской Директории. Он был одним из тех, кто подтолкнул Григорьева к измене Петлюре. Но уже в марте Тютюнник, человек амбициозный, резкий, осознав неперспективность союза с властью Советов, стал проводить в бригаде антибольшевистскую агитацию. Сам Григорьев возмущался «засильем комиссаров», которых в его бригаду прислали, по словам атамана, «тридцать штук». С другой стороны, советское военное командование вынашивало планы переформирования григорьевской дивизии в регулярную часть и ареста атамана.

Неизбежные противоречия Григорьева с большевиками усилились после взятия Одессы. Одесса была центром интервенции армий девяти стран. Огромное количество оружия, боеприпасов, амуниции, мануфактуры, продовольствия, доставленные из-за границы в Одессу для армий интервентов, союзники не успели эвакуировать. Атаман не собирался делиться захваченным богатством с большевистским ревкомом. Особое недовольство у одесского ревкома вызывал назначенный Григорьевым комендант Одессы Тютюнник. Григорьевцы принялись вывозить награбленные трофеи эшелонами в родные села северной Херсонщины. Войска атамана Григорьева, который сам отличался хронической нетрезвостью, погрязли в постоянных грабежах и конфискациях, кровавых расправах над пленными. В национальном заповеднике Аскания-Нова григорьевцы уничтожали последних украинских бизонов.

Ускорению разрыва союза Григорьева с большевиками способствовало решение идеологов мировой революции в лице большевистского руководства направить отряды атамана на спасение революции в советской Венгрии, оказавшейся в блокаде, а также разжечь пламя пролетарской революции в Европе. Для этого требовалось разгромить Румынию, освободить Бессарабию, Буковину. Однако перспектива проливать свою кровь на чужой земле не устраивала украинских

крестьян — мировая пролетарская революция их не интересовала. В то же время нарастало недовольство крестьян продовольственной политикой военного коммунизма в их родных селах, попытками проведения массовой коллективизации в сжатые сроки, произволом продотрядов и органов ЧК. Продразверстка в украинских селах проводилась бесконтрольно и вылилась в реквизицию продовольствия, обрекая крестьянские семьи на голод. Помещичья земля передавалась не крестьянам, а создаваемым колхозам, совхозам, госхозам, государственным сахарным заводам. Крестьянин, который проливал кровь в борьбе за землю и волю, для которого собственная земля была главной мечтой, оказался обманут Советским государством. Вместо выборных Советов в селах Украины насаждались ревкомы и комитеты бедноты во главе с коммунистами, которых народ не избирал.

Выжидая и не отказываясь от наступления на Румынию и Венгрию, Григорьев получил у советского командования три недели для переформирования частей перед дальним походом и на отдых для своей дивизии в родных краях. В конце апреля 1919 г. григорьевцы ушли в район Елизаветграда (нынешний Кировоград) — Александрию, большая их часть была распущена по домам. Появление григорьевцев в селах, где хозяйничали продотрядовцы и чекисты, резко изменило обстановку на Херсонщине. Бойцы Григорьева открыто призывали к погромам, резне коммунистов и изгнанию русских с Украины. В первые же дни начались кровавые конфликты на Елизаветградщине, сопровождаемые убийствами коммунистов, чекистов и красноармейцев.

3 мая 1919 г. начался первый из еврейских погромов, устроенных григорьевцами, — на станции Знаменка. 4—6 мая они совершили погромы в Елизаветграде, Александрии, на станции Долинская, во время погромов григорьевцы избивали, убивали коммунистов, чекистов, комиссаров. 7 мая командующий 3-й украинской советской армией Н.А. Худяков приказал Григорьеву в течение 24-х часов прекратить безобразия со стороны солдат его дивизии. В противном случае он должен был прибыть в штаб армии в Одессу и сложить с себя полномочия комдива. Приказ-ультиматум командарма не оставлял атаману шансов. К тому же в тот же день, когда Григорьев получил приказ-ультиматум, его пытались арестовать чекисты особого отдела фронта, но неудачно. Григорьевцы расстреляли чекистов, арестовали всех коммунистов-политработников дивизии. Примечательно что за несколько дней до указанного приказа в дивизии Григорьева закончила

работу Высшая военная инспекция. В отчете инспекции говорилось о необходимости скорейшего увольнения Григорьева и его штабистов с командных должностей и предания их суду. Легитимную возможность для этого давал декрет об отмене принципа выборности командного состава, изданный в конце апреля 1919 г.

7 мая 1919 г. комдив Григорьев получил приказ советского командования сосредоточиться вдоль реки Днестр, на румынской границе. Однако Григорьев отказался выполнить приказ о перемещении 6-й дивизии на Румынский фронт. Опираясь на недовольство крестьянства юга Украины продразверсткой, он поднял восстание в тылу Красной армии против большевистской диктатуры. Подражая гетманам эпохи Хмельницкого и Мазепы, 8 мая 1919 г. атаман выпустил знаменитый «Универсал» «К украинскому народу [Его начало]» — политический манифест мятежников, который всколыхнул в мае 1919 г. всю Украину: украинский народ призывался восстать против коммуны, чрезвычайки и комиссаров. Григорьев объявил мобилизацию в трехдневный срок всех, кто способен владеть оружием.

Повстанцы выдвинули лозунги: «Власть Советам народа Украины без коммунистов!», «Украина для украинцев!», «Свободная торговля хлебом!» Текст «Универсала» противопоставил партийную диктатуру диктатуре трудового народа «правам трудящегося люда». Крестьянство призывалось к немедленной организации народной власти. В каждом селе предлагалось выбрать крестьянский совет, в каждой волости — волостной совет, в каждой губернии — губернский совет. В совет имели право быть избранными представители всех партий на советской платформе, беспартийные, поддерживающие советскую власть. Устанавливалось национально-пропорциональное представительство в Советах: 80 % для украинцев, 15 % для русских, 5 % для евреев. Высшим народным органом объявлялся Всеукраин-ский съезд Советов, назначающий правительство. Преступными деяниями определялись убийства без народного суда, мародерство, бесчинства, «вторжения в чужое хозяйство», незаконные реквизиции, агитация против отдельных национальностей, которые подлежали наказанию «на месте силой оружия». «Универсал», подписанный «атаманом партизан Херсонщины и Таврии» Н. Григорьевым, распространялся в частях 6-й стрелковой дивизии и среди населения Елизаветградщины. Идеологом григорьевского «Универсала» являлся Юрий Тютюнник. Высокопарные обращения к трудовому народу («народ украинский, от тебя зависит судьба твоя» и т.п.) и призывы к установлению

народной власти на Украине в первые же дни восстания оказались опровергнуты на практике, а также в последующих «универсалах» атамана.

Невежество и антисемитизм Григорьева и его соратников воплотились в серии жестоких и кровавых еврейских погромов, в ходе которых погибло около 5 тыс. человек. Повстанцы, подогретые антисемитской пропагандой, срывали свою ненависть к диктатуре коммунистов на евреях, которых считали большевиками и виновниками всех своих несчастий. 15 мая в Елизаветграде было уничтожено более трех тысяч евреев; вчерашние красноармейцы убивали женщин, детей, стариков. Среди убитых был младший брат будущего руководителя Коминтерна Григория Зиновьева, местный анархист Миша Злой. Погром коснулся и так называемых «пришельцев с Севера» — русских, несколько сот которых были зверски убиты. Волна погромов прокатилась также по другим городам: Умани, Кременчугу, Черкассам, Екатеринославу. В очередном «универсале» Григорьев обрушился на «горбоносых комиссаров» и призвал грабить Одессу — город с большим еврейским населением — до тех пор, пока оно не станет маленьким.

По свидетельству очевидца событий Ивана Бунина, изложенному в «Окаянных днях», в мае 1919 г. григорьевщиной была охвачена почти вся Малороссия. Григорьевщина распространилась на большей территории Херсонской и Екатеринославской губерний.

9 мая Григорьев начал наступление из района Знаменка — Александрия по нескольким направлениям: на Екатеринослав (ныне Днепропетровск) двигалась группа начальника штаба Тютюнника, на Киев — во главе с командиром бригады Павловым, на Черкассы — во главе с казачьим атаманом Уваровым. Елизаветградом овладела группа под командованием атамана Горбенко. В городе были разогнаны Совет и ЧК, обезоружены воинские части, производились расстрелы коммунистов. Власть в уездном городе оказалась в руках григорьевского ревкома. Повстанцы захватили Черкассы, Умань, Кременчуг, Екатеринослав, Елизаветград, Херсон, Николаев и другие города.

Первоначально военные силы повстанцев имели 16 тыс. штыков, 52 орудия, 7 бронепоездов и около 500 пулеметов. С развитием восстания количество повстанцев превысило 20 тыс. человек. В середине мая успех сопутствовал восставшим: их поддерживало крестьянство центра Украины и часть красноармейцев, преимущественно украинского происхождения. Перед крестьянами Григорьев выступал как

защитник православной веры и украинского народа. Появилась реальная опасность перехода всех украинских советских армий на сторону Григорьева. В своем очередном «универсале» атаман поспешил объявить, что коммунисты уже разбиты на всех фронтах, а ленинское правительство бежит за границу через Полтавщину.

Восстание Григорьева произошло в период ожесточенных сражений красного Южного фронта с наступающими армиями Деникина — этим и объясняются первоначальные успехи атамана. Для борьбы с восстанием советскому военному командованию пришлось срочно высвобождать с фронта воинские части. 10 мая 1919 г. Григорьев был объявлен вне закона. 14 мая три группы советских войск общим количеством 30 тыс. солдат начали наступление из Киева, Полтавы и Одессы. 15 мая группа А.Я. Пархоменко отбила у григорьевцев Екатеринослав, причем город трижды переходил из рук в руки. 16 мая 1919 г. в бронированном поезде на Украину прибыл председатель РВСР Л.Д. Троцкий. Каждый десятый пленный повстанец был расстрелян.

Стремясь сохранить инициативу в своих руках, Григорьев использовал тактику «молниеносной эшелонной войны». Посадив большую часть своих войск в эшелоны, он двинул их на Полтаву, Киев, Екатеринослав. Однако «эшелонная война» выявила роковую для атамана перспективу: вооруженная сила повстанцев распылилась без определения направления главного удара, растворилась в огромном пространстве Украины. Повстанцы наводнили огромный регион от Днестра до Днепра, от Черного моря до окрестностей Киева. Григорьев переоценил собственные возможности стратега и политика. Он оказался бездарным полководцем и политиком, не сумевшим ни спланировать военную операцию, ни предвидеть последствия своих действий. Через пять дней его наступление выдохлось. Среди повстанцев Григорьева нарастал процесс внутреннего разложения.

Мятежный атаман рассчитывал объединить действия своих отрядов с выступлениями других украинских атаманов, в первую очередь батьки Махно и атамана Зеленого. Надеясь на поддержку поднявшего в марте 1919 г. восстание Зеленого (Терпило), Григорьев рассчитывал захватить юг Киевской губернии. Однако к 8 мая атаман Зеленый был разбит советскими войсками. Нестор Махно пользовался большой популярностью в украинских советских армиях. В мае 1919 г. он еще воевал на стороне красных в составе 3-й украинской советской армии, но отношения между ним и большевиками находились на грани разрыва.

Однако Запорожью угрожали белогвардейцы — Махно все свои силы бросил против наступавших белых. Он заявил, что «распри» Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить открыть фронт для белогвардейцев. Махно не поддержал восстание и занял выжидательную позицию. В заявлении советскому правительству он сообщил, что у него нет точных данных о целях восставших, поэтому первоначально воздержался от выпуска воззвания против Григорьева «до получения ясных данных». 18 мая 1919 г. махновская комиссия посетила район восстания и сообщила комбригу, что григорьевцы громят и убивают евреев. После этого сообщения Махно издал воззвание «Кто такой Григорьев?», где объявил атамана «разбойником», «контрреволюционером», «авантюристом», «провокатором-погромщиком». «Григорьевщина пахнет петлюровщиной», — сделал заключение Махно.

К концу мая советские части под командованием К.Е. Ворошилова, П.Е. Дыбенко, А.И. Егорова, М.К. Левандовского, А.Я. Пархоменко подавили восстание. Когда григорьевцы оказались под огнем пулеметов и пушек, боевой пыл их быстро угас. Тысячи повстанцев стали сдаваться при первом же приближении регулярных формирований Красной армии. Красноармейские части, поддержавшие Григорьева еще неделю назад, вернулись под «красное» командование. 19—20 мая григорьевцев выбили из Кременчуга, Черкасс, Кривого Рога. 21 мая войска атамана были разбиты под Киевом. 22 мая красные взяли Александрию — центр восставших, 23 мая — Знаменку, 26—31 мая части одесского направления вытеснили Григорьева из Николаева, Очакова, Херсона. В боях повстанцы понесли большие потери. Большинство григорьевцев разбежалось по домам. Остатки разбитых сил скрылись с оружием в степных селах и перешли к тактике партизанской войны. Тютюнник увел свой отряд на соединение с силами Петлюры (позднее он стал командиром 4-й киевской дивизии петлюровской армии).

Остатки повстанцев были локализованы в степных районах Херсонщины. Силами трех советских войсковых групп район восстания был окружен. Однако ликвидация повстанцев приняла длительный характер и потребовала значительного расхода сил и средств. Так, в начале июня на правом берегу Днепра кроме курсантских и специальных частей борьбу с последствиями григорьевского мятежа вели полевые войска численностью до 7000 штыков, а на левом берегу Днепра отряды, выполнявшие то же назначение, достигали 7024 штыков, 13 орудий, 600 сабель [2: 99].

Атаман Григорьев скрывался на степных хуторах. В июне 1919 г. у него осталось чуть более трех тысяч. Главный отряд Григорьева совершал налеты на Александрию, перерезав основные железнодорожные пути с юга Украины на север. Григорьевцы захватили в это время значительное количество ценностей и военного имущества, нападая на эшелоны, которые шли из Крыма и Причерноморья. В Приднепровье бывшим григорьевским атаманам (Чайковский, Орлик, Сагайдачный) удавалось захватывать на короткое время города Борислав, Каховку, Никополь, станцию Долинская.

В июле 1919 г. в район, контролируемый григорьевскими повстанцами, пришли отряды батьки Махно. Махно встретился с Григорьевым и предложил ему военный союз против «белых и красных». Военные силы были объединены. Махно стал главой Повстанческого совета, Григорьев — командующим войсками, брат Махно Григорий — начальником объединенного штаба. Однако Махно раздражало нежелание Григорьева бороться против «белых» и враждебное отношение к еврейскому населению. В результате атаман Григорьев был убит махновцами 27 июля 1919 г. в селе Сентово Александрийского уезда Херсонской губернии по подозрению в тайных связях с деникинцами и за еврейские погромы. Основная часть григорьевских повстанцев пополнила повстанческую армию Махно.

Григорьевщина рассматривалась большевистским руководством в одной плоскости с махновщиной. Подобное утверждение нельзя воспринимать иначе, как вполне осознанное создание очередного советского идеологического мифа, автором которого был Л.Д. Троцкий. Сами махновцы оценили «Универсал» атамана Григорьева как проповедь национализма, антисемитизма, национальной вражды между трудящимися [3: 105]. Григорьев был убит по приказу Махно его ближайшим окружением, причем произошло это уже после разрыва отношений Махно с советской властью (о свершившемся событии Махно телеграфировал в Москву).

Отношение махновского руководства к григорьевщине обосновал один из идеологов махновщины П. Аршинов. Он подчеркивал: движение, подобное григорьевщине, создавало угрозу свободе трудящихся и поэтому являлось таким же враждебным махновщине, как и большевизм. Махновщина не могла объединиться с отдельными антибольшевистскими выступлениями на том только основании, что сама махновщина выступала против большевизма. По образному описанию Аршинова, возник «новый хищник в лице атамана Григо-

рьева, который, каркая народу о его бедствиях, труде и угнетении, несет на самом деле старый разбойничий порядок, при котором труд народа будет порабощен, бедствия его возрастут, неволя закрепится, права упадут» [3: 108, 109].

В противовес утверждениям Троцкого, Аршинов обвинял коммунистическую власть в порождении самого явления григорьевщины. Суть его рассуждений сводилась к следующему. Большевики установили диктатуру своей партии, как партии государственной, для управления народом. В результате создалась ситуация, в которой трудовой народ попал под надзор и управление органов власти, чуждых трудящимся, применявших методы произвола и насилия. Диктатура партии коммунистов-большевиков породила в народной массе озлобление, протест и враждебное настроение к существующему порядку. Этим воспользовался в своей авантюре Григорьев. Григорьев — предатель революции и враг народа, но именно партия коммунистов-большевиков своей безответственной диктатурой создала в массах озлобление, которым он воспользовался (аналогично данным обстоятельством может воспользоваться другой авантюрист). Обличая в предательстве Григорьева, Аршинов одновременно настаивал на обвинении коммунистической партии за появление григорьевского движения [3: 111—112]. Махно боролся с националистами-самостийниками, выступал также против антисемитизма: он усвоил анархистское отрицание национальности как таковой и сплочение трудящихся на интернациональной основе. Одной из причин убийства окружением Махно атамана Григорьева явились антисемитские погромы.

Беспочвенны также попытки провести аналогию григорьевщины с мятежным выступлением в августе—сентябре 1919 г. комбрига Донского казачьего корпуса Филиппа Кузьмича Миронова, который предпринял поход из Саранска с отрядом численностью менее кавалерийского полка в расположение Южного фронта на борьбу с Деникиным (самовольный поступок Миронова являлся грубейшим нарушением воинской дисциплины в условиях военного времени). Авторство данной пропагандистской кампании опять же принадлежит председателю РВСР Троцкому, создавшему мифы об «известном полковнике Миронове» и «мироновщине». В газете «Правда» 21 сентября 1919 г. была опубликована статья Троцкого «Уроки мироновщины». «Полковник Миронов», по пропагандистской легенде Троцкого, совершил преступление: якобы установив тайные связи с Деникиным, поднял восстание против Советской власти. Мотивация его поступков объ-

яснялась желанием стать донским наказным атаманом. Григорьев и Миронов, утверждал Троцкий, похожи как родные братья. Однако мятежное выступление Миронова не было по содержанию и форме антисоветским восстанием, подобным Григорьеву. Оно продемонстрировало неподчинение партийному руководству, создав прецедент крупного мятежа в регулярной части Красной армии.

Стратегические последствия восстания Григорьева отразились на положении красного Южного фронта. Советское военное командование рассчитывало к июню 1919 г. перебросить с Украинского фронта на Южный фронт дополнительно до 30 тыс. штыков, 3 тыс. сабель и 60 орудий [4: 147]. Однако восстание Григорьева вывело из строя Украинского фронта основную часть этих сил, значительная часть была брошена на подавление восстания Григорьева. Последствием восстания стало упразднение относительной военной автономии Советской Украины. В июне 1919 г. был ликвидирован Украинский фронт, отстранены командующий фронтом В.А. Антонов-Овсеенко и член РВС фронта Е.А. Щаденко, командующие трех украинских човетских армий — С.К. Мацилевский, А.Е. Скачко, Н.А. Худяков. Все три украинские советские армии были переформированы в обычные номерные стрелковые дивизии. Против повстанцев Григорьева большевики бросили все резервы, собранные не только для борьбы с Деникиным, но и для красного похода в Румынию и Венгрию. Плану прорыва с Востока навстречу красным венграм, словакам и немцам не суждено было сбыться.

Источники и примечания:

1. *Махно Н.И.* Азбука анархиста. М., 2005.
2. См.: *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 1. М., 1990.
3. См.: *Аршинов П.А.* История махновского движения (1918—1921 гг.). Запорожье, 1995.
4. См.: *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 2. М., 1990.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ

События 1919—1922 гг. в поволжской деревне являются неотъемлемой частью общероссийского крестьянского движения в годы Гражданской войны, направленного против политики военного коммунизма, основой которой являлась продовольственная разверстка.

Крестьяне Поволжья выступили одним из самых активных отрядов этой революции. Как и в других районах помещичьего землевладения, истоки крестьянского протеста коренились здесь в сохранении полукрепостнических порядков и в малоземелье.

В 1917 — первой половине 1918 г. крестьяне Поволжья, как и всей России, при поддержке большевиков добились ликвидации помещичьего землевладения и уравнительного перераспределения земель среди тех, кто обрабатывает ее своими руками. Но с ликвидацией помещичьего землевладения крестьянская революция не завершилась. Она вступила в стадию борьбы крестьян за право быть хозяином на своей земле, свободно распоряжаться результатами своего труда, против крайне тяжелых государственных повинностей, связанных со снабжением продовольствием города и армии, мобилизациями и обеспечением нужд фронта. Все эти повинности оказались объективно неизбежными в условиях войны — вначале мировой, затем Гражданской. Как известно, продразверстка была введена царским правительством в конце 1916 г. и затем в 1917 г. осуществлялась Временным правительством. Неспособность Временного правительства решить продовольственный вопрос в значительной мере способствовала его падению. Большевики же, опираясь на комбеды и вооруженные отряды рабочих из голодавших промышленных центров, добивались иных результатов. Летом—осенью 1918 г. с помощью силы они взяли из деревни хлеб и солдат для Красной армии. Ответной реакцией на подобные действия Советской власти стало массовое крестьянское сопротивление.

Среднее и Нижнее Поволжье — огромное пространство по берегам Волги от границы с Нижегородчиной до впадения в Каспий, заселенное русскими, татарами, башкирами, мордвой, чувашами, калмыками и даже немцами, давно освоившими довольно крупный район в саратовском Заволжье. Так же как и Центральное Черноземье, Среднее и Нижнее Поволжье было ближайшим к промышленным центрам страны регионом производства сельскохозяйственной продукции — хлеба в первую очередь. Однако здесь имелись и скотоводческие районы — полукочевые в Башкирии и кочевые в Калмыкии. Среднее и Нижнее Поволжье всегда занимало очень важное место в жизни страны и как одна из главных житниц, и как мощный канал хозяйственной и культурной связи между севером и югом России, и, наконец, как историческое поле этнического сотрудничества и сближения, преодолевшего сколько-нибудь значительные моменты противостояния. Не-

случайно после роспуска большевиками Учредительного собрания Комуч избрал именно Поволжье в качестве места пребывания высшего органа государственной власти, противостоящей большевизму. И тем не менее первые фронты Гражданской войны, двигавшиеся как с востока (колчаковский), так и с запада (казачье-красновский) в конце 1918 г., потерпели поражение именно на берегах Волги.

Поддержка большевистской революции крестьянством Поволжья была вполне закономерной, поскольку земледельческие районы, особенно в Правобережье, издавна отличались засильем помещичьего землевладения, сохраняли полукрепостнический режим и всегда выделялись активным крестьянским — антипомещичьим — движением.

К началу 1919 г. Поволжье было полностью освобождено от антисоветских сил и вся его территория стала источником продовольственных и людских ресурсов для большевистского государства. С этого момента крестьянское движение принимает не только новую направленность, но и новый характер. С переходом Советского государства к новой экономической политике массовое повстанческое движение в Поволжье, как и в других районах страны, начинает спадать, и в 1922 г. оно фактически прекращается.

Массовые стихийные выступления крестьян по всей России начались осенью 1918 года. Обеспокоенный этим НКВД опубликовал 18 ноября 1918 г. «Циркуляр НКВД губисполкомам с предписанием сбора информации о причинах антисоветских восстаний» [1: 33—34]. В феврале — марте 1919 года он был разослан всем уездным исполкомам и волостным Советам в Симбирской губернии по мере их возвращения под власть Советов. Опасаясь, что «восстания, вспыхнувшие за последнее время, примут характер единого контрреволюционного фронта», Наркомат внутренних дел требовал от местных органов управления «детально расследовать причины восстаний», их характер и масштабы, состав участников, организаторов и т.д. Перечень возможных причин «вспышек», их участников и организаторов в циркуляре оказался достаточно полным и близким к действительности, свидетельствующим о накопленном опыте.

«Вспышки» протеста и сопротивления могли вызываться, как говорилось в циркуляре, «действиями и распоряжениями существующей власти, поведением отдельных агентов местной власти, введением хлебной монополии, продовольственным кризисом, мобилизацией и пр. или недовольством общей политикой Советской

власти». Здесь нет продразверстки — главной причины крестьянских выступлений против советской политики в 1919—1922 гг. Ее предшественница — государственная хлебная монополия, упомянутая в циркуляре, как показал опыт и Временного правительства в 1917 г., и Советской власти в 1918 г., одновременно и вызывала недовольство деревни, и была недостаточна для преодоления продовольственного кризиса, порождавшего недовольство в городе. Продразверстка становилась объективной необходимостью, во всяком случае в условиях 1919 г., опыт которого начал приводить обе стороны к пониманию необходимости и желательности компромисса. Однако потребуется еще целый год противоборства внутри лагеря революции, чтобы продразверстка была заменена продналогом с допущением рыночного хлебного оборота.

Введение продовольственной разверстки в начале 1919 г. и насильственная практика ее осуществления очень скоро отозвались и в Поволжье мощным крестьянским восстанием в регионе — «чапанной войной». Восстание охватило уезды Симбирской и Самарской губерний, освобожденные осенью 1918 г. от власти Комуча. Именно на них сразу же после восстановления Советской власти пала основная тяжесть продразверстки. Из урожая 1918 г. только Самарская губерния дала Советской России одну пятую часть всего добытого в заготовительную кампанию хлеба [2: 181]. Ситуация усугубилась близостью фронта, который потребовал от крестьян прифронтовой полосы выполнения различных повинностей, связанных с удовлетворением потребностей армии. Тяжким бременем для крестьян стал введенный еще 30 октября 1918 г. «чрезвычайный 10-миллиардный революционный налог на имущие группы городского и сельского населения» [3: 465—469]. Налог на деревню оказался столь преувеличенным, что его изъятие проводилось не только с имущих, но с населения деревни в целом. Не случайно в крестьянских жалобах и протестах чрезвычайный налог отождествлялся подчас с контрибуцией. Насильственные действия местных властей (комбедов, сельсоветов, продотрядов) по отношению к крестьянам в ходе сбора чрезвычайного налога и продразверстки вызвали взрыв крестьянского недовольства. События января—февраля 1919 г. явно предвещали массовое крестьянское восстание на территории Поволжья — в непосредственном тылу Красной армии, отражавшей наступление армии Колчака, враждебной и для большевиков, и для крестьян. Понимание опасности возникло и в центральных органах власти, о чем свидетельствует циркуляр

НКВД о мерах по предотвращению крестьянских восстаний. Однако реальных мер по исправлению ситуации циркуляр не предлагал. Все сводилось к «работе контрреволюционеров» и «недостаточной тактичности» местных органов власти, неумелому исполнению ими заданий Центра.

Важнейшей особенностью крестьянского движения в регионе в 1919—1922 гг. был многонациональный состав его участников. Эта особенность определялась спецификой Поволжья как одного из многонациональных районов страны. Крестьянские выступления против военно-коммунистической политики имели место во всех национальных районах Среднего и Нижнего Поволжья. И русские, и татарские, и чувашские, и мордовские села принимали участие в повстанческом движении. Причем в ходе этого движения крестьянами не выдвигались националистические лозунги. Об этом убедительно свидетельствует самое мощное в регионе крестьянское восстание, названное современниками «вилочным» или «восстанием Черного орла-земледельца».

«ЧАПАННАЯ ВОЙНА»

Восстание крестьян Симбирской и Самарской губерний вспыхнуло неожиданно, стихийно, практически одновременно в нескольких уездах 3 марта 1919 года.

Как свидетельствует телеграмма Самарского губисполкома в НКВД о восстании крестьян 3 марта в с. Ново-Майна Мелекесского уезда, крестьяне «отказались допустить к учету хлеба, дать подводы для срочных надобностей и выгнали продовольственных инструкторов, угрожая жизни. Были командированы в Ново-Майну заведующий уездным отделом управления, военный комиссар и два политических работника с отрядом кавалерии в 20 человек, по прибытии коих сделано собрание с целью уладить дело мирно, но со стороны толпы было произведено нападение на командированных заведотдуправления, военкома. Отряд в это время был во дворе совета, вовремя не мог оказать помощи, в результате завотделом управления, военком отделались легкими побоями, двое агитаторов тяжело избиты толпой, отряд залпами рассеял толпу, есть раненые» [4].

В этот же день в селе Новодевичье Сенгилеевского уезда Симбирской губернии на крестьянском сходе начались волнения, которые

очень быстро переросли в восстание, получившее название «чапанная война». Некоторые документы говорят, что восставших было до двухсот тысяч человек.

Село Новодевичье имеет свыше 1000 дворов, расположено у волжской пристани, в центре хлебного района. Свидетель начала восстания агитатор Н.Г. Петров в своем отчете о причинах и ходе крестьянского восстания в Ново-Девиченской волости Сенгилеевского уезда пишет, что «работавшая здесь чрезвычайка, во главе с убитым во время восстания председателем ее Казимировым, в высшей степени щедро употребляла избиение своих "клиентов" кулаками, прикладами, плетью, пиками и т.д... Находившийся здесь продотряд Павлова вел себя возмутительно: пьянствовал, совершал всяческие поборы овец, молочных продуктов, отчуждал безвозмездно что понравится, по ночам шла стрельба вверх и т.д. В пьянстве не уступали и ответственные представители: комиссар Белов, председатель ЧК Казимиров, начальник отряда Павлов, комиссар Стафеев (в Мордове) и др., кончая новодевическим милиционером, командированным сюда из Сенгилея и не убывшимся, несмотря на все требования Ново-Девиченского волостного исполкома» [1: 182—187].

Некоторые представители местной советской власти в пьяном кураже доходили до откровенного издевательства и унижения крестьян. Так, например, «в с. М. Чурашево во время пиршества на свадьбе один из членов волостного совдепа т. Гавриков запряг четырех баб в салазки, надел на них хомуты, седелки, бубенцы, к дуге привязал колокольчики, взял в руки кнут и тронул по улице диковинную четверку. Порой т. Гавриков слезал со своих салазок, привязывал "четверку" к воротам и входил в чью-либо избу; "лошади", стоя на морозе, стучали зубами» [5].

Волнения в с. Новодевичье 3 марта начались со схода, созванного сельским советом. На нем было сообщено несколько случаев слишком решительной реквизиции комиссаром Беловым хлеба и скота: у крестьянина Дм. Воробьева весь хлеб реквизировали «под метелку», не оставив ничего хозяину; у вдовы Кучеровой была сведена последняя корова и т.д. и т.д. В результате сход пришел к убеждению, что необходимо дать отпор действиям продкомиссара в масштабе всей волости. 3 марта вечером крестьяне врываются в почтово-телеграфную контору во главе с Крохиным, знающим азбуку Морзе, и устанавливают свой контроль над аппаратом.

Агитатор Н.Г. Петров в своем отчете пишет, что «несмотря на некоторое сходство событий 3—15 марта с левоэсеровскими восста-

ниями, здесь, в Новодевичье, на какую-либо связь с левыми эсерами нет буквально ни одного указания. К тому же убеждению меня приводит и совершенное отсутствие следов пребывания в Новодевичье посторонних лиц, вопреки всем газетным сообщениям о каком-то поручике, графе Орлове-Давыдове и т.д.». Выдвинувшиеся во время восстания руководители Новодевиченского «штаба» все были исключительно из местных людей [1: 182—187].

И действительно, как только восстание охватило почти всю Симбирскую губернию, председатель губисполкома М. Гимов сообщает в НКВД, ЦК РКП(б) и ВЦИК, что во главе «стоят правые эсеры, генерал Бердичев и граф Орлов» [6].

Газета «Известия Симбирского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов» печатает статью «Белогвардейский бунт», в которой утверждает, что «крестьянство, участвующее в восстании, во-первых, состоит из кулачества, ибо села Новодевичье, Бектяшка, Хрящевка — самые богатые в этом краю, во-вторых, имеются установленные данные, что восстанием руководят офицеры, которые оказались даже среди убитых, пристава, генерал Бердичев и известный помещик, обладающий огромными имениями в Жегулях, гр. Орлов-Давыдов» [7].

Член РВС фронта С.И. Гусев сообщает В.И. Ленину и Я.М. Свердлову о восстании крестьян в Симбирской губернии, что оно «носит все следы организованности. Руководят им, по слухам, бывшие офицеры полковник Павлов, полковник граф Орлов, генерал Бердичев. Есть сведения, что под одним документом имеется подпись бывшего секретаря правых эсеров, но чувствуется присутствие левых эсеров. Организации восставших иногда называются "Блоком трудового крестьянства", иногда "Крестьянским союзом", "Крестьянской секцией" и так далее» [1: 144—145].

Но все эти сведения ложные, не имеют под собой почвы. Когда восстание было разгромлено, выяснилось, что руководили им местные крестьяне. В селе Новодевичье крестьянин Козятин, в Печерской волости восстанием руководил крестьянин из деревни Львовки Василий Минеев, в Ново-Рачемской волости крестьяне Дмитрий Иванович Червяков и Иван Иванович Матвеев и так повсеместно. Общего руководства в «чапанной войне» не было. И несмотря на это, за неделю восстание стихийно охватило всю Симбирскую губернию, часть Самарской и часть Казанской. Характерна и очень показательна черта самого вооружения крестьян: на длинных шестах насажены штыки,

крючья (специально для кавалеристов), топоры, вилы, а зачастую просто русская дубинка. И если было у них в некотором случае оружие, пулеметы, так это объясняется тем, что они отняты у самих же красноармейцев. На пятый день восстания был захвачен уездный город Ставрополь, а 9 марта начальник штаба Восточного фронта Лазарев сообщает члену РВС фронта С.И. Гусеву, что «восстание охватило Сенгилеевский уезд, Мелекесский и Ставропольский. Количество восставших около 200 000 человек» [8].

Центром восстания в первые дни было село Новодевичье. Отсюда во многие волостные советы были посланы телеграммы о восстании в Сенгилеевском уезде с просьбой поддержать их. Председатель Симбирского губисполкома М.А. Гимов 6 марта прислал в Новодевичье телеграмму с требованием арестовать зачинщиков восстания. 7 марта повстанцами была послана ему в ответ телеграмма следующего содержания: «Никакого кулацкого вооруженного восстания не было. Возник конфликт с комиссаром т. Беловым на почве неправильной реквизиции хлеба и скота, так как излишек хлеба и скота не был выяснен и учетные ведомости не были закончены, но т. Белов приступил к насильственной реквизиции. Но этот конфликт с т. Беловым в тот же день был улажен. Конфликт возобновлен был т. Алексеевым и Григорьевым, делегированными Сенгилеевским продоткомом для улаживания означенного конфликта, которые вечером 4-го заявили, что все будет улажено мирным путем, но 5-го утром т. Алексеев двинул продотряд к волостному совету и телеграфно затребовал другие отряды, после чего продотряд был разоружен. Волостной исполком с 3-го на 4-е марта скрылся, впоследствии найден и арестован. Новый избран, к приему дел не приступал, просим распоряжения.

Приветствуем Советскую власть. Долой коммунистов, анархистов-насильников, которые действуют против декретов. Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции. Волостная крестьянская организация» [9].

Как видно из этой телеграммы, крестьяне не хотели кровопролития, надеялись, что конфликт будет разрешен мирным путем. Это же подтверждают переговоры по прямому проводу заместителя председателя Симбирского губисполкома, секретаря губкома РКП(б) И.М. Варейкиса со штабом повстанцев в с. Новодевичье:

«[Варейкис:] — Я — Симбирск: от комитета партии большевиков, заместитель председателя губернского исполкома Иосиф Варейкис. Кто говорит?

[Поручиков:] — Я — председатель волсовета Поручиков. Что угодно?

[Варейкис:] — Первое, дайте немедленный ответ о положении вашей волости и о настроении; второе, немедленно дайте ответ о количестве восставших кулаков и дезертиров; третье, довожу до сведения, что я прислан специально по данному контрреволюционному восстанию для следствия виновников. Ввиду того, что следствие возможно вести лишь после данных определенных, предлагаю срочно Вам собрать материалы и через 2 часа выехать для личных донесений в Сенгилей.

[Варейкис:] Все.

[Поручиков:] — У нас кулацких восстаний нет и не было. Контрреволюционеров нет. Мы против неправильной реквизиции хлеба и скота. Приветствуем партию большевиков и против них не идем, мы идем против насилия коммунистов. Вообще же контрреволюции нет... Кулацкого восстания нет, все крестьяне — трудовики. Число восставших — все села и деревни. Мы желали бы, чтобы вы сами к нам приехали, дабы вы сами видели, кто восстал... Ведь, товарищ Варейкис, мы не саботажники, нам бы хотелось с вами самим поговорить; вы сами увидите, что мы правы и народ с удовольствием выслушает вас. Ответьте сейчас же, приедете к нам или нет?

[Варейкис:] — Пока что к вам не еду, потому что высланы соответствующие ораторы, то есть пушки.

[Поручиков:] — Вот если сами приедете — будет лучше, чем ваши пушки. Они только озлобят народ» [10].

Однако у Советской власти на это был другой взгляд. Для переговоров прибыли пушки. И началась ожесточенная кровавая война, которую председатель Особой комиссии ВЦИК по ревизии Советов Поволжья П.Г. Смидович охарактеризует так в своем докладе в Президиум ВЦИК: «Особенности данного восстания. Централизованность и большая организованность всего движения, энергия и ожесточенность при наступлении, и особенно при обороне, уверенность вожаков в успехе, широкая постановка агитации в массах (газета в Ставрополье "Известия Ставропольского исполкома" — вышло два номера, много листков), усиленные попытки агитационного воздействия на красноармейские части, изготовление в кузницах специальных наконечников для деревянных пик. Двигающиеся толпы состояли из крестьян пожилого возраста в чапанах с участием середняков и даже бедняков. Кулаков же на каждое село в среднем, не более 5—10 че-

ловек. К 20 марта энергичными и беспощадными мерами восстание всюду было ликвидировано. Наши жертвы — до 200 человек, жертвы повстанцев, несомненно, не менее 1000 челов[ек]. Количество восставших, по разным данным, 100 000—150 000 челов[ек]. Количество винтовок — несколько сот, несколько пулеметов» [11].

8 марта повстанцы заняли Ставрополь и сразу же избрали Ставропольский временный исполком, повстанческую комендатуру, которые немедленно приступили к организации Крестьянской армии и упорядочению жизни мирного населения. Комендант издает приказы:

«Приказ № 1 от 8 марта 1919 г.: С сего 8 марта вся полнота власти передается избранным гражданам г. Ставрополя: коменданту Голосову, его помощнику Белоусову и второму помощнику Бостригову.

Приказ № 2 от 8 марта 1919 г.: Комендатура г. Ставрополя объявляет жителям города, что Ставрополь с сего числа объявляется на осадном положении. Право прохода разрешается с 7 час. утра до 7 час. вечера. После этого времени проезд и проход воспрещается. Причем патруль и другие лица будут снабжены надлежащими пропусками. Лица, не имеющие установленных пропусков, будут задерживаться и передаваться в распоряжение комендатуры.

Приказ № 3 от 8 марта 1919 г.: Комендантское управление предписывает гражданам г. Ставрополя явиться к 3 часам дня сего 8 марта в помещение бывшей городской управы для зачисления на действительную военную службу. Призывной возраст объявляется с 18 до 40 лет. Лица, уклонявшиеся от исполнения гражданского долга, будут считаться как противники народной власти и будут преданы военно-полевому суду.

Приказ №13 от 8—9 марта 1919 г.: Приказываю всем советским учреждениям города Ставрополя немедленно составить списки служащих, кои необходимы учреждению для продолжения дальнейшей работы» [1: 107—108).

Отношение к красноармейцам и их семьям у руководителей повстанцев дружественное. Об этом комендант Ставрополя издает специальный приказ: «Довожу до сведения жен и семейств красноармейцев и коммунистов, что все причиненные над вами насилия и поругания со стороны Крестьянской армии доносите мне, не стесняйтесь ничего. Объявляю Крестьянской армии Ставропольского уезда, что за такие насилия и бесчинства виновные будут предаваться суду по закону военного времени» [12].

Ставропольский временный исполком принимает постановление о первоочередных задачах повстанческой власти:

«2. Издавать на средства исполкома бюллетень "Известия Ставропольского исполкома", в котором должны оповещаться все текущие события...

4. Поставить на полный ход мельницы Коновалова и Шагарова. Мельница Шамина должна закончить только имеющийся в настоящее время налицо размол и вновь зерно принимать не должна. Нефть с Шаминской мельницы передать в размере потребности на Шагаровскую мельницу. Просить освободить от мобилизации рабочих-специалистов мельниц Коноваловской и Шагаровской. В случаях недостатков на этих мельницах специалистов, добавить таковых с мельницы Шамина по окончании последней размола.

5. Просить коменданта г. Ставрополя освободить от мобилизации секцию пекарей в числе 6 человек, необходимых для городской хлебопекарни, и которых нет возможности заменить женщинами или подростками.

8. Всех коммунистов, арестованных в районе Ставрополя, заключать в Ставропольскую тюрьму.

9. Поручить отделу городского хозяйства немедленно приступить к разработке дров из имеющихся лесных материалов. Разработку производить путем вербовки добровольцев, не подлежащих мобилизации. Разработка должна производиться за определенную плату.

15. О доставке в Федоровку на 1000 человек картофеля и пшена постановили: передать в профком с тем, чтобы он озаботился сегодня же отправкой в Федоровку поименованных продуктов на 3 дня» [1: 112—113].

Повстанческая комендатура, для того чтобы разъяснить различным слоям российского общества свои действия, цели и задачи, приняла несколько возваний: «Воззвание повстанцев к крестьянам, интеллигенции, всем гражданам Советской России», «К красноармейцам» и т.д. В воззвании «К красноармейцам» повстанцы писали: «Мы, восставшие труженики, кормильцы всего населения России, крестьяне — обращаемся к Вам с заявлением, что мы восстали не против Советской власти, но восстали против диктатуры засилья коммунистов — тиранов и грабителей.

Мы объявляем, что Советская власть остается на местах. Советы не уничтожаются, но в советах должны быть выборные от населения лица, известные народу данной местности. Мы ни на шаг не отступаем от Конституции РСФСР и руководствуемся ею.

Призываем Вас — братья-красноармейцы, примкнуть к нам, восставшим за справедливое дело, восставшим против засилья коммунистов.

Братья! Не проливайте братскую кровь напрасно! Не медлите, примолкайте к крестьянам — ведь вы такие же крестьяне!» (1: 105).

И некоторые красноармейские части откликнулись на этот призыв восставших крестьян. Командующий 4-й армией М.В. Фрунзе пишет в докладной записке члену Реввоенсовета Восточного фронта И.Т. Смилге, Л.Д. Троцкому, В.И. Ленину: «В ночь с 10 на 11 марта была произведена попытка поднять восстание в самой Самаре в воинских частях. Взбунтовался 175-й полк; разбив артиллерийские склады и разобрав бывшие там берданки, он пытался поднять другие части и в первую очередь инженерный батальон моей (4-й) армии. Призыв успеха не имел, и к 3 часам утра дело было ликвидировано» [13]. Прибывшим из Самары отрядом воинские части в Сызрани были обезоружены.

На подавление восставших крестьян были брошены регулярные красноармейские части. Безоружные повстанцы ожесточенно оборонялись и вначале успешно отражали атаки. «Нападение красных отбито, крестьяне отбивались одними вилами, есть убитые, раненые, пленные противника. Шлите немедленно оружие, подкрепление», сообщали жители села Хрящевка [1: 100].

В «Известиях Ставропольского исполкома» был заведен специальный раздел «Вести с фронта», в котором сообщалось о боевых действиях повстанцев:

«Федоровка. 11 марта. Наступление коммунистов на Матюшкино отбито. Шлите по получении немедля винтовок. Убитых под Федоровкой красноармейцев не четверо, а семеро.

Усолье. 11 марта. в 2 часа утра явился нарочный из с. Муранки с донесением сельского совета и сообщил, что враг в числе 170 человек разбит. В Усинском отобрано 20 лошадей, 2 пулемета и винтовки. Волна народа двинулась на Сызрань. Сызрань охвачена в кольцо. Усольский штаб.

Хрящевка. 11 марта. Сегодня было у нас сражение, начавшееся в 12 часов дня и окончившееся в 7 часов. Противник имел пехоты 2 роты и отряд 50 человек, 1 орудие трехдюймовое со 112 снарядами, 1 эскадрон кавалерии и 3 пулемета. Бой завязывался очень горячий. Разведку встретили и открыли по ней огонь. Подошла их пехота, и мы бились с нею, не уступая ни шагу, часа четыре с половиной. Потом

отступили в село и из разных мест засады при вхождении красных открыли по ним огонь. Они стушевались. Мы в этот момент бросились народными силами на "ура". Этим их устрашили. Они побежали в панике. В погоню пустили кавалерию с помощью пехоты, которая преследовала и колола красных. Потерь у нас в войсках не оказывается. Раненых с нашей стороны трое, убитых нет. Военный руководитель Петров.

Ягодное. 11 марта. Сообщено, что красные отступили опять на Белый Яр. С неприятельской стороны есть убитые, а сколько, пока не выяснено. С нашей стороны потери нет. Настроение в Хрящевке бодрое. Противник отступил в панике. Делегат Солдатов» [14].

В ответ на ожесточенное сопротивление повстанцев Сызранский ревком принимает постановление о пленных повстанцах: «1) Издать приказ по всем частям действующей армии, чтобы лиц, принимавших активное участие в восстании, как то: заставленных с оружием в руках, обнаруженных при порче дорог, телеграфа и пр., в плен не брать, а расстреливать на месте. 2) Поручить особому отделу произвести строгое расследование над пленными и в связи со степенью виновности делить их на 3 категории: 1) лиц, принимавших активное участие в восстании и подлежащих к расстрелу, 2) лиц, способствовавших восстанию другим путем и подлежащих к отправлению на общественные работы, и 3) лиц не виновных, подлежащих освобождению...» [15: 38].

Как уже говорилось, единой армии у повстанцев не было, единого руководства тоже, каждый поселок, каждое село защищалось самостоятельно, поэтому восстание крестьян было обречено на провал.

17 марта, через две недели после начала восстания, командующий 4-й армией М.В. Фрунзе докладывает члену Реввоенсовета Восточного фронта И.Т. Смилге, Л.Д. Троцкому, В.И. Ленину о крестьянском восстании в тылу Восточного фронта: «В уездах к настоящему времени восстания ликвидированы. Центр восставших — Ставрополь, взят 13 марта, а к 16-му заняты последние очаги восстания. Движение носило массовый и организованный характер. Целью его ставлено овладение городами Самарой, Сызрань, Ставрополь. Восстание шло под лозунгами "Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции!", "Долой коммунистов и коммуны!". В городах, волостях и селах сформированы волостные "военно-революционные" штабы. При подавлении движения убито, пока по неполным сведениям, не менее 1000 человек. Кроме этого, расстреляно свыше 600 гла-

варей и кулаков. Село Усинское, в котором сначала был истреблен целиком отряд в 170 человек, сожжено совершенно. Сейчас все успокоено, но, конечно, лишь наружно. Таким образом, ближайший тыл армии неустойчив и артерии Советской Республики снова угрожает смертельной опасностью» [16].

Л.Д. Троцкий в ответ на этот доклад шлет телеграмму в Кремль И.В. Сталину и В.И. Ленину о необходимости ревизии в тылу Восточного фронта: «... необходима крайне авторитетная ревизия в тылу Восточного фронта для успокоения крестьянских элементов. Считал бы целесообразным комиссию в составе Каменева, Смилги или Гусева и еще одного лица. Если нельзя Каменева, то другое авторитетное лицо из Центра. Движение получило широкий характер. Средние крестьяне, с одной стороны, раздражены явными злоупотреблениями учреждений, а с другой стороны, одурачены контрреволюционерами» [1: 147].

Была создана «Особая комиссия ВЦИК по ревизии советов Поволжья» во главе с П.Г. Смидовичем. Выводы о причинах восстания она сделала довольно объективные, но Советская власть не извлекла уроков из восстания крестьян Поволжья, не внесла коррективы в свою политику по отношению к крестьянам. Восстания крестьян по всей России продолжались.

«ВИЛОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ»

В феврале—марте 1920 г. на территории Казанской, Самарской и Уфимской губерний, где проживало около 3 млн крестьян, стихийно возникло восстание, которое назвали «вилочным» или «восстанием Черного орла-земледельца».

По масштабу, числу участников и ожесточенности его можно сравнить с антоновщиной. Так же, как и «чапанная война», оно стало закономерной реакцией крестьян прифронтовой полосы заволжских районов, освобожденных от власти Колчака летом 1919 г., на проводимую там с осени того же года продовольственную политику. Если в конце 1918 — начале 1919 г. основная тяжесть продразверстки легла на уезды Симбирской, Самарской и Казанской губерний, освобожденных от власти Комуча осенью 1918 г., то в 1919 г. эта участь постигла Уфимскую губернию и прилегающие к ней районы, большинство населения которых составляли татары и башкиры. Продорганам

удалось заготовить в Уфимской губернии из урожая 1919 г. 15 млн пудов зерна. В 1920 г. среди всех губерний и областей РСФСР она заняла второе место по количеству сданного государству хлеба. На территории, пораженной восстанием, продовольственная разверстка была произведена без учета того урона, который понесли прифронтовые районы от военных действий, реквизиций войсками рабочего и продуктивного скота, убыли мужского населения в ходе мобилизаций. Основным средством ее выполнения стало принуждение. Хлеб выгребался подчистую, без учета нужд населения. Угроза голода толкнула крестьян на открытое массовое восстание.

Так же, как и «чапанная война», вилочное восстание было стихийным по своему характеру. Оно началось спонтанно, без какой-либо предварительной организации со стороны эсеров или агентов белогвардейцев. В то же время восставшие крестьяне стремились внести в него элементы организованности. В Заинске Мензелинского уезда был создан Центральный повстанческий штаб «Черного орла», пытавшийся координировать действия повстанцев.

О том, как началось «вилочное восстание» в Мензелинском и Чистопольском уездах достаточно объективно и точно рассказал начальник особого отдела Запасной армии в своем докладе Ф.Э. Дзержинскому. В начале февраля 1920 года в деревне Ялань Ерсу-байкинской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии уездным продотрядом производилась конфискация хлеба. Отбираемый у крестьян разнородный хлеб: рожь, овес, ячмень — как видно из показания повстанцев — продотрядниками ссыпался на улице прямо в снег в одно место, что и возмутило крестьян указанной деревни и послужило причиной возникновения восстания. Восстание не носило организованный характер и не имело вначале руководящих лиц — это была просто разъяренная толпа, которая вооружилась чем попало, набросилась на продотрядников и стала, избивая, гнать из своей деревни, сопровождая до следующих селений, которые, будучи озлоблены на продотрядников, присоединялись к восставшим. С этого момента восстание становится более крупным, появляются руководители и оно носит более организованный характер. Принимая во внимание, что восстание не носило строго организованный характер и восставшие были весьма плохо вооружены (вилы, колья, топоры, лопаты и т.п.), восстание при приходе регулярных войск было быстро ликвидировано (в Чистопольском и Мензелинском уездах). В Мензелинском уезде отряды повстанцев численностью были значительно крупнее,

чем в Чистопольском, что указывает на то, что восстание там было более организовано, а руководители более опытны. В Чистопольском же отряды были малочисленны, т.к. в большинстве случаев каждая деревня действовала самостоятельно. Участие партийных организаций замечено не было, но отдельные члены партии участвовали [1: 473].

Однако начальник особого отдела ошибался, докладывая Ф.Э. Дзержинскому, что восстание «быстро ликвидировано». Регулярные войска погасили первую вспышку в двух уездах, рассеяли неорганизованную толпу крестьян. Через день 9 февраля восстание охватило всю Уфимскую губернию и часть Казанской и Самарской. Агитатор коммунист К.М. Каримов был участником схода, который собрал комиссар продовольственного отряда Михайлов 9 февраля в большом татарском селе Казаклар-Кубово. Как только комиссар Михайлов объявил, что продовольственный отряд начинает реквизицию продуктов, «собравшиеся начали волноваться, — пишет агитатор, — кричать и бросились на товарищей. Продотрядники отстреливались от толпы, отступили и скрылись в доме гражданина Мурзакаева, находящемся в 200 саженях от базара. Разъяренная толпа нашла их здесь, и тут же на дворе комиссар Михайлов был убит, а остальных, нагрузив в сани вместе с убитым комиссаром, привезли на базарную площадь и тут покончили с двумя продотрядистами, избив их предварительно, чем попало. Из жителей Казаклар-Кубово раненных винтовочными пулями двое. Бывший на базаре заведующий Чукадытамакским земотделом т. Темурханов жестоко избит, и он спас свою жизнь только благодаря содействию председателя Казаклар-Кубовского совета гражданина Асфандиярова.

Товарищи из продотряда некоторые сами успели скрыться, а один — Тарасов, спасся по содействию казаклар-кубовского муллы Насретдина Асфандиярова, который переодел Тарасова, благодаря чего Тарасов мог скрыться. Во время беспорядка и убийства толпа шумела: "Много нам зла причинили коммунисты, много нас грабили. Бей их, бей их сторонников!"

Что касается участников данного убийства, то, кроме жителя дер. Кандры-Аминово Усмана Мухамедова, крупного спекулянта, все — из числа наибеднейшего и среднего крестьянства. На это мною было обращено особое внимание, и я старался лично узнать, убедиться в социальном положении преступников. Результаты моих наблюдений очень печальны. Например: один из участников, житель Казаклар-Кубово Альмухамет Шаймухаметов — бедный, ничего не имеющий, кормящий себя

и полдюжины своих детей плетением и продажей лаптей, — принимал самое живое участие в убийстве и, держа в одной руке лапти, а в другой дубину, избивал наших товарищей до последней возможности.

Другой пример: во время общего собрания я обратил особое внимание на нескольких граждан, стоящих близко, которые были так бедны, что жалко было на них смотреть. Во время моей речи они плакали. Эта картина подействовала на меня трогательно и возбудила во мне убеждение, что бедняки с нами, что они нас понимают. Но какое было мое разочарование, когда во время переклички участников преступления оказалось, что эти бедняки, плакавшие во время моей речи, — преступники, принимавшие участие в убийстве. И тогда я понял причины и факторы Казаклар-Кубовского события. При этом событии главный виновник — мы, мы — коммунисты, советские работники, так как мы еще до сего времени не могли в деревне зажечь огонь социальной революции: беднота деревни пока не с нами, она — орудие в руках наших врагов» [1: 332—334].

Местные руководители, как и в «чапанной войне», пытаются найти виновников, организаторов восстания среди белогвардейцев и эсеров. Так военно-революционный штаб Самарской губернии 17 февраля 1920 года в самом начале восстания сообщает Ф.Э. Дзержинскому и начальнику войск ВОХР К.М. Валобуеву, что «восстанием руководит штабс-капитан Шимановский — определенный белогвардеец, именующий себя начальником штаба "Зеленой армии".

Повстанческие лозунги: "Да здравствует Красная армия! Долой большевиков-угнетателей!", "Долой коммунистов!", "Да здравствует вера в Бога!". При опросе жителей выясняется почва восстания, так, например: продармейцы в числе 40 человек собирали хлеб и сваливали его в кучу на снег на глазах населения, что вызывало сильное возмущение, но, однако, выясняется, что под флагом продармейцев работает кучка, имея руководителей двух старых помещиков, фамилии которых пока неизвестны. Обнаружен большой шпионаж пришлого элемента. Численность повстанцев около пяти тысяч, и к ним присоединяются деревни на путях к Бугульме» [17]. В этой же сводке говорится, что «восстание вспыхнуло в Мензелинском уезде Уфимской губернии на продовольственной и национальной почве. Русское население идет неохотно, под угрозой». Это неверно. «Вилочное восстание» было многонациональным. В нем принимали участие татары, башкиры, русские, чуваши, мордва, немцы и т.д. Разногласий на национальной и религиозной почвах в документах не обнаружено.

12 февраля восстанием охвачены практически все уезды Уфимской губернии, часть уездов Казанской и Самарской губерний. Председатель Казанского губисполкома И.И. Ходоровский 17 февраля 1920 г. шлет В.И. Ленину телеграмму, в которой рассказывает о восстании: «В течение недели весь Чистопольский уезд, за исключением шести волостей, объят восстанием. Чистопольский уезд — кулацко-купецкий, здесь неиссякаемый источник брожения. Восстание началось в смежном Мензелинском уезде и перекатилось в Казанскую губернию. Лозунги: "Долой коммунистов и выкачку хлеба!" К стихийному кулацко-крестьянскому бунту присоединились злостные дезертиры и кадры Всевобуча. По донесению из Чистополя, движение протекало так. Восточнее из центра повстанцев — Заинска Мензелинского уезда едут делегаты по ближайшим селам, собирают сходы, предлагают, иногда приказывают выступить против коммунистов. Эти села приветствуют таких делегатов, разгоняют сельсоветы, избивают коммунистов, выбирают военного коменданта и в свою очередь посылают делегатов в соседние села, и так далее. Военные коменданты имеют определенные инструкции своего центра, мобилизуют от 16 до 50 лет в народную армию, устанавливают связь между селами, волостями, собирают крестьян, многотысячная толпа, вооруженная в незначительном количестве винтовками, в большинстве дрекольями. Движение распространялось в течение недели вследствие отдаленности от Казани и отсутствия железнодорожного сообщения. Чистопольский карательный полк и продотряды оказались неспособными выдержать натиск повстанцев и разбежались. В результате повстанцы были вчера в 5 верстах от Чистополя» [1: 372].

Некоторые руководители крестьянских отрядов собрались в Заинске Мензелинского уезда и избрали Центральный повстанческий штаб, который стал спешно организовывать «Армию Черного орла», а также выступил с обращениями и воззваниями к народу, к красноармейцам, призывая их поддержать восстание. Несколько крупных красноармейских частей поддержало повстанцев, перешло на их сторону. Башкирский и Стерлитамакский полк 28 февраля выступили с совместной резолюцией о присоединении к восставшим, которая начиналась так: «Мы, башкиры и красноармейцы, присоединяемся к крестьянскому восстанию и идем против коммунистов» [18].

В своих воззваниях Центральный повстанческий штаб разъяснял гражданам России свои цели: «Зачем мы восстали? Кто мы? Кто наши враги? Мы — многомиллионное крестьянство. Наши враги — комму-

нисты. Они пьют нашу кровь и угнетают нас, как рабов. Они отбирают наш последний кусок. Товарищи, братья и граждане, пожалейте наших сынов и братьев, которых бьют, как мух. Они умирают от голода и болезни, как скотина. Избавимся от этого ужаса. Восстанем как один. И снимем коммунистическую петлю. Долой коммунистов. Долой гражданскую войну. Только выборные от всего народа в этом собрании установят порядок» [1: 393].

А в многочисленных инструкциях Центральный штаб повстанцев рекомендовал, как действовать в восставших селах, как организовать власть, приказывал «в каждой деревне поставить посты. Коммунистов задерживать, своих пропускать. В каждой волости чтобы были начальники: начальник штаба, начальник разъяснения всего происходящего, и комендант, который ведает охраной арестованных и подводами, начальник связи, он же и разведки — он во все деревни и волости соседние сообщает, что у него делается. Он же посылает разведчиков для разъяснений, всем толкует, зачем мы восстали и как вести мобилизацию. Начальник штаба распоряжается всем и за все отвечает. Без приказов никуда не выступать. В каждой деревне назначить дежурную часть и несколько лошадей. Сдающихся в плен не убивать, хотя бы это и коммунист, их отправлять в главный штаб для допросов» [1: 394].

Большое внимание, естественно, Центральный штаб повстанцев уделял организации боевых сил «Армии Черного орла». Для этого он выпустил особую инструкцию, которую разослал во все уезды и волости:

«1. Во всех селениях должны быть организованы военные комиссариаты, в состав которых должны входить: военный комиссар, секретарь и делопроизводитель, который обязан немедленно зарегистрировать все мужское население от 18 до 45 лет и вести подробный правильный учет.

2. Из всех лиц, принятых на учет, назначить отряды, одну третью часть с таким расчетом, чтобы по выступлении в бой одного отряда оставались наготове на случай потребности еще два отряда, причем один из этих отрядов должен быть составлен исключительно из лиц, проходивших военную службу.

3. Из лиц, проходивших военную службу, должны быть назначены начальники отряда, отделенные ротные командиры, преимущественно знакомые со строевой службой; последние обязаны вести сформированные отряды по назначению.

4. Во всех сформированных отрядах должны состоять не менее десяти человек конных, вооруженных по возможности соответствующим для верховой езды оружием, как-то: револьверами, пиками, железными вилами и т.п.

5. Все сформированные войска, по получении от начальника штаба распоряжений, должны выступать в бой без замедления, причем о выдаче фуража и кормового довольствия со дня выезда их начальники отрядов должны обращаться к начальнику штаба.

6. Принять неуклонные меры, чтобы по всем дорогам днем и ночью были прочные караулы, которые не должны пропускать без пропуска никого; подозрительных лиц обыскивать и предоставлять в распоряжение начальника штаба.

7. Принять все усилия, чтобы пьянство, бесчинство, самоуправное действие и другие беспорядки ни под каким видом не допускались, о возникновении таковых доносить начальнику штаба.

8. Все состоящие на должности советских учреждений от мобилизации должны быть освобождены и должны оставаться на своих местах исполнять возложенные на них обязанности» [1: 395].

Наспех сформированная по образцу Красной армии «Армия Черного орла» начала наступление на Уфу, захватила несколько уездных поселков. Самой значительной победой повстанцев было взятие довольно крупного города Белебея. Председатель Уфимского губревкома Б.М. Эльцин срочно направил телеграмму Ф.Э. Дзержинскому о мерах по подавлению восстания. «Мобилизованы все члены партии, — писал он, — 50 процентов членов профсоюзов... Неорганизованностью ВОХР и неприспособленностью ее аппарата объясняется позорное оставление Белебея. Неподача своевременно помощи Топорнино, благодаря разложившимся частям и неумелому командованию начальников отрядов, привела к тому, что восстание на севере от Уфы подкатилось (к городу) чуть ли не к 20 верстам (Подымалово). Надеемся быстро ликвидировать восстание в этом районе, так как выставлены коммунистические отряды. Повсюду, по приказу губревкома, образованы ревкомы, которым поставлено на вид, что за оставленные местности они несут ответственность по законам военного времени. Образована военно-следственная комиссия для расследования позорных актов и проявления малодушия» [19].

Уфимский губвоенревком вменяет в обязанность командирам и политкомам частей, отправляемых в местности, охваченные восстанием, по их личному усмотрению, брать заложников из числа наи-

более состоятельных и враждебных Советской власти жителей, при этом исключительное внимание предполагается обратить на колонистов, особенно немецких, а также на лиц, недавно вернувшихся из местностей в Сибири, очищенных от колчаковских банд.

Рекомендует губчека обратить серьезное внимание на выяснение роли колонистов-немцев в восстании, из числа наиболее активных и контрреволюционных элементов взять заложников [1: 423].

На подавление восстания были брошены регулярные красноармейские части, которые возглавил Ю.Ю. Аплок. Через несколько месяцев он же будет руководить подавлением восстания тамбовских крестьян. Несмотря на то, что «Армия Черного орла» была вооружена в основном вилами, потому-то и получило это восстание название «вилочное», сопротивлялись повстанцы ожесточенно. И все же к середине марта основные боевые силы «Армии Черного орла» были разбиты. Московская комиссия по расследованию причин восстания пришла к выводу, что «во-первых, это неумелое отношение к своей работе руководителей продовольственных отрядов, а в некоторых случаях сознательное нарушение приказов правительства. Исполком и упродком не постарались вовремя добыть статистические сведения. Разверстка хлебов производилась совершенно неправильно, не было собрано никаких сведений об урожайности. То же было и с разверсткой скота.

Известно, что татары свиней не разводят, а предком требует свиней с тех волостей, которые населены татарами. Татары, не имея свиней, не могут выполнить этого приказания. Продармейцы при выкачке у кулаков излишков хлеба часто продавались последним за мед, масло и тому подобное, вследствие чего хлеб у кулаков оставался нетронутым. Продотряды ездили в деревню с декретами и постановлениями, совсем не считаясь с урожайностью, и требовали, что нужно все сдать по разверстке» [1: 450].

За ходом крестьянских восстаний в Поволжье внимательно следил В.И. Ленин. На VIII съезде РКП(б) 18—23 марта 1919 г. он говорил о принципах отношения большевизма к крестьянству: «Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянства. Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать! Вот правило, которое мы себе поставили».

В ленинском выступлении речь шла не только о попытках перехода к коллективизации, но и о других не менее острых для того времени проблемах. Переоценке подвергалось революционное законотворчество — множество принятых на скорую руку декретов, в которых «многое негодно, много такого, что в жизни не пройдет» и поэтому, заявлял Ленин, «мы не будем смотреть на них, как на абсолютные постановления, которые надо во что бы то ни стало, тотчас же, сразу провести». Не менее важным было признание злоупотреблений в практике местных партийных и советских органов: «К нам присоединились кое-где карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надувают нас, которые полезли к нам потому, что коммунисты теперь у власти... Эти люди, которые стремятся только выслужиться, пускают на местах в ход принуждение и думают, что это хорошо. А на деле это приводит иногда к тому, что крестьяне говорят: "Да здравствует Советская власть, но долой коммунию!" (т.е. коммунизм). Такие случаи не выдуманы, а взяты из живой жизни, из сообщений товарищей с мест». [20: 38: 201].

Совпадение ленинской оценки деревенской ситуации начала 1919 г. с той картиной, которую воссоздают документы из Поволжья, позволяют считать, что непосредственным фактором переосмысления советской политики по отношению к крестьянству явилась «чапанная война», конечно, в совокупности с «расказачиванием» на Дону в январе—марте того же 1919 г. и рядом других аналогичных событий.

«Чапанная война» и «вилочное восстание» в Поволжье были стихийным протестом, а не подготовленной акцией антибольшевистских сил. Миф о руководящей роли эсеров в «чапанной войне» и влиянии агентов Колчака на крестьян рождался в большевистской партийной среде. Сначала его создавали местные руководители и военные, отвечающие за порядок на вверенной им территории, а затем активно использовали вышестоящие органы. Этот идеологический козырь широко использовался и в пропагандистских целях. Эсеры и агенты белых были для большевистской власти удобным оправданием своих просчетов и ошибок. В действительности реальное влияние антибольшевистских сил на крестьянское движение в регионе в 1919—1921 гг. было незначительным. Оно выражалось в участии членов партии эсеров, бывших офицеров в крестьянских выступлениях в качестве рядовых участников или руководителей отдельных повстанческих отрядов. Отчеты местных органов и доклады различ-

ных уполномоченных по изучению причин «чапанной войны» и «вилочного восстания» убедительно подтверждают стихийный характер крестьянского протеста, обусловленного тяготами наложенных на крестьян повинностей.

В то же время стихийный характер восстаний не означал отсутствия в ней элементов политической организованности и активности крестьянства. Из документов видно, как повстанцы быстро и достаточно эффективно реорганизовали на контролируемой ими территории органы Советской власти и приспособили их для нужд восстания. Военные штабы и комендатуры, Ставропольский исполком, издававший печатный орган восстания и предпринимавший активные меры для налаживания хозяйственной жизни и порядка в городе, агитационно-пропагандистская деятельность повстанцев и т.п. убедительно свидетельствуют о том политическом опыте, который приобрело крестьянство за годы революционных потрясений первых десятилетий наступившего века. Участие в крестьянских союзах, приговорном движении и выборах в Государственную думу, организации крестьянских комитетов и советов не прошло бесследно. Опыт сознательной политической активности в полной мере проявился и в ходе «чапанной войны» и в «вилочном восстании».

Документы опровергают и другой стереотип, ранее господствующий в историографии, о кулацком характере крестьянского движения. Приведенные в докладе председателя комиссии ВЦИК по ревизии Поволжья П.Г. Смидовича цифры о десятках тысяч участников «чапанной войны» — наглядное тому подтверждение. Об этом же говорят и другие факты и свидетельства.

События 1919—1920 гг. в Поволжье обнаружили еще одну важную особенность общероссийского крестьянского движения в рассматриваемый период — отсутствие у крестьян монархических иллюзий, связанных с бывшей династией Романовых, их приверженность республиканской форме государственного устройства революционной России.

В 1861 г. после обнародования царского манифеста об освобождении крестьян от крепостного права по всей территории помещичьей России прокатилась волна крестьянских выступлений под ярко выраженными царистскими лозунгами. Повсеместным было убеждение крестьян, что помещики и чиновники скрыли от них настоящий царский манифест. Тогда «повстанцами во имя царя» стали крестьяне села Бездна Казанской губернии и другого поволжского села — Кан-

диевка Чембарского уезда Пензенской губернии. Спустя немногим полвека в тех же поволжских деревнях лишь однажды крестьянами был выдвинут лозунг восстановления монархии и власти Романовых. Произошло это в конце февраля — начале марта 1919 г. в Больше-Азясской волости Краснослободского уезда Пензенской губернии.

И в ходе «чапанной войны», и в «вилочном восстании», и в массовом повстанческом движении 1921 г. в программных документах восставших крестьян государственное устройство России определялось как республиканское.

Таким образом, материалы подтверждают факт утраты народной веры в царя-избавителя, характерный и для других регионов (например, Тамбовской губернии). Так называемое «монархическое» выступление в селе Большой Азясь явилось результатом деятельности религиозно-монархической секты, пользовавшейся большим влиянием среди местного населения.

Другое дело — защита религии и церкви. Как правило, крестьяне выступали в защиту своих священников и сельской церкви против насилий и притеснений со стороны местной власти. Угроза закрытия церквей, аресты священнослужителей, оскорбительные для чувств верующих действия местных активистов нередко провоцировали восстания под лозунгом «За веру христианскую и ислам!». С большей силой религиозный фактор проявился в ходе вилочного восстания, где основной массой восставших крестьян были мусульмане. В мусульманских селах Казанской, Самарской и Уфимской губерний, как видно из документов, местные продорганы зимой 1920 г. в ходе выполнения продразверстки и заготовки скота совершенно не учитывали религиозных традиций населения. Особое недовольство крестьян вызвали действия местных властей по принудительной мобилизации мулл и взятию их в качестве заложников за невыполнение государственных повинностей. Однако подавляющее большинство крестьянских восстаний и в 1920 г. возникало на почве недовольства продовольственной политикой и другими действиями Советской власти. В то же время сельские священники, тесно связанные со своим приходом личной жизнью и не понаслышке знавшие тяготы живших рядом с ними крестьян, нередко активно участвовали в крестьянском движении, были в числе инициаторов восстаний, вели агитацию против политики большевистского государства и поэтому в числе первых подвергались репрессиям.

Крестьянское движение в Поволжье, несмотря на элементы организованности, по своей природе все же оставалось стихийным, об-

реченным на неравное противоборство с мощной государственной машиной. В конечном итоге, так же как и повсюду, сила оказалась на стороне государства, имевшего техническое превосходство и более эффективную военную организацию.

Л.Д. Троцкий был хорошо осведомлен о причинах крестьянских восстаний в Поволжье и внес в конце февраля 1920 г. в ЦК РКП(б) предложения по изменению продовольственной и земельной политики. Указал на факт, что вся политика Советской власти «направлена против многолошадных, многопосевных крестьян (кулаков), продовольственная политика построена на отобрании излишков (сверх потребительной нормы). Это толкает крестьянина к обработке земли лишь в размерах потребности своей семьи. В частности, декрет относительно изъятия третьей коровы, как излишней, на деле приводит к тайному убою коров, к спекулятивной распродаже мяса и к разрушению молочного хозяйства. В то же время полупролетарские и даже пролетарские элементы городов оседают в деревне, где заводят свои продовольственные хозяйства. Промышленность теряет рабочую силу, земледелие эволюционизирует в сторону увеличения числа самодовлеющих продовольственных хозяйств. Этим самым подрывается основа продовольственной политики, построенной на извлечении излишков. Если нынешний продовольственный год показывает значительный успех заготовок по сравнению с прошлым, то это нужно отнести за счет расширения территории и некоторого улучшения продовольственного аппарата. В общем же продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата. Бороться против таких тенденций хозяйственной деградации возможно следующими методами:

1. Заменив изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходный прогрессивный натуральный налог), с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляла все же выгоду.

2. Установив большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссыпанного ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам.

Привлечение к этому местных промышленных предприятий. Частичная расплата с крестьянами за доставляемое ими сырье, топливо и продовольствие продуктами промышленных предприятий.

3. Дополнив принудительную разверстку по ссыпке принудительной разверсткой по запашке и вообще обработке.

4. Поставив более широко, более правильно и деловито советские хозяйства.

Первые два пункта означают некоторое ослабление нажима на кулака: мы его держим в известных пределах, но не изводим на степень крестьянина, ведущего продовольственное хозяйство.

Последние два пункта означают, наоборот, усиление тенденции в сторону коллективизации сельского хозяйства.

Между этими мерами, однако, нет противоречия. Усиливая советские хозяйства и общественную обработку земли по разверстке, мы более осторожно относимся к крестьянским верхам до тех пор, пока не сможем центр тяжести продовольственной политики перенести на совхозы и общественную запашку.

В богатых земледельческих районах (Сибирь, Дон, Украина) необходимо выдвинуть политику, определяемую первыми двумя пунктами.

В центральных губерниях возможно преобладание политики второго порядка.

Во всяком случае, очевидно, что нынешняя политика уравнительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при ссыпке и уравнительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны [21: 543—544].

В этих предложениях Л.Д. Троцкого видны элементы будущей новой экономической политики, которая начнет осуществляться только через год после мощного крестьянского восстания на Тамбовщине под руководством А.С. Антонова, длившегося целый год и ставшего кульминацией крестьянского движения в 1918—1922 гг. Для сравнения: «чапанная война» длилась две недели, а «вилочное движение» — чуть больше месяца.

Трагические уроки повстанческого движения в Поволжье весной 1920 г. не были учтены большевистским руководством. В результате этого в регионе, так же как и по всей стране, на протяжении 1920—1921 гг. не затихала стихия крестьянских восстаний.

Источники и примечания:

1. Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002.

2. *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М., 1988.

3. Декреты Советской власти; Т. 3. М., 1961.
4. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 80. Л. 103—103 об.
5. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 580. Л. 115.
6. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 10. Д. 84. Л. 5.
7. Известия Симбирского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов. 14 марта 1919 г. № 57.
8. РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 13. Л. 78.
9. РГВА. Ф. 184. Оп. 9. Д. 5. Л. 47—47 об.
10. РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 13. Л. 104 и об.
11. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 94. Д. 64. Л. 73—76 об.
12. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 94. Д. 64. Л. 86.
13. РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 13. Л. 64—66.
14. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 94. Д. 64. Л. 86.
15. Гурьев Н. Чапанная война. Сызрань, 1924.
16. РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 13. Л. 64—66.
17. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 412. Л. 9—9 об.
18. РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1884. Л. 56.
19. РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1884. Л. 9.
20. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
21. *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 17. Советская республика и капиталистический мир / Часть II. Гражданская война. М.—Л., 1926.

ФЕНОМЕН НАРОДНОГО ПОВСТАНЧЕСТВА В ПОВОЛЖЬЕ: ОТ «АРМИИ ПРАВДЫ» (САПОЖКОВЩИНА) ДО «АРМИИ «ВОЛИНАРОДА» (СЕРОВЩИНА)

Повстанческое движение в Поволжье и уральских степях под руководством Василия Серова зародилось в 1920 г. В июле 1920 г. на территории Самарской и Саратовской губерний началось неординарное событие, получившее широкий резонанс в стране (сапожковщина) и вызвавшее серьезную озабоченность большевистского руководства — второй случай выступления крупного воинского соединения в Красной армии (после мятежа Ф. Миронова). 13 июля 1920 г. восстали войсковые части 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии, расположенной в 15 верстах восточнее г. Бузулука (7-й и 8-й кавалерийские полки и конная батарея — всего около 600 сабель и 600 штыков при четырех орудиях). Кадровую основу Туркестанской кавалерийской дивизии составляли преимущественно уральские и астраханские ка-

заки, а также казаки и крестьяне — уроженцы Новоузенского уезда Саратовской губернии и Пугачевского уезда Самарской губернии[1].

Поводом для восстания послужило смещение начальника дивизии А.В. Сапожкова: дивизия в составе двух полков должна была, согласно приказу командующего Заволжским военным округом, влиться во вновь формируемую 9-ю кавдивизию. В дивизии Сапожков, как известный бывший красный партизан, пользовался большой популярностью. Причиной восстания послужило недовольство красноармейцев советской продовольственной политикой. В Поволжье земельные отделы отбирали у казаков земли и передавали их другим хозяевам. Так, в Саратовском уезде земотдел отрезал у казаков станицы Саратовской в пользу общества землепашцев г. Саратова 2860 десятин удобной пахотной земли. Казакам было оставлено лишь небольшое количество удобной земли [1].

В день начала восстания Сапожков выпустил воззвание «Ко всем трудящимся и красноармейцам». Он объявил себя на митинге начальником так называемой «Первой армии Правды». В июле—сентябре 1920 г. восстание Сапожкова охватило территорию Бузулукско-го уезда Самарской губернии, Новоузенского уезда Саратовской губернии, а также часть Астраханской губернии. Численность «Армии Правды» первоначально составила 2500 человек. В основном это были мобилизованные крестьяне Саратовской и Самарской губерний. Программа сапожковцев была изложена в воззвании «Ко всем трудящимся и красноармейцам», а также в приказе Сапожкова от 15 июля 1920 г. В воззвании говорилось, что в Советской России власти народа давно не существует, с его мнением не желают считаться, труженики «нужны только для того, чтобы с них брать все необходимое и на это взятое держать свою власть». В воззвании отмечалось, что райпродкомы представляют собой не что иное, как учреждение, эксплуатирующее народ, и в них, так же как и во всех советских учреждениях, засели враги революции: буржуазия и офицерство. В приказе от 15 июля 1920 г. было заявлено, что восстание кавалерийской дивизии стало необходимо «ввиду раскола партии коммунистов-большевиков, в связи с неправильно введенным государственным правлением России,

[1] Территория Астраханского казачьего войска распространялась на Саратовскую губернию. В 1918 г. на съезде астраханского казачества, проходившем в г. Саратове, было принято решение о переносе столицы войска в г. Черный Яр.

которое в корне подорвало силу русского народа». В приказе указывалась цель восставших — объединить трудовое население одной идеей, сломив слишком обуржуазившихся некоторых ответственных членов коммунистической партии под лозунгом «Вся власть Советов действительна на программе партии большевиков на основе конспирации». «Никакого соглашения с буржуазией и всяким элементом, который недавно под мощным ударом Красной армии сложил оружие и в настоящее время занимают видные посты как то: в совнаркомах, в райпродкомах, в штабах и т.д.».

Лозунги реввоенсовета сапожковской армии — «Долой комиссаров, долой старых спецов, да здравствует свободная торговля!» — находили поддержку казаков Поволжья, а также самарских и саратовских крестьян, присоединявшихся к сапожковцам. Сапожков организовал военный штаб. Его войска заняли г. Бузулук и станцию Погромная. На станции сапожковцы разобрали железнодорожный путь, были остановлены и обезоружены два эшелона красноармейцев, отправлявшихся на Западный фронт.

В Бузулуке было объявлено осадное положение. Восставшие требовали перевыборов Советов, роспуска райпродкомов. Сапожковцы учредили свою власть во главе с Сапожковым. Было выпущено воззвание, в котором население призывалось к поддержанию порядка, поддержке советской власти, «Армии Правды» и III Коммунистического Интернационала. Объявленная запись добровольцев проходила с большим энтузиазмом.

17 июля сапожковцы были вытеснены из города подошедшими из Самары советскими войсками и рассеялись. Одна часть сапожковцев направилась в сторону Оренбурга, надеясь на поддержку оренбургского казачества, другая — к Бугуруслану. Конные отряды Сапожкова объявились в волостях Бугурусланского уезда: Ново-Султансуловской, Средне-Аверкинской, Мал-Талской, селах Троицкое и Матвеево, где сапожковцы проводили агитацию под лозунгами «свободной торговли».

Сапожковщина представляла серьезную опасность для Советского государства: восстание могло вызвать цепную реакцию и стать катализатором крестьянских и казачьих восстаний в Поволжье и на Южном Урале. Об этом было указано в записке Троцкого, переданной по прямому проводу 28 июля 1920 г. командующему Заволжским военным округом Авксентьевскому. Троцкий требовал: «Мятеж Сапожкова должен быть ликвидирован как можно скорее. Виновники сверху

донизу должны быть беспощадно покараны. В подведомственном Вам районе возможны широкие кулацкие восстания. Предупредить их можно только дав незабываемый урок всем элементам, которые прямо или косвенно поддержали мятеж Сапожкова». Троцкий требовал расстреливать всякого повстанца, захваченного с оружием в руках. Ленин также направил 2 августа 1920 г. телеграмму в адрес Заволжского военного округа, Уральскому и Саратовскому губкомам РКП(б) также выдвигалось требование скорейшей ликвидации мятежа Сапожкова.

Повстанческий отряд Сапожкова действовал в Заволжье до начала осени 1920 г. 6 сентября 1920 г. у озера Бак-Баул в Астраханской губернии он был разбит отрядом Борисоглебских кавалерийских курсов, а сам Сапожков убит [2: 758—759].

Сапожковщина со всей очевидностью выявила характерное явление: в 1920 г. в сознании трудового казачества и крестьянства утвердилось настроение о происходившем перерождении советской власти в результате постепенного захвата ее учреждений бывшими угнетателями (помещиками, кулаками, чиновниками). В народной среде распространилось мнение, что учреждения советской власти и ее органы на местах становятся сосредоточением взяточников, спекулянтов, мародеров, пьяниц, саботажников. Основания для подобных рассуждений имели место: по оценкам органов ВЧК, на местные органы и учреждения советской власти возлагалась основная вина за восстания, поскольку они неверно проводили в жизнь распоряжения центральной власти, дискредитировали их своей деятельностью [2: 32]. Сапожковщина имела выраженную политическую окраску.

Сапожковщина продолжалась в повстанчестве Василия Серова, одного из ближайших сподвижников Сапожкова. В течение более чем двух лет — до осени 1922 г. — военная мощь Советского государства не могла справиться с повстанцами, основу которых составили уральские и астраханские казаки — единственный пример столь длительного сопротивления коммунистической власти.

Член РКП(б) с 1919 г., Серов служил во 2-й Туркестанской дивизии начдива Сапожкова, после захвата г. Бузулука был назначен Сапожковым начальником местного гарнизона. После гибели Сапожкова приступил к формированию собственного повстанческого отряда. Повстанцы Серова, достигшие к 1921 г. численности до 2 тыс. человек, совершали нападения на ссыпные пункты зерна, вели вооруженную борьбу с Красной армией.

Повстанческое войско Серова именовалось «Первая атаманская дивизия восставших войск — Воля Народа» и состояло из трех полков. Серов занимал должность начдива. Командиром 1-го полка был сибирский казак Киселев, уроженец станицы Челкарской Семипалатинской губернии. Состав полков составляли казаки (конница), киргизы (казахи) и русские (пехота). При штабе дивизии имелись реввоенсовет (его председатель Федор Далматов находился у Серова с начала организации повстанческой дивизии), отдел пропаганды и следственная комиссия с функциями особого отдела. Повстанческая дивизия Серова имела выраженный рейдовый характер. В обозе повстанцев следовали их жены и дети [3: 774].

Повстанчество Серова получило четко выраженный идейный характер. Даже советское руководство признало, что борьба отрядов под руководством Серова «выходила за рамки обычного бандитизма». В январе 1921 г. среди повстанцев была распространена Декларация Революционного военного совета и командующего армии «Воли Народа», подписанная командующим Серовым и председателем реввоенсовета Далматовым. В данном документе из 16 параграфов была фактически изложена политическая программа протестного движения против политики Советского государства. Указанный документ, несомненно, заслуживает цитирования в полном объеме всего текста:

«§ 1. Мы, члены Революционного Военного Совета и Командующий восставших групп "Воли Народа", официально от имени восставшего народа заявляем, что диктатура пролетариата, три года разорявшая Россию, отменяется и вся полнота власти передается всему народу без всяких подразделений на классы и партии. § 2. Все декреты, изданные Коммунистическим Правительством, урезывающие свободу, провозглашенную второй революцией 1917 г., отменяются, а принципы второй революции служат фундаментом в строительстве России. § 3. Восставшим народом не принимаются никакие назначения комиссаров, исходящие из центра, как нарушающие народоправство, и всякие распоряжения таковых не исполняются, а сами комиссары, добровольно не отказавшиеся от власти, объявляются вне закона. § 4. Все учреждения, как партийно-коммунистические, а также профессиональные, взявшие в свои руки государственные функции, объявляются недействительными и вредными для Трудового Народа. § 5. Признавая за коммунизмом великое будущее и идею его священной, новая Революционная власть не имеет в виду силу штыка

противопоставить этой идее, а борется с насильниками-комиссарами, спекулировавшими на коммунизме, а также не признает и борется с принудительной государственной коммуной, считая, что увлечения всякого рода идеями — право всякого человека и меньшинство не имеет права навязывать большинству народа свою волю. § 6. Политические партии, за исключением партии черносотенцев-монархистов, признаются новой революционной властью, причем их деятельность ограничивается политической парламентарностью и посягательство партий на захват государственной власти будет считаться узурпаторством и пресекаться самым беспощадным образом. § 7. Принимая во внимание, что буржуазно-черносотенская армия монархистов, воспользовавшись смутным революционным временем и усталостью русского народа, постарается захватить в свои грязные руки власть и поработить Трудовой Народ, то Революционный Военный Совет и Командующий заявляют, что даже малейшие попытки к таковому захвату будут пресекаться, не останавливаясь перед высшей мерой наказания — расстрелом. § 8. Не предрешая и не навязывая то или иное назначение будущей верховной власти, Военный Совет и Командующий заявляют, что будут бороться со всеми попытками справа и слева за навязывание власти Народу, которая должна быть избрана по принципу всеобщего избирательного права. § 9. Разоренная трехлетним владычеством комиссаров и коммунистов Россия нуждается в интенсивном экономическом исправлении, а посему новая Революционная власть объявляет свободную торговлю, а переходная ступень социалистической операции отменяет всякого рода государственную монополию на жизненные продукты и фабрикаты. § 10. Признавая мелкую частичную собственность в земельной, фабричной, заводской областях, новая власть будет бороться с крупным капиталом, допуская концентрацию капитала и земель только в руках артелей, созданных самим же народом. § 11. Признавая принцип самоопределения народностей и областей, новая власть при расширении базы своего влияния строго будет проводить в жизнь этот принцип и от всяких навязываний той или иной формы управления отказывается, предоставляя право решения самим народностям и областям. § 12. Одним из величайших преступлений коммунистической власти является отказ работать с демократией Европы, как-то: Америкой и других, следствием чего были блокада и бойкот России и ее экономический упадок. Новая Революционная власть ставит ближайшей задачей завязать самые близкие сношения с упомянутыми демократическими

государствами через посредство своих представителей социалистов, которых коммунистическая власть по принципу Николая Кровавого изгнала из своей родины, участие которых в строительстве России новая Революционная власть считает необходимым. § 13. Уставший от внешней и внутренней войны русский народ нуждается в прочном мире, и новая власть заявляет, что все усилия будут приложены к тому, чтобы достигнуть мирного соглашения со всеми враждебно относящимися к коммунистической власти государствами. § 14. Впредь до установления постоянной верховной власти Российской республике потребуются денежные знаки и обязательства, имеющие государственное значение. А потому все ранее и теперь существующие являются действительными и имеют хождение на территории, занимаемой восставшей группой. § 15. Принимая во внимание, что Коммунистическая власть своими террорами и зверскими расправами сильно запугала народ, то новая власть предлагает всем сочувствующим и проводящим в жизнь настоящую декларацию избирать власть на местах по своему усмотрению, до особого распоряжения Верховной Власти. § 16. Все принципы, положенные в основу настоящей декларации, будут поддерживаться восставшими войсками и правительством, возглавляющим с оружием в руках, и посягательства на таковые со стороны групп будут беспощадно преследоваться [4: 275—277].

Данная Декларация формулировала задачи протестного движения во всех основных сферах общественной жизни: экономической, политической, духовной, внешнеполитической. Нет ни намека на отказ или ревизию коммунистической идеи — за коммунизмом признается «великое будущее». Коммунистическая партия обвинялась в узурпации власти и подмене обещанной власти народа диктатурой пролетариата, фактически — диктатурой партии коммунистов.

Программа Серова—Далматова фактически предвосхитила принципы нэпа: отказ от принудительной государственной коммуны и государственной монополии на продукт труда, признание мелкой частной собственности, организация контроля за капиталом, создание государственной денежной системы, разрешение свободной торговли. Однако имеется качественное отличие от советского нэпа — организация выборной народной власти на основе всеобщего избирательного права, признание принципов демократической свободы и прав человека, недопустимость захвата и узурпации власти отдельными партиями, развитие местного самоуправления, право на самоопреде-

ление народов, установление прочного мира и взаимоотношений с иностранными государствами.

Основные положения, изложенные в приведенном документе, созвучны программным идеям, высказанным в 1919 г. защитником интересов народа и народным вождем Филиппом Кузьмичом Мироновым. Можно утверждать, что Декларация Серова—Далматова по своему содержанию сопоставима с другими протестными документами — Программой антоновского Совета трудового крестьянства в Тамбовской губернии, резолюцией гарнизонного собрания мятежного Кронштадта 1 марта 1921 г.

16 октября 1921 г. в Москве Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом приняла решение: «На территории Приволжского военного округа затяжка борьбы с бандитизмом недопустима». Командующему войсками ПриВО было приказано в 1,5-месячный срок «вырвать с корнем бандитизм на территории военного округа». Особо оговаривалась возможность «в случае необходимости изъятия семей бандитов для отправки в другие районы» [5].

В конце 1921 г. высшее советское руководство приняло решение, которое закрепляло в 1922 г. за военным командованием право оперативного руководства действиями всех войск в «наиболее серьезных случаях проявления бандитизма». Для территории Уральской, Саратовской, Симбирской, Самарской губерний, а также Области немцев Поволжья подобным «случаем» стала ликвидация «банды Серова», которая находилась в конце декабря 1921 г. в Гурьевском уезде Уральской губернии, численностью до 600 сабель при 8 пулеметах. В нижнем течении реки Урал отряд Серова пополнился уральскими казаками в форпостах Орловский, Зеленовский, Тополинский, Баксаевский и Яманхалинский. Общая численность повстанцев возросла до 2—3 тыс. человек. 7 января повстанцы Серова от форпоста Харкинский — крепости Горская передислоцировались в южном направлении к форпосту Гребенщиковский, у которого 10 января вступили в бой с советскими частями. Понеся потери, Серов ушел на урочище Кара-Куль, где распустил большую часть казаков по домам. Уходя от постоянного преследования карательных войск в долине реки Урал, отряд Серова повернул на восток и 18 января силами не более 500 человек занял укрепление Уильское.

Из Уильского Серов предпринял по телеграфу переговоры с командованием Приволжского военного округа, располагавшегося в Уральске. Со стороны советского командования была создана комис-

сия для переговоров в составе комбрига 81-й бригады, председателя Уральского губисполкома и председателя губчека. 26 января были заключены предварительные условия о прекращении боевых действий на две недели. Советская сторона трактовала инициативу Серова однозначно как «переговоры о сдаче». Вероятно, мотивы для вступления в переговоры со стороны Серова и Далматова были гораздо глубже.

Об этом свидетельствуют, во-первых, условия о прекращении боевых действий, поставленные повстанцами: свобода личности и выбора местожительства, оставление по одной лошади на каждого повстанца. Во-вторых, двухнедельное перемирие Серов использовал для проведения агитационной работы в районе укрепления Уильское, распространял Декларацию Реввоенсовета и командующего армии «Воли Народа», пропагандистские листовки среди населения. В-третьих, Серовым были проведены перевыборы сельских и волостных исполкомов Уильского и Темирского уездов. С учетом приведенных аргументов можно заключить, что Серов действовал вполне в духе собственной политической Декларации: убедившись за время длительного периода боевых сражений (с июля 1920 г. по январь 1922 г.) в бесперспективности военного противоборства с регулярными частями Красной армии, ЧК, ЧОН, ВНУС, он искал политический выход к мирной жизни. Вероятно, возможность ухода за границу его не прельщала, иначе бы он ею воспользовался.

Среди местного населения распространялась листовка реввоенсовета группы восставших войск «Воли Народа», в которой разъяснялась народу цель борьбы повстанцев: «Долгое время в глухих степях носился слух, пускаемый врагами народа — коммунистами, что повсюду бродят одичалые банды преступных личностей, цель которых грабить и убивать встречного и поперечного. Долгое время народ, запуганный террором и зверскими расправами, продолжал по своей темноте верить этому провокационному слуху и бессознательно вставал под ружье и пытался убивать своих же братьев, борющихся за свободу и народоправие на правде. И Бог помогает и мы, восставшие войска, заняли г. Уиль со всеми находящимися в нем гарнизоном и партийными и что же сделали. Да ничего, ни один волос не только с головы красноармейца или частного гражданина, но даже с головы того же коммуниста не пал по нашей вине, борьба наша чисто политического характера, а не материального. В основу ее входит их лозунг: “Свобода, равенство и братство для всего русского народа”,

настолько родной народу, что после ознакомления населения с декларацией восставшего народа в наши ряды вступило добровольцами не только из среды частных граждан, но из красноармейцев и партийных, искренне раскаявшихся в своем заблуждении. Чем это объясняется? А тем, что народ убедился воочию, что восставшие войска “Воли Народа” не есть бандиты, как их именует советская власть, а есть партизаны, которые несут народу волю, освобождение народа от гнета Советского строя, народ понял, что голос народа есть голос божий, что народ целиком, как легко свалил гнет царизма со своей спины, так легко свалит и гнет коммунистов, так как вся их опора лежит на штыках того темного народа, стоит лишь бросить этому народу штыки, и нет власти коммунистов, а будет лишь власть самого по принципу великой Февральской революции. Уильский обыватель понял и добровольно сложил оружие, последует по его благому примеру остальной русский народ и конец бойни и конец гнету и насилию коммунистов. Остается лишь один свободный русский народ без диктаторов-комиссаров, объединенный под общим лозунгом “Свобода, равенство и братство!”» [4: 277—278].

Факт вступления в ряды повстанцев «красноармейцев и партийных», как говорилось в листовке, не был простым пропагандистским приемом. Об этом свидетельствует, в частности, присоединение к повстанцам в октябре 1921 г. коммуниста А.Б. Семенова, начальника штаба 4-й армии, секретаря и члена коллегии ЧК г. Новоузенска. В укреплении Уильское был взят в плен взвод отдельной Актюбинской роты ЧК.

Полномочия комиссии с советской стороны не были определены. Жесткие требования «о сдаче банды» не были приняты: Серов не отправил представителей в Уральск к назначенному сроку, дальнейшие переговоры прервал. Советская сторона трактовала данный шаг как использование перемирия бандитами для передышки, пополнения продовольствия и фуража с целью продолжения «бандитизма». Для этого распространялись слухи о том, что бандиты Серова терроризировали местное население, проводили разверстки и конфискации, отбирая последний скот и лошадей, объявляли мобилизации казаков, расстреливали за неподчинение. Однако распространяемые слухи не соответствовали идейному содержанию повстанческого движения Серова—Далматова. Как указывалось выше, при необходимости, чтобы избежать ненужных потерь, Серов распускал местных уральских казаков по домам.

О действиях Серова в Гурьевском районе главное командование Красной армии регулярно докладывало председателю Реввоенсовета Республики Троцкому и его заместителю Э.М. Склянскому. Два доклада в январе 1922 г. (14 и 16 января) были направлены лично Ленину и Молотову. В одном из докладов говорилось, что «мобилизованные ранее казаки бандой распущены по домам» [6].

11 февраля 1922 г. Склянский запросил главкома РККА Каменева: «С чьего согласия создана эта комиссия и на какой основе ведутся переговоры?» Советское командование опасалось возможного наступления повстанцев на Гурьев или Уральск. Войскам военного округа был дан приказ о переходе с 12 февраля в «решительное наступление для ликвидации банды Серова», общее руководство операцией возлагалось на комбрига 81-й бригады. Командование Приволжского военного округа, в свою очередь, выполняло приказ штаба РККА — «до весны обязательно покончить с бандой Серова» [7].

Из Уильского повстанцы Серова отступили в северном направлении, разбив 5 марта отряд ЧОН в районе поселка Ново-Алексеевский. 10 марта у поселка Красноярский (50 верст южнее Илецка) отряд Серова принял бой с советскими частями. В оперативно-разведывательных сводках штаба Приволжского военного округа об этом бое сообщалось, что он длился 18 часов. В бою было захвачено знамя повстанцев, на белом полотне которого написано «3-й атаманский полк. Смерть коммунистам — врагам народа, да здравствует полное право и воля народа». В сводке говорилось, что «состав банды Серова — казаки, стрелки и молодежь от 12-ти лет, имеется много заводных лошадей без седел» [8].

Можно с уверенностью утверждать, что ни одна банда не ввязалась бы в столь длительный и кровопролитный 18-часовой бой. Мотивация действий повстанцев, очевидно, заключалась в идейном настрое. В разведсводке оперативного управления штаба Приволжского военного округа от 15 марта 1922 г. говорилось, что в штабе Серова имелось знамя из белого полотна с лозунгом «Долой коммунистов! Да здравствует пролетариат!». В выводах к сводке отмечалось: «Добровольное присоединение к банде жителей Ново-Илецка и проводимый Серовым выбор из большого количества желающих; выбрасывание Серовым новых лозунгов» [9].

Оперативная обстановка в отношении ликвидации повстанцев Серова продолжала оставаться в центре внимания не только военного, но и политического руководства страны. Так, 23 марта 1922 г.

штабом РККА была составлена справка о действиях Серова, которая была послана заму председателя Совета труда и обороны А.Д. Цюрупе. Ему же 3 апреля Склянским была направлена телеграмма штаба Приволжского военного округа об оперативной обстановке вокруг Гурьева. 28 марта Молотову была направлена справка главкома в связи с заявлением уполномоченного ЦК РКП Вводского о неспособности военного командования руководить ликвидацией бандитизма в Приволжском округе. В справке указывалось, что численность банды Серова, по данным агентуры, колебалась от 350 до 1 тысячи человек [10].

8 февраля 1922 г. Склянский обвинил штаб РККА в попустительстве повстанцам, связанном с ведением переговоров. В сообщении главкому Каменеву подчеркивалось: «Две недели Серов использовал для противосоветской агитации, реквизиции фуража и скота и, вообще, для усиления своей банды... Очевидно, командованием Приволжского округа допущена совершенно недопустимая ошибка. Считаю необходимым, если с Вашей стороны нет особых возражений, поставить на вид неправильность его действий, так как если Серов вступил в переговоры, то совершенно не было надобности для заключения перемирия, дабы вести переговоры о сдаче» [11].

Главком Красной армии не возражал вышестоящему руководителю. Виновником неудачных действий советских войск по ликвидации Серова штаб РККА объявил командование Приволжского округа. Причину нашли в проведении переговоров с Серовым. 28 марта 1922 г. за подписью Каменева в штаб округа была направлена следующая телеграмма: «Прекращение военных действий против Серова привело в конечном результате к усилению последнего. Очевидно, командованием ПриВО совершена недопустимая ошибка, так как, если Серов вступил в переговоры, то совершенно не было надобности прекращать против него военные действия» [12]. Однако наказаний не последовало: лишь помощник командующего округом отделался выговором.

В начале апреля 1922 г. отряд Серова предпринял испытанную тактическую партизанскую уловку — он разделился на группы. Малочисленность групп позволила получить большую подвижность. Попытки параллельного преследования, окружения, загон повстанцев на расставленные заслоны оказались неэффективны. При окружении огромные пространства степей давали возможность Серову уходить в любом направлении. Пехотные карательные части красных

войск не могли угнаться за маневренными отрядами. Преследование происходило в голодном степном районе, вдали от путей сообщения и коммуникаций — советские части не имели возможности доставить для ушедших далеко от снабженческих баз необходимое продовольствие, подводы, лошадей. Приходилось на ходу формировать подвижные летучие отряды [13].

Отряды Серова рассеялись на мелкие группы от 40—50 до 100 человек, которые объявились в мае 1922 г. в Новоузенском уезде Саратовской губернии. Группа советских войск безуспешно пыталась окружить район, в котором оперировали серовцы, сузить кольцо окружения до радиуса 10 верст, чтобы ликвидировать их «одним ударом». Из донесения штаба Приволжского военного округа главкому РККА Каменеву следовало, что Серов выразил желание покончить с бесперспективным военным противоборством: военное командование округа располагало информацией, что 4 мая Саратовское ГПУ получило от него письмо с предложением о переговорах. Повторилась ситуация, имевшая место в январе 1922 г, но с одним существенным отличием: Серов решил вести переговоры не с военным руководством, а с губернским органом ГПУ. 7 мая представители комиссии ГПУ выехали на переговоры с Серовым (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 259). Боевые действия на этот раз не прекращались. О предпринятой попытке вступить в переговоры с Серовым со стороны Саратовского отдела ГПУ Каменев доложил Троцкому 13 апреля 1922 г. [14].

Переговоры происходили независимо от военного командования. 10 апреля 1922 г. последовал приказ главкома Каменева командующему войсками Приволжского военного округа: «Банда Серова должна быть ликвидирована во что бы то ни стало, а поэтому дабы не делать перерыва в раз начатой Вами уже операции, приказываю продолжать таковую под Вашим распоряжением и руководством, не передавая войскам ГПУ. Должны быть приняты меры к тому, чтобы Гурьев не оказался вновь под угрозой нападения остатков банды Серова» [15].

Однако Серов вновь, как и в январе, прервал переговоры; 7 представителей комиссии ГПУ он увез с собой. В дальнейшем представители Саратовского губотдела ГПУ прислали письмо с пожеланием прекратить военные действия против отряда Серова: в письме отмечалось, что Серов высказывал желание прекратить сопротивление и ожидал вторую комиссию для переговоров [16].

В данном случае разделились интересы двух разных ведомств. Военное руководство по-прежнему настаивало на ликвидации повстанцев Серова военными методами, отвергая любые переговоры. Главком Каменев был уверен: подобно тому, как было при переговорах в январе 1921 г., Серов пытался опять выиграть время для своего усиления. Склянский поддерживал мнение о категорическом запрещении «вступать во всякие переговоры с Серовым, которые дают ему возможность собираться с силами, и быстрее и энергичнее повести ликвидацию» [16].

В мае 1921 г. переговоры не получили результата. Однако 15 августа 1922 г. Серов добровольно сдался особоуполномоченному ГПУ. 14 августа добровольно сдался также сподвижник Серова — Ф. Далматов (Серов и Далматов были приговорены к расстрелу Самарским губернским судом 18—25 декабря 1923 г.). Можно сделать предположение, что прекращение вооруженной борьбы и одновременная добровольная сдача двух руководителей повстанцев имела под собой идейную основу.

Источники и примечания:

1. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 84. Д. 5. Л. 276.

2. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000.

3. Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002.

4. *Сафонов Д.А.* Великая крестьянская война 1920—1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999.

5. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 341.

6. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 671, 676.

7. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 535, 540, 541, 599.

8. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 426.

9. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 231. Л. 73.

10. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 527, 528, 532.

11. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 534.

12. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 524.

13. РГВА. Ф. 7. Оп. 6. Д. 1257. Л. 44—48.

14. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 159. Л. 36.

15. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 521.

16. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 253.

НАРОДНОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ

Зимой 1920—1921 гг. началась демобилизация из рядов Красной армии — после победоносного завершения боевых операций в Крыму и ликвидации Русской армии генерала Врангеля. Демобилизация носила массовый характер: по решению Совета труда и обороны с декабря 1920 г. до середины лета 1921 г. численность Красной армии должна была сократиться вдвое (к концу 1920 г. армия составляла около 6 млн человек) [1: 136; 2: 170].

Наступила столь желанная мирная жизнь. Однако возвращавшиеся в родные места бойцы и командиры, закаленные в боях Гражданской войны, столкнулись с военно-коммунистическими методами продовольственной политики Советского государства. Продразверстка повернулась против середняцкого хозяйства, подрывая стимулы аграрного хозяйствования. Заставить производителя отдавать хлеб и не снижать при этом сельскохозяйственное производство можно было только расширением мер принуждения и насилия.

Продолжение политики военного коммунизма в изменившихся, мирных условиях породило острый политический кризис, когда основная часть сельского населения — крестьяне и казаки — стали выражать не только пассивное, но и активное противодействие политике продразверстки. Органы Советского государства продолжали действовать методами приказов и инструкций.

Неудивительно, что бывшие и действующие красноармейцы составляли активную часть повстанцев. Командиры Красной армии нередко становились во главе мятежников. В их числе были кавалеры ордена Красного Знамени — редкой для того времени награды за большие боевые заслуги.

17 декабря 1920 г. в центре Усть-Медведицкого округа, в слободе Михайловке вспыхнул мятеж против советской власти, который возглавил Вакулин — бывший командир полка 23-й мироновской дивизии, член РКП(б), награжденный орденом Красного Знамени. В 1920 г. Вакулин служил командиром караульного батальона при Усть-Медведицком окружном военкомате.

В выпущенном им воззвании говорилось: «Граждане! Настал тот момент, когда власть кучки коммунистов и комиссародержавцев вырвана и передана в руки трудящихся. В ваших руках находится наша судьба. Вы вольны сгубить себя, пригнуть свои спины перед первым

налетом организованной шайки коммунистов, но пригнув, вы никогда не выпрямитесь. Поставлено все на карту — или смерть коммунистам, или трудовикам. Поэтому вы, кто силен духом, кто честен и бодр, тот должен поднять знамя священной борьбы, дабы у отца с матерью, жены и детей не отняли последний кусок хлеба, последнюю коровенку тунеядцы и вампиры и тем обречь безвинные семьи на явную гибель. Кто не хочет власти коммунистов, их притеснений, грабежей и насилий — тот записывайся в добровольческие отряды для борьбы с ней. Ваш бодрый дух и светлый ум подымут и поддержат и без того твердое настроение восставших красноармейцев, давших себе слово уничтожить всю грязь коммунизма. Граждане! Помогите в эту тяжелую минуту восставшим, все кто чем может, чтобы совесть каждого была спокойна сознанием исполнения своего долга. Итак, кто хочет увидеть настоящую свободу, равенство и братство, тот записывайся в ряды восставших для защиты своих прав. Да здравствуют восставшие Усть-Медведицкого округа!» [3: 588—589].

Вакулин ссылался в своих обращениях на поддержку со стороны популярного народного лидера Ф.К. Миронова, которую последний якобы должен оказать со 2-й Конной армией, как и С.М. Буденный с 1-й Конной. Сам Миронов подобные домыслы категорически отвергал, называя своего бывшего однополчанина бандитом, поднявшим «преступное бандитское восстание». Миронов объявил себя противником всяких восстаний вследствие их гибельности. Главным содержанием выступления Миронова на митинге 6 июня 1920 г. в Михайловке перед более чем 2 тыс. пленных белых казаков, собранных со всех станиц, был призыв не допускать восстаний против советской власти: Миронов предупреждал казачество и крестьянство «от этого пагубного шага для них и Республики», напоминая о приказе советского военного руководства об уничтожении станиц и хуторов за восстания.

Миронов не отрицал наличие, по его словам, «горючего материала» для восстаний: начавшиеся голодные смерти в станицах и селах, недовольство населения и красноармейцев продовольственной политикой. Он предсказывал возможность восстаний весной 1921 г., подчеркивая при этом, что они приведут страну к анархии. Чтобы не допустить подобной ситуации, Миронов доказывал: политика правящей партии должна учитывать требования жизни, без уступок противоречия преодолеть невозможно [3: 593—394, 642, 643, 644, 645, 652].

Первоначально число вакулинских повстанцев, действовавших в конце декабря 1920 г. в районе станции Себряково Усть-Медведицкого

округа, не превышало 500 человек. В середине января, под натиском регулярных войск Донской области, Вакулин перешел в пределы Саратовской губернии. Части ВНУС (внутренних войск), несмотря на численное превосходство, не смогли сдержать вакулинский отряд, который 18—19 января дошел до Волги и переправился на ее левый берег в 50 верстах северо-восточнее Камышина. Вакулинские повстанцы захватывали ссыпные пункты, раздавали хлеб и оружие крестьянам. Крестьяне добровольно присоединялись к Вакулину. Повстанцы распространяли лозунги: «Да здравствует Советская власть без коммунистов и комиссаров!», «Да здравствует свободный народ и свободная торговля!» [4; 5: 639].

Действия командования Заволжского военного округа не имели успеха, несмотря на численный перевес советских войск. Отряды Вакулина пополнялись казаками и пленными из высланных против него воинских частей, добровольно переходивших на сторону повстанцев. На территории Новоузенского уезда Саратовской губернии были взяты в плен несколько советских отрядов: 19 января под Беляевкой — отряд в количестве 101 человека, 21 января под Палласовкой — отряд в 500 человек, 24 января под Савинкой — отряд около 500 человек. За счет советских войск Вакулин обеспечивал не только пополнение живой силой, но также снабжение продовольствием и боеприпасами. В результате отряд повстанцев в 350 кавалеристов с 6—7 пулеметами, перешедший через Волгу на территорию Новоузенского уезда, из уезда уходил уже в составе 1 тыс. человек пехоты, более 400 кавалерии, имея на вооружении 17 пулеметов и 2 орудия с 200 снарядами. К концу января 1921 г., благодаря сочувственной поддержке местных жителей Саратовской губернии, численность вакулинцев достигла 1500 штыков и сабель, в начале февраля войско Ваку-лина насчитывало уже 1600 человек пехоты и 600 кавалерии [5: 630— 631]. В отрядах Вакулина роты оформлялись в полки, комплектование которых было построено по принципу территориальности.

25 января Вакулин повернул на запад, переправился 27 января на правый берег Волги и направился в Донскую область, но под натиском советских войск снова повернул на восток. 1 февраля 1921 г. Вакулин собрал общее собрание комсостава и провел в тот же день митинг всех красноармейцев отряда. В повестке дня стояли вопросы: цель восстания и его дальнейшие задачи; о самовольных арестах и обысках; о грабежах. В войске Вакулина был создан товарищеский суд, организован лечебный лазарет. В инструкции старшему врачу

об уходе за больными и ранеными указывалось: «Обратить самое серьезное внимание на питание больных и раненых, для чего требовать из отдела снабжения манную крупу и покупать по вольным ценам молоко, а при возможности и яйца, а также обратить внимание на самый уход за больными. Произвести экзамен всем сестрам милосердия, освидетельствовать их в состоянии здоровья» [6].

5 февраля 1921 г. после короткого боя Вакулин занял Камышин, но 7 февраля оставил город. Отряды Вакулина разбились на две части, одна из которых двинулась на север, другая — на юго-восток, угрожая движению на железной дороге Урбах — Астрахань. В районах передвижения повстанцев Вакулина по территории Заволжья вспыхивали восстания крестьян. Восставшие разбивали ссыпные пункты и увозили хлеб [7].

Советское руководство Саратовской и Самарской губерний реального положения не знало, недооценило силу повстанцев, считая, очевидно, раздутыми сведения с мест. Военное советское командование оказалось в растерянности: штаб 77-й бригады ВНУС не знал, где находится противник, не мог информировать свои части об обстановке. Многие ответственные советские и партийные работники, напуганные рейдом Вакулина, покинули Новоузенский уезд. Уездный ревком не имел никакой информации о движении повстанцев. В то же время, стремясь собственные промахи списать на счет «бандитов», советские, партийные и военные руководители направляли наверх донесения с «компроматом» на повстанцев и лично Вакулина, объясняя его действия якобы «острой формой последней стадии сифилиса и неврастении», «реакционностью на 50 %» населения, которое «сочувственно отнеслось к движению бандитизма, что и подтвердилось в его помощи Вакулину всеми средствами, необходимыми для бандитов», недовольством населения Усть-Медведицкого и Камышинского районов советской властью. Утверждалось, что Ва-кулин не пользовался сочувствием местного населения и лишь ухудшение продовольственного положения помогло ему приобрести симпатии крестьянства и даже городского населения [8; 5: 632,724].

В Совет труда и обороны была направлена телеграмма о необходимости решить вопрос о ликвидации Вакулина с помощью центра. Одновременно председатель Астраханской ЧК Ф. Степной телеграфировал Дзержинскому о необходимости решительных мер со стороны центра по ликвидации Вакулина вследствии реальной угрозы для Астрахани — прекращения снабжения хлебом.

Для борьбы с частями Вакулина главным командованием Красной армией были направлены значительные силы Заволжского и Кавказского фронтов (2 тыс. штыков, более 1 тыс. сабель). В частности, за двое суток был организован летучий отряд «из отборных бойцов и лошадей» 21-й кавдивизии в составе 1000 сабель, взвод артиллерии и батальон стрелков 22-й стрелковой дивизии. 17 февраля в бою в районе хутора Водянка (юго-восточнее станицы Гмелинская) части Вакулина были разбиты, сам Вакулин в рукопашном бою был убит [9; 10: 584, 587, 596, 599—603].

Преемником Вакулина стал его ближайший помощник — Федор Попов, донской казак, бывший командир полка 1-й Конной армии. В начале своих действий отряд Попова имел 2—3 тысячи штыков и сабель. Преследуемый советскими кавалерийскими частями, он постоянно маневрировал, нанося значительные потери красноармейским отрядам [5: 165]. Попов использовал успешный опыт тачанок и подвод для быстрого перемещения пехоты (данную тактику эффективно использовали махновское воинство и 1-я Конная армия). Продвигаясь через Пугачевский район Самарской губернии, отряды Попова заняли г. Хвалынск. Повстанцы Попова действовали также в Уральской губернии.

Повстанческое войско Попова к концу февраля достигло численности 6 тыс. штыков и 500 сабель. Оно имело структуру, аналогичную регулярным частям Красной армии. Основу кавалерии у повстанцев составляли донские и уральские казаки. Разработкой операций занимался штаб, возглавляемый Поповым, начальником штаба был бывший подъесаул Смирнов (настоящая фамилия Икунов), при штабе имелась комендантская команда — начальник Прохватильев.

Стрелковые полки формировались по территориальному принципу. Названия полков — 1-й Усть-Медведицкий полк (комполка Буржаковский), 2-й Астраханский полк (комполка Луковенко, бывший военный комиссар Михайловской волости Усть-Медведицкого округа, коммунист), 3-й Самарский полк — свидетельствовали о составе бойцов, из которых были сформированы полки повстанцев. В Самарской губернии был сформирован 4-й Пугачевский полк из жителей Пугачевского уезда [11].

Полки имели трехбатальонную структуру регулярных частей по 3 роты в каждом (по 400 штыков в батальоне). Каждый полк имел 5 пулеметов. Кроме того, была отдельная пулеметная команда с 15 пулеметами, каждый при 7 лентах, причем каждому пулеметно-

му расчету придавалась команда связи. 8 телефонных аппаратов размещались в бивуаке. Отдельный кавдивизион (опять же аналогично Красной армии) (командир Курыленков) состоял из трех эскадронов по 100 сабель, в каждом по 2 пулемета. Повстанцы Попова были вооружены трехлинейными винтовками.

Обоз состоял из 2 тыс. подвод для транспортировки пехоты и 370 подвод для фуража и снаряжения. Интендантская команда занималась снабжением повстанцев из райпродкомов, имелся специальный запас продовольствия — 200 подвод. Существовала норма ежедневной выдачи: хлеба мукой — полтора фунта, мяса — 1 фунт. В отряде функционировал лазарет с врачом, несколькими фельдшерами и одной сестрой милосердия. Штаб Попова поддерживал дисциплину в повстанческих частях. Пленные проходили через следственную комиссию, после положительного решения ряды повстанцев добровольно пополнялись за счет красноармейцев и комсостава Красной армии, в числе которых были коммунисты [12].

Реввоенсовет занимался политической и агитационной работой среди личного состава повстанцев и местного населения. Повстанцы распространяли воззвания среди местного населения за подписями председателя реввоенсовета Шкуратова и командиров частей.

Повстанцы Попова представляли серьезную угрозу для советской власти в районах Дона и Волги. По докладам советского военного командования Заволжского военного округа, в конце марта 1921 г. «банда, возглавляемая некогда Вакулиным, а ныне Поповым, перешла в категорию наиболее опасных банд, не только пользующихся симпатиями местного населения, но являющихся побудителем бандитско-эсеровского движения». Сила «банды» оценивалась в этот период в 6000 штыков, 600 сабель, 20 пулеметов. Для ликвидации восстания на территории Заволжского округа оказалось недостаточно частей двух дивизий внутренних войск (20-й и 26-й ВНУС), при 27 легких и 4 тяжелых орудиях. Быстрые передвижения повстанцев на подводах со сменой лошадей у местных жителей оставляли преследующим советским частям измученный конский состав, который не мог быть использован. Местные жители доброжелательно относились к повстанцам: сообщали информацию о передвижении красноармейских частей, укрывали повстанцев.

В конце марта 1921 г. главное командование Красной армии было вынуждено стянуть в Заволжский округ крупные и боеспособные во-

инские части из других регионов: 27-ю стрелковую дивизию[1], 70-й стрелковый и 22-й кавалерийский полки, кавалерийскую дивизию из Сибири, 4 бронепоезда. Для проведения политической работы и усиления советских аппаратов направлялись надежные коммунисты. Общее командование над всеми частями в низовьях Волги было поручено начдиву 27-й дивизии В.К. Путне [13]. Особая роль в ликвидации повстанцев отводилась использованию бронепоездов и бронеотрядов, а также авиации.

31 марта 1921 г. директивой главкома Красной армии С.С. Каменева Путна был назначен командующим войсками низовья Волги с подчинением в оперативном отношении непосредственно главкому. Для руководства операциями по подавлению восстания в низовьях Волги и прилегающей территории Заволжья ему были подчинены согласно директиве: во всех вопросах — все войска и все военучреждения, расположенные в Саратовской губернии (за исключением войск, переданных тамбовскому командованию для подавления антоновского восстания); в оперативном отношении — все войска, расположенные в Пугачевском уезде Самарской губернии и в Царицынской губернии. Рабочим аппаратом стал штаб войск низовья Волги, сформированный согласно данной директиве.

Под натиском превосходящих сил регулярной Красной армии Попов в апреле 1921 г. вернулся в пределы Донской области. После поражения в шестичасовом бою под станицей Преображенка повстанцы разделились на два отряда — самарский («самарцы»), действовавший в Камышинском уезде, и донской («донцы»), каждый из которых разбился на несколько групп, которые действовали самостоятельно.

В то время как в Нижнем Поволжье разворачивалось повстанческое движение Вакулина и Попова, на Украине произошел крупный мятеж в частях Красной армии. Причем случилось данное событие в легендарной 1-й Конной армии Буденного[2]. Комбриг из 1-й Конной армии Григорий Маслаков, кавалер двух орденов Красного Знамени,

---

[1] 27-я стрелковая дивизия под командованием начдива В. Путны до прибытия в Нижнее Поволжье для ликвидации повстанческого движения принимала участие в штурме мятежного Кронштадта.

[2] Еще в период сражений с белыми, по донесениям политработников 1-й Конной армии, нередко можно было услышать из уст буденновцев: «Покончим с Врангелем, пойдем воевать с коммуной, пойдем “чистить тыл”, или “разобьем белых, тогда начнем бить коммунистов”» [18:74, 75].

8 февраля 1921 г. отдал приказ по своей бригаде от имени начдива о выступлении на Дон. Мятежный буденновский комбриг, напомним, в сентябре 1919 г. отличился при подавлении мятежа и аресте Ф. Миронова.

Выступление Маслакова было вызвано недовольством продовольственной и земельной политикой Советского государства, а также нежеланием бороться с махновскими повстанцами. В районе хутора Кочережского и села Хандолеевки Маслаков призвал местное население к восстанию против советской власти, объявил себя партизаном и сторонником Махно. В указанном районе он соединился с махновским отрядом Бровы. Буденновский комбриг увел с собой почти весь личный состав 19-го кавполка (примечательно, что в этом кавполку 90 человек состояло в рядах РКП(б). Сам Маслаков был принят в ряды РКП(б) в июне 1920 г. Через полгода он выступил против «несправедливостей органов советской власти».

В выпущенной Маслаковым листовке-воззвании говорилось: «Товарищи!.. Мы не идем против советской власти, а боремся за нее... Не идем мы против народа, а идем мы против диктаторства сверху, как теперь нам диктуют... мы хотим, чтобы диктовал сам народ, а не один человек. Не идем мы против товарищей-коммунистов, которые идут по правильному пути, и рабочих на благо народа, но против бумажных коммунистов. Мы дали себе честное слово и поклялись не бросить оружие, пока не уничтожим этих гадов... Идут честные бойцы Буденновской армии... довольно нам кровопролития и братской крови. А давайте вместе направим оружие на тех, кто до этого доводит. Вперед, товарищи, против наших кровопийцев! Да здравствуют свободные советы, но только такие советы, которые будут правильно выбраны народом, а не назначены свыше. Долой всех диктаторов, кто бы они не были!» Отряд Маслакова выступал под лозунгом за «истинную Советскую власть без коммунистов». Реввоенсоветом 1-й Конной армии Маслаков был объявлен вне закона как изменник республики. В приказе по армии от 11 февраля 1921 г. предписывалось принять все меры к поимке Маслакова и доставке его в трибунал армии [14: 796].

Повстанцы под руководством бывшего боевого красного командира вместе с махновцами вели бои против своих бывших товарищей в районе Павлограда. В первых числах марта 1921 г. командующий Повстанческой армией Н. Махно выделил Маслакова (Маслака, как называл его Махно) в самостоятельную донскую группу и отправил в

рейд на Дон и Кубань. Маслаковцы перешли на территорию 1-го Донского округа. Их численность достигла более 5 тыс. сабель и штыков, и они представляли серьезную опасность для советской власти. Поднимая казаков и крестьян на борьбу с властью, Маслаков использовал лозунги «Вольные Советы», «Советы без коммунистов», «Свобода торговли» [15: 123].

Маслаковцы в марте 1921 г. оперировали в районе станицы Великокняжеской. В бою под станцией Ремонтная Маслаков понес серьезные потери, однако 12 марта 1921 г. его отряд прорвался через линию железной дороги на участке станций Ремонтная — Гашун в составе около 2000 сабель, намереваясь уйти в калмыцкие степи. 13 марта отрядом около 400 сабель Маслаков занял Торговое. Двигаясь далее на северо-восток, 14 марта он овладел селом Заветное. 16 марта, после боя с частями Донского командования, Маслаков отступил по трем направлениям: одной группой — в район Ремонтной, другой — на село Грабеевское, третьей — главными силами — на село Кеже. 20 марта Маслаков занял село Рогули. Окруженный в этом районе, понеся большие потери, 23 марта Маслаков ушел на восток в направлении калмыцких аулов в Астраханской губернии [16].

Обеспокоенное вторжением маслаковских повстанцев, руководство Астраханской губернии срочно направило телеграмму Ленину и Дзержинскому о необходимости решительных мер по уничтожению повстанческого отряда Маслакова. В секретной телеграмме от 17 марта 1921 г. губчека, губком РКП(б), губисполком и губпродком Астраханской губернии сообщали: «Банда Маслакова внушительными силами при двух орудиях, оперировавшая в районе Ставропольской губернии и Донобласти, вошла в калмыцкую степь и ведет наступление на северо-восток (Царицын — Черный Яр) от района Торговое — Ремонтное. По последним сведениям, занято с. Киселево. Царицын и Астрахань боевых сил для противопоставления этой внушительной банде не имеют. В Царицыне сосредоточены все запасы хлеба для Астраханской губернии количеством пятьсот тысяч пудов, и продвижение банды на Царицын грозит хлебу, который является единственным ресурсом для Астраханской губернии в период рыболовной и нефтетранспортной кампаний. Царицынский хлеб нашими спешно грузится в баржи, которые по причине льда продвигаться в Астрахань не могут, но будут продвинуты немедленно по вскрытии реки. В Астрахани запасов хлеба совершенно нет, а поступления с железнодорожной станции Покровск совершенно прекратились

вследствие переброски покровского хлеба согласно ваших приказов в Центр. Положение требует принятия самых решительных мер уничтожения упомянутой банды Маслакова, и во всяком случае недопущение ее до района Царицын — Сарепта — Черный Яр. Неполучение хлеба из Царицына неизбежно вызовет тяжелое положение. О ваших мероприятиях просим срочно телеграфировать». Получив 19 марта данную телеграмму, Ленин написал Троцкому резолюцию: «Тов. Троцкий. Надо нажать изо всех сил и разбить Маслакова» [5: 675].

Высшее советское руководство считало повстанцев Маслакова серьезной угрозой, которая могла вызвать детонирование горючего социального недовольства как в Красной армии, так и среди местного населения в местах передвижения повстанцев. Примечательно, что в циркулярной телеграмме председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского всем губчека и особым отделам от 30 марта 1921 г. «банды Маслакова на Дону» ставились на один уровень с «бандами Антонова в Тамбове» и «Махно на Украине» [17: 608].

В Астраханской губернии к повстанцам Маслакова присоединились более 200 калмыцких казаков в Икицохуровском улусе. Захватив несколько населенных пунктов в степях Манычского улуса, маслаковцы 29 апреля овладели Элистой. Для ликвидации повстанческого движения на Дону и Северном Кавказе по приказу председателя Реввоенсовета Республики Троцкого 30 апреля 1921 г. был вновь образован Северо-Кавказский военный округ на прежней территории со штабом округа в Ростове-на-Дону.

На Дон и Северный Кавказ была переброшена в полном составе 1-я Конная армия. По поводу использования Конной армии для борьбы с повстанцами у советского руководства возникали сомнения, связанные, в частности, с возможностью перехода конноармейцев к повстанцам Маслакова и других отрядов. Из 4-й дивизии были срочно изъяты сомнительные «кулацкие элементы», почищен низший комсостав. 24 апреля в 4-й кавдивизии были проведены аресты среди комсостава 12-го полка, командир которого агитировал бойцов присоединиться к Маслакову. После этого реввоенсовет 1-й Конной армии имел основания для утверждения, что Конармия не будет «помощницей повстанцев», а родственники и близкие бойцов не смогут оказать «какое-либо дурное влияние» на конармейцев, поскольку «в данное время вопрос о продразверстке не носит такого острого характера, как прежде». Основываясь на мнении реввоенсовета 1-й Конной армии, М.В. Фрунзе докладывал Ленину о политически вполне воз-

можном переводе армии на Дон, поскольку «никаких данных к повторению событий, подобных маслаковской истории, не отмечается» [18: 76].

Тем не менее руководство Донского бюро РКП(б) возражало и предупреждало Москву, что «несовершенство советского аппарата» оставило неизгладимые следы на семьях бойцов и «пребывание буденновской армии на Дону создаст условия большого развития бандитизма за счет не только населения, но и частей буденновской армии, что мы видели в момент возврата демобилизованных» [18: 76].

Среди действовавших весной 1921 г., по официальным неполным данным, в России 165 крупных повстанческих отрядов выделялся отряд Якова Фомина, бывшего участника мироновского мятежа. Будучи командиром кавэскадрона Красной армии, Фомин поднял эскадрон 14 марта 1921 г. на мятеж под лозунгом «Долой разверстку!». Отряд, основу которого составляли казаки, действовал на границе Воронежской губернии и Верхне-Донского округа. Состав отряда пополнился жителями Воронежской и Тамбовской губерний, всего до 300 человек. Мятеж был ликвидирован 18 марта 1922 г., Фомин убит на хуторе Кругловском 20 марта.

Весной—летом 1921 г. повстанческое движение в регионах Нижнего Поволжья, Дона, Кубани, Терека разгорелось с новой силой. Отряды в несколько сотен, а иногда и тысяч человек, пеших и конных, нападали на колхозы, населенные пункты, угрожали районным центрам. Особенно активизировались повстанцы с началом очередной посевной кампании. Фронтовики, вернувшиеся с войны, не могли мириться с вопиющим произволом: доставали оружие, объединялись в отряды и уходили в бескрайние приволжские, донские, кубанские, уральские степи. Примечательно, что протестное движение казаков охватило Хоперский и Усть-Медведицкий округа, вошедшие в состав Царицынской губернии, которые в годы сражений с белыми (1918—1920) считались «красными казачьими округами», составлявшими основу красных казачьих частей Думенко, Буденного, Миронова.

Повстанческие отряды в 1921—1922 гг. можно разделить на три вида: оседлые, кочующие и рейдовые. Небольшие «оседлые» отряды от 10 до 30 человек действовали, как правило, вблизи своих хуторов. Их тактика соответствовала законам партизанской войны: днем казак пахал, сеял, а ночью лихим налетом врывался и громил колхоз, продовольственную контору, исчезал так же внезапно, как и появился. Разбежавшись по домам, партизаны опять превращались в мирных

жителей. Крупные отряды советской кавалерии и пехоты, оснащенные авиацией и бронеотрядами, не могли очистить губернии от «бандитов».

Многие отряды численностью в несколько сотен сабель и более состояли из бывших красных казаков, называвших себя с гордостью «мироновцами», «вакулинцами», «маслаковцами», «фоминцами» — по фамилиям их бывших знаменитых красных командиров. Закаленные в боях с белыми бывшие красные конники громили ревкомы, совхозы и колхозы. Некоторые формирования насчитывали 2—3 тысячи винтовок и сабель. Из них составлялись пехотные и кавалерийские полки, и тактика их уже принимала черты, присущие регулярным частям. Если «кочующие» повстанческие отряды не уходили за пределы родных мест, то «рейдовые» преодолевали значительные расстояния по территории нескольких губерний. Опасность «рейдового» повстанчества для Советского государства проявлялась в качестве побудительного фактора для «оседлого». Рейдовые отряды, появляясь в том или ином районе, поднимали местное население против коммунистической власти. В одном отряде воевали казаки, крестьяне, калмыки, киргизы, казахи, но в большинстве своем основу отрядов составляли местные жители. Казаки, уставшие от войны и постоянных стычек с преследователями, нередко оставались в родных местах, расходились по домам, организовывались в небольшие отряды и действовали в родном районе. Из повстанческих частей выделялись авторитетные в народной среде командиры, освоившие опыт партизанской тактики ведения боевых действий. Многие из них выделялись и действовали самостоятельно.

Неразвитость сети железных дорог в южных степных просторах, огромные безлюдные и безводные пространства (астраханские, киргизские степи) сковывали эффективность действия карательных частей и не давали возможности преследовать повстанцев при значительном удалении от путей сообщения.

Засуха, гибель урожая и голод, поразившие Нижнее и Среднее Поволжье, Дон, Кубань, Северный Кавказ в 1921 г., затрудняли возможность для возвращения участников повстанческого движения к мирной жизни: многим повстанцам просто не было смысла возвращаться к разоренным хозяйствам в родных станицах и хуторах. Терялась связь с родным домом, со своими селениями. Данное обстоятельство объективно продлевало существование вооруженных отрядов, действия которых основывались на маневренных рейдах из района в рай-

он под давлением превосходящих воинских сил. В обозах рейдовых отрядов следовали жены и дети их командиров и бойцов.

Нередко повстанческие соединения предпринимали масштабные боевые действия. По сводке советского военного командования Нижневолжского края от 23 мая 1921 г. следовало, что восставшие казаки и крестьяне Нижнего Поволжья развернули наступательные действия: «Бронепоезд № 25 прибыл в Царицын. 70-й полк перешел в наступление и к 12 часам 21 мая занял хутор Беленький (в 25 верстах юго-западней станицы Озинки). В 18 часов 21 мая противник густыми цепями пехоты и кавалерии повел наступление на хутор Беленький и атаковал наши части, окопавшиеся у хутора. Бой продолжался до 6 часов 22 мая без перерыва. Противник значительными силами, переходя несколько раз в атаку в конно-пешем строю, пытался выбить полк из окопов, но каждый раз, встреченный дружным ружейно-пулеметным огнем или контратакой полка, отбрасывался обратно. Окруженный со всех сторон полк оставил хутор Беленький и, отойдя 2—3 версты на север, вновь перешел в контратаку и в 8 часов 40 минут 22 мая занял хутор, оттесняя бандитов в западном направлении. Потери бандитов — 100 убитых и 130 раненых...» [19: 165].

«Бандиты» (по советской терминологии), промышляшие грабежом, не стали бы несколько раз атаковать регулярный полк Красной армии, окопавшийся на окраине хутора. Эти бойцы сражались за свои права и свободу. Большие отряды повстанцев создали угрозу движению судов по Волге, перевозивших горючее и хлеб в промышленные центры России. Советское руководство было вынуждено выделять значительные силы для защиты транспортных караванов на Волге. Пароходы, оснащенные орудиями и пулеметами, сопровождались от Вольска до Астрахани усиленными вооруженными отрядами. Вдоль берега водную магистраль охраняли бронепоезда, авиаотряды, гарнизоны Красной армии. Им же было поручено охранять мосты, железнодорожные пути, станции.

Регулярные части Северо-Кавказского военного округа, включавшего Донскую, Терскую и Кубано-Черноморскую области, Ставропольскую губернию, находились в состоянии непрекращающейся войны с повстанцами. К.Е. Ворошилов, назначенный руководителем СКВО, отмечал, что работа штаба и управлений округа ничем не отличалась от работы полевых армий и фронтов [19: 68]. Борьба с «бандитизмом» была объявлена ударной, поскольку в данном явлении проявлялась организованность с выраженной политической окра-

ской. Были укреплены части ЧК, ЧОН, милиция. Объявили амнистию сдавшимся добровольно повстанцам, а затем в сентябре 1921 г. были развернуты боевые действия, существенно ослабившие повстанческое казачье движение на юге России. К сентябрю 1921 г. отряды Маслакова были загнаны в горы Чечни и Осетии, сам Маслаков убит амнистированными повстанцами в конце сентября 1921 г.

Согласно приказу Реввоенсовета Республики от 9 декабря 1921 г., территория военного округа вошла в перечень 20 губерний, в которых борьба с бандитизмом возлагалась на ВЧК с правом привлечения полевых войск. К январю 1922 г. количество повстанцев на территории округа сократилось в несколько раз [20: 68].

В июле 1922 г. отдел борьбы с бандитизмом при Донском ГПУ объявил в печати: «Вопрос о бандитизме в Донобласти можно считать решенным. Банд, как известных группировок с политической окраской, на территории Донобласти в настоящее время не имеется» [15: 126].

С развитием нэпа характер повстанческого движения претерпел трансформацию, многие повстанцы, воодушевленные амнистиями, расходились по домам. Амнистированные повстанцы нередко оказывали добровольное содействие власти в борьбе с бандитизмом. Случаи участия амнистированных повстанцев в поимке или ликвидации руководителей «банд» и «шаек», как их тогда называли (пример — ликвидация Маслакова амнистированными повстанцами в сентябре 1921 г.), является не только стремлением заслужить отпущение грехов у советской власти (это вряд ли можно отрицать), но и желанием покончить с явлениями, мешающими наладить мирную трудовую жизнь трудового казачества. Население казачьих областей устало от войн и многолетней изматывающей борьбы, приводивших казачьи хозяйства в упадок и разорение. Казачьи станицы, по которым огневым вихрем прошлась кровавая Гражданская война, опустели: значительная часть мужского населения полегла в сражениях между противоборствующими сторонами или скиталась в зарубежном изгнании.

Во второй половине 1922 г. повстанческое движение пошло на спад. Борьба оставшихся отрядов ограничилась самосохранением, что неизбежно вело к вырождению их в обыкновенный бандитизм.

Источники и примечания:

1. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 1. М., 2000.

2. Офицерский корпус в политической истории России. Т. 3. Документы и материалы 1920—1925 гг. / Сост. А.И. Панов. Калуга, 2003.

3. Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917—1921 гг.). Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997.

4. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 561. Л. 9.

5. Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002.

6. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 35, 40, 59, 64.

7. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 16—17, 23—24.

8. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 16—17, 23—24,39.

9. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 61.

10. Внутренние войска Советской республики. 1917—1922. Документы и материалы. М., 1972.

11. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 68.

12. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 561. Л. 21.

13. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 44; Д. 107. Л. 15.

14. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000.

15. Российское казачество: Научно-справочное издание / Отв. ред. Т.В. Таболина. М., 2003.

16. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 71.

17. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918—1921: Документы и материалы. М., 2006.

18. *Генис В.Л.* Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. №12.

19. *Смирнов Н.Н.* «Степные партизаны» Поволжья // Белая гвардия. 2002. № 6.

20. Родина. 2002. № 1.

НАРОДНОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ: АПОГЕЙ ПОЛИТИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА (1920 — НАЧАЛО 1921 Г.)

В 1920 и 1921 гг. в Сибири проявился особенный феномен повстанческого движения, нехарактерный для Европейской России: народное движение против коммунистической власти объединило интересы крестьянства и казачества Сибири. В Сибири не было той остроты земельной проблемы, которая поднимала иногородних против казаков на Кубани, на Дону, на Тереке. Бескрайние сибирские

просторы (включая земли, отошедшие к современному Казахстану) позволяли наделить землей и удовлетворить насущные интересы всего аграрного населения Сибири — крестьян и казаков.

Народный характер повстанческого движения продемонстрировало самое крупное восстание, происшедшее в Сибири в 1920 г., в результате которого была создана Народная повстанческая армия.

В конце июня 1920 г. вспыхнули волнения в Славгородском уезде Алтайской губернии, вскоре вся Алтайская губерния была охвачена народным восстанием. Крестьяне в Степном Алтае создали повстанческую Народную армию. Одним из отрядов командовал казак Дмитрий Шишкин, впоследствии ставший руководителем всей крестьянско-казачьей армии степного Алтая — незажиточный уроженец станицы Лебяжьей Сибирского казачьего войска, участник Первой мировой войны, командир казачьей сотни на германском фронте, подъесаул, кавалер двух боевых орденов[1]. В приказе №1 командующего Шишкина по Народной повстанческой армии утверждалось следующее: «На территории, освобожденной повстанческими войсками от коммуны, населению возвращается вся полнота гражданской свободы. Всем, кто идет под знаменем Народной повстанческой армии, объявляется действительное равенство перед законом, свобода слова, собраний, передвижения, занятий. Труд, промыслы, торговля, собственность каждого объявляются неприкосновенными. Ввиду исключительности военного времени повстанческой армии временно предоставляется право реквизиции всего, что нужно для армии, с выдачей в уплату реквизиционных квитанций, по которым впоследствии, по установлению государственного порядка, будет выплачена сполна действительная стоимость взятого по курсу. Да здравствует настоящая, не коммунистическая гражданская свобода» [1: 237].

Однако объяснить народу сочетание «гражданской свободы» и «право реквизиции» было проблематично. Народная армия была разбита советскими войсками на Алтае и отступила на запад к Иртышу. Крестьяне надеялись на поддержку сибирских казаков. Крестьянская первоначально по своему составу Народная армия вышла к Иртышу

---

[1] Станица Лебяжья располагалась в Павлодарском уезде Семипалатинской губернии. До Первой мировой войны Д.Я. Шишкин служил топографом Омского военного округа, в 1909 и 1911 гг. проводил рекогносцировку пограничной полосы с Китаем в районе Алтая, поэтому прекрасно знал данную территорию.

и 21—22 июля 1920 г. вошла в станицы Кривинскую, Подпускную и Лебяжью (родную станицу Д. Шишкина). Казаки данных станиц добровольно присоединились к шишкинцам практически поголовно.

22 июля повстанцы в районе Лебяжьей захватили пароход «Витязь», шедший по Иртышу из Семипалатинска в Павлодар. Шишкин разместил на нем свой штаб. Продвигаясь от Лебяжьей вниз по Иртышу, повстанцы вошли в Павлодарский уезд и заняли станицы Чернавскую (Черную) и, после боя с павлодарским заслоном, Ямышевскую. Во всех станицах повстанцы проводили мобилизации казаков и формирование из них станичных конных сотен. Именно на Иртыше отряды Шишкина превратились в «Крестьянско-казачью повстанческую армию». К 28 июля 1920 г. в ее составе было 6 вновь сформированных казачьих сотен: кривинская, подпускная, лебяжья, чернавская, ямышевская и сводная (из казаков других станиц). Общая численность повстанческой армии составляла в это время около 5 тыс. человек, в том числе до 3 тыс. казаков, остальные — крестьяне, а также добровольно присоединившиеся к повстанцам киргизы (казахи) [2].

Слова воззвания штаба Крестьянско-казачьей повстанческой армии от 5 августа 1920 г. были созвучны настроениям народа: «За советскую власть против коммуны, против грабительской власти насильников — вот за что восстали мы, крестьяне и казаки Семипалатинской области. Довольно крови и насилия, довольно тюрем и расстрелов. За мир, за порядок, за справедливость поднялись мы и с оружием в руках решили или умереть или сбросить ненавистную... коммуну. Кто за то, чтобы русский народ сам правил свою власть, чтобы власть эта была действительно в народных руках, чтобы нашей жизнью и достоянием распоряжались свои, русские люди, выборные от народа — тот иди в наши ряды. С оружием в руках против коммуны за народную советскую власть» [1: 239—240].

Советские части особого назначения под командованием Н.И. Корицкого, направленные советским командованием Сибири на ликвидацию восстания, захватили «Витязь» вместе со штабом повстанцев. Но сам Шишкин уцелел, поскольку в это время был с авангардом в Подстепной. Утром 28 июля красноармейцы заняли Лебяжью и Подпускную. Все мужское население казаков названных станиц ушло с повстанцами в сторону Павлодара поголовно — от четырнадцатилетних подростков до стариков [3].

Командир отряда ЧОН Корицкий о борьбе с повстанцами докладывал лично помощнику главкома вооруженных сил Советской Ре-

спублики по Сибири В.И. Шорину. В информации сообщалось: псевдоним Шишкина — Казаков — «черный, толстый, невысокого роста, с острой бородкой, средних лет». В захваченном штабе повстанцев находилось красное знамя с изображением трех пик с надписью: «Долой коммуну, долой всякое насилие. Да здравствует власть советов всех трудящихся» [4].

Шишкин с ядром своей армии сумел пробиться из окружения и вернуться в крестьянский Марзагульско-Волчихинский район Алтая, откуда начиналось восстание. К 3 августа 1920 г. у него осталось не более 600 человек, в том числе до 200 сибирских казаков. Повстанцев непрерывно преследовали части двух красных дивизий — 13-й кавалерийской и 26-й стрелковой. 9 августа отступающие повстанцы с боем заняли Змеиногорск.

9 августа 1920 г. штаб повстанцев обратился к гражданам Змеиногорского уезда с воззванием: «Невыносимый гнет коммунистической власти заставил нас взяться за оружие. Мы встали за то, чтобы освободить от насилия и крови, чтобы дать нашей несчастной России мир, порядок и выборную для народа власть. Все, кто понимает, к какой гибели, к какой нищете и голоду и бесправию ведет русский народ нерусская коммунистическая власть, должны идти с нами, мы хотим только порядка, справедливости и русской народной власти. Чтобы каждый знал свое, знал, что его дом, его добро, его труд принадлежит только ему одному, чтобы каждый мог и имел право заниматься тем, к чему он годен и что он хочет, лишь бы это не было во вред народу. Когда будет сброшена коммуна, выборные от народа соберутся и сами определят, какой порядок, какая власть должна быть в России. Мы боремся только против коммуны, за народные права, завоеванные революцией. Мы хотим права и настоящей гражданской свободы слова, собраний и выборов. Русские люди, давайте же кончим разрушать Россию и начнем строить, давайте заживем настоящей гражданской свободной жизнью без плоти и крови. У нас, взявшихся за дело свержения коммуны, нет оружия, но с нами весь народ, а где народ, там и победа. Идите же, граждане, к нам, освобождайте себя, спасайте Россию» [1: 246].

В Змеиногорске приказом Шишкина по Крестьянско-казачьей повстанческой армии от 9 августа 1920 г. объявлялась мобилизация всего мужского населения Змеиногорского уезда от 20 до 45-летнего возраста. Первая категория — от 20 до 35 лет — определялась в строевые части, вторая категория — от 35 до 45 лет — в

части местной самоохраны. Первой категории мобилизованных предписывалось, организовавшись на местах в воинские единицы — роты и эскадроны, явиться на своих конях и подводах со своим оружием в штаб армии. Вторая категория должна была оставаться на местах для несения гарнизонной службы, организовавшись в роты. В каждом селении требовалось избрать начальника гарнизона, командира охраны и военный комитет из трех лиц. На последний возлагалось решение вопросов мобилизации, реквизиций. Начальник гарнизона являлся председателем военного комитета [1: 245—246]. Данный приказ повстанцы осуществить не смогли. Под натиском преследующих советских частей они покинули Змеиногорск, пробиваясь в направлении Горного Алтая. Выйдя на Бийскую линию Сибирского войска, повстанцы заняли станицу Верх-Алейскую. Отряд шишкинцев пополнился казаками: в середине августа 1920 г. силы повстанцев состояли из 4-х эскадронов кавалерии, 2-х сотен казаков и 4-х рот пехоты общей численностью до 700 человек при 2-х пулеметах [1: 247]. Отступление проходило по казачьей линии на северо-восток, через казачьи поселки Ключевский, Белорецкий, Андреевский, Тигирецкий, Яровский. Верх-Алейскую станицу и поселок Ключевский Шишкин сдавал с боем. Он обошел заслоны красных в поселке Тулатинском и станице Чарышской.

Вынужденно оставив Бийскую линию, Шишкин ушел в Горный Алтай, затем через горы — в Монголию, Китай. Примечателен факт, подтверждающий народный характер казачье-крестьянского отряда Шишкина: в Китае повстанцы отказались присоединиться к лагерю интернированных белых Оренбургской армии, рассыпались по заимкам. Они сохранили выборный командный состав, не носили погон. Поход Крестьянско-казачьей армии Шишкина с непрерывными боями по территории Сибири, затем передвижение по Монголии и Китаю составило в общей сложности более 2 тыс. км за три месяца! Воспетому в Белом движении Ледяному походу по данному показателю далеко до народных сибирских повстанцев!

После подавления восстаний в Алтайской и Семипалатинской губерниях начались репрессии в отношении местного населения. В докладе члена Семипалатинского губревкома А.И. Большакова от 31 августа 1920 г. сообщалось: советскими воинскими частями производились реквизиции и конфискации имущества у населения. Однако представителя ревкома беспокоил не столько произвол в отношении местных жителей, сколько материальный ущерб, нанесенный

советскому государству: «Конфискации производятся без всякого плана и, видимо, конфискуемое не сдается и не оберегается, а тратится безрассудно и расхищается, что далеко не в интересах республики. Ведь оставить население голым и имущественно разоренным и в то же время требовать от него выполнения тех или иных неотложных нарядов, естественно, невозможно, ибо население не имеет средств их выполнить, а все, что у населения взято вышеуказанным способом, для нужд республики, безусловно, сдано не будет» [1: 396].

Аналогичная озабоченность властей высказывалась в информационной сводке Семипалатинского губревкома от 31 октября 1920 г. Констатировалось, что мужское население в станицах и поселках Больше-Нарымское, Мало-Нарымское, Воронье, Черемшанка, Катон-Карагай, Уруль, Мало-Красноярское и Чистоярское «совсем отсутствует, за исключением нескольких стариков и вернувшихся подростков». Все же остальные мужчины во время июльско-августовских восстаний присоединились к повстанцам, при ликвидации восстаний часть из них была уничтожена, остальные ушли в горы или за границу в Китай. Часть староверов из других селений бежали, побросав свои хозяйства, в том числе маралов, которые были распущены из специальных садов по киргизским волостям, в особенности по Чингистайской. Население этой волости наполовину сбежало за границу, угнав с собой скот [1: 399].

2 ноября 1920 г. Бухтарминский уездный ревком докладывал в Наркомат внутренних дел: «Настроение населения неудовлетворительное, так как со дня установления советской власти население не получало никаких продуктов и товаров, между тем первая разверстка почти закончена, а население нуждается во всех необходимых продуктах, как-то: чае, спичках, мыле, не говоря уже о сахаре и масле, — и к тому же уже не имеет ни обуви, ни одежды. В настоящее время приступлено ко второй разверстке, этим вызывается враждебное отношение к советской власти: за первую разверстку было обещано ему и мануфактуры, и кожи, и др. продуктов. Но на самом деле со дня организации советской власти ничего не дано, за очень и очень немногим исключением селений, кои выполнили разверстку на 100 %. Но удовлетворение населения материалом для одежды и обуви более чем необходимо, ибо теперь наступили зимние холода, а население большей частью голое и босое» [1: 399].

Западно-Сибирское восстание 1921 г. также продемонстрировало народное движение против коммунистической власти, объединившее

интересы казачества и крестьянства Сибири. В крупнейшем по численности и охвату территории восстании в России практически отсутствовало неприязненное отношение в повстанческой среде между крестьянами и казаками [5: 89—90].

Доклад председателя Сибирского ревкома И.Н. Смирнова председателю совнаркома Ленину о перспективах на 1921 г. содержал тревожный прогноз: выполнить план хлебной продразверстки на Сибирь (110 млн пудов), установленный советским правительством, по расчетам, возможно не более чем на 70 % [1: 615]. Не помогло продление военного положения почти во всей Сибири: в конце 1920 г. военное положение было снято полностью лишь в одной губернии Сибири — Омской.

Руководитель Сибревкома, несомненно, учитывал реальное состояние сибирских регионов. Недовольство населения в Сибири осенью 1920 г. и зимой 1920—1921 гг. политикой Советского государства проявлялось повсеместно. Тревожное предсказание руководителя сибирских коммунистов оправдалось. С активным вступлением в восстание казаков связано начало главных сражений в период Западно-Сибирского восстания: 14 февраля — 23 марта 1921 г.[1]. Примечательно, что председатель Сибревкома Смирнов в телеграмме Ленину от 18 февраля назвал восстание в районе Ишима—Петропавловска «кулацко-казачьим» [6: 218].

Помглавкома Советской Республики по Сибири В.И. Шорин 9 марта высказал мнение: движение протеста является серьезным, в него втянуто все казачество, до половины крестьянства [7]. Данное мнение основывалось на достоверной информации. Шорин имел к этому времени подготовленный для него специальный доклад советского военного командования от 6 марта, в котором утверждалось, что в Петропавловском, Ишимском и Кокчетавском районах казачество участвует почти целиком в повстанческом движении, крестьянство — в основном молодежь и по мобилизации [8].

Наряду с крестьянством как основной силой Западно-Сибирского восстания, важную роль играли казаки. В Уктузском районе Ишимского уезда Тюменской губернии произошли восстания в станицах

---

[1] Западно-Сибирское восстание, по классификации новосибирского историка В.И. Шишкина, делится на 3 периода: 31 января — 13 февраля 1921 г. — начало борьбы, 14 февраля — 23 марта — главные сражения, 24 марта — конец июня 1921 г. — арьергардные бои [6:5].

Казанской, Пресновской, Рождественской. В казачьих станицах создавались отряды, в которые шли все, кто способен носить оружие, не считаясь с возрастом. Сибирское казачество активно присоединилось к крестьянскому восстанию также в Петропавловском уезде Омской губернии по казачьей линии. Повстанцы освободили станицу Архангельскую и повели наступление на станицу Кривоозерную. В феврале произошли восстания в казачьих станицах Кокчетавского уезда Омской губернии — Челкарской, Имантовской, Келлеровке [9; 6: 231, 248].

В станице Архангельской сформировался 1-й казачий сибирский полк, в состав которого вошли казаки станиц Архангельской, Вознесенской, Боголюбовской и Надеждинской. Первый Сибирский казачий полк был сформирован бывшим вахмистром Зубковым. Второй Сибирский казачий полк формировался в станице Вознесенской, им командовал бывший подхорунжий Иван Винников. Полки были разбиты на две сотни численностью 170 человек каждая. На полк приходилось около 100 винтовок. Полки подчинялись штабу Народной армии, начдивом являлся Семен Токарев. Штаб дивизии и 1-го казачьего полка находились в Ново-Михайловке. По донесению командира 1-го казачьего полка от 16 февраля, 15 февраля казаками была взята станица Явленская, захвачены пулеметы, винтовки, наступление продолжалось на Покровское. Казаки вместе с крестьянами контролировали обширную территорию Петропавловского уезда: станицы Ново-Никольскую, Архангельскую, Вознесенскую, Надеждинскую, Боголюбовскую, Ново-Каменскую и Бишкульскую, Михайловскую волость, деревни Плоское, Петровское, Столыпино, Корнеевку и Полтавку. В донесении начальника Дубровинского штаба Народной армии от 17 февраля сообщалось, что в станице Дубровинской образован временный штаб Народной армии, который по вступлении в исполнение обязанностей принял меры по организации отрядов, которые выступили из хуторов и поселков станицы Дубровинской [10].

Разведсводка штаба Приуральского военного округа от 23 февраля 1921 г. сообщала: «Район от Петропавловска до Новорыбинской станицы (100 верст юго-западнее Петропавловска), населенный казаками, охвачен восстанием. В районе Лопатинской волости (30 верст южнее станции Лебяжье) находится противник численностью до 300 пеших и 200 конных, который, наступая на станицу Пресногорьковская (70 верст южнее Лопатинского), привлек на свою сторону посредством агитации до 2000 повстанцев, вооружения у которых мало.

Настроение повстанцев воодушевленное, наступление ведут стройными колоннами, и большинство из них казаки. Отмечается распространение восстания среди казачьего населения к югу от линии железной дороги Петропавловск — Макушино, берутся на учет банды повстанцев в районе Лопатинского (среди которых в большинстве казаки) численность около 3000 человек». В разведсводке от 24 февраля говорилось о боях в районе станиц Вознесенской, Архангельской, Надеждинской, Боголюбовской, Ново-Никольской [11].

Через неделю, 1 марта, в очередной разведсводке советского командования информировалось: «Противник группируется в 30 верстах юго-западнее Мамлютки и численностью до 1000 человек — в районе поселков Ново-Никольский и Новоявленный. В указанном районе со стороны повстанцев оперирует казачья дивизия под командой Токарева в составе трех полков. Кроме того, по заимкам в районе Вознесенской — Боголюбовской — Михайловской и Новоявленной станиц бродят отдельные шайки бандитов. Нахождение главных сил повстанцев с их штабом в Новоявленной и Михайловском, последний — в 18 верстах юго-западнее станицы Становая. Отношение населения (казаков) к Красной армии и советской власти — враждебнозлое» [12].

Командный состав повстанческих казачьих частей формировался по выборному принципу. В этой связи примечательно решение совещания командного состава повстанцев Михайловского района Петропавловского уезда. В начале марта 1921 г. на нем было принято постановление: «Совещание командного состава штаба Народной армии Михайловского района совместно с командованием 1-й Сибирской казачьей дивизии, собравшись сего числа для более точной организации главного штаба Сибирской народной армии, согласно выраженного недоверия волей народа бывшему главному штабу в лице начальника штаба гр. Кудрявцева и его помощников, которые, выставляя самозванно чины полковников и другие без согласия на то воли народа, против которых в данное время протестуем, постановили: избрать главный штаб Сибирской народной армии из гражданского командного состава, которых сам народ выдвинул и доверяет ему. Тайным голосованием избраны следующие лица: начальником главного штаба южной Сибирской народной армии — т. Зубков, его помощником — т. Шевченко, начальником дивизии — т. Токарев» [13].

Наряду с Петропавловским уездом стремительно развивалось казачье восстание в другом уезде Омской губернии — Кокчетавском.

Советские руководители, вероятно, не ожидали в данном районе столь быстрого развития событий: в свое время именно кокчетавские казаки первые выступили против Колчака. Уполномоченный Сибревкома Е.В. Полюдов в телеграмме председателю Сибревкома Смирнову и помглавкому по Сибири Шорину 8 марта описал следующую картину: из Кокчетава в поселок Челкарский был послан кокчетавской ревтройкой отряд, однако отряд бежал оттуда в панике, бросив два пулемета. Три дня город Кокчетав был фактически без власти, в нем царил грабеж. Потом пришло, как указывалось в тексте телеграммы, «*палочное* войско [*курсив авторов*] бандитов. По определению их самих, был организован бандитами Главный военный совет, штаб, комендатура, была объявлена мобилизация. В их распоряжении оставалась Кокчетавская типография, печатались приказы, воззвания, распространялись слухи о падении Омска и Иркутска. Новая власть только производила аресты, никого не расстреливая. Была объявлена советская власть без коммунистов, свободная торговля. Пребывание свое в Кокчетаве бандиты использовали широко в смысле агитации, пропаганды так называемого истинного народовластия. Они имели большой успех среди крестьянства, которое активно принимало участие, больше чем наполовину, казаки все почти, киргизы — незначительная часть. Кокчетав банды обороняли довольно дружно и храбро...» [6: 373]. Неслучайна характеристика казаков как «палочного войска» — казаки имели мало оружия, оно добывалось в боях с советскими отрядами.

27 февраля 1921 г. главный военный совет Народной повстанческой армии Кокчетавского уезда издал приказ: во всех волостях и станицах должны быть временно созданы, вместо исполкомов, военные советы в составе председателя, двух заместителей по военной и хозяйственной частям и секретаря, в прочих селениях и аулах — сельские и аульные военные советы в составе председателя, его заместителя и секретаря. Данным приказом устанавливался следующий порядок: «Волостные, станичные, сельские и аульные военные советы избираются в том же порядке, как волостные и сельские исполкомы, по законам советской республики, с той лишь разницей, что право избирать и быть избираемым имеют все граждане без различия пола, нации и вероисповедания, достигшие 18-летнего возраста, за исключением лишь опороченных по суду» [6: 302].

Военный штаб повстанцев Кокчетавского уезда организовал формирование отрядов, при этом повстанцы придерживались принципа:

основная часть участников восстания должна оставаться на местах в своих хозяйствах, они подлежали вызову по мере надобности для участия в операциях. Приказ главного военного штаба повстанцев Кокчетавского уезда от 2 марта 1921 г. объявил мобилизацию всех граждан уезда с 1895 по 1900 г. рождения [6: 283,339].

В разведсводке Кокчетавской группы советских войск сообщалось о тяжелых и изнурительных боях с повстанцами в казачьих районах: «10 марта банда силой до 500 человек со стороны станицы Челкарская наступала на занимаемую 26-м кавполком деревню Еленинская. После трехчасового боя она была отбита и отступила к станице Челкарская, но, получив подкрепление со стороны станиц Антоновская, Челкарская и Лабановская в количестве до 500 человек, вторично перешла в наступление на деревню Еленинская. После вторичного четырехчасового боя банды отступили на станицы Челкарская и Антоновская» [14].

Казачьи отряды оказывали ожесточенное сопротивление при защите своих станиц. Информационные сводки напоминали военные фронтовые операции: «Два батальона сводного полка 10 марта окружили станицу Щучинская. Противник оказывал сильное сопротивление: бросался в атаку и стрелял из окон, из-за углов домов, заборов. После продолжительного боя противник был выбит и отступил в сторону деревни Макинское, что в 50 верстах юго-восточнее станицы Щучинская, и в станицу Котуркульская, а также в направлении на поселок Черноярский, что в 30 верстах южнее станицы Щучинская. После занятия нашими частями станицы Щучинская сводным полком была занята станица Котуркульская, что в 20 верстах восточнее станицы Щучинская. 12 марта нами занята станица Боровская. Банды из этих районов бежали в сторону деревни Макинская и Кожербаевская, где, по всей вероятности, намерены организовать свои стратегические пункты» [15].

11 марта советские войска заняли станицы Щучинскую, Котуркульскую, Сандыктавскую, поселки Еленинский, Павловский, Троицкий, Подгорный. 233-й полк 12 марта выступил на станицу Лабановская и вступил в бой с повстанцами. Оборонительной линии у станицы не было. Бой проходил на улицах станицы. В домах казаков были устроены засады, откуда они обстреливали наступающих. Казаки с вилами, пиками и топорами бросались из-за углов домов в атаку. Доклад командования Кокчетавской группы советских войск Шорину описал картину развертывания жестоких сражений: «Противник

производил 12 марта целый ряд злостных, но безуспешных атак на станицу Лабановскую. Уличный бой в самой станице продолжался около двух часов. Пришлось с боем брать каждый дом, каждый сарай. И только тогда, когда станица была подожжена, она была очищена от банд. Такой же бой происходил 12 марта в станице Челкарской, советские части не смогли удержаться в пос. Челкарский. В боях под поселком Челкарский и станицей Лабановская 182-й полк и 233-й полк потеряли 75 % комсостава» [16; 6: 401].

Казаки, отступившие из Лабановской в направлении станиц Аиртовская, Челкарская и Имантавская, перешли в контратаку, которая была отбита. Получив подкрепление из других станиц, повстанцы вновь предприняли наступление. После полуторачасового боя казаки отошли в сторону станицы Имантавская. В наступлении на Лабановскую участвовало 1300 человек пехоты, 700 всадников со стороны станиц Челкарской и Аиртовской, а также 800 человек пехоты, 400 всадников со стороны станицы Имантавской. По сводке советского командования, вооружение повстанцев при штурме станицы Лабановской в большинстве своем состояло из пик, вил и топоров, в меньшей степени — винтовок, всего лишь два пулемета. Вилами, пиками и просто палками были вооружены повстанцы в другом бою 12 марта — у Михайловской, где советская группа была встречена казаками в количестве 3 тыс. человек, из которых лишь каждый десятый имел винтовку. Бой длился до 12 часов, в результате которого станица была взята советскими войсками. В указанных выше тяжелых боях 12 марта потери с советской стороны оценивались в 40 человек убитых и до 90 раненых, в то время как потери противника определялись до 900 человек убитыми, количество раненых «не поддавалось учету» [17]. Конечно, победители в определенной степени приукрашивали собственные успехи, однако нельзя не учитывать, что в список потерь со стороны повстанцев включались также многочисленные потери среди местного населения в ходе штурмов и боев непосредственно в станицах. В результате примерное соотношение потерь 1: 20 и более не вызывает удивления.

14 марта казаки предприняли ночную атаку, чтобы отбить станицу Котуркульскую, оставленную несколькими днями ранее. В станице Челкарской казаки укрепили позиции окопами и обложили боронами. 26-й кавполк повел наступление на Челкарскую, но после продолжительного боя был вынужден отступить. Бой был жестокий, доходивший до уличных схваток между советскими частями и засевшими в домах повстанцами. Выбыло до 70 % комсостава советских войск [18].

Перечисленные факты опровергают советский идеологический миф о повстанцах как бандитах и белогвардейских «бандах» казаков. Казаки, организованные в сотни, полки защищали свои родные станицы и хутора до последней капли крови. Повсеместно подростки, старики, женщины оказывали своим отцам, сыновьям, мужьям самоотверженную помощь.

Характер казачьего протеста выражен в воззваниях повстанцев. Вступив 23 февраля 1921 г. в Кокчетав, командование казачьих повстанческих отрядов обратилось к жителям города и уезда с воззванием, подписанным начальником штаба Главного военного совета Романовым: «Напуганные действиями наших высших офицеров и генералов, вы теперь тоже, вероятно, думаете, что казаки поднялись для восстановления колчаковского произвола. Нет, братья, нам не нужно того, что отброшено историей. Колчак пал потому, что не понял духа свободолюбивого сибирского крестьянина и казака. Нам, братья, как и вам, не нужны золотые погоны, нам их, простым казакам, не носить: мы дети одной с вами трудовой семьи...» [5: 88].

В конце февраля руководство повстанцев Кокчетавского уезда обратилось с воззванием к красноармейцам и крестьянам: «Крестьяне и красноармейцы, мы знаем, что вы относитесь недоверчиво к движению, поднятому нами против наших общих врагов: коммунистов. Ваше горе горько и нам. Нам в Сибири с вами делить нечего. Земли у нас хватит на всех, и мы имеем общих врагов. Мы поднялись все, как один человек, против кучки наймитов, нагло именующих себя рабоче-крестьянской властью. Мы не хотим, чтобы нами командовала, нас обирала, нас гноила по разным чека да по тюрьмам, чтобы расстреливала тысячами, как в Омске, кучка коммунистов. Мы хотим, чтобы труд был свободным, чтобы каждый занимался тем, чем хочет, чтобы была свободная торговля, чтобы каждый мог продать, что имеет лишнего, а неимеющий мог купить. Мы требуем, чтобы не было разверсток, излишки наш брат хлебороб сам продаст. Мы стоим за советскую власть, но не за такую, какую представляют ее коммунисты; за власть всего народа, а не за кучки бывших острожников. и коммунистов. Советская власть — власть народа, а не должна быть властью коммунистов. Вставайте все как один: рабочий, крестьянин, казак, киргиз, — все народы против угнетателей!.. Да здравствует советская власть без узурпаторов — кровожадных коммунистов» [6: 317—318].

В другом воззвании — Главного военного совета повстанцев Кокчетавского уезда — к широким народным массам — крестьянам, каза-

кам, киргизам (конец февраля — начало марта) говорилось: «Коммунисты извратили задачи истинной народной власти. Они забыли, что благо народа, трудящихся есть основание народного благополучия. Они больше думали о себе, о своей партийной дисциплине, а не о нас — истинных хозяевах страны. Всем известная чека, ни с чем не сообразная разверстка на предметы нашего труда, бесконечная подводная повинность, постоянные страхи за лишнее сказанное слово, за лишний кусок хлеба, тряпку, лишнюю вещь, — все это жизнь нашу, и без того невеселую, обратило в ад, превратило нас в рабов случайных выскочек-мальчишек с сомнительным прошлым и настоящим. Неумелое хозяйничество нашим добром переполнило чашу терпения, и мы, зная, что нас ожидает, бросая дом, семью, объявили восстание и прогнали коммунистов. Изгоняя коммунистов и лжекоммунистов-предателей, мы боремся за истинно народную власть, за неприкосновенность личности и частной собственности, за свободу слова, печати, союзов, убеждений, не направленных во вред народного благосостояния наций. Мы боремся за свободный труд, за землю для тех, кто на ней трудится. Долой насилие над личностью. Мы не сторонники расстрелов: крови довольно, ее много пролито до нас. Мы просим всех воздерживаться от самосудов: пусть виновность устанавливает народный суд, который будет карать только сознательных врагов народа и его благополучия.

Красноармейцы, вы наши по духу, по убеждениям, вы поймете нас. Бросайте “говорунов”, идите в наши ряды. Здесь нет генералов, буржуев, царских офицеров, нет выскочек-болтунов. Вы встретите своих братьев, отцов с мозолистыми руками. Коммунисты, знайте, что народ не с вами. Ваше дело проиграно. Уходите от нас. От вас зависит прекратить новые потоки крови и приблизить время спокойного производительного труда нашей разоренной страны. Долой коммуны! Да здравствует народная власть советов и свободный труд» [6: 319].

Западно-Сибирское восстание опровергает еще один идеологический миф — о противостоянии казачества и крестьянства. Примечателен следующий пример из истории восстания: 19 февраля 1921 г. штаб Народной повстанческой армии крестьянского Петуховского района Ишимского уезда Тюменской губернии затребовал от штаба Петропавловского уезда Омской губернии отряд казаков в 40—50 человек «для поднятия духа крестьянского населения, так как крестьяне мало уверены, что казаки восстали и работают совместно» [6: 228].

22 февраля 1921 г. представители крестьянства и казачества Ишимского, Ялуторовского уездов Тюменской губернии, Курганского уезда

Челябинской губернии, Петропавловского уезда Омской губернии в селе Юдино провели собрание с целью координации общих усилий крестьянства и казачества. Председателем собрания был избран казак Яков Рогачев — представитель станицы Боголюбовской Петропавловского уезда, командир казачьего полка. Выслушав доклады с мест о текущих событиях, собрание постановило: «Вести борьбу с коммунизмом до окончательной победы или смерти. Объявить всему населению восставших местностей, что другого выхода нет: мы должны победить или умереть. Требовать от граждан всеми силами пособлять армии в борьбе с коммунизмом, распространять эту идею борьбы за свободу и жизнь народа, привлекать к ней большее и большее количество населения. Нет места малодушным и трусам в нашей среде. Нет пощады коммунистам». Рассматривая вопрос о введении военной дисциплины и единого объединенного командования, собрание приняло постановление: «Требовать от командиров отдельных частей подчиняться беспрекословно высшему командованию по рангу (не исключая командиров и рядовых) и лиц, не подчиняющихся приказам, немедленно устранять от должности и предавать жестокому наказанию. Требовать от командиров всех частей, прибывающих на фронт, немедленно поступать в распоряжение командира известного участка и общее командование сосредоточить в руках главного штаба, командующего фронтом борьбы. Лозунгом нашей борьбы будет: "Свободное право народа, выраженное волей свободно выбранными представителями народа". Собрание объявило: "Пусть будет наш лозунг — объединение всех слоев населения и братское отношение между всеми. Крестьянство, казачество, служащие и рабочие под названием свободные граждане, свободный народ, объединенный в борьбе с коммунизмом"» [19].

Созванное 26 февраля военное совещание из представителей казачества и крестьянства Ишимского, Курганского, Петропавловского и Ялуторовского уездов приняло специальное обращение к населению Сибири, в котором говорилось, что казачество и крестьянство восстало «для завоевания прав народа, насильственно захваченных коммунистами, с пиками, вилами и отчасти с голыми руками». На данном совещании решались вопросы единого командования с целью создания организованного движения. Совещание учредило выборный военный совет с полнотой военной власти и назначения командного состава. Было принято решение собрать на совещание 7 марта по одному выборному представителю от каждой волости, а также

по одному представителю от войсковой части, имеющей не менее 500 человек [20].

Воззваниям и призывам со стороны повстанцев советское и военное руководство Сибири противопоставило собственные обращения — борьба велась не только военными методами, но и идеологическими. В воззвании командования Петропавловской группы советских войск к крестьянству и казачеству от 21 февраля 1921 г. говорилось: «Не верьте, когда вам говорят, что мы расстреливаем пленных, не верьте злым наветам и провокаторам. Остановитесь, довольно крови! Возвратитесь к мирному труду и начните свою работу, в которой все мы так нуждаемся. Мы обещаем вам полную безопасность, мы сами давно стремимся к миру и трудовой организации» [6: 253]. Под данным обращением стояла подпись: командующий обороной Петропавловского района Н.И. Корицкий — тот же самый командир отряда чрезвычайного назначения, который занимался ликвидацией крупного казачьего и крестьянского восстания летом 1920 г. в Алтайской и Семипалатинской губерниях.

Однако жестокие методы подавления восстания перечеркивали пропагандистские усилия советской стороны. За несколько дней до указанного обращения, 16 февраля, в том же Петропавловске чрезвычайным полевым ревтрибуналом за участие в восстании были приговорены к высшей мере наказания 10 сибирских казаков: Кыжанов Иван из станицы Никольской, Сергеев Ефим, Федоров Петр, Соломонов Григорий, Прокопьев Трофим, Кузьмин Терентий, Филиппов Никита, Михайлов Иван из станицы Архангельской, Курченков Антон из станицы Бишкульской, Щеголев Иван из поселка Надеждинский. Приговор был приведен в исполнение ночью по приказу того же Корицкого, командующего войсками Петропавловской группы [21].

Информация о жестокости карательных советских войск среди населения распространялась гораздо быстрее советских обещаний о помиловании. Показателен следующий пример. В донесении Челкарского военного совета в Главный военный штаб повстанцев Кокчетавского уезда сообщалось: казаки станицы Имантавской Кокчетавского уезда Василий Кунгурцев, 35 лет, и Никифор Миронов, 25 лет, были направлены в разведку, но были арестованы в селе Ново-Николаевское. Казаки вынесли нечеловеческие пытки. Сохраняя стилистику документа, процитируем выдержку из него: «У первого мученика, Василия Кунгурцева, сначала надели на шею веревку и стали давить, так как при освидетельствовании понятых на шее оказались

два синие передава, а руки были связаны назад, потом стали наносить нечеловеческие ранения сначала с правой стороны пищевода, на затылке нанесена рана топором и голова отвалена совсем к плечу, на лице также от правого глаза до правого уха тоже рассечено и через рану видно, что мозг совсем выбит, далее спереди стали производить удары (как по освидетельствованию оказалось) в лоб прикладом так, что череп оказался спереди до половины головы назад сплющенным. У второго мученика, Никифора Миронова, были нанесены муки: надета на шею веревка и стали давить, чему свидетельствуют сильные передавы на шее, затем связали руки и стали колоть глаза так, что (по освидетельствованию) глаз правый совсем вышел из своего места и висит на правой щеке, а левый глаз тоже кололи ножом, в глазнице большая рана. Далее стали колоть в рот штыком, и рана вышла через мозг в затылок. Зубы все выбиты, в носу все исковырено ножом, правая рука выкручена из предплечья» [6: 238].

Озабоченность советского руководства скорейшим подавлением восстания объяснялась следующим фактором: приближалась посевная кампания, от результатов которой зависел урожай 1921 г., соответственно — план выполнения продовольственной разверстки на год, установленный для губерний, охваченных восстанием, а также в целом для Сибири. Советское командование было также озабочено охраной железной дороги по линии Омск — Челябинск: нарушение повстанцами железнодорожного сообщения нанесло существенный ущерб экономике не только Сибири, но и всего Советского государства. С учетом изложенного становится понятной цель многочисленных обращений советского руководства к повстанцам.

В течение одного дня, 22 февраля 1921 г., появилось два обращения. В первом (подписи: уполномоченный Сибревкома Е.В. Полюдов, командующий Петропавловской группой войск Корицкий, председатель Петропавловского ревкома Барлебен) утверждалось: «Обманутые белогвардейцами, агентами Колчака, распространившими гнусные слухи о падении советской власти в центре, крестьяне и казаки примкнули к восстанию банд, испортивших железную дорогу, расстроивших вашу мирную жизнь. Советскими войсками восстание подавлено, железная дорога восстанавливается, приближается весна — время посева, время напряжения всех сил рабочих и крестьян. От имени Сибирского революционного комитета призываем всех крестьян и казаков вернуться в свои села и станицы и объявляем полную неприкосновенность всем обманутым, сдавшим добровольно

оружие. Все, кто не вернется немедленно к своим станицам и селам, будут объявлены врагами советской республики и понесут тяжкое беспощадное наказание. Крестьяне и казаки! Пока не поздно — возвращайтесь к вашим домам и семьям, сдавайте оружие, принимайтесь за мирный труд!» [6: 265].

В другом воззвании, к трудовому казачеству, командования Петропавловской группы советских войск (подпись Корицкого) говорилось: «Близка весна, скоро наступит тепло, придет время посева. Необходимо приступить к мирной земледельческой жизни, а жилища ваши разрушены, отцы, братья, сыновья убиты, искалечены или скрываются, как дикие звери в зарослях леса, среди сугробов снега, погибая от холода. Ведь так должно быть всем понятно, что борьба против нас бесплодна и бесцельна, бессмысленна и преступна. Сейчас трудовые массы всего мира простирают свои руки к советской России. Они ждут от нас помощи, желая и у себя сбросить власть помещиков и капитала. Мировой капитал отстаивает свои последние позиции, он еще пытается задушить Россию, часто пользуясь вашей темнотой и несознательностью. Орудием же их везде являются бывшие царские прихвостни, попы, офицеры и кулаки. И вот вы невольно помогаете им, расстраиваете наш тыл, заставляете лить часто ни в чем не повинную кровь и прибегать к насилиям. Товарищи! В ваших силах прекратить весь этот ужас и начать мирную, творческую работу. Бросайте оружие и выдавайте своих зачинщиков, пока не поздно. Советская власть и коммунистическая партия умеют прощать и забывать ошибки и промахи, но зато она жестоко и беспощадно наказывает всех идущих против нее! Итак, пока не поздно, опомнитесь и вернитесь к брошенным семьям своим и покинутым хозяйствам» [22].

Однако реальная практика деятельности органов советского руководства нередко расходилась с призывами и обещаниями. Примечателен в этом отношении доклад председателя Кокчетавской революционной тройки Т.Ф. Розенбаха Омскому губкому РКП(б) от 1 марта 1921 г. Комиссар, напуганный казачьим восстанием, докладывал в партийный орган: «Казаки действуют целыми массами в несколько тысяч и нагоняют страх на наши маленькие отряды. По отношению казачьих станиц я проведу следующую политику. После самого беспощадного подавления восстания я в станицы переселю крестьян или переселенцев из России. Казачество кокчетавское надо раз и навсегда ликвидировать, иначе здесь спокойно не будет» [6: 327—328].

Выездные сессии Реввоентрибунала Сибири регулярно выносили расстрельные приговоры. Так, 2 марта за участие в восстании к высшей мере наказания была приговорена группа казаков поселка Кривоозерный Архангельской волости Петропавловского уезда. В повседневную практику вошли массовые грабежи и насилие красноармейских частей среди местного населения. Местные жители жаловались: «Советы грабили, а Красная армия грабит и расстреливает» [23; 6: 335].

Для подавления восстания были стянуты крупные группировки советских войск — регулярные части Красной армии, части особого назначения, войска внутренней охраны. Советские войска различного подчинения были сведены в группы войск с единым командованием, территория мятежных губерний была разделена на боевые участки (Петропавловский делился еще на отдельные боеучастки: левый, средний, правый). Тактика советских войск имела карательный характер, основанный на полном окружении казачьих станиц (Лабановской, Челкарской, Арык-Балыкской, Имантавской, Щукинской и др.).

Особое внимание военное командование уделяло казачьим повстанческим частям. 16 марта 1921 г. уполномоченный Сибревкома Полюдов (казак по происхождению) телеграфировал из Кокчетава председателю Сибревкома Смирнову: «Везде будет спокойно, как только ликвидируем банды в казачьих станицах. Завтра займем Имантавскую и дня в три-четыре ликвидируем банды в станицах Арык-Балыкской, Верхне-Бурлукской, Нижне-Бурлукской и Акан-Бурлукской. Двум эскадронам и двум ротам, отправленным мною на п. Кривоозерский, вчера дано задание, связавшись с крестьянами, поймать так называемый Главный сибирский штаб — всего около 30 человек. Главные силы бандитов в боях под Челкарским, Лабановским, Аиртовским нами уже разгромлены» [6: 424].

В середине марта 1921 г. превосходящие советские войска начали решающее наступление. В сводке советского командования от 16 марта завершение главных сражений описано следующим образом: «Частями, действующими на правом боевом участке, заняты станица Антоновская, деревня Комаровская и станица Кривоозерная. Разбитые банды отступают, не оказывая сопротивления. Среди них наблюдается сильное разложение. На среднем боевом участке 15 марта 233-й полк после артиллерийского обстрела занял станицу Аиртовская. Банды отступили на станицу Орловская, что в 10 верстах западнее станицы Аиртовская. В тот же день банда силой 400 человек

пехоты и 200 кавалерии повела наступление на занимаемую 233-м полком станицу Лабановская, но нашим контрнаступлением была отброшена, после чего те же части заняли станицу Имантавская. Банды бежали в станицу Арык-Балыкская, и 40 подвод уехало на деревню Ново-Ермаковская. 16 марта после перестрелки занята станица Якши-Янгызтавская. Банды отступили на станицу Аккан-Бурлукская и Нижне-Бурлукская. В станице Якши-Янгызтавская все казаки, принимавшие участие в выступлении, исключая главарей, остались. Убежали казаки и жители других станиц. Крестьяне отделились от казаков и разошлись по домам. Аналогичное явление наблюдается и среди казаков. Участники восстания поодиночке и группами возвращаются по домам». Боевая сводка от 22 марта 1921 г. подчеркивала массовое возвращение казаков по домам. Без боя были заняты станицы Нижне-Бурлукская, Аккан-Бурлукская [24]. Падение казачьих станиц к 23 марта 1921 г. символизировало окончание главных сражений Западно-Сибирского восстания. Восстание перешло в стадию арьергардных боев.

Источники и примечания:

1. Сибирская Вандея. 1919—1920. Документы / Сост. В.И. Шишкин. Т. 1. М., 2000.

2. РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 940. Л. 51, 54.

3. РГВА. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 23. Л. 396.

4. РГВА. Ф. 16750. Оп. 1. Д. 5. Л. 40, 44, 45.

5. *Третьяков Н.Г.* Из истории сопротивления коммунистическому режиму в России: общественно-политические воззрения участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. // Белая гвардия. 2002. №6.

6. Сибирская Вандея. Т. 2. М., 2001.

7. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 16. Л. 17, 18.

8. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 72. Л. 23.

9. РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 75. Л. 159.

10. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 49. Л. 58; Д. 76. Л. 24—25.

11. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 49. Л. 23; Ф. 25892. Оп. 3. Д. 126. Л. 83.

12. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 49. Л. 36.

13. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 49. Л. 88.

14. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 10,13.

15. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 10,15.

16. РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 75. Л. 478—481; Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 18—19.
17. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 18—19.
18. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 9, 18—20.
19. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 537. Л. 53—54.
20. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 537. Л. 52, 53.
21. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.
22. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 43. Л. 27.
23. РГВА. Ф. 16. Оп. 2. Д. 88. Л. 52.
24. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 25; Ф. 1393. Оп. 1. Д. 94. Л. 29.

ТАМБОВСКАЯ ВАНДЕЯ: АНТОНОВЩИНА

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Восстание крестьян в Тамбовской губернии, более известное под названием «антоновщина», явилось кульминацией крестьянского протеста против политики военного коммунизма. Это была настоящая война крестьян против коммунистического режима, длившаяся более года. У тамбовских крестьян были своя регулярная армия, созданная по образцу Красной армии, единое руководство и своя партия. Именно это восстание крестьян заставило В.И. Ленина отменить продразверстку и перейти к нэпу.

26 октября (8 ноября) 1917 г., на другой же день после Октябрьской революции, на II Всероссийском съезде Советов был принят ленинский Декрет о земле. Казалось бы, что вечная мечта крестьян о вольном труде на собственной земле осуществилась.

Что же в таком случае столкнуло тамбовских крестьян с новой революционной властью, именовавшей к тому же себя «рабоче-крестьянской»?

Продовольственный кризис в России не был создан большевистской революцией. Он возник в годы Первой мировой войны, обрушившей на широкие слои населения России неисчислимые бедствия, среди которых очень скоро стал доминировать голод. Лозунг «Хлеб голодным!» был одним из главных в русских революциях 1917 г. — и Февральской, и Октябрьской. Появление этого лозунга само по себе свидетельствовало о неудаче продовольственной политики и царско-

го, и Временного правительств, хотя и то и другое принимали, казалось бы, необходимые меры.

Уже в августе 1915 г. были введены твердые цены на хлеб для правительственных закупок (на военные нужды). В декабре 1916 г. кризис правительственных заготовок заставил встать на путь хлебной разверстки, то есть распределения государственной потребности в хлебе между губерниями, селениями, хозяйствами в качестве обязательств на его поставку. Хлебными поставками обязывались даже не зерновые губернии — Вологодская, Новгородская, Костромская и др. В хлебопроизводящих же районах разверстка сразу оказалась непосильной для крестьянских хозяйств. Со всей определенностью об этом заявила Тамбовская губернская земская управа, потребовавшая снижения поставок: «Не считая себя вправе сознательно вести население к бунту и голоду, губернская управа не находит возможным производить разверстку в указанных министром земледелия размерах» [1: 480—490].

И твердые цены, и продразверстка оказались малоэффективными из-за своей частичности, ограниченности закупками на военные нужды. Держатели хлебных запасов, имевших рыночное значение, предпочитали спекулировать, добиваясь стремительного роста цен, усугубляя продовольственные трудности для неимущих слоев населения, особенно в городах. Созданное Февральской революцией Временное правительство должно было начать именно с продовольственного вопроса — с введения хлебной монополии государства, что означало и установление твердых цен, и передачу всего хлебного запаса (кроме необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца) государству через посредство его продовольственных органов. Закон, подготовленный А.И. Шингаревым (не большевиком, а кадетом) и принятый 25 марта 1917 г., имел вполне большевистское название — «О передаче хлеба в распоряжение государства».

Хлебная монополия должна была опираться на широкую сеть продовольственных комитетов (общественных организаций, демократически возникших на всех уровнях управления — от волостного до общегосударственного) и на систему Министерства продовольствия, созданного 5 мая 1917 г. Имелась и «хлебармия», появившаяся еще в царское время. Однако слишком тесная связь с эгоистическими интересами крупных землевладельцев и торговцев, непоследовательность и нерешительность действий Временного правительства привели к тому, что хлебная монополия и передача хлеба в распоряжение госу-

дарства на деле осуществлены не были. Провал заготовок из урожая 1917 г. стал очевидным сразу. Уже 20 августа Министерство продовольствия разослало на места директиву: «В случае нежелания сдавать хлеб должны быть применены меры принудительные, в том числе вооруженная сила». И сила эта применялась, когда хлеб сдавать отказывались крестьяне, особенно в прифронтовых губерниях.

К осени 1917 г. продовольственный кризис охватил практически всю территорию Европейской России, включая фронт. В бедственном положении оказались огромные массы населения. Голод стал реальным и все более значимым фактором развития событий по стране в целом. Поэтому, как бы ни оценивать продовольственную политику первых лет Советской власти, как бы ни относиться к ее интерпретации в качестве социалистической (или хотя бы «военно-коммунистической»), нельзя не видеть, что она вырастала из объективных обстоятельств времени, что ее основы и направления определились еще до Октября.

Тамбовская губерния — по составу своего населения наиболее крестьянская из всех губерний России: на 3,4 млн сельского населения приходится всего 250 000 горожан (около 8 %). Промышленность крайне слабо развита; выделяются только суконные фабрики Рассказова (рабочие — полуземледельцы), три свекло-сахарных завода, несколько заводов спирта да недавно оборудованный «пороховой завод» — (до 2000 человек) — основная опора «большевиков», некоторое значение имеет также ремонтный артиллерийский завод в Тамбове (несколько сот рабочих). Довольно сильно развиты кустарные промыслы (в северных лесных уездах — тележный, гонка дегтя, смолы и т.д., близ Рассказово — вязально-чулочный, в Усманском уезде — холстоткацкий и т.д.). Под помещиками земли было в 1917 г. до 600 000 десятин, из них до 107 000 лучших лугов (у крестьян в наделах до 150 000 десятин луговых угодий). Помещичьи имения в большинстве представляли высококультурные хозяйства. Крестьянские хозяйства велись обычным рутинным способом; но уже выделился сильный слой хозяйственных мужичков с крупными почвами.

К 1917 г. до 20 % крестьянских хозяйств имели пахотной земли от 6 и более десятин на двор, а до 8 % — более 10 десятин пашни. Губерния считалась производящей и вывозила в год до 60 млн пудов продуктов сельского хозяйства, в том числе до 26 млн пудов за границу. Тамбов, Рассказово, Козлов были крупными хлебными рынками, где творились многомиллионные обороты. Эта крестьянско-помещичья

захолустная губерния была вместе с тем и давней вотчиной эсеров. Она долгое время представляла собой место административной ссылки; немалое число местных крестьян в разное время из нее угодили в более отдаленные места.

Революция внесла значительные изменения в положение тамбовского крестьянства. Крестьянство овладело большей частью помещичьих имений и их поделило. Пострадали и крупнокрестьянские хозяйства. Из бывшей помещичьей земли до 72 000 десятин отошли под совхозы, которых к 1920 г. налажено до 150, но ни один не поставлен сколько-нибудь сносно — все идут в убыток, все пользуются крестьянским трудом (с исполу), и очень немногие (Ивановский совхоз в Тамбовском узде) оказывают сколько-нибудь существенную помощь деревне. И отношение к совхозам (через них к Советской власти) почти повсеместно у крестьян враждебное. Столь же враждебное отношение встречают в большинстве случаев и усердно насаждавшиеся до последнего времени колхозы: по коллективизации Тамбовская губерния идет впереди других, но тяга к коллективному хозяйствованию, естественно, усилившаяся с истощением инвентаря и т.д., была через край поощряема различными льготами, премиями. Как в совхозах, так и в колхозах частенько оседали прежние помещики, управляющие или дворовые и т.п. люди.

Колхозы не менее совхозов стали убежищем для инвалидов и бездельников; лишь очень немногие из них являют хозяйственную ценность и успешно противостоят придирчивой критике единоличников. На землеустройство колхозов и совхозов было обращено приветливое внимание, но землеустройство крестьян единоличников едва лишь начато. Чересполосица, дальноземелье тяжко гнетут тамбовского крестьянина. Вопрос о расселении, пожалуй, самый больной вопрос в губернии.

Распределение земли резко изменилось за время от 1917 по 1919 г. В общем, число хозяйств лишь незначительно возросло. Но в то время как группа беспосевных, достигавшая до 6 %, упала за два года до 1 %, число хозяйств с посевами от 6 десятин уменьшилось с 18 до 6, 3 %. Особенно сильно выразился этот процесс в наиболее хлебных уездах. Так, в Козловском число беспосевных хозяйств уменьшилось с 5,1 до 0,2 %; число хозяйств, имеющих до 2 десятин пашни, увеличилось с 29,9 до 36 %; группа хозяйств с 2, 1 до 6 десятин возросла с 46, 5 до 53, 2 %, в то же время группа хозяйств с более чем 6 десятин пашни уменьшилась с 18,5 до 5,6 %; причем совершенно исчезла

группа крестьянских хозяйств с более чем 13 десятин пашни, а таких было в 1917 г. 2,8 % (из них 0,1 % имело от 35, 1 до 40 десятин). По Кирсановскому (родина «антоновщины») уезду данные еще более типичны: группа беспосевных уменьшилась с 9, 3 до 0, 9 %; до 2-х десятин — также уменьшилась с 21,3 до 13, 8 %, группа от 2,1 до 6 десятин увеличилась с 40 до бб %; группа хозяйств с более чем 6 десятин пашни уменьшилась почти вдвое — с 30,4 до 16,3 % (из последних несколько увеличилась, с 11 до 13,7 %, группа хозяйств с посевом от 6,1 — до 8 десятин, а хозяйств, имевших более 8 десятин пашни, уменьшилась с 19,4 до 2,6 %, т.е. почти в 8 раз. При этом совсем исчезла группа с более чем 16 десятин посева).

Причины крестьянской войны, когда она началась, объяснялись советскими властями очень просто: происками белогвардейцев и англо-французского империализма. 8 сентября 1921 г. «Правда» сообщила, что Антонов получал «директивы из-за границы от ЦК партии кадетов». ВЧК докладывала Совнаркому: «В Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской, Тамбовской, Тверской губерниях, как теперь выяснилось, были организованы мятежи по общему плану при содействии англо-французского капитала».

Однако знакомство с программами и лозунгами восставших крестьян позволяет немедленно отбросить мысль о «кадетском» или «англо-французском» заговоре.

Причины были более глубокими. Основная — состояла в том, что крестьяне хотели свободно обрабатывать землю, свободно пользоваться ее плодами. «Землю отдали, а хлеб до последнего зерна отбираете: да подавись ты сам такой землей! Мужику от земли один горизонт остается», — заявляет коммунисту Дванову мужик в завоеванной деревне. А в ответ на объяснение, что отбираемый хлеб нужен революции, крестьянин резонно возражает: «Дурень ты, народ ведь умирает — кому ж твоя революция останется».

Объектом кровавого спора крестьян с большевиками была не только продразверстка. Крестьяне верили, что революция принесла им свободу. Идея свободы, воспринятой как воля-вольная, всколыхнула крестьянскую Россию. Советы воспринимались как форма самоуправления, как ликвидация тяжкой, городской власти. Деревня хочет существовать без города. Город объявляет ей войну. Для сбора продразверстки создается продармия. Применяются жесточайшие меры для подавления недовольства. Чтобы сломить сопротивление кулачества, диктатура пролетариата применила чрезвычайные сред-

ства борьбы — отдачу под суд, ревтрибуналы, тюремное заключение, конфискацию имущества, заложничество и даже расстрел на месте в случае вооруженного сопротивления.

Каждое выступление против советской власти, каждое выражение недовольства политикой большевиков объявляется делом «кулаков», «сопротивлением кулачества». В августе 1918 г. Ленин определил число «кулацких хозяйств» в 2 миллиона, а в апреле 1920 г., на Девятом съезде, он говорил уже о миллионе хозяйств, зажимающихся в деревне «эксплуатацией чужого труда». Цифра эта была ничтожной в стране с населением (1920 г.) в 130,5 млн человек, из которых в деревне жило 110,8 млн.

Поскольку формула «кулак — это враг» смысла не имела, ибо понятие оставалось неопределенным и даже официальная численность ничтожной, формула переворачивалась и звучала: «враг — это кулак».

В циркуляре председателя Тамбовского губисполкома М.Д. Чичканова волостным советам о реквизиции хлебных излишков от 2 июля 1919 г. говорилось: «Острая нужда в хлебе, прекращение сдачи хлебных излишков крестьянами добровольно заставляет Советскую власть принять самые строгие меры против держателей хлеба. Сейчас губпродком приступает к реквизиции хлебных излишков. Предписывается всем совдепам, исполкомам оказывать реквизотрядам, агентам всяческое содействие в деле реквизиции, обнаружении скрытых хлебных излишков.

Всякое должностное лицо, бездействием своим тормозящее дело реквизиции, будет рассматриваться как противник Советской власти, будет предан суду революционного трибунала. Граждане, уничтожающие хлебные излишки на самогон, объявляются врагами революции. Предписывается с ними вести самую беспощадную борьбу, арестовать, сопровождать в Тамбов для предания суду. Волисполкомам предлагается по требовании начальников отряда, работающих в данной волости, на время работы давать трех лошадей верховых для обслуживания отряда. Немедленно передайте этот приказ волисполкомам» [2].

Характеристику деятельности губпродкома представляет следующий отчет: «Вся ссыпка этого г... получена почти исключительно с помощью отрядов. Отряды разбросаны сейчас во всех уездах, частью из отрядов ВОХР, частью отряды организованы местными силами. Руководство реквизицией сосредоточено в губреквизотделе, в кото-

ром непосредственное участие принимает губпродкомиссар — руководство в смысле переброски отрядов из уезда в уезд или из района в район. Сама техника работы, ее план в уезде разрабатывается упродкомом совместно с особоуполномоченным губпродкома. Несколько в особом положении были отряды, работавшие в Козловском, частью в Моршанском уездах, отчасти и в Лебедянском уезде. Эти уезды, граничa с голодной Рязанской губернией, давали возможность утекать здесь хлебу гужевым путем, почему отряды здесь работали по плану губпродкома: первая группа направлялась от станции Ст. Юрьево на Ламки, Козловский уезд; вторая — Сабурово — Бенкендорф-Сосновка (Моршанского уезда) — Ламки. Соединившись, обе группы фронтом продвигаются к югу. Как общее правило для всех уездов — отряды двигаются от периферии к центру, чтобы не дать возможности перебрасывать хлеб из уезда в уезд, и на всех дорогах выставляются заставы, чтобы прекратить возможность внутриуездных перебросок хлеба.

Сейчас наибольшее внимание было уделено Тамбовскому, Козловскому и Кирсановскому уездам. Теперь, с переходом в ведение губпродкома Борисоглебского уезда, отряды и работники будут двинуты туда.

Отряды по качеству своему разделяются на две категории:

1. Основное ядро — отряды, которые главным образом ведут реквизицию и которые разбросаны по всем уездам.

2. Отряды особого назначения, которых у нас имеется два и которые направляются в места наиболее кулацкие, наиболее упорствующие в сдаче излишков.

Эти отряды забирают полностью все годовые излишки с этих работников. Метод реквизиции этого г. в корне изменен, по сравнению с прошлогодним: в прошлом году отряд, придя в волость или село и получая отказ в сдаче излишков, приступал к подворной реквизиции и найденные излишки реквизировал. Это давало возможность крестьянам перевозить хлеб из деревни в деревню при приближении отряда, прятать его и т.д. Теперь к данному селу предъявляется требование — сдать причитающуюся по разверстке сумму излишков и неисполнение разверстки рассматривается как преступление, и с данного села забирается весь хлеб, весь скот и производятся аресты.

При прошлогодней системе крестьянину всегда был смысл отказаться, так как он буквально ничем не рисковал, в этом году его положение сильно изменяется, так как он рискует всем своим хлебом и

скотом. При таких массовых реквизициях, конечно, не могло обойтись без столкновений и волнений.

По окончании "хлебной недели" работники, командированные уисполкомами и укомпартами, частично стали отзываться с продовольственной работы, и этот отзыв грозил подорвать нашу работу. Губисполком и губкомпарт оказали снова громадную поддержку, отдав циркулярное распоряжение о задержке всех работников, уже командированных на местах, что даст нам возможность поддержать работу в прежнем темпе» [3].

Отношение к советской продовольственной политике в деревне не было однозначным, хотя тенденция к ее отрицанию была выражена очень сильно и быстро нарастала. Протесты вызывались безобменным характером заготовок, произволом при определении излишков, непосильностью для крестьянских хозяйств предъявляемых требований, широким использованием грубой силы. Осенью 1918 г. «крестовый поход» продотрядов за хлебом и деятельность комбедов вызвали волну крестьянских восстаний, прокатившуюся по многим районам Советской России.

Тамбовская губерния была «хлебной» и поэтому испытала на себе всю тяжесть продовольственной диктатуры и «крестового похода» за хлебом. Уже к октябрю 1918 г. в губернии действовали 50 продотрядов из Петрограда, Москвы, Череповца и других городов общей численностью до 5 тыс. человек — такого размаха конфискаций не знала ни одна губерния.

В оперативной сводке начальника продотряда губпродкомиссару о ходе реквизиции хлеба в Козловском уезде сообщалось: «Работа продолжается успешно. Агенты с красноармейцами, разбитые по сотням в селах, с утра приступают к исполнению своих обязанностей. Крестьяне противятся вывозить хлеб и категорически отказываются, говоря, что "хлеба у нас нет и что хотите, то с нами и делайте, а хлеба мы вам не дадим". Тогда красноармейцы с агентами у всех, отказывающихся вывозить хлеб, производят обыски. При обыске у крестьян обнаруживают хлеб, который нами конфискуется и отправляется на ссыппункты без оплаты. Здесь, в Песчанском районе, большинство из волостей ведут себя крайне вызывающе и не желают исполнять хлебную государственную разверстку. Но красноармейцы прилагают все усилия к тому, чтобы взять тот хлеб, который запрятан в закрома богачей. Работа красноармейцев с агентами продолжалась до позднего вечера.

Красноармейцы сами подгоняют подводы к безлошадным крестьянам, насыпают хлеб и отправляют его на ссыпные пункты.

Сего числа два крестьянина села Таракановки Волчковской волости восстали против вывоза хлеба, которые вооружились топорами, вилами и стали призывать крестьян, чтобы не давали хлеба, выгнали из села красноармейцев. Некоторые крестьяне стали присоединяться к бандитам, но красноармейцы выстрелами вверх из винтовок разогнали собравшуюся толпу. Зачинщиков арестовали, которых после расследования препроводили в распоряжение губпродкома. Вечером сего числа отряды совместно с местной молодежью поставили митинг-спектакль-концерт в пользу "недели фронта".

Во время работы красноармейцами отряда захватываются дезертиры, которые препровождаются в Козловский уездкомдезертир.

Сообщаю, что, по особым сведениям, в Песчанском районе Козловского уезда начинают появляться сотрудники банды Антонова и проявляют свои действия. Мною для предостережения от всякого нападения бандитов шайки Антонова приняты самые репрессивные меры.

Сего числа был контролер от Наркомпрода т. Абакумов, который со своей стороны заметил неправильные действия уполномоченного в том, что мы не оставляем крестьянам норму, какая им полагается, но он, конечно, забыл о том, что если мы будем считаться с нормой, то цифры, которые полагаются с Козловского уезда, взять мы не сможем. Разъясняю, что если будут являться такие контролеры, то продуктивной работы быть не может. Но мы не обращаем внимания на контролера и продолжаем работать, как работали ранее» [4].

М.И. Калинин, председатель ВЦИК, выполнявший роль представителя крестьянства в лоне пролетарской партии, утверждал в мае 1919 г.: «Я считаю, что крестьяне могут волноваться только по недоразумению, потому что лучшей власти, чем Советская власть, для крестьян не придумать». Крестьяне, однако, без особого труда придумывали для себя власть гораздо лучше. Власть лучше была для них прежде всего — власть без коммунистов. Крестьянские восстания редко имели политические программы, если не считать требований ликвидации продразверстки, изгнания коммунистов из Советов, прекращения коммунистического террора.

Бурлит, сопротивляется вся крестьянская Россия. Наряду с крупными восстаниями вспыхивает бесчисленное количество мелких; наряду с «крестьянскими армиями» действуют сотни мелких отрядов.

За лозунгами — от «за советскую власть, долой коммунистов» до «догорай моя лучина» — скрывается чувство обманутой надежды на свободу.

Гражданская война, война красных с белыми, маскирует в 1918 — 1920 г. подлинный характер крестьянской войны. Крестьяне ведут борьбу на два фронта. Они поют: «Эх, яблочко, цвету спелого, слева красного бьем, справа — белого». После разгрома белых советская власть завершает свое «триумфальное шествие», начатое в октябре 1917 г. и прерванное войной. Исчезает опасность возвращения помещиков. Крестьяне считают, что теперь земля навсегда их. Сопротивление продразверстке, политике партии в деревне, усиливается. Одновременно усиливается, еще больше ожесточается борьба советской власти с сопротивлением крестьянства. Партия объявляет войну «кулакам» и «бандитам», «кулацким бандам», «кулацко-бандитским мятежам». В 1920—1921 г. Гражданская война становится крестьянской войной.

Источники и примечания:

1. *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.

2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 806. Л. 18.

3. ГАТО. Ф. Р -1. Оп. 1. Д. 212. Л. 2—6.

4. ГАТО. Ф. Р-1236. Оп. 1. Д. 831. Л. 14.

ПАРТИЯ ЭСЕРОВ В ПОДГОТОВКЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ НА ТАМБОВЩИНЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

На фоне бедствий, обрушившихся на крестьян и все более связывавшихся с продразверсткой, разного рода политические и идеологические факторы социального взрыва в тамбовской деревне отступали на второй план. Но все же следует остановиться на роли партии социалистов-революционеров. Ее влиянию и руководству во многом приписывали размах движения руководители борьбы с антоновщиной. Это делалось с самого начала крестьянской войны и до ее конца. Председатель Полномочной комиссии ВЦИК В.А. Антонов-Овсеенко в докладе на имя ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии

и борьбе с повстанческим движением таким образом описывал роль партии социалистов-революционеров:

«Крестьянское восстание в Тамбовской губернии было внимательно подготовлено партией эсеров. Местная организация эсеров, следуя указаньям циркулярного письма своего ЦК, от 13 мая 1920 г., вела широкую работу в деревне (несколько приговоров для поднесения англ. делегации). В единении с различ. антисоветскими группами (в том числе с кадетами) она создавала "Союз трудового крестьянства", который должен был подготовить вооруженное восстание. 10 июня в имении бывшем Вышеславцева в д. Карейке, Александровской вол., состоялся губсъезд с.-р., после которого их работа по подготовке восстания усилилась. Антонову, эсеру, который еще в 1919 г. перешел к активной борьбе с «большевиками», собрав шайку до 100 человек, которая перебила из-за угла до 200 совработников в Кирсановском уезде, губком эсеров предлагал прекратить партизанскую борьбу и отдаться «организационной работе». В августе значительная часть губкома была арестована ЧК. Кое-кто осел в губкоме Союза трудового крестьянства СТК и повел самую активистскую линию. Что эта линия отвечала настроению всей Тамбовской организации эсеров, свидетельствует поведение их делегации на сентябрьской всероссийской конференции эсеров, — здесь "тамбовцы" проявили непримиримо воинственное отношение к Советской власти и требовали организации немедленного вооруженного выступления против нее» [1].

Такое мнение превалировало в официальных кругах.

Начособотделарм Чибисов и начсекретотдела Ситро в подписанной ими справке информировали вышестоящие органы: «При характеристике и анализе повстанческого движения как в настоящем и предыдущем обзоре мы указывали, что руководителями являются эсеры, не указав, какой группировки, правой или левой. Анализируя и сопоставляя имеющийся в данный момент материал с прежним, можно сделать вывод, что руководителями являются правые эсеры, несмотря на то, что Батько именовал себя левым эсером, ибо ряд имеющихся у нас документов — листовок, воззваний, программ и инструкций, как губернского комитета Союза трудового крестьянства, так и партии социалистов-революционеров, являются правого течения и определенно показывают нам, что руководители повстанческого движения правые эсеры» [2].

В том, что тамбовским восстанием руководят эсеры, был искренне убежден и предшественник М.Н. Тухачевского на посту команду-

ющего войсками в Тамбовской губернии. Это видно из его приказа местным органам власти об отношении к населению сел, принимавших участие в повстанческом движении. В приказе говорилось следующее: «Материалы о действиях бандитов и крестьянских бунтах в Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском уездах документально доказывают, что все эти выступления организованы продажными наймитами европейских буржуев — социалистами-революционерами, завербовавшими шайки уголовных бандитов. Тщательное расследование участия крестьян в бунтах против Советской власти показало, что крестьяне делали это по своей большой темноте, обманутые искусными интригами и ложью. И сейчас, после нескольких месяцев тяжелых испытаний, крестьяне убедились на деле, что социалисты-революционеры оторвали их от мирного труда, втянули в преступнейшую авантюру братоубийственной войны, расхитили в деревнях множество крестьянского имущества и не дают возможности начать подготовку к весенней посевной кампании. Крестьяне убедились на деле, что все обещания социалистов-революционеров — скверная ложь, и они начинают избивать социалистов-революционеров» [3].

И командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский в этом не сомневался, о чем он прямо писал В.И. Ленину в своей записке о положении дел в Тамбовской губернии:

«16 июля 1921 г. Секретно.

Причины, организовавшие восстание, следующие:

а) сильное эсеровское гнездо, свитое в Тамбовской губернии;

б) искусная тактика, проявленная эсерами в создании СТК» [4].

Этот тезис проник и в историографию и долго в ней господствовал, снимая ответственность за происшедшее с правящей компартии и перекладывая ее на оппозицию, что давало формальный повод для окончательного устранения партии социалистов-революционеров с политической сцены и полной ликвидации остатков многопартийности в стране. В ходе судебного процесса над членами ЦК партии социалистов-революционеров в 1922 г. против них, среди прочего, фигурировало и обвинение в организации антоновского мятежа. Оно сводилось к следующим пунктам: во-первых, эсеры участвовали в работе по подготовке мятежа, создав Союз трудового крестьянства; во-вторых, лозунги повстанцев являлись не чем иным, как безграмотным изложением обычных эсеровских лозунгов; в-третьих, начатое эсерами движение было брошено ими на произвол судьбы и отдано в руки «первого попавшегося проходимца» (т.е. Антонова). Неуклю-

жесть такого обвинения очевидна, но тогда, в 1922 г., оно сыграло свою роль в вынесении самого сурового приговора руководству партии социалистов-революционеров, хотя Верховный революционный трибунал и признал, что официально партия не встала во главе движения.

Еще в 1895 г. эсеровская организация охватывала пять уездов Тамбовской губернии, в Борисоглебске в ту пору состоялся съезд этих уездных групп. Тамбовщина со времени первой русской революции была одной из баз эсеровского влияния. С нею связаны имена руководителей партии В. Чернова, С. Слетова, М. Спиридоновой. Пустив глубокие корни в тамбовской деревне, эсеры еще в самом начале века создавали здесь «крестьянские братства», развертывали «приговорное движение» за землю, имели сеть организаций. На выборах во Всероссийское учредительное собрание в ноябре 1917 г. эсеры одержали в губернии полную победу, собрав 71,2 % всех голосов (в деревне еще выше) и получив 13 депутатских мандатов из 16. Не приходится удивляться популярности эсеровских лозунгов в повстанческом движении хотя бы и потому, что они были политическим оформлением чисто крестьянских требований и не содержали ничего для крестьян неприемлемого.

После изгнания в 1918 г. из Советов эсеров, а затем и левых эсеров, самая влиятельная в Тамбовской губернии политическая сила практически утратила главный рычаг своей деятельности. Какое-то время они сохраняли иллюзии относительно возможности легальной работы в массах, в основном через кооперацию и профсоюзы. Но надежды эти не оправдались. В отчете губкома ПСР в 1920 г. отмечалось: «С.-р. преследуется сугубо» [5].

Загнанные в подполье, эсеры поневоле встали перед необходимостью возродить и активизировать нелегальную деятельность. Начали воссоздаваться «крестьянские братства» — к концу лета 1920 г. только в трех уездах Тамбовской губернии их было около десятка. Тогда же развернулась работа по созданию Союза трудового крестьянства как хорошо памятной в деревне форме политической организации. Эта инициатива была подхвачена крестьянами, отделения Союза трудового крестьянства возникали во многих волостях Тамбовского, Кирсановского, Борисоглебского и Усманского уездов.

Тем не менее ЦК партии социалистов-революционеров не выдвигал тогда задачу организации вооруженного восстания против коммунистов и не переоценивал умножавшихся фактов крестьянских бун-

тов. Напротив, полагая, что изолированные, разрозненные выступления приведут лишь к усилению «красного террора», лидеры эсеров планировали широкую политическую акцию подчеркнуто мирного характера. 13 июля 1920 г. ЦК партии социалистов-революционеров принял план организации «приговорного движения» в деревне: по примеру 1905 г. крестьяне в своих коллективных «приговорах» должны были предъявить свои требования властям. Поэтому начавшееся через месяц массовое восстание под руководством А.С. Антонова явилось, с точки зрения партийного центра партии социалистов-революционеров, дезорганизаторским выступлением. Видный тамбовский эсер Ю.Н. Подбельский (брат советского наркома В.Н. Подбельского) охарактеризовал его как «голую партизанщину, без лозунгов, без идей, без программ».

Восстание крестьян оказалось неожиданным для губернского комитета партии правых эсеров и даже для губернского комитета Союза трудового крестьянства. 23 августа 1920 г. в Тамбове состоялось экстренное совещание руководства губкома Союза трудового крестьянства, на котором присутствовали делегаты нескольких районных комитетов. На повестке дня был всего один вопрос: что делать в связи с начавшимся в Каменском районе восстанием? Эсеры, возглавлявшие губком СТК, проявили нерешительность и, заколебавшись, большинством голосов провели резолюцию о преждевременности и бесперспективности открытой вооруженной борьбы в данный момент. На что один из присутствовавших на совещании крестьян-мятежников, прекрасно знавший, что именно эсеры и губком Союза трудового крестьянства больше всех трезвонили о необходимости восстания, а теперь, когда дело дошло до крови, норовят улизнуть в кусты, ответил им так: «Видно, что нам придется действовать одним. Но тогда берегитесь и вы. Придем в Тамбов — перебьем и вас заодно».

Поскольку сам А.С. Антонов именовал себя «независимым» эсером, Тамбовский губком ПСР потребовал от него либо прекратить называться эсером, либо подчиниться тактике партии. Антонову было предложено отказаться от бессмысленной террористической борьбы и перебраться в другой район губернии для мирной политической борьбы. Антонов на словах подчинился этим указаниям, но на деле продолжал прежнюю «независимую партизанскую тактику».

Примечателен следующий факт. Когда уже около месяца шла настоящая крестьянская война (повстанцы разбили в открытом бою красноармейские части, которые возглавлял председатель губиспол-

кома А.Г. Шлихтер, охватили полукольцом Тамбов и остановились в 15 верстах от города), на Всероссийской конференции ПСР оба тамбовских делегата (их фамилии не установлены) пытались склонить партийное руководство к необходимости поддержать и возглавить стихийный крестьянский протест. Один из них предложил объявить ответный террор в качестве противодействия крайностям большевизма. Эти предложения были отклонены, ибо означали бы отказ от принятой в июне 1919 г. резолюции 9-го совета ПСР о прекращении вооруженной борьбы «против большевистской власти и замене ее обычной политической борьбой». Ввиду распыленности масс конференция наметила первоочередной задачей организационную работу, признав вместе с тем неизбежность возобновления вооруженной борьбы против большевизма в будущем.

Этот вопрос широко обсуждался на заседании Всероссийской конференции партии социалистов-революционеров о положении дел в Тамбовской губернии 8 сентября 1920 г. [6]. В докладах с мест отмечалось, что тамбовская организация вела главным образом организационную работу. В 1919 г. эсеры питали надежду на возможность легальной работы — тогда еще были жива кооперация и некоторый простор был предоставлен профессиональным союзам. Но вскоре обнаружилась иллюзорность этих надежд. В докладах отмечалось, что при установившемся отношении властей к крестьянству оказалась немыслимой легальная защита его интересов; в деревне орудовали только штык и приклад, против которых было бессильно слово, кооперация была грубо задавлена, профессиональные союзы насильственно преобразованы в филиалы коммунистической партии. Власть не останавливалась перед арестом правлений профсоюзов, когда они противились насильственной их «коммунизации».

В докладах с мест подчеркивалось, что в результате крушения иллюзий о возможности легальной работы тамбовская организация с февраля — марта 1920 г. решительно встала на точку зрения нелегальной работы, не скрывая, однако, своей партийной политики. Два раза тамбовская организация выпускала за подписью губернского комитета прокламации: одну — 1 мая, другую — по случаю «Недели трудового фронта». Были выпущены два номера нелегального органа губернского комитета «Земля и воля», отпечатанных на гектографе и ротаторе [6].

Заметные результаты давала работа среди крестьянства, которая шла по двум направлениям: с одной стороны, в некоторых селах восстанавливались строго партийные крестьянские братства, таких

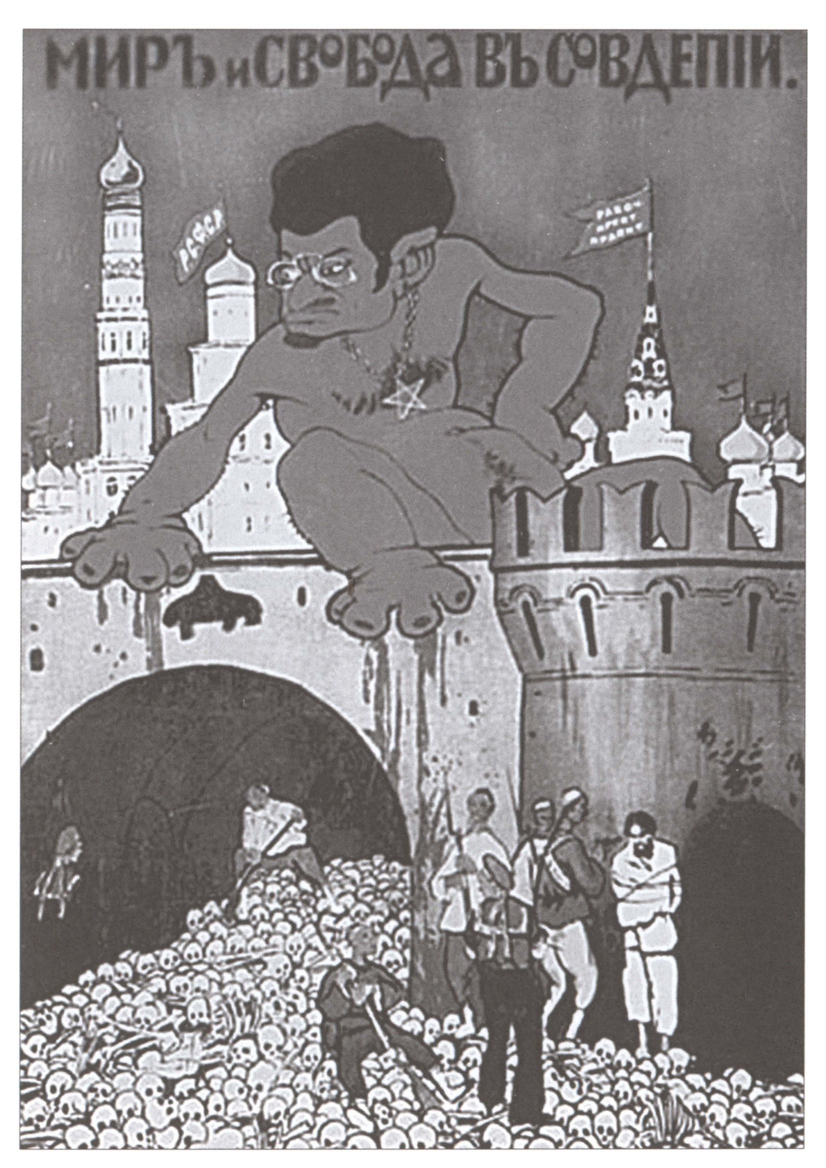
братств в 3-х уездах Тамбовской губернии было не больше десятка; с другой — крестьянство сплачивалось в беспартийные, но строго классовые по составу Союзы трудового крестьянства. В этой работе эсеры вошли в согласие с левыми эсерами, причем союзы ставили перед собой две главные задачи, с которыми согласились и «правые» и «левые» эсеры: отвоевание власти из рук коммунистической партии в руки нового временного правительства, составленного из представителей крестьянства, союзов, рабочих организаций и социалистических партий, причем временное правительство должно будет созвать всероссийские съезды трудящихся, которые и должны будут решить вопрос о форме государственной власти; вторая задача — проведение во всей неприкосновенности закона о социализации земли. Крестьянские союзы с такого рода задачами встретили поддержку тамбовского крестьянства, и союзы стали расти по селам довольно успешно, особенно многочисленны такие союзы были в Тамбовском уезде, где почти половина волостей имела свои крестьянские организации. Отдельные крестьянские союзы существовали в Кирсановском, Усманском и Борисоглебском уездах и на севере губернии [6].

СТК обращались к красноармейцам, крестьянам с обращениями по поводу положения в стране и с призывами свергнуть Советскую власть. На совместном заседании представителей губкома Союза трудового крестьянства, командного и политического состава повстанцев 15 января 1921 г. было принято воззвание к красноармейцам.

«ВОЗЗВАНИЕ

Товарищи красноармейцы, пора вам проснуться и скинуть прах коммунистов, ведь они вас ведут в бой на брата и отца, восставших против коммунистического террора. Товарищи красноармейцы мобилизованные, довольно спать, бросайте оружие или присоединяйтесь к партизанским отрядам, а иначе вас ждет народная кара беспощадная, ведь нашу родину коммунисты завели в заблуждение, но нет, мы, партизаны, не дадимся. Долой коммунистов-нахалов! Да здравствует общее восстание! Довольно обмана и лжи, время не ждет, возвращайтесь домой защищать вместе с партизанами свое родное право и семейные очаги, разгромленные насильниками-коммунистами, приводящими вас же в ничтожество. Пора убедиться в действительности, а не быть пешками и поддаваться обману коммунистов, вводящих во лживый обман, а на самом деле разоряющих ваши семьи до нищенства. Долой коммунистов-нахалов! Да здравствует общее восстание трудового народа!

«Ленин и Троцкий врачи больной России...». Белогвардейский плакат

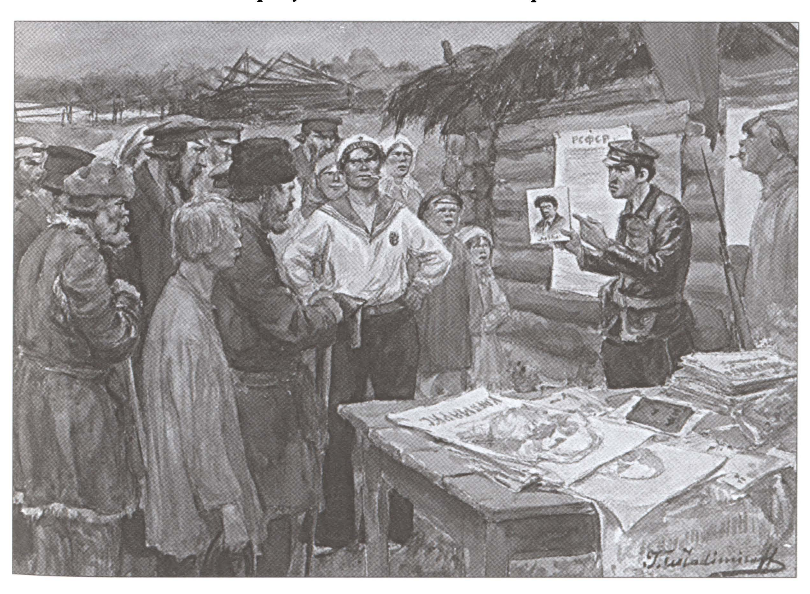


«Мир и свобода в Совдепии». Белогвардейский плакат

СМЕРТЬ

ЧТО НЕСЕТЪ НАРОДУ БОЛЬШЕВИЗМЪ.

«Что несет народу большевизм». Белогвардейский плакат



Агитаторы в деревне. Из «Революционных акварелей».
Художник И.А. Владимиров

Л.Д. Троцкий со своей охраной. 1919 г.

«Так хозяйничают большевики в казачьих станицах».
Белогвардейский плакат

«Большевистские карательные отряды». Белогвардейский плакат

После разгрома помещичьей усадьбы. Из «Революционных акварелей».
Художник И.А. Владимиров

Допрос кулака и священника. Из «Революционных акварелей».
Художник И.А. Владимиров

Конфискация зерна. Из «Революционных акварелей».
Художник И.А. Владимиров

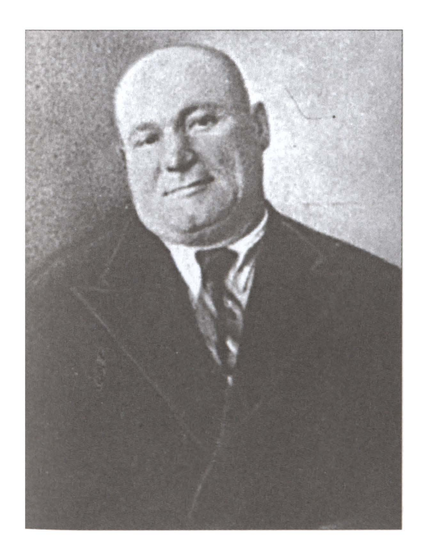
Отправка продотряда из Москвы в деревню. 1919 г.

Я.М. Свердлов

Н.И. Махно

Г.А. Кузьменко

Махновцы как пособники антисоветских сил на советской карикатуре

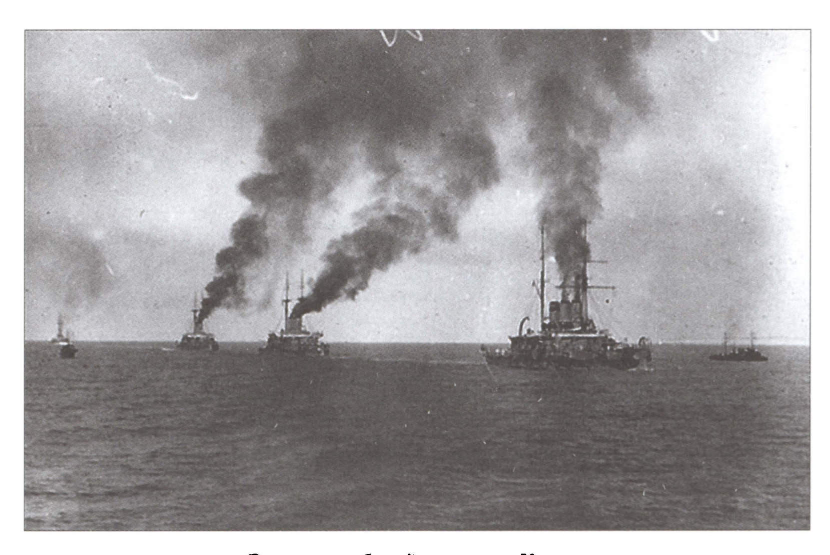


Л.Н. Задов

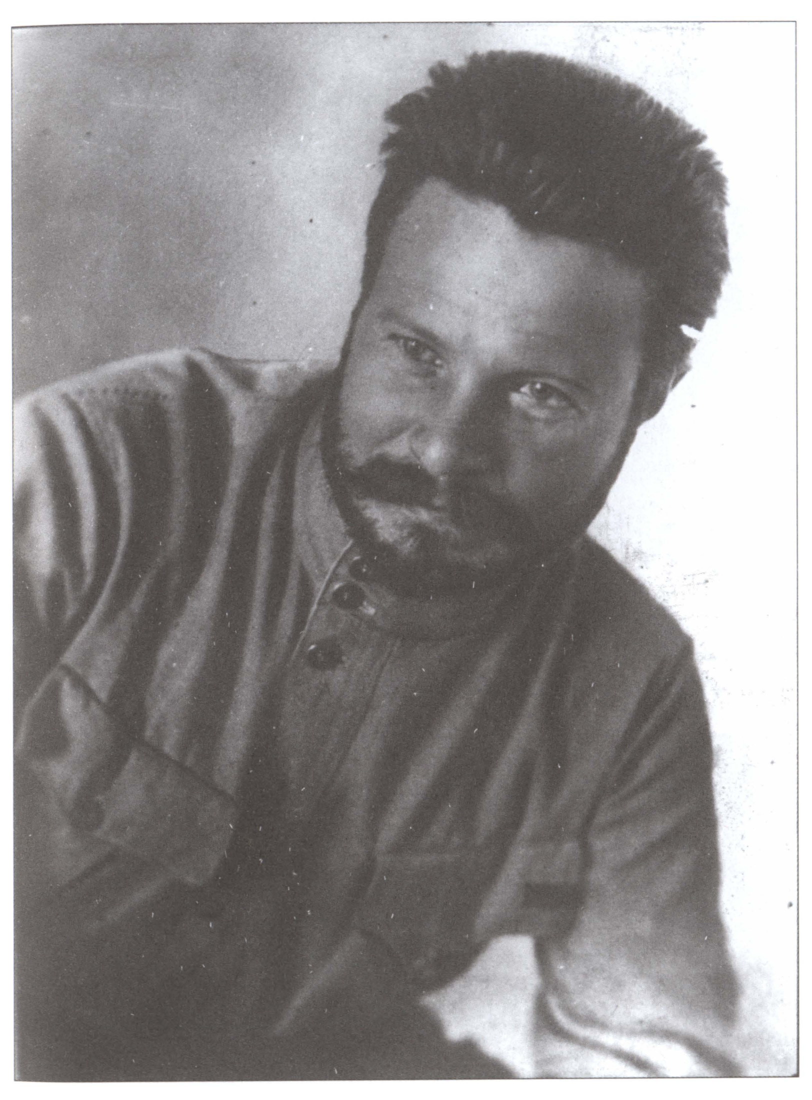
В.Ф. Белаш

А.И. Деникин

П.Н. Врангель



Эвакуация белой армии из Крыма



М.В. Фрунзе

Красные кавалеристы

Тачанка. Художник М.Б. Греков

Участники тамбовского восстания

М.Н. Тухачевский. Фото 1930-х гг.

Тамбовский уездный комитет партии социалистов-революционеров» [7].

Союз трудового крестьянства обращался к различным слоям граждан с воззваниями и листовками. В листовке к крестьянам и рабочим в январе—феврале 1921 г. говорилось:

«Крестьянам и рабочим!

Верь, крестьянин и рабочий, в скорую и окончательную победу над твоим заклятым врагом насильником-коммунистом, поработителем и попирателем твоих священных и неотъемлемых прав: прав на землю, на собственный труд, прав свободно распоряжаться им, согласно своим нуждам и потребностям. Ряды борцов за осуществление твоих святых желаний, как: "Свободный союз крестьянства и рабочих", с каждым днем растут и увеличиваются, и недалеко то время, тот час, когда из края в край всей порабощенной России пронесется мощный клич, вырвавшийся из многомиллионных крестьянских и рабочих грудей: "Да здравствует новая свободная жизнь с властью подлинно выражающей волю трудящихся!" Тогда настанет истинное царство труда, где труд будет выше всех других сторон жизни, а крестьянин и рабочий его непосредственными хозяевами.

Крестьянин и рабочий, ты поднял знамя восстания с лозунгом: "Союз крестьянства и рабочих", так и иди же смело и прямо по тому намеченному пути к осуществлению своих заветных дум, указателем которого у тебя твое красное знамя. Держи его крепко, чтобы ни одна бесчестная рука не могла вырвать из твоих мозолистых рук. Еще раз повторяем, что должно быть твоим символом веры: "Вера в свои силы и победу, власть только трудящимся".

Тамбовский губернский комитет Союза трудового крестьянства» [8].

В листовке Союза трудового крестьянства к рабочим в январе—феврале 1921 г. говорилось:

«Рабочим

Рабочий, долго ли будет продолжаться Ваше терпеливое рабство, Ваше подневольное существование, в которое Вы попали, благодаря обмана, лукавства лжесоциалистов большевиков-коммунистов. Мы не будем здесь указывать на все мерзости и подлости с которыми они Вас поставили лицом к лицу, заставив штыком бесстрашно смотреть даже на само Ваше бытие. Укажем на самое вопиющее, последнее зло, вопиющее противоречие с тем, с чем они вышли в начале на путь революционной борьбы, начертав на знамени своем глубокосодержа-

тельные лозунги, не только российского, но и для мирового пролетариата: "Диктатура пролетариата, диктатура трудящихся", и на тот печальный исход начатой ими борьбы с капиталом во имя освобождения рабочих из его мертвых цепей.

На их зов: "В борьбу за лучшую долю рабочих и крестьян", Вы вышли все, как один, честно отдаваясь борьбе на фронте с заклятым Вашим врагом — капиталистами, неустанному труду на фабриках и заводах с одной четверкой хлеба, не могли следить за тайной дипломатией, ведшейся Лениным и Троцким с иностранными капиталистами, которым в конце концов они Вас с Вашими фабриками и заводами и железными дорогами запродали, удовлетворяя условиям ими заключенного мира с Польшей — значит с союзным капиталом. Задушив свою буржуазию, они призывают хозяйничать других еще с большим аппетитом.

Вряд ли иностранцы согласятся иметь в своем распоряжении рабочих-социалистов, рабочих-революционеров, им нужны рабы, только рабы, и вот Вас, беззащитных, они сдали как ненужный себе товар, закабалив тем самым на долгие годы рабства, подневольного труда, безмерного унижения пред чужими господами.

Крестьянин выступил с протестом против новых господ-насильников в лице комиссаров, революционной борьбой, к которой зовет и Вас, как свою плоть, кровь и кость, надеясь, что его протест будет общим с рабочими и что его достижения: "Свободный союз трудового крестьянства и рабочих, земля и воля и всенародное Учредительное собрание" — одинаково охватывают интересы крестьян и рабочих.

Дружной, тесно сплоченной массой сумеем задушить засевших на нас паразитов. В борьбе отвоюем свои права на труд и не дадим себя эксплуатации международного капитала.

Рабочий, не забудь твоего друга-пахаря-крестьянина, изнывающего пятый месяц борьбы, открытой им против большевиков. Скорее в его ряды, и победа обеспечена.

Тамбовский губернский комитет Союза трудового крестьянства» [8].

В листовке Союза трудового крестьянства к мобилизованным красноармейцам рабочим в январе—феврале 1921 г. говорилось: «Мобилизованным красноармейцам

Друзья мобилизованные! В громадном большинстве в рядах красной армии вы являетесь сынами русского трудового крестьянства. Большевики-коммунисты заставили вас силою бросить мирный труд,

взяться за оружие, встать под знамена коммунизма, как будто для защиты свободного труда, земли и воли. Три года под их командою вы бряцаете оружием, часто голодные, плохо одетые и обутые, изнуренные болезнями и всякими невзгодми жизни. Но это не принесло пользы и счастья ни вам самим, ни нам, отцам и матерям вашим. Ваш путь и наш путь переплелись, слились в одну общую дорогу издевательств и мучений, на который вас и нас гонят на посмешище, истязание и смерть.

Товарищи мобилизованные! Отвернитесь на минуту от кошмара и ужаса кровавого пира, опустите винтовки из усталых рук ваших, взгляните великой правде в глаза и хоть немного задумайтесь над тем, что пережито вами за эти три года междоусобной бойни. Не вы ли томились в холодных казармах, валялись кучками на грязных полах, гнилых немытых нарах в бессменном белье, вонючих лохмотьях шинели, с нетерпением дожидались обеда из грязной несоленой чечевицы и полупадали-конины. Не вы ли тысячами и десятками тысяч, то искалеченные на фронте, то зараженные от голода тифом и холерой, то с обмороженными руками и ногами разбрасывались по госпиталям, где без лекарства и ухода, без достаточного питания и тепла вы умирали без счета.

Да, это вы, друзья мобилизованные, пережили такие испытания, и все это в то время, когда власть грабила ваше добро и домашнее имущество. Для чего же все это? Неужели для того, чтобы еще на целые десятки лет затянуть гражданское побоище? Неужели для того, чтобы упрочить счастье горсти коммунистов, которые создали из себя новый господский класс на вашей крови, на ваших трупах для собственного благополучия?

Опомнитесь, друзья мобилизованные! Коммунисты всех нас бросили в бездну нищеты и дикого произвола. Народ поголовно превратился в нищих, но коммунисты не видят этого, ибо глаза их помутнели от крови невинно расстрелянных жертв. Народ, как покорный раб, молил о пощаде и снисхождении, и они не слышат это, ибо уши их оглохли от стона и вопля обиженных. Народ взывал к разуму, но разума у них нет или не было, или он тоже помрачился от ужаса действительности.

Раскалывая как горшки наши головы, ломая кости, коммунисты целых три года обещают построить новый мир, но теперь мы уже поняли, какой будет этот новый мир, он будет пустынен и мрачен, населять его будут не свободные и счастливые люди, а голодные, голые

и безгласные рабы. Мы не хотим больше, чтобы коммунисты грабили нас и издевались над нами.

Товарищи мобилизованные! Пусть ваш и наш голос негодования сольются в один общий клич: "Смерть коммунистам, да здравствует общее вооруженное восстание трудового крестьянства и всех угнетенных против коммунистов-насильников!"

Мы, крестьяне, сделали это и взялись за оружие. Лицемеры-коммунисты назвали нас бандитами, надеясь этим опозорить нас в глазах наших братьев и поднять на борьбу с нами трудовой же народ.

Не верьте им, прохвостам, ибо они нагло и бессовестно лгут, как жид за копейку барыша. Мы не бандиты, а восставший вооруженный народ — народная армия. Вот почему мы обращаемся к вам, друзья мобилизованные. Преклоните штыки ваши пред лицом матери-земли и, не медля ни минуты, идите к нам, как это сделали уже многие из вас! Мы встретим вас, как братьев своих, по желанию своему вы можете или остаться в наших рядах, или идти в дома свои, где ваши измученные отцы и матери тоскливо ждут вас. Идите в родные дома свои, пока они не уничтожены еще совсем коммунистами как птичьи гнезда.

Народная армия» [9].

В Тамбовском уезде образовался даже после съезда представителей четырех волостей районный крестьянский союз с районным комитетом (из трех человек: с-р, сочувствующего с-р и левого с-р), была созвана и благополучно прошла уездная конференция Союза трудового крестьянства, весною 1920 г. была проведена Тамбовская уездная партийная конференция, на которой приняло участие 7 человек из уезда, трое — единолично, четверо — в качестве представителей сельских организаций. Летом 1920 г. состоялась губернская партийная конференция при участии представителей четырех организаций — Тамбовской городской, Тамбовской уездной, Моршанской и Козловской. Среди рабочих предполагалась организация нелегальных профсоюзов, но этот вид работы не дал заметных результатов. Однако рабочие и без нелегальных профессиональных союзов вели борьбу с властями. Можно отметить, например, забастовку в Тамбовских ж. д. мастерских, объявленную в виде протеста против удлинения рабочего дня, проведенного под видом «Недели трудового фронта». Особенно заметное место активистские настроения занимали в крестьянской среде. Сразу после уборки хлеба в Тамбовском уезде

вспыхнуло большое восстание крестьян, подпавшее под руководство называющего себя «независимым с-р» Антонова. В распоряжении Антонова было около 3 тыс. вооруженных крестьян, из которых ⅓ — конница. «Антоновцы» вели партизанскую борьбу с советскими отрядами, избегая с ними столкновений, всю свою энергию направляя на уничтожение коммунистов, продовольственников и охраняющих их лиц и на разгром советских хозяйств.

У «антоновцев» были красные флаги с надписями «Да здравствует трудовое крестьянство!». Иногда «антоновцы» устраивали публичные судилища над коммунистами, по большей части кончавшиеся смертными приговорами. Были случаи вынесения оправдательных приговоров коммунистам. Район деятельности антоновских отрядов — Тамбовский, Кирсановский, Борисоглебский, отчасти Моршанский и Козловский уезды Тамбовской губернии. Появлялись отряды и в соседних уездах Воронежской и Саратовской губерний [6].

Как отмечалось на указанном выше совещании эсеров, «большевистская власть не останавливается перед самыми жестокими и варварскими способами подавления восставших крестьян. “Законные” и “незаконные” расстрелы, массовые аресты, уничтожение целых сел — все пускается в ход. Опубликовано уже 3 списка расстрелянных крестьян с общим количеством 150 расстрелянных. Снесены артиллерией и сожжены в Тамбовском уезде 3 села: Коптево, Хитрово, Верхне-Спасское. Часть населения этих сел перебита, другая—арестована, взрослые помещены в концентрационные лагеря, дети — в приюты. Однако движение и до сих пор не подавлено» [6].

На заседании Всероссийской конференции партии социалистов-революционеров о положении дел в Тамбовской губернии 8 сентября 1920 г. [6] тамбовские делегаты настаивали на необходимости пойти навстречу нарастающему в массе трудового крестьянства стихийному протесту против большевистского режима и дать ему свои испытанные в борьбе лозунги. «Необходимо уже теперь, в процессе повседневной революционной работы, не то что не скрывать от народа неизбежности насильственной ликвидации большевистской диктатуры, но и к этой цели приспособить всю работу, не отвлекая свои силы на приговорное движение и прочее. Подошло время активной борьбы, и под этим лозунгом должна протекать вся подготовительная работа. Иначе крестьянству будет непонятна и чужда вся мелкая, но необходимая для успеха восстания организационная работа по соби-

ранию мелких сил. Чтобы подвигнуть деревни на организацию хотя бы крестьянских союзов, нужно, чтобы крестьянин ясно понимал, для чего ему потребуются эти организации, куда его поведут эти организации».

Один из тамбовских делегатов считал своевременным выдвинуть как средство борьбы с крайностями большевистской диктатуры ответный террор защиты крестьянства партией с-р [6]. Видимо, ему был дан сильный отпор, после чего он вынужден был оправдываться. Приведем эту дискуссию: «Тамбовец: Никто не говорит, чтобы, разъехавшись, мы немедленно начали восстание. Полагаем, что нужно стать на путь организации крестьянства с лозунгом свержения большевиков. Мы предлагаем сохранить холодную голову, но вместе с горячим сердцем. Говорит: практически нельзя декларировать вооруженную борьбу. Но для подготовки ее (она уже была в полном разгаре. — *Авторы.*) нужно приступить к переброске самых активных товарищей. Напоминать, что террор необходим, когда действия власти оскорбляют общество, а когда другой меры наказания нет, я настаиваю на этом методе с предварительным охранением организаций» [6].

Всероссийская конференции партии социалистов-революционеров о положении дел в Тамбовской губернии, проходившая 8 сентября 1920 г., в принятой резолюции подчеркнула: «Большевистский режим самым фактом своего существования неизбежно порождает внутренние контрреволюционные движения и посягательства международного империализма, что возрождение народовластия уже само по себе явилось бы действительным средством вырвать почву из-под антисоветской интервенции и, констатируя (всего лишь констатируя! — *Авторы.*) наличность широкого повстанческого движения народных масс для ниспровержения коммунистической диктатуры и установления власти народа, а вместе с тем, видя неизбежность в будущем возобновления партией вооруженной борьбы с большевиками и учитывая вместе с тем распыленность масс, конференция партии с-р полагает, что очередной задачей партии является работа по организации активных сил, необходимых для достижения указанных целей. Одновременно партия считает необходимым вести самую решительную борьбу со всякими попытками контрреволюции, каким бы именем она ни прикрывалась, резолюция партии с-р полагает, что очередной задачей партии является предварительная работа по организации масс, без чего невозможно осуществление намеченных целей» [10].

Член ЦК ПСР Ю. Подбельский, которого обвинили в тайном руководстве крестьянским восстанием, яростно отрицая это, отрицая вообще какое-либо участие партии социалистов-революционеров в мятеже, писал в своем заявлении: «Мой очерк о Тамбовском восстании всякому представителю власти доступен для ознакомления и, как бы к нему ни относиться, но называть "руководителем" и "вдохновителем" Антонова человека, который так, как это сделал я, охарактеризовал и самого Антонова ("типичный экспроприатор эпохи 1905— 1909 годов", "вольный стрелок партизанщины") и руководимое им движение ("партизанщики", нелепая "бесшабашная" голая партизанщина, без лозунгов, без идей, без программ и т.п.), это значит, в лучшем случае, обладать несовершенной логикой. Что касается захваченных у меня материалов, то они включают в себя заметки о многочисленных фактах жестокости, проявленной в борьбе как сторонниками Антонова, так и советскими войсками, и самое страшное — рассказ одного из тамбовцев о том, как он попал в "штаб" одного из полков Антонова, что он там наблюдал и как он протестовал в помещении "штаба" против безобразий, чинимых сторонниками Антонова. Вот и все материалы, на основании которых ВЧК "установила", что "ЦК в лице этого уполномоченного (т.е. в лице Ю. Подбельского. — *Авторы.*) руководил восстанием кулаков, бандитов и дезертиров в Тамбовской и Воронежской губерниях"» [10].

Ю. Подбельский писал далее: «На конференции П.С.-Р. осенью прошлого г. представителем Тамбовской организации П.С.-Р. действительно "был сделан доклад о восстании Антонова в Тамбовской губернии", но относительно "участия в нем местных с.-р." в докладе не говорилось и не могло говориться ни слова, в чем можно удостовериться, прочитав находящийся в распоряжении ВЧК подлинник протокола сентябрьской конференции П.С.-Р., взятый при аресте одного из членов ЦК П.С.-Р. Правда, в протоколе говорилось об организации Союза трудового крестьянства, но этот Союз не имел ничего общего с Антоновым. Он был против вооруженного восстания при данных условиях, хотя и допускал возможность такого восстания в будущем. Если впоследствии отдельные, оторванные от губернского центра, начавшиеся стихийным восстанием ячейки Союза трудового крестьянства кое-где, может быть, и приняли участие в восстании, то, во-первых, это происходило вопреки директивам руководителей Союза, а, во-вторых, те стихийные местные восстания, к которым кое-где примкнули (но, во всяком случае, не были их инициаторами)

ячейки Союза трудового крестьянства, не имели никакого отношения к руководимому Антоновым восстанию. Антонов, как это явствует из очерка моего в № 6 "Революционной России", появился на сцене лишь тогда, когда стихийное крестьянское движение было подавлено советскими карательными войсками и началась партизанская фаза тамбовского восстания.

Остальные измышления насчет "корректирования действий Антонова губернским центром с.-р.", участия Антонова на совещании с.-р. в Тамбове и проч. я не стану опровергать — не столько потому, что с мая месяца 1920 г. я не жил в Тамбове и даже приблизительно не знаю, что происходило в Тамбовской организации с.-р. за время восстания (так как вся Тамбовская организация в сентябре 1920 г. была арестована), сколько потому, что обвинения эти слишком уж бьют каждому в глаза своей нарочитой придуманностью и едва ли нуждаются в опровержении. О степени их достоверности можно судить по тем обвинениям, которые приписывают лично мне и которые я пункт за пунктом выше опроверг. Если можно одному человеку в течение года руководить из Москвы восстанием сразу в двух отдельных от Москвы губерниях, то во сколько же раз легче придумать фантастический союз Антонова с местными с.-р. (хотя бы и арестованными поголовно и содержащимися в тюрьме). Не в деятельности П.С.-Р., а в господствовавшей до сих пор политике по отношению к трудовому крестьянству ("продразверстка" и пр.) нужно искать причины длительного партизанского движения тамбовских крестьян. Антонов не продержался бы в деревне и одного дня, если бы не действия карательных отрядов, от которых страдали не столько "антоновцы", сколько ни в чем неповинное рядовое крестьянство. В порядке кровавой круговой поруки целые села отвечали иногда за невольное и неизбежное соприкосновение с проходящими отрядами Антонова» [10].

Ни общероссийское, ни губернское руководство партии эсеров не были прямо причастны к антоновщине. Но влияние эсеров на повстанческое движение, его идеологию и организацию является несомненным, как и то, что большинство его вожаков принадлежали к ПСР.

Вышеизложенное позволяет заключить, что в социальном взрыве в тамбовской деревне прослеживается роль партии социалистов-революционеров. Ее влиянию и руководству во многом приписывали размах движения руководители борьбы с антоновщиной. «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии было внимательно подготовлено партией эсеров», — таково было официальное мнение.

Тем не менее ЦК партии социалистов-революционеров не выдвигал задачу организации вооруженного восстания против коммунистов и не переоценивал умножавшихся фактов крестьянских бунтов. Напротив, полагая, что изолированные, разрозненные выступления приведут лишь к усилению «красного террора», лидеры эсеров планировали широкую политическую акцию подчеркнуто мирного характера. Восстание крестьян оказалось неожиданным для губернского комитета партии правых эсеров и даже для губернского комитета Союза трудового крестьянства.

Впоследствии на заседании Всероссийской конференции партии социалистов-революционеров о положении дел в Тамбовской губернии 8 сентября 1920 г. тамбовские делегаты настаивали на необходимости пойти навстречу нарастающему в массе трудового крестьянства стихийному протесту против большевистского режима и дать ему свои испытанные в борьбе лозунги. СТК обращался к красноармейцам, крестьянам по поводу положения в стране и с призывами свергнуть Советскую власть. Союз трудового крестьянства обращался к различным слоям граждан с воззваниями и листовками.

Ни общероссийское, ни губернское руководство партии эсеров не были прямо причастны к антоновщине. Но влияние эсеров на повстанческое движение, его идеологию и организацию является несомненным, как и то, что большинство его вожаков принадлежали к ПСР.

Источники и примечания:

1. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 40.

2. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1110. Л. 1—3.

3. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 646. Л. 236.

4. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 36—40.

5. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 25. Л. 52—58.

6. Протокол заседания Всероссийской конференции партии социалистов-революционеров о положении дел в Тамбовской губернии. 8 сентября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 138. Л. 17—18, 25 об., 28 об., 30 об. —31.

7. Документы Союза трудового крестьянства. Протокол совместного заседания представителей Губкома СТК, командного и политического состава повстанцев. 15 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 477 об., 472—473.

8. Листовки и воззвания Союза трудового крестьянства «В борьбе обретешь ты право свое!». Январь—февраль 1921г. РГВА.Ф. 235. Оп. 1. Д. 29. Л. 7.

9. Листовки и воззвания Союза трудового крестьянства. В борьбе обретешь ты право свое! Январь—февраль 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 239; РГВА.Ф. 9. Оп. 28. Д. 661. Л. 41—42.

10. Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота. Амстердам, 1989. С. 551—555.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ НА ТАМБОВЩИНЕ В КРЕСТЬЯНСКУЮ ВОЙНУ

Крестьянская война 1920—1921 гг. в Тамбовской губернии выросла из повстанческого движения, начинавшегося осенью 1918 г. Последующее развитие событий было отмечено постоянными вспышками мятежей в отдельных селениях и появлением в лесных районах боевых групп и партизанских отрядов, именовавшихся в советской документации «бандами».

С начала 1919 г. в Кирсановском уезде активно действовала «банда» А.С. Антонова. В это время формировались силы и очаги будущего массового восстания, выдвигались лидеры, возникали боевые отряды как ответ на продразверсточные кампании, становившиеся все более непосильными. На протяжении почти всего этого времени ситуация не была непоправимой, еще была возможность предотвратить социальный взрыв. В этом отношении весьма знаменательным является письмо А.С. Антонова Кирсановскому уездному комитету РКП(б) в феврале 1920 г., в котором от имени боевой дружины он заявлял «товарищам коммунистам», что «на борьбу с уголовщиной мы всегда готовы подать Вам руку помощи». Свидетельства возможного взаимодействия и сотрудничества, подлинного союза революционных сил города и деревни на грани 1919—1920 гг. можно найти в действиях и Ф.К. Миронова, и Н.И. Махно, и других лидеров крестьянской революции. Однако во всех случаях главным условием осуществления этой возможности было изменение советской политики в деревне, прежде всего отмена продразверстки.

Понимание необходимости пересмотра политики по отношению к крестьянству стало возникать и в большевистском руководстве.

В том же феврале 1920 г. Л.Д. Троцкий внес в ЦК РКП(б) предложения о замене продразверстки натуральным налогом, что фактически вело к отказу от политики «военного коммунизма». Эти предложения были результатом практического знакомства с положением и настроением деревни на Урале, где в январе—феврале оказался Троцкий как председатель Революционного военного совета Республики. Его записка «Основные вопросы продовольственной и земельной политики» начиналась с принципиального вывода о «неэффективности продовольственной политики, построенной на отобрании излишков сверх потребительской нормы», ибо она «толкает крестьянина к отработке земли лишь в размерах потребности своей семьи». Троцкий предупреждал: «Продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата». Больше того, сохранение продразверстки «грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны». Преодолеть процесс «хозяйственной деградации» предлагалось: 1) «заменив изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходный натуральный налог), с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляла все же выгоду», и 2) «установив большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссыпаемого ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам». Как известно, с этого и началась весной 1921 г. новая экономическая политика.

Конечно, условия Гражданской войны еще не были устранены, неизбежность новых военных столкновений оставалась очевидной, но и предел возможностей крестьянского хозяйства был уже исчерпан. После разгрома главных сил контрреволюции на востоке и юге России, после освобождения почти всей территории страны изменение продовольственной политики стало возможным, а по характеру отношений с крестьянством — и необходимым. К сожалению, предложения Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) были отклонены. Запоздание с отменой продразверстки на целый год имело трагические последствия, антоновщины как массового социального взрыва могло не быть.

Вспыхнув в середине августа 1920 г. в селах Хитрово и Каменка Тамбовского уезда, где крестьяне отказались сдавать хлеб и разоружили продотряд, огонь восстания распространялся по губернии с непостижимой для местных властей быстротой, поскольку они привыч-

но считали, что имеют дело с бандитскими шайками, а не народным возмущением. Уже в августе—сентябре 1920 г. антоновцы подковой охватили Тамбов, находясь всего в 15—20 верстах от губернского центра. Их численность достигла примерно 4 тыс. вооруженных повстанцев и около 10 тыс. людей с вилами и косами.

Бесчинства продотрядовцев порождали недовольство крестьян, которое выражалось в саботаже, незапашке ярового клина. Свое неподчинение новой власти крестьяне выражали и в срыве мобилизационных мероприятий.

Вот как начиналось крестьянское восстание на Тамбовщине.

6 августа 1920 г., когда негодование масс достигло наивысшего апогея, по инициативе Г.Н. Плужникова («Батько») в селе Каменка Тамбовского уезда началось повстанческое движение. В первые дни выступившими были обезоружены продотряды в Каменском районе в составе 23 человек и обезоружена милиция численностью в 65 человек, в то же время были сделаны налеты на Александровский и Ивановский совхозы, где было обезоружено 14 человек и разбит под Александровским совхозом отряд губчека численностью в 66 человек.

В тот же день, 6 августа 1920 г., был вооружен партизанский отряд численностью в 100 человек пехоты и 20 человек кавалерии. Этот отряд 9 августа совершил налет на ст. Чакино и разбил отряд учебной команды численностью в 200 человек, обезоружил из них 15 человек. 13 августа был совершен налет на деревню Афанасьевку, где было обезоружено 60 человек, потом нападение на команду губчека, расположенную в селе Каменка, где было отнято у них 30 винтовок и 1 пулемет.

15 августа 1920 г. на партизанский отряд было совершено нападение советских войск, наступавших из села Верхоценье. Партизанский отряд, перейдя в контратаку, захватил 36 красноармейцев, в том числе командира батальона, а 16 августа, опять-таки по распоряжению Плужникова, вспыхнуло восстание в Хитровском районе Тамбовского уезда.

Собранные таким же образом силы были направлены одновременно с Каменским отрядом в Кирсановский уезд на соединение с отрядом Антонова. Соединение произошло в селе Трескино в присутствии всех партизанских сил. Управление отрядами было поручено Антонову, после чего рост его отрядов стал увеличиваться быстрым темпом.

Весть о разгроме под Каменкой продотряда и отряда по борьбе с дезертирством в этот же день достигла Тамбова. В губисполком, губком компартии, губвоенкомат и губчека ежедневно поступали тревожные сообщения из волостей и с железнодорожных станций, находившихся по соседству с эпицентром вспыхнувшего восстания.

Поздним вечером 21 августа 1920 г. в Тамбове состоялось экстренное заседание президиумов губисполкома и губкома партии, на котором было решено образовать военно-оперативный штаб при губчека в составе председателя губчека Трасковича, губвоенкома Шикунова и губвоенрука Збруева.

22 августа из Тамбова на станцию Ржакса был отправлен отряд курсантов полковой школы 21-го запасного стрелкового полка под командованием Воробьева. Сделав в пути остановку на станции Сампур, Воробьев сформировал сборный отряд из находившихся на станции разрозненных групп красноармейцев, продотрядников, милиционеров и сельских коммунистов. Командиру этого отряда Никольскому было приказано наступать на Каменку, «сбивая, если попадутся, банды, или, в крайнем случае, сдерживая их». Сам же Воробьев со своим отрядом проехал по железной дороге до Ржаксы и оттуда также двинулся к Каменке.

Во второй половине дня у села Понзари отряд Никольского столкнулся с мятежниками и, не выдержав их натиска, стал беспорядочно отступать на станцию Сампур, куда тем же вечером был вынужден отойти и отряд Воробьева.

23 августа, получив из Тамбова 60 штыков подкрепления, Воробьев вновь попытался наступать, но опять неудачно. Его оттеснили сначала к станции Чакино, а затем окружили на полпути между Чакином и Сампуром у разобранного мятежниками моста через речку Осиповку. Всю ночь, неся потери, отряд Воробьева отстреливался. Лишь утром 24 августа на помощь подошла из Тамбова бронелетучка транспортной ЧК под командованием С. Саленкова, которая своим огнем отогнала мятежников от отряда Воробьева [1].

Неудачи красноармейских отрядов заставили военно-оперативный штаб при губчека не только ускорить изыскание новых военных сил в самом Тамбове, но и обратиться за помощью в ближайшие к району вспыхнувшего восстания уездные города Кирсанов и Борисоглебск. Вечером 23 августа кирсановские военком Пластун и завполитбюро Сачко ответили по прямому проводу в Тамбов, что у них возникли серьезные трудности с формированием роты в связи с тем, что мало-

численный караульный батальон в 300 штыков был «весь в разгоне» по селам уезда, где тоже было неспокойно, появлялись мелкие банды. Расквартированный в Кирсанове 2-й запасной кавалерийский полк трогать было нельзя, так как был получен приказ из округа [2] сформировать из него эскадрон в 300 сабель и не позднее 27 августа отправить на врангелевский фронт. Из округа передали, что это приказ председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого. А во всем городе имелся лишь один пулемет, да и тот находился в железнодорожном батальоне, который не подчинялся уездным властям [3].

Военно-оперативный штаб при губчека приказал немедленно взять из железнодорожного батальона пулемет и два взвода бойцов, но строго предупредил кирсановских командиров: «Ни в коем случае не мешайте формированию эскадрона. Помните, что это задание Троцкого, и должно быть выполнено в срок» [3].

В отличие от Кирсанова, в Борисоглебске не возникло трудностей с формированием роты. Созданная на базе местного караульного батальона и пополненная несколькими борисоглебскими коммунистами, эта рота уже в 6 часов утра 24 августа была отправлена по железной дороге на станцию Жердевка. Во главе ее встал командир борисоглебского караульного батальона Барышников, а политруком Переведенцев.

Н.А. Переведенцев — полный георгиевский кавалер и унтер-офицер старой русской армии, видный борец за установление Советской власти в Борисоглебске и первый военный комиссар уезда. В 1918—1919 гг. в качестве комиссара и командира сформированных им же полков он принимал самое активное участие в боях с белогвардейцами, подавлял многие мятежи и восстания. А в ночь на 23 августа 1919 г. во главе кавалерийского полка 14-й стрелковой дивизии совершил редкий по дерзости и продуманности налет на занятый белыми Борисоглебск, где находилось около шести полков противника. О личной храбрости Переведенцева и его командирском таланте в здешних местах ходили легенды [4].

Бесспорно, что присутствие прославленного командира сказалось на боевом духе бойцов Барышникова. Выгрузившись в Жердевке, рота сделала стремительный бросок до самой Каменки и в 10 часов вечера решительным и неожиданным для мятежников ударом выбила их из села, захватив в качестве трофея много лошадей. Это дало возможность Переведенцеву посадить часть бойцов роты на коней. Тем самым было положено начало формированию конного отряда,

известного в истории подавления антоновщины под несколькими наименованиями: эскадрон Переведенцева, затем дивизион (два эскадрона) Переведенцева, и, наконец, — 1-й кавалерийский полк Переведенцева. С 24 августа, когда впервые красноармейцами была взята Каменка, имя Переведенцева стало еще известней.

В это же самое время с целью узнать на месте, что за восстание происходило в районе Каменки, сюда с небольшим отрядом приехал из кирсановских лесов А.С. Антонов. Здесь его находят прибывшие с той же целью два делегата состоявшегося накануне в Тамбове совещания губкома Союза трудового крестьянства. Делегаты (оба из Хитровского районного комитета СТК) передали Антонову указание губкома СТК не ввязываться в каменский мятеж, а возвратиться в Кирсановский уезд и ждать. Антонов на словах согласился, и делегаты уехали.

Однако Антонов ждать не стал. С 24 августа 1920 г. и уже до самого конца мятежа во главе его стоял А.С. Антонов. В архивных документах о подавлении мятежа имя Антонова впервые встречается в связи с его появлением поздно вечером 24 августа в Александровском совхозе, неподалеку от Каменки, то есть сразу после того, как он принял на себя командование [4].

Первыми действиями Антонова, сделанными не без помощи руководителей каменских мятежников Г.Н. Плужникова и А.В. Богуславского, были следующие. Узнав, что против слабо вооруженных мятежников сосредотачиваются для нанесения решительного удара значительные силы красных, Антонов большинству рядовых мятежников приказал временно разойтись по домам или скрыться. Это был чисто антоновский прием, неоднократно использованный впоследствии. А наиболее заметных и активных крестьян в ночь на 25 августа он увел с собой на восток, в Кирсановский уезд. На прощание антоновцы разграбили Александровский совхоз, «экспроприировав» 43 лошади, 13 быков, 6 телят, гурт овец и 150 пудов овса [5].

Благополучно, если не считать небольшой перестрелки возле Уварово, достигнув кирсановских лесов, Антонов принял меры по организации вооруженных выступлений и в самом Кирсановском уезде.

25 августа, для непосредственного руководства на месте всеми действующими против мятежников силами, из Тамбова выехал губвоенком П.И. Шикунов. На станции Сампур он создал штаб боевого участка. Начальником штаба был назначен командир 4-й стрелковой бригады ВОХР (внутренние войска) В.И. Благонадеждин. Во второй

половине 25 августа в Тамбове состоялось объединенное заседание президиумов губкома партии и губисполкома, где начальник военно-оперативного штаба Траскович доложил о ходе борьбы с мятежом. Было высказано немало упреков в адрес военно-оперативного штаба и самого Трасковича как председателя губчека. В частности, руководители губернии заявили, что они удивлены тем, что губчека до сих пор не может установить, кто так отчаянно сражается с нашими отрядами, чего они хотят и кто ими руководит.

Явно обидевшийся Траскович после окончания заседания сообщил об этом по прямому проводу Шикунову, который ответил, что «разведка действительно у нас поставлена неважно». В правоте своих слов губвоенком еще раз убедился на следующий же день. Сосредоточив значительные силы, он 26 августа перешел в решительное наступление, занял весь Каменский район, прочесал его, но повстанцев нигде не обнаружил. Ошеломленный такой новостью, Траскович 27 августа сам выехал на место, лично объехал весь Каменский район и доложил в Тамбов: «Здесь все спокойно» [6].

Для выяснения причин восстания и наказания его участников начали свою работу военные трибуналы. Во все объявленные на осадном положении волости уполномоченным губчека Рекстом были назначены коменданты-чекисты. Кроме того, с 29 августа приступили к работе две выездные сессии губчека.

Были подведены первые итоги. Оказалось, что в Каменском районе с советской стороны убито не менее 51 человека. Из всех местных Советов наиболее пострадал волсовет в селе Верхоценье, где погибли все шесть его членов. Но так было далеко не везде. Например, в самой Каменке волсовет не пострадал. Все его члены оказались живы, хотя от мятежников скрывался лишь один председатель-коммунист. Двух членов Каменского волисполкома чекисты арестовали, а остальным пригрозили трибуналом «за укрывательство соучастников бандитов» [5].

29 августа у села Вязовка, в 45 км юго-восточнее Ржаксы, хорошо вооруженный отряд мятежников нанес поражение красноармейской роте в 126 человек, вышедшей накануне из Борисоглебска. А на следующий день утром практически весь Каменский район вспыхнул огнем нового, еще более сильного, чем прежде, мятежа. На этот раз это действительно был «антонов огонь», ибо имя Антонова в устах мятежников звучало повсеместно. Мятежники вновь заняли Каменку. Начинался так называемый «поход на Тамбов».

Красноармейские отряды, разбросанные по деревням мелкими группами, не смогли оказать организованное сопротивление и понесли большие потери. При захвате мятежниками Каменки погиб ее комендант — 20-летний чекист Е.Т. Адамов. А в расположенной по соседству Александровке повстанцам удалось разгромить два небольших отряда из красноармейцев и продотрядников и захватить пулемет. В этот же день мятеж начал перекидываться в соседние с Каменским районом волости Борисоглебского и Кирсановского уездов.

Тамбовские власти, обеспокоенные таким неожиданным поворотом событий, забили тревогу. Вечером 30 августа положение в губернии было признано «чрезвычайно серьезным», а в связи с угрозой самому Тамбову 500 городских коммунистов были переведены на казарменное положение. Был усилен и военно-оперативный штаб при губчека. В его состав дополнительно вошли секретарь губкома партии Н.Я. Райвид и начальник 35-х Тамбовских пехотных командных курсов Л. Зенкович. В Борисоглебск и Кирсанов было отдано распоряжение о создании уездных оперативных штабов и формировании новых отрядов.

31 августа на борьбу с мятежниками во главе сводного отряда выступил сам председатель Тамбовского губисполкома А.Г. Шлихтер. Однако, столкнувшись с повстанцами в 30 км южнее Тамбова, его отряд в первом же бою потерпел поражение и вынужден был отступать. С каждым часом мятежники все ближе подходили к Тамбову.

Поняв, что своими силами мятеж не подавить, тамбовские власти начали искать помощь за пределами губернии. 31 августа предгубчека Траскович и уполномоченный ЦК по Тамбовской губернии Громов обратились по прямому проводу к заместителю председателя ВЧК И.К. Ксенофонтову со следующей запиской: «В районе Тамбовского, Борисоглебского и Кирсановского уездов вспыхнуло организованное большое восстание, руководимое полковником Богословским, эсерами Казанковым, Плужниковым, Юриным и другими. Часть посланных нами небольших отрядов разбита и разоружена, потеряв два пулемета. Банды в числе до 3000 в 14—17 верстах от Тамбова. Патронов, винтовок и сил у нас совсем мало. Саратов обещал помощь, которая придет не раньше двух суток. Просим поддержки не менее батальона пехоты и эскадрона кавалерии» [7].

И.К. Ксенофонтов быстро отреагировал на просьбу о помощи, и уже через несколько часов в Тамбов отправились полуэскадроны Тульской и Рязанской губчека. Но этого было уже явно недостаточно.

С 1 сентября резко активизировались мятежники в Кирсановском уезде. В этот день своим отрядом Антонов занял Рамзинскую волость.

В оперативной сводке губернского военного руководителя Збруева Орловскому окружному военкому об активизации повстанческих сил указывалось: «До сего времени бандиты продолжают действовать, активно обрывая телеграфные, телефонные провода, разрушая советское хозяйство, убивая коммунистов и совслужащих. Выступление банд носит определенно эсеровский характер с лозунгами "Долой коммунистов!", "Да здравствует Врангель!". Наиболее активны бандиты в районе: Ржакса, Семеновка, Уварово, Обловка, Алабушка, Отхожая; более мелкие и менее активные, но приносящие вред совхозяйству, убивающие советработников, в районе: Сампур, Чакино, Ивановка, Понзари, Каменка, Степановка, Александровка.

Для ликвидации банд высланы: рота тамбовских курсантов с двумя пулеметами, рота полковой школы 21-го запасного полка с двумя пулеметами, караульная рота из Кирсанова с одним пулеметом, рота Борисоглебского караульного батальона с одним пулеметом и мелкие продотряды. Кроме того, сегодня вызван полуэскадрон смоленских курсантов из Борисоглебска. Командует всеми отрядами губвоенком Шикунов, начальник штаба комполка 21 Бриммер. Штаб-поселок Ржакса, что у станции Ржакса.

Принимая во внимание, что полковая школа укомплектована уроженцами Тамбовской губернии, а продотряды — дезертирами, выношу убеждение, что усмирение банд затянется надолго, так как одних курсантов недостаточно на столь большой район. Отсутствие патронов не дает нам возможности вести более интенсивные действия. Для пользы дела считал бы необходимым срочно выслать в Тамбов минимум два батальона с двумя орудиями, по прибытии таковых курсантов отозвать, а караульные роты для задерживающегося отправления с пересыльных пунктов. Вторично прошу срочного распоряжения Тамбовскому и Моршанскому артскладам выдавать нам боеприпасы по мере надобности» [8].

Командующий всеми военными силами Шикунов издал свой приказ за № 5, которым потребовал от подчиненных ему войск: в течение 48 часов в 21 населенном пункте на охваченной мятежом территории «произвести полную конфискацию имущества всех граждан», арестовать всех мужчин в возрасте от 16 до 40 лет и отправить их на принудительные работы. А военным трибуналом предписывалось «произвести суровую революционную расправу с соучастниками бандитов» [9].

Рано утром (в 5 час. 20 мин.) 31 августа 1920 г. был отдан приказ оперативного штаба при губчека о карательных мерах по отношению к селениям, примкнувшим к восстанию. В приказе отмечалось, что «борьба с бандитами, разрушающими совхозяйства, убивающими совработников и коммунистов, натыкается на противодействие кулацкого населения, укрывающего бандитов и контрреволюционеров. Для скорейшего и решительного подавления бандитского движения оперативный штаб при губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией приказывает начальникам войсковых частей, действующих против бандитов, по отношению к селениям, в которых граждане будут замечены в участии в бандитских выступлениях или укрывательстве бандитов, провести беспощадный красный террор. Приказывается в таких селениях брать заложников — членов семейства из тех семей, члены которых примкнули к бандитам или им способствовали, заложниками брать граждан от 18 лет, не считаясь с их полом. Объявить населению, что в случае, если бандитские выступления будут продолжаться, заложники будут расстреливаться. Имущество таких граждан конфисковать полностью. Здания, занимаемые ими, сносить, а в случае невозможности — сжигать. Бандитов, застигнутых на месте преступления, расстреливать. Объявить также, что, согласно решения президиума губисполкома, селения, замеченные в участии в бандитских движениях, будут обложены чрезвычайными продовольственными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество всех граждан. Последние в принудительном порядке будут выселяться: взрослые мужчины и женщины — в лагерь принудительных работ, малолетние — в детские дома до конца Гражданской войны» [10].

Начальник штаба войск Тамбовской губернии, видный армейский политработник А.С. Каказов в июле 1921 г. так характеризовал карательную политику тамбовских властей осенью 1920 г.: «Наши части больше занимались очисткой деревни от всего живого и мертвого инвентаря, чем очисткой от банд и их уничтожением. Здесь не разбираются, кто прав, кто виноват. Все крестьянство сваливается в одну кучу и объявляется бандитским. Преданная и лояльная нам часть крестьянства после произведенной фуражировки (понимай — грабежа), в результате которой оно лишилось всего инвентаря и жилища (так как оно сожжено), находится в безвыходном положении. Для него нет иного выхода, как только идти и пополнить банду, чтобы жестоко отомстить за свое добро, нажитое столь тяжелым трудом. Целые

деревни, боясь нашего “красного террора”, забрав свой скот, женщин и детей, уезжают и скрываются в лесах. В результате подобной ликвидации бандиты растут как грибы и общая численность восставших достигает десятков тысяч человек» [11].

Непродуманная и слишком жестокая карательная политика тамбовских властей с самого начала вызывала несогласие и ропот у многих красноармейцев и командиров. Некоторые отряды отказывались выполнять приказы по уничтожению деревень. Немало бойцов, не желая идти под трибунал за невыполнение подобного приказа, дезертировали или переходили (иногда целыми подразделениями) на сторону мятежников.

Сошлемся на протокол заседания Военного совета Тамбовской губернии об имеющихся фактах перехода красных частей в ряды повстанцев от 21 октября 1920 г., на котором присутствовали: заместитель председателя Военного совета Мещеряков и члены Военного совета Райвид и Благонадеждин. По докладу комвойсками Благонадеждина о ходе военных действий было принято постановление: «А. Принимая во внимание заявление комвойсками, что имеющиеся на подавлении восстания полк Запасной армии и отряд Тамбовского губвоенкомата не вполне надежны и что он не уверен в их преданности, поручить комвойсками довести об этом до сведения комвойсками ВНУС Республики т. Корнева. Б. Предложить губчека расследовать факт перехода к бандам роты Запармина и отряда губвоенкомата, получив сведения от комвойсками т. Благонадеждина. В. Обратить внимание начальника политотдела т. Эйдмана на этот факт и предложить ему сговориться с комвойсками о поднятии политработы в частях [12].

Тех, кто не становился дезертиром или перебежчиком, но писал протесты и жалобы в различные инстанции, сурово наказывали в дисциплинарном порядке.

Тамбовские власти все чаще и настойчивее обращались за помощью в различные города и инстанции.

Приведем запись телефонного разговора по прямому проводу со штабом Орловского военного округа 2 сентября 1920 г. Трасковича [13]. В это время, по его словам, мятежники находились в 15—17 верстах от Тамбова.

«Орел: Вот я говорю, принимайте, буду давать вам ответы, записывайте. Дайте исчерпывающие ответы на следующие вопросы:

1. Сколько вооружения у восставших с бандитами каждого рода войск и сколько пулеметов?

2. Укажите подробно пункты сосредоточения бандитов и количество вооруженных восставших в каждом пункте по имеющимся у вас данным.

3. Сколько всего взято вами вооруженных красноармейцев по полковой школе и вообще из 21-го запасного полка, командных курсов, караульных частей, вооруженных коммунистов из местных организаций и всадников, сформированных из числа Тамбовского и Кирсановского кавэскадронов?

4. Что это за активно бастующие?

Трапскович: Не бастующие, а выступающие, повторяем, бастующих нет, а есть восставшие.

Орел: Каковы основные причины, вызвавшие восстание, по вашим данным?

5. Первоначальное место восстания и количество восставших?

6. Насколько исправны орудия, вами сформированные в батареи, и имеется ли знающее дело прислуга у орудия батареи полностью?

7. Сколько пулеметов действует по ликвидации восстания?

Тамбов: Отвечаем. Сведения по всем вопросам нами давались неоднократно, что и напоминаем, но дополнительно сообщаем: на первый вопрос — всего вооруженных приблизительно до 4 тыс., в том числе до 3500 пехоты и кавалерии до 500. Кроме того, вооруженных вилами, косами и т.п. до 10 тыс., при них 4 пулемета. На второй вопрос — бандиты сосредоточены в следующих районах: Сампур, Рассказово, Каменка Тамбовского уезда, Курдюки и Рамза, Иноковка Кирсановского уезда и в Моршанском уезде — Александровка. Установить точно число восставших и вооруженных в каждом районе невозможно, но в каждом из них не менее 300—500 человек. На третий вопрос — нами взяты вооруженные красноармейцы: 21-го полка полковой школы — 180 штыков, Тамбовских командных курсов — 250 штыков, караульных частей — 500, коммунистов — 200, Тамбовского эскадрона кавалерии — 30 сабель, Борисоглебских кав-курсов — 30 сабель. На четвертый вопрос — восстание организовано правыми эсерами и штыками Врангеля. Цели восстания: — срыв продкампании, подрыв мощи республики, уничтожение коммунистов и совработников. На пятый вопрос — район Каменка, Туголуково Борисоглебского уезда. Число восставших — 300—400 вооруженных. На шестой вопрос — все 4 орудия исправны, из них сформирован взвод, имеющий полностью опытную прислугу из старых артиллеристов. На седьмой вопрос — 6 пулеметов, кроме того, мы потеряли 2 пулемета, сохранив замок одного» [13].

В Орле тогда еще имели смутное представление о том, что происходило в Тамбовской губернии. Поэтому из штаба округа укоризненно ответили, что имеющихся у тамбовских властей сил «вполне достаточно, чтобы не только ликвидировать восстание, но и стереть с лица земли всех бандитов вместе со всеми восставшими. По подобным восставшим дать один-два артиллерийских выстрела — и все разбегутся без всякого сопротивления. Поменьше надо с ними церемониться».

10 сентября 1920 г. из Орла прибыл вновь назначенный командующий войсками Тамбовской губернии Ю.Ю. Аплок. Он начал свою деятельность с перегруппировки воинских частей, создал две ударные группы по полторы тысячи бойцов каждая и поставил им задачу — обнаруживать и уничтожать все крупные отряды мятежников. Действия нового командующего описаны в его докладе, который приведем по архивному делу [14].

«Доклад командующего войсками Тамбовской губернии Ю.Ю. Аплока командующему войсками ВНУС В.С. Корневу о положении и боевых действиях в районе восстания г. Тамбов, 5 октября 1920 г.

В районе железной дороги Тамбов — Кирсанов (20 августа 1920 г.) началось усиленное движение мелких вооруженных банд, к которым примыкали крестьяне указанного района.

Банды, объединившиеся в группы численностью в несколько тысяч человек, меняя постоянно свое местопребывание, убивали советских работников, особенно жестоко расправлялись с членами РКП. Общая численность банд достигла к моменту моего вступления в командование вооруженными силами Тамбгуб от 15 до 20 тысяч человек, причем вооруженных огнестрельным оружием насчитывалось 2500—3000 человек, остальные были вооружены холодным оружием (вилы, колья, пики и т.п.).

I. Причиной восстания послужила эсеровская агитация на почве политики Советской власти и недовольства местного населения, преимущественно кулацкого, и развитого бандитизма в Тамбовской губ. еще с 1905 г. Во главе восставших стал Тамбовский эсеровский комитет (ныне арестованный), который и использовал существующие мелкие бандитские шайки для организации настоящего восстания, поставив во главе банд руководителем бандита эсера Антонова, популярного среди местного кулацкого населения.

Усиление банд за счет местного населения производилось путем агитации кулацкого элемента, который примкнул добровольно, и насильственной мобилизации среди середняка и бедняка.

II. Первое активное выступление было в районе станции Чакино, в деревнях Верхоценье, Серединка, Понзарь появилась банда, вооруженная, около 300 человек, огнестрельным оружием, и большинство населения упомянутого района; начались крестные ходы, противосоветские митинги — на другой день был охвачен весь район между пунктами Сампур — Токаревка — Обловка, сконцентрировались и организовались в этом районе и 23 сентября ушли в уваровские леса, что восточное станции Обловка.

25 сентября наши части, оперирующие в районе станции Чаки-но, были переброшены против банд, скопившихся в уваровских лесах, но бандиты просочились из лесу и сконцентрировались в районе дер. Моздок и Вязовка, что в 20 верстах западнее станции Обловка, и нанесли удар нашей роте, едущей из Борисоглебска. 26 августа примкнули к восставшим деревни по линии станции Кандауровка — Воронцово, что в 8 верстах южнее ст. Кандауровка, Царевка, что в 10 верстах юго-восточнее Кандауровки, Богородицкое, что южнее Сухотино, и далее Никольское, что в 17 верстах северо-восточнее Сампура. Наши части, действующие в районе Обловки, были переброшены в район д. Коптево, что в 10 верстах северовосточнее ст. Сампура, где нанесли противнику удар, после чего он отступил в район станции Инжавино, где к нему примкнуло население Инжавинского района, и была занята 3 сентября станция Инжавино. 4 сентября наши войска, переброшенные к станции Инжавино, развивая наступление вдоль железной дороги Иноковка — Инжавино, заставили противника очистить Инжавино и район к востоку от станции и сгруппировались юго-западнее Инжавино. Для подавления восстания действующие войска были разбиты на пять групп, причем действие их напоминало действия по внутренним операционным линиям с центром ст. Сампур, без определенного, строго разработанного плана, так как район восстания охватывал площадь около 1200 кв. верст. Наше командование, не имея достаточно сил, а также дорог для быстрой переброски войск, этим самым давало противнику большие преимущества, противник не выпустил инициативу из своих рук, нанося удары в желаемых для него пунктах. После неудачных операций наше командование поняло неправильность своей работы и перешло к действию мелкими войсковыми соединениями, наподобие партизанских, причем операции отдельных частей не были координированы, за отсутствием общего плана.

III. 11 сентября в 1 час ночи положение в районе восстания было нижеследующим: противник занимал район по линии Кропоткино,

что в 25 верстах юго-западнее ст. Отхожая — Моздок — Вязовка, что в 17 верстах юго-западнее ст. Отхожая — Елакалатка, что в 5 верстах восточнее Ржаксы, что в 10 верстах северо-восточнее Чакино — Озерки, что в 25 верстах севернее Чакино — Болдыревка, что в 30 верстах северо-восточнее Сампур — Новоникольское, что в 5 верстах северо-восточнее Болдыревка — Беляевка, что в 16 верстах северо-западнее Инжавино — Троицкое, что в 10 верстах юго-западнее Инжавино — Архангельское, что в 15 верстах южнее Инжавино.

Наши войска занимали линию: Репная, что в 18 верстах юго-западнее д. Отхожая — Чикаровка — Туголуково, что в 38 верстах западнее ст. Обловка — Анановка, что в 20 верстах юго-западнее Ржакса — ст. Ржакса — Чакино — Сахаровка, что в 15 верстах юго-восточнее Сампур — Перексы, что в 5 верстах северо-восточнее ст. Сампур — Никольское, что 17 верст северо-восточнее ст. Сампур — Богуславское, что в 15 верстах северо-восточнее Никольское — Осиновка, что в 10 верстах юго-западнее Иноковка — Козьмодемьянское, что в 17 верстах северо-западнее Инжавино — Хорошавка, что в 18 верстах юго-восточнее Инжавино. Наши части, разбросанные мелкими на протяжении 180 верст оказывали слабое сопротивление и, кроме этого, создавалась угроза нашим коммуникациям, идущим параллельно, а не перпендикулярно фронту, что могло послужить причиной разгрома всей нашей силы, противник, перерезывая железную дорогу, отдалял бы наши части от базы и г. Тамбову угрожала непосредственная опасность быть разгромленным противником, т.к. гарнизон города не был в достаточной мере приведен к боевой готовности.

IV. 1) Вошел в контакт с местной властью, и по общему решению президиума губисполкома и губкомпарта пришли к заключению об упразднении Военного совета, который был упразднен 11 сентября; 2) ознакомившись с обстановкой, немедленно, в ночь с 10-го на 11 сентября, сделал распоряжение об уничтожении партизанских приемов борьбы; 3) мелкие отряды были сведены во временные боевые единицы — сначала в батальоны, а потом — полки; батальоны были сведены в две группы и образован общий резерв из частей гарнизона г. Тамбова; 4) составил план общих действий с целью установления единого фронта и сокращения его и обеспечения коммуникаций; 5) привел в боевую готовность гарнизон г. Тамбова; 6) сформировал новые части за счет местных средств и Орловского сектора; 7) организовал охрану города; 8) уничтожил сепаратное самоснабже-

ние войсковых частей, использовав для этой цели отдел снабжения 4 бригады ВОХР; 9) предложил местной власти создать трофейные комиссии для правильного учета отобранного имущества и планомерного возвращения потерпевшим от бандитизма; 10) организовал санитарную помощь войсковым частям; 11) сформировал при себе временный штаб из 9 человек; 12) политическую работу поручил вести своему помощнику т. Басову, как среди войсковых частей, так и среди населения, и войти в контакт с губкомом РКП(б); 13) составил план распределения войсковых частей на продовольственные работы и по очищению от вредных элементов района восстания.

V. Наши потери убитыми, ранеными, без вести пропавшими 560; у бандитов убитыми — 1800 человек, ранеными-пленными — 930 человек. Наши трофеи — 700 лошадей, 50 повозок, 2 аппарата Морзе и один телефон, один автомат «Шоша», число винтовок не выяснено.

VI. Контрибуция лично мной не накладывалась, а произведена конфискация имущества в д. Золотое за предательское убийство двух красноармейцев, означенная деревня по окончании конфискации подлежит сожжению.

VII. В губернии в данное время и в районе восстания никаких антисоветских движений по агентурным сведениям не замечается. О развитии бандитизма, который в губернии начался еще с 1905 г. и почти не прекращался, но только присутствие войск заставляет его временно замирать, могу сказать с уверенностью, что, как только будут уведены войска из уездов, бандитизм вновь разрастется и будет представлять постоянную угрозу. Средством борьбы с ним есть губчека, но которую необходимо усилить сотрудниками.

VIII. Выводить войска из уездов впредь до получения свежих частей не представляется возможным.

Банда Антонова, обессиленная теперь, будет существовать и впредь до уничтожения ее главаря.

Командующий всеми вооруженными силами по подавлению восстания Тамбовской губернии Ю. Аплок» [14].

Военных сил, имевшихся в распоряжении Аплока, было вполне достаточно для разгрома и уничтожения всех сколько-нибудь крупных отрядов мятежников. Войска не уступали им по численности, а по вооруженности значительно превосходили их. Однако Аплоку не удавалось нанести сокрушительный удар хотя бы по отряду самого Антонова, который как магнит притягивал к себе лучшие силы советских частей, водил их за собой из уезда в уезд, вступал с ними в

непродолжительные схватки, но серьезно, а тем более окончательно, разгромить себя не давал.

19 сентября возле села Туголуково произошел бой, во время которого антоновцы были рассеяны красноармейцами, потеряв, по данным тамбовского военного командования, около 350 человек. Ю.Ю. Аплок, уверенный, что после такого серьезного поражения Антонову уже никогда не подняться, издал победный приказ, начинающийся так: «Восстание в Борисоглебском, Тамбовском и Кирсановском уездах ликвидировано, вверенные мне войска добивают Антонова у Туголукова» [15].

Однако командующий рано праздновал победу, Антонов у Туголуково разбит не был. Его рассеявшийся во время боя отряд тут же вновь собрался в условленном месте. Совершив за ночь переход в 70 км Антонов с тысячью мятежников при четырех пулеметах утром 20 сентября занял большое село Знаменку в 40 км южнее Тамбова. Двигаясь отсюда в северо-восточном направлении, антоновцы захватили врасплох и разоружили несколько красноармейских отрядов. Находясь в постоянном движении и неожиданно появляясь в самых непредсказуемых местах, отряды Антонова и его сподвижников свои главные удары направляли на работавшие в селах продотряды, уничтожая одни из них и деморализуя другие.

В начале октября, уходя от преследовавших его войск, Антонов со своим отрядом покинул пределы Тамбовского края, ушел в Балашевский уезд Саратовской губернии. Восприняв это как поражение Антонова, командующий войсками Ю. Аплок 3 октября 1920 г. издал новый победный приказ, извещавший о подавлении мятежа, объявил войскам революционную благодарность за подавление Антонова, наградил отличившихся красноармейцев и командиров и с чувством до конца исполненного долга отбыл из Тамбова в Орел, сдав командование войсками Тамбовской губернии командиру 4-й отдельной стрелковой бригады внутренних войск В.И. Благонадеждину [4].

Новый командующий, также считавший, что с Антоновым покончено, перебросил 2400 бойцов на выполнение продовольственной работы, отправив их мелкими группами в качестве продотрядов по деревням.

Сейчас трудно сосчитать, сколько раз руководители партийных и советских органов Тамбовской губернии докладывали в Москву, что главные силы Антонова уничтожены, а полная и окончательная ликвидация остатков разбитых банд — дело нескольких ближайших дней.

В окончательный разгром Антонова поверили также Военный совет и партийно-советское руководство губернии. Из переполненных тюрем и концлагерей началось частичное освобождение крестьян, «превентивно изъятых» (арестованных) ранее.

7 октября председатель Тамбовского губисполкома А.Г. Шлихтер сообщал в телеграмме В.И. Ленину: «Мною дважды посещены захваченные в плен при подавлении бандитского эсеровского движения крестьяне. В первой беседе с ними разъяснены их ошибки, заблуждения, обещано быстрое рассмотрение дел» [16].

В августовских и сентябрьских боях 1920 г. советские отряды настоящих мятежников в плен не брали, расстреливали на месте. В концлагерях сидели незаконно и без разбора арестованные крестьяне.

Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский тоже поверил в разгром Антонова и заявил через центральную прессу, что антоновские банды ликвидированы. Тамбовские руководители, пытаясь скрыть серьезные огрехи в своей работе, долго выдавали желаемое за действительность. А расплачиваться за это приходилось бойцам и командирам красноармейских частей, продотрядникам, деревенским коммунистам, сельсоветчикам, да и остальному почти полуторамиллионному населению восставших трех уездов.

В начале октября 1920 г., скрывшись с двухтысячным отрядом в Балашовском уезде Саратовской губернии и произведя там изрядный переполох, Антонов разделил свой отряд на несколько групп по 300—400 человек и дал им задание скрытно и без шума перейти в новый район боевых действий — на участок железнодорожной ветки Борисоглебск — Жердевка.

Достигнув заданного района, где их никто не ожидал, антоновцы 7 октября захватили и разгромили станцию Терновка, убив в соседнем селе с таким же названием 10 коммунистов. 8 октября под станцией Жердевка мятежники взяли в плен роту в 100 человек. В последующие 3—4 дня антоновские отряды широким фронтом прошли почти всю западную половину Борисоглебского уезда, сметая и уничтожая работавшие здесь продотряды. В связи с этим сбор хлеба по продразверстке в Борисоглебском уезде резко сократился.

Представитель ВЧК Громов и члены губвоенсовета Ф.К. Траскович и Н.Я. Райвида 1 октября 1920 г. по прямому проводу направили в ВЧК докладную записку следующего содержания: «Очень спешно Москва, ВЧК, Ксенофонтову. Восстание белоэсеровских банд в Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском уездах продолжается, имея

тенденцию захватить новые эсеровские районы губернии. Направленные на подавление банд войска имели ряд упорных столкновений с бандами, часть коих разбита, в некоторых случаях наши войска отступали, будучи разбиты» [17].

Отношение населения к партизанам было сочувственное. Имели место случаи встречи партизан со слезами на глазах, как избавителей от ига коммунистов. Первое время при созыве партизанами общих собраний граждан крестьяне шли на них охотно, после речи ораторов принимали резолюции, в которых выражали сочувствие партизанам, давая слово идти рука об руку на борьбу с коммунистами. Оказывали им материальную и техническую поддержку, массами шли добровольцами в их ряды. При нападении на красноармейские части они оказывали им содействие, разбирали железнодорожные полотна, грабили совхозы, служили партизанам в качестве шпионов, разведчиков, указывали местонахождение коммунистов и лиц, сочувствовавших Советской власти.

Первоначально тамбовское руководство отводило на ликвидацию крестьянского восстания не более трех-четырех недель. Партизанский способ ведения боевых действий повстанцев, успевавших под натиском красноармейских частей скрыться и просто раствориться в крестьянской среде, пульсирующий характер движения затрудняли оценку эффективности военных мер. В докладе В.И. Ленину командующий войсками внутренней службы республики В.С. Корнев 1 ноября 1920 г. заявлял, что восстание можно считать подавленным и вся задача ближайшего времени сводится к ликвидации отдельных банд и шаек. В докладе говорилось: «Со второй половины октября с. г. отмечается перелом в операциях на территории Тамбовской губернии, выразившийся в том, что сильный противник с большим преимуществом в маневренных действиях после ряда нанесенных его ядру сильных ударов потерял повстанческую окраску в широком масштабе. С 20-х чисел октября антоновцы начали избегать встречи с нашими частями, заметно терялись в неожиданных схватках и сводили свои боевые операции преимущественно к налетам и грабежам. Однако, держась постоянно в хорошо знакомом ему районе, противник, несмотря на наносимые ему удары, быстро пополнялся за счет местного населения, дававшего ему боевой и конский состав...» [18].

Но, побывав в Тамбове в конце декабря 1920 г., В.С. Корнев, по его же словам, убедился в невозможности справиться с восставшими наличными силами.

13 декабря антоновцы захватили и за три часа разграбили железнодорожную станцию Инжавино, гарнизон которой — 433 бойца при 2 пулеметах — «не оказал никакого сопротивления, постыдно бежал, оставив пулеметы, бросив по дороге патроны и винтовки». Эту свою фразу из приказа по войскам Тамбовской губернии командующий К.В. Редзько завершал так: «Подобного проявления трусости и низости в рядах войск, сражающихся против бандитов, еще не было». В целях предотвращения таких случаев в будущем Редзько пошел на крайность, приказав расстрелять всех десятерых пулеметчиков Инжавинского гарнизона и еще 25 красноармейцев из числа «наибольших трусов».

Приведем доклад командующего вооруженными силами Тамбовской губернии К.В. Редзько Тамбовскому губернскому военному совету от 14 декабря 1920 г. [19].

«26 октября — время моего вступления в командование войсками Тамбовской губернии — т. Дежкиным, только что тогда лично ознакомившимся с положением дел в губернии, были мне обещаны вполне реальные силы, достаточные для самой скорой ликвидации кулацкого мятежа. С надеждой на присылку этих реальных сил я и вступил в командование войсками, этой же надеждой и жил в течение истекших 1,5 месяцев. Не имея сколько-нибудь достаточных сил, чтобы и в первое время препятствовать организации и скоплению банд, не получая обещанной помощи из Центра, я пытался личными средствами увеличить несколько свои силы. Так, мною был выпрошен батальон из Саратова; переформирован и устроен совершенно негодный для военных действий московский маршевый батальон; создан, наконец, заново батальон Военного совета. Разумеется, все эти средства чисто паллиативного характера не могли сколько-нибудь помочь делу. Да и действовали они лишь очень короткое время. Все это, однако, не помогает, и некоторые части по-прежнему остаются настолько небоеспособными, что не в силах оказывать хотя бы малейшего сопротивления налетам банд и только снабжают последних патронами, оружием, иногда даже и пулеметами (налет 13 декабря на Инжавино, 19 ноября на Новопокровский сахарный завод), проводимая Антоновым система благожелательного отношения к захваченным красноармейцам еще более ведет к упадку воинского духа частей. Со стороны железнодорожных частей ВНУС доходило дело и до открытой измены (294-й батальон железнодорожной охраны). Нечего и говорить, насколько одно наличие таких войск действует ободряющим образом на бандитов, играя подчас роль масла, подливаемого на огонь.

Убеждение в слабости сил Республики, убеждение, выведенное из 4-месячного опыта, убеждение в нестойкости частей, понимаемое бандитами как выражение сочувствия им, сознание вследствие всего этого своей безнаказанности — вот что служит силой, подбивающей на бандитизм крестьянские массы. Антонов широко и умело пользуется этой стороной дела. Во всех своих выступлениях он всегда указывает крестьянам на внутреннюю слабость Республики, недостаточность ее сил, близкое, наконец, ее падение. Он может иллюстрировать это примерами, и речи его действуют на массу. Наносимые Антонову поражения не действуют отрезвляющим образом на крестьян: Антонов ловко умеет их обмануть и всегда собственные потери выдает за потери, понесенные красноармейскими частями. Ему верят. Моя же пропаганда, не имеющая за собой реальной силы, особого влияния не оказывает. Она является только иллюстрацией к постоянным словам Антонова: «Ничего другого, как болтать, им уже не остается».

Вот главные общие условия, в которых принужден я действовать... Сознание это слишком тяжело и заставляет меня еще раз просить об освобождении меня от обязанностей комвойсками.

Комвойсками Редзько, Начальник штаба Бриммер, Военком штаба Вязовкин» [19].

В обзоре особого отдела Тамбовского губернского ЧК о действиях повстанцев отмечалось, что с 10 по 20 декабря 1920 г. было взято Инжавино, выпущены арестованные в числе 300 человек, разобрана железнодорожная линия на участке Иноковка — Инжавино. Взято 2 пулемета, 167 винтовок, несколько тысяч патронов. Произведено ночное нападение на отряд Переведенцева, взято несколько винтовок. При нападении на ст. Иноковка был обстрелян поезд, второй поезд был задержан, в котором взято несколько десятков винтовок, один ящик бомб, 13 больших ящиков патронов, 1900 пудов сахара и др. Поезд был отведен от станции Иноковка к селу Никольское и спущен под мост. При наступлении красных на село В.-Спасское они были отбиты, потери красных: один эскадрон, 2 полка, после чего красные возвратились в Рассказово. Произошло столкновение разведок партизанской с разведкой Переведенцева около села Богословки, в результате красные разбежались, оставив 2-х убитых [20].

17 и 18 декабря мятежники дважды захватывали узловую станцию Иноковка между Тамбовом и Кирсановом, где в их руки попали вагон с патронами, 2 вагона с сахаром, спичками и прочим. 17 декабря в селе Алешки Борисоглебского уезда отряд из 500 мятежников

под командованием бывшего офицера И.М. Кузнецова обманом под видом красноармейской части захватили весь состав местного райревкома. Все схваченные 22 ревкомовца были выведены на огороды и зарублены. 18 декабря в деревне Чикаревка Борисоглебского уезда антоновцами был застигнут врасплох и полностью уничтожен отряд из 20 милиционеров. В этот же день мятежники произвели налет на сахарный завод в Большой Грибановке. 20 декабря антоновцы захватили село Анастасьевское (45 км северо-восточнее Тамбова) и разграбили находившуюся здесь большую фабрику по изготовлению шинельного сукна для Красной Армии [21].

О случившемся быстро узнал В.И. Ленин и немедленно отреагировал гневной запиской в адрес наркома внутренних дел и председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского: «Верх безобразия. Предлагаю прозевавших это чекистов (и губисполкомщиков) Тамбовской губернии:

1) отдать под военный суд,

2) строгий выговор объявить Корневу,

3) послать архиэнергичных людей тотчас,

4) дать по телеграфу нагоняй и инструкции» [21].

Этой записке В.И Ленина было суждено сыграть исключительную роль в активизации борьбы с мятежниками. 26 декабря 1920 г. В.С. Корнев с большой группой «архиэнергичных людей» был уже в Тамбове. Здесь, на месте, всем и вся давал «нагоняй и инструкции», а днем раньше здесь же начала свою работу специальная комиссия по выяснению «причин затяжного характера повстанческого движения в Тамбовской губернии». Прибывшую из Москвы комиссию возглавлял заместитель председателя Военного трибунала внутренних войск П.А. Камерон.

В.С. Корнев, находившийся в Тамбове по 29 декабря включительно, срочно вызвал командующего войсками Орловского военного округа О.А. Скудре и приказал ему временно возглавить руководство военными операциями по подавлению мятежей в Тамбовской и Воронежской губерниях. Выполняя приказ, О.А. Скудре попытался лично разобраться в причинах того, что войска Тамбовской губернии до сих пор не смогли разгромить главные военные силы Антонова. Результаты своей проверки состояния и боевой деятельности войск Тамбовской губернии Скудре в ночь на 3 января 1921 г. доложил главнокомандующему всеми вооруженными силами республики С.С. Каменеву [22].

В конце декабря 1920 г. работа прибывших в Тамбов комиссий и проверяющих шла полным ходом, во время проверок деятельно-

сти губернских властей, а также тамбовского военного командования предстала далеко не в радужном свете. К тому же оперативная обстановка в губернии в эти дни еще более обострилась.

22 декабря 2-я ударная группа советских войск под командованием П.А. Альтова натолкнулась у села Хитрово на упорное сопротивление мятежников из отряда И.С. Матюхина. Нанести поражение матюхинцам не удалось, и раздосадованный Альтов сжег соседние села Никольское и Коптево. Всего сгорело 230 домов крестьян и было расстреляно 150 человек.

Утром 27 декабря В.С. Корнев провел в Тамбове совещание с членами Военного совета. Обсудив вопросы борьбы с мятежниками и придя к выводу, что имеющимися в Тамбове силами восстание не подавить, совещание постановило просить Центр о направлении в губернию дополнительных воинских частей регулярной Красной армии. Если раньше в просьбах Тамбова о военной помощи речь шла о не более чем батальоне пехоты и двух эскадронах кавалерии, то теперь было затребовано сразу 15 тыс. штыков, 3 тыс. сабель, две артиллерийские батареи и 2 аэроплана. Вечером 27 декабря в присутствии В.С. Корнева состоялось еще одно заседание Военного совета, на котором уполномоченные Главтекстиля Орлов и Будников сообщили о приблизительном ущербе, понесенном суконной фабрикой в селе Анастасьевское в результате разграбления ее мятежниками [23].

Через несколько часов после окончания этого заседания в Тамбове, Антонов лично повел свои полки на штурм станции Инжавино. И, несмотря на то, что после захвата станции мятежниками 13 декабря ее гарнизон был значительно усилен, он опять не оказал достойного сопротивления и частью бежал, а частью сдался в плен. При этом к антоновцам попали одно орудие и несколько пулеметов. В эту же ночь здесь погибла вся, за исключением одного человека, выездная сессия губчека во главе с А.В. Зегелем.

Днем 28 декабря произошел еще один необычный случай. Кавалерийский полк Переведенцева, с которым мятежники до этого всячески избегали встреч, впервые подвергся открытой атаке со стороны повстанческого отряда Богуславского у села Верхоценье. Хотя атака мятежников была отбита, полк впервые не вышел из боя явным победителем. Вечером этого же дня командующий войсками Тамбовской губернии К.В. Редзько, уже знавший о позоре и трагедии в Инжавине, а также о нападении повстанцев на кавполк Переведенцева и, кроме

того, вконец издерганный комиссиями и проверяющими, собрался-таки с духом и написал заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности, ссылаясь на переутомление. Однако главной причиной «добровольной» отставки Редзько было то, что он видел, как члены Военного совета и губернское руководство, давая показания приехавшим комиссиям, пытаются всю вину за неликвидацию восстания свалить на него и его предшественников, то есть исключительно на военных. Поэтому в своем заявлении, обосновывая невозможность дальнейшего пребывания на занимаемом посту, бывший гвардейский полковник К.В. Редзько с солдатской прямотой написал: «Не хочу быть козлом отпущения» [24].

В полночь с 29 на 30 декабря 1920 г. К.В. Редзько сдал командование войсками Тамбовской губернии прибывшему из Орла О.А. Скудре. К этому времени командующий внутренними войсками В.С. Корнев и комиссия под председательством П.А. Камерона завершили свою работу в Тамбове и выехали в Москву. Надо сказать, что В.С. Корнев, П.А. Камерон, а затем и О.А. Скудре неплохо разобрались в причинах мятежа, а также в том, почему до сих пор мятеж не удалось подавить. Так, например, комиссия П.А. Камерона детально и нелицеприятно вскрыла серьезные недостатки и ошибки в деле борьбы с мятежом, допущенные партийно-советским руководством Тамбовской губернии, Военным советом губчека, штабом войск губернии и штабом внутренних войск республики.

В докладе в ЦК РКП(б) командующего войсками ВНУС В.С. Корнева о результатах обследования обстановки в Тамбовской губернии от 31 декабря 1920 г. говорилось [25]:

«В Центральный комитет РКП(б) т. Крестинскому

Копия т. Дзержинскому

Копия ПУР РВСР

1. 28 декабря мною была предпринята поездка в Тамбов для выяснения обстановки по борьбе с восстанием Антонова.

2. За 3-дневное пребывание в Тамбове мне удалось для более детального анализа Тамбовского восстания устроить ряд совещаний с местными ответственными партийными и советскими работниками (заседания Военсовета, собр. ответственных партийных и советских работников и т.д.).

3. За это же время под моим руководством работали комиссии а) по выяснению военной обстановки и работы военного совета и командирования под руководством члена трибунала РВСР т. Камерона.

6. Антоновское восстание есть партизанское восстание, охватившее всплошную три уезда Тамбовской губернии и хорошо сорганизованное. Продуманное и руководимое эсерами восстание приняло затяжной характер (партизанского пошиба наподобие махновского) и требует применения оккупационной борьбы, к которому сейчас и перешло командование.

Меня, как командира войск ВНУС, сидящего в Центре, недостаточно конкретно информировали, недооценивая возможности восстания, которых в Центре не было и видно настолько, чтобы можно было хотя бы с ущербом для районов Республики высылать в Тамбовскую губернию военные силы, и не раз мимо Тамбова провозились полки ВНУС в другие губернии. Лишь в последнее время в Москве усилилось внимание к губернии настолько, что мне пришлось прибыть сюда самому. Недооценка восстания, неправильное определение его глубины, неумение использовать целесообразно силы как военной, так и советской, и партийной, не вовлечение всех в эту борьбу — вот основные факты настоящего положения» [25].

Принципиальный анализ создавшегося в Тамбовской области положения дала комиссия под председательством члена трибунала РВСР П. Камерона, которая изучала прежде всего причины восстания крестьян [26: 8—11]. В отчете комиссии охарактеризованы причины затяжного характера и несвоевременности ликвидации повстанческого движения в Тамбовской области.

К числу общих объективных условий комиссия отнесла положение на внешнем фронте. Война с Польшей, Врангелем, Петлюрой лишали Центр возможности оказать тамбовскому командованию существенную помощь своевременной присылкой достаточного количества реальных сил, способных «задавить антоновщину в корне и гарантировать полное успокоение губернии».

Комиссия отмечала, что продовольственное положение губернии, с одной стороны, было сильно подорвано засухой, недосевом и недородом. Это способствовало возникновению массового недовольства населения продовольственной политикой Советской власти. С другой стороны, суровая необходимость снабжения армии и центра хлебом не позволяла ослаблять продовольственную кампанию. Вследствие категорических предписаний Центра приходилось в условиях сплошного недовольства и бунта усиливать работу продовольственных органов, ослабляя действовавшие против повстанцев силы и способствуя определенному расширению и углублению повстанческого движения.

Эти выводы комиссии были объективны.

Комиссия обратила внимание и на то, что «определенный» кулацкий состав населения уездов, охваченных восстанием, не позволял пустить глубокие корни Советской власти. Во многих районах Советская власть существовала лишь номинально, не получала поддержки и сочувствия большинства крестьянства.

Объективным фактором, имевшим негативные последствия, было и то, что в губернии были слабы коммунистические силы; более того — Центр ослаблял их из-за многочисленных мобилизаций, недооценивая своевременно указанную скудость и необходимость оставления коммунистических сил в пределах губернии для укрепления Советской власти [26: 8].

Комиссия, руководимая членом трибунала РВСР П. Камероном, вскрыла серьезные упущения центрального командования. Даже учитывая необходимость поддержания внешнего положение Республики, центральное командование в лице штаба ВНУС не всегда чутко прислушивалось к требованиям местного командования и запаздывало в присылке реальной помощи, что существенно сказывалось на поражении красноармейских частей. При назначении командующих по ликвидации восстания недостаточно взвешивалась их персональная пригодность, результатом чего явилась частая смена командиров разных рангов, что также имело негативное значение для успешности операций.

Комиссия указала на слабую связь военных и партийно-советских руководителей в первый период операции против повстанцев, когда обстановка требовала непосредственной оценки создавшегося положения путем постоянной связи с местным штабом, а также с партийными и советскими губернскими организациями на местах. Как существенный просчет комиссия отметила неосмотрительное доверие к информации местного командования с оптимистическими предположениями близкой ликвидации антоновщины и преувеличением достигнутых успехов. Это приводило к недооценке сложности действительного положения и потребных для ликвидации повстанчества сил [26: 8].

На существенные недостатки местного командования указала комиссия, руководимая членом трибунала РВСР П. Камероном. Комиссия отметила, что до 1 декабря 1920 г. от тамбовского командования и Военного совета не было представлено командующему войсками внутренней службы Республики ни одного обстоятельного доклада о

военной обстановке и характере движения. Все получаемые донесения носили весьма неопределенный и скорее успокоительный характер. Из нерегулярно поступавших сводок нельзя было сделать вывода о том, что движение приняло форму повстанчества, а иногда указывалось даже на отсутствие сочувствия населения к Антонову, банды которого пополнялись якобы насильственными мобилизациями.

Сообщая неоднократно предположения о скорой ликвидации восстания, местное командование само было, безусловно, уверено в том, что антоновщина накануне ликвидации, предполагая иногда закончить таковую в 7—10-дневный срок. В информациях местного командования указывалось на окончательное очищение от бандитов территории района в трехугольнике Кирсанов — Тамбов — Балашов и сообщалось, что в этих районах приступили к восстановлению Советской власти.

Комиссия констатировала, что до 1 декабря определенных просьб о присылке новых крупных войсковых частей не было, ставился вопрос только присылке небольших кавалерийских частей, но и они не носили категорического характера. За этот период было прислано 2 эскадрона и броневой отряд. Первое требование о присылке более крупных войсковых частей было сделано комиссией штаба ВНУС, посланной в Тамбов в первых числах декабря 1920 г., в размере 2-х пехотных полков и 1-го кавалерийского дивизиона. Это требование было исполнено присылкой трех пехполков, одного кавполка, одного эскадрона и одного взвода артиллерии.

Комиссия П. Камерона указала на систематическую недооценку объективных условий, корней и характера восстания. Слишком легкомысленное отношение к временным успехам единичными ударами привело к тому, что не было уничтожено само ядро движения, не учитывалось, что банды, распыляясь, делали движение более грозным, распространяясь и вглубь и вширь. Вследствие этого допускалась неточная информация Центра, убаюкивающая его оптимистическими надеждами на скорую ликвидацию восстания.

Было указано комиссией на отсутствие плана и продуманных методов борьбы. Явно недостаточно обращалось внимания на политическую работу. Действующие части не инспектировались, не подвергались постоянной систематической обработке и воздействию, что в связи с переутомлением беспрерывными операциями, неуспехами и вообще нерациональным использованием создавало условия небоеспособности, деморализации и мародерства.

Комиссия обратила внимание как на существенную причину неудач красноармейских частей на их распыление по территории, отсутствие инициативы в операциях. Бесцельная гонка кавалерии за противником, изнуряющая и ослабляющая части. Дробление воинских подразделений на мелкие части приводило к тому, что повстанцы без особых усилий захватывали их, обезоруживали или уничтожали.

Была отмечена непоследовательность в методах борьбы и злоупотребление репрессиями. Сжигание деревень, ставшее системой при последнем командовании, вряд ли могло дать положительные результаты и только лишь озлобляло население, заставляя лишенных крова делаться активными противниками красных. Злоупотребление «красным петухом» падало даже на период сравнительного оперативного затишья (первая половина ноября) [26: 10].

В заключении о результатах проверки комиссия под председательством члена трибунала РВСР П. Камерона сделала следующие выводы:

«Комиссия констатирует, что размеры повстанческого движения в Тамбовской губернии принимают катастрофический характер, для ликвидации которого необходимо принять следующие меры:

1. Оккупировать территорию Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского уездов путем наводнения и планового распределения вооруженной силы, предписав местным органам, по мере оккупации, удесятерить усилия по восстановлению Советской власти на местах и советских хозяйств, разрушенных бандитами.

2. Предоставить командованию необходимые кадры командного состава и дать вновь свежие части на повстанческий фронт, а также заменить износившиеся небоеспособные части свежими» [26: 10—11].

31 декабря 1920 г. в Москве состоялось совещание по вопросу о ликвидации антоновщины. На этом совещании, проходившем под председательством наркома внутренних дел Ф.Э. Дзержинского, присутствовали главком С.С. Каменев, командующий внутренними войсками В.С. Корнев и представители Тамбовской губернии А.Г. Шлихтер и В.Н. Мещеряков. Было решено немедленно начать стягивание к району, охваченному антоновским мятежом, значительных дополнительных сил внутренних войск, а также регулярной Красной армии (для начала — не менее одной кавалерийской и одной стрелковой дивизий). Всех коммунистов мятежной части Тамбовщины было постановлено вооружить, для чего выделялось 1000 винтовок. Совещание признало необходимым направить в губернию группу опытных партийных работников, подбор которых взял на себя Ф.Э. Дзержинский.

Было решено назначить нового командующего войсками Тамбовской губернии. Выбор участников совещания остановился на бывшем командующем 10-й армией А.В. Павлове.

Буквально через три дня после этого совещания, 3 января 1921 г., Антонов добился очередного успеха. В селе Керша в 35 км северо-восточнее Тамбова его отряд захватил в плен около 500 обедавших красноармейцев, вместе с полевой кухней, одним орудием и тремя пулеметами [27].

Изложенный материал позволяет сделать заключение. Крестьянская война 1920—1921 гг. в Тамбовской губернии выросла из повстанческого движения, начинавшегося осенью 1918 г. Последующее развитие событий было отмечено постоянными вспышками мятежей в отдельных селениях и появлением в лесных районах боевых групп и партизанских отрядов, именовавшихся в советской документации «бандами».

Понимание необходимости пересмотра политики по отношению к крестьянству стало возникать и в большевистском руководстве.

Вспыхнув в середине августа 1920 г. в селах Каменка и Хитрово Тамбовского уезда, где крестьяне отказались сдавать хлеб и разоружили продотряд, огонь восстания распространялся по губернии с непостижимой для местных властей быстротой, поскольку они привычно считали, что имеют дело с бандитскими шайками, а не народным возмущением. Бесчинства продотрядовцев порождали недовольство крестьян, которое выражалось в саботаже, незапашке ярового клина. Свое неподчинение новой власти крестьяне выражали и в срыве мобилизационных мероприятий.

Неудачи красноармейских отрядов заставили военно-оперативный штаб при губчека ускорить изыскание новых военных сил в самом Тамбове и обратиться за помощью в ближайшие к району вспыхнувшего восстания уездные города. Красноармейские отряды, разбросанные по деревням мелкими группами, не смогли оказать организованное сопротивление и понесли большие потери.

Непродуманная и слишком жестокая карательная политика тамбовских властей с самого начала вызывала несогласие и ропот у многих красноармейцев и командиров. Некоторые отряды отказывались выполнять приказы по уничтожению деревень. Немало бойцов, не желая идти под трибунал за невыполнение подобного приказа, дезертировали или переходили (иногда целыми подразделениями) на сторону мятежников.

Тамбовские власти все чаще и настойчивее обращались за помощью в различные города и инстанции.

Банды, объединившиеся в группы численностью в несколько тысяч человек, меняя постоянно свое местопребывание, убивали советских работников, особенно жестоко расправлялись с членами РКП. В августовских и сентябрьских боях 1920 г. советские отряды настоящих мятежников в плен не брали, расстреливали на месте. В концлагерях сидели незаконно и без разбора арестованные крестьяне.

Во многих районах Советская власть существовала лишь номинально, не получала поддержки и сочувствия большинства крестьянства.

Источники и примечания:

1. Из доклада командующего войсками Тамбовской губернии Ю.Ю. Аплока командующему войсками ВНУС В.С. Корневу о положении и боевых действиях в районе восстания // РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 12. Л. 37.

2. Тамбовская губерния входила в состав Орловского военного округа.

3. *Самошкин В.* Антоновщина: первый период войны // Знамя труда, 1988. № 146. 6 декабря (г. Ржакса Тамбовской обл.).

4. *Самошкин В.* Антоновщина: первый период войны // Знамя труда, 1988. № 148, 10 декабря (г. Ржакса Тамбовской обл.).

5. *Самошкин В.* Антоновщина: первый период войны // Знамя труда. 1988. № 147, 8 декабря 1988 (г. Ржакса Тамбовской обл.).

6. Запись разговора по прямому проводу председателя губчека Ф.К. Трасковича с начальником оперативного штаба при губчека В.И. Благонадеждиным 27 августа 1920 г. // ГАТО. Ф. Р.-1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 12

7. ЦДНИТО Ф. 840. Оп. 1. Д. 189. Л. 13.

8. Оперативная сводка губернского военного руководителя Збруева Орловскому окружному военкому об активизации повстанческих сил № 455/с // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 201.

9. Приказ члена оперативного штаба при губчека врио командующего войсками Тамбовской губернии П.И. Шикунова. 30 августа 1920 г. // ГАТО. Ф. Р.-179. Оп. 1. Д. 1032. Л. 28.

10. Приказ оперативного штаба при губчека о карательных мерах по отношению к селениям, примкнувшим к восстанию. 31 августа

1920 г. 5 час. 20 мин. № 1—483/с, г. Тамбов //ГАТО. Ф. Р.-179. Оп. 1. Д. 1032. Л. 32.

11. ЦДНИТО Ф. 840. Оп. 1. Д. 1021. Л. 22—23.

12. Из протокола заседания Военного совета Тамбовской губернии о имеющихся фактах перехода красных частей в ряды повстанцев. 21 октября 1920 г. 10 часов // РГВА.Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 13.

13. ГАТО.Ф. Р.-1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 16—16 об.

14. Доклад командующего войсками Тамбовской губернии Ю.Ю. Аплока командующему войсками ВНУС В.С. Корневу о положении и боевых действиях в районе восстания, г. Тамбов 5 октября 1920 г. // РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 12. Л. 36—38.

15. Запись разговора по прямому проводу командующего войсками Тамбовской губернии Ю.Ю. Аплока с секретарем Тамбовского губкома РКП(б) Н.Я. Райвидом 20 сентября 1920 г. // ГАТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 63

16. ГАТО. Ф. Р.-197. Оп. 1. Д. 932. Л. 18.

17. Докладная записка по прямому проводу представителя ВЧК Громова и членов губвоенсовета Ф.К. Трасковича и Н.Я. Райвида в ВЧК о размахе восстания и немедленной присылке патронов. 1 октября 1920 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 3. Л. 21.

18. Доклад командующего войсками внутренней службы республики В.С. Корнева председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ленину о ходе борьбы с повстанческими силами Антонова. 1 ноября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2574. Л. 1

19. Доклад командующего вооруженными силами Тамбовской губернии К.В. Редзько, начальника штаба Бриммера, военкома штаба Вязовкина губвоенсовету о недостатке сил в борьбе с Антоновым. 14 декабря 1920 г. // Антоновщина. Документы и материалы. Тамбов, 1994.

29. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 14—20.

21. РГАСПИ.Ф. 15. Оп. 1. Д. 936. Л. 12.

22. *Самошкин В.* Антоновщина: первый период войны // Знамя труда. 1988. № 150. 17 декабря.

23. ГАТО. Ф. Р.-179. Оп. 1. Д. 1094. Л. 112.

24. Доклад командующего вооруженными силами Тамбовской губернии К.В. Редзько губвоенсовету о недостатке сил в борьбе с Антоновым // Антоновщина. Документы и материалы. Тамбов, 1994.

25. Доклад командующего войсками ВНУС В.С. Корнева о результатах обследования обстановки в Тамбовской губернии № 706 от 31 декабря 1920 г. в Центральный комитет РКП(б) т. Крестинскому // РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 112. Д. 108. Л. 16 об.

26. Доклад Комиссии под руководством члена трибунала РВСР П. Камерона по изучению причин восстания крестьян в Тамбовской губернии // РГВА.Ф. 7. Оп. 2. Д. 483. Л. 8—11.

27. Из оперативной сводки 1-й партизанской армии Тамбовского края // РГВА.Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 468.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД РУКОВОДСТВОМ А.С. АНТОНОВА

Особый интерес представляет руководитель крестьянской войны на Тамбовщине А.С. Антонов. В советской историографии он представлялся авантюристом, уголовным типом, обманом и страхом увлекшим за собой крестьян. Сам термин «антоновщина» имел отчетливо обличительный смысл, хотя и выпячивал фигуру лидера.

Александр Степанович Антонов — недюжинная личность с большими организаторскими способностями. Будучи кирсановским начальником милиции, он приступил к подготовке восстания в с. Рамза и Паревка. Все отбираемое у чехословацких частей оружие, отправляемое в Рамзу, использовалось повстанцами. С выступлением Антонова движение выливается в форму планомерной организованной борьбы с Советской властью, целью которой был срыв продовольственной кампании, подрыв мощи республики, уничтожение коммунистов и советских работников [1].

Объективная основа для крестьянских восстаний имелась всюду, где они возникали — в Поволжье, Западной Сибири, на Дону и т.д. Но далеко не везде крестьянские выступления достигли уровня формирования многотысячных партизанских армий и развитой структуры политического управления — а именно это более всего отличало антоновщину. Ее особенность во многом объяснялась наличием соответствующего лидера. Это побуждает внимательнее присмотреться к нему.

В России того времени оставалось немало крупных, настроенных против большевистской диктатуры деятелей, прежде всего из числа эсеров. Однако для руководства повстанческим движением требова-

лись совершенно иные, чем для политика, свойства личности. Нужны были люди, которые, во-первых, были способны возглавить стихийное, организационно рыхлое, без особых шансов на успех массовое движение, следовательно, готовы были психологически к самопожертвованию в революции, как они ее понимали; во-вторых, они были бы близки крестьянской среде и признавались ею «своими»; в-третьих, имел значение прошлый революционный опыт.

Такими чертами были наделены главные предводители тамбовского восстания 1920—1921 гг. А.С. Антонов, А.Е. Ишин, Г.Н. Плужников.

Александр Степанович Антонов родился в 1889 г. в Москве в мещанской семье среднего достатка. Вскоре семья перебралась в Кирсанов, где отец А. Антонова завел слесарную мастерскую, а мать стала портнихой-модисткой. Александр окончил в Кирсанове начальное и не менее трех классов городского 4-классного училища, но, видимо, законченного школьного образования не получил. Работал и волостным писарем в с. Дворики Тамбовского уезда, и рабочим на заводе в Тамбове, и народным учителем.

Сам А.С. Антонов называл себя эсером с 1905 г. Во всяком случае, с весны 1908 г. его имя упоминается в жандармских бумагах как «известного грабителя». Тогда он входил в максималистскую «Тамбовскую группу независимых социалистов-революционеров», которая провела в губернии серию «эксов» («экспроприаций» — грабежей на нужды революции). В полицейских рапортах Антонов представал как неуловимый террорист. Известно, что он дважды уходил от погони, ранив преследователей.

Губернская газета «Тамбовский край» описывает один случай из жизни юного революционера Александра Антонова — о попытке задержания полицией А. Антонова. Примечательно название заметки: «Поранение городового при преследовании злоумышленников».

«В пятницу, 13 июня, с 9 часов утра, агентами жандармской полиции было установлено наблюдение за домом 63 Бочкова, что по Теплой улице, близ вала, куда в квартиру Скаржинских прошли двое молодых людей, по фамилиям Антонов и Виндрявский, имевшие вечером в этот день, по сведениям агентов, явиться пешком на станцию "Ляда", а оттуда выехать с поездом в Кирсанов, где решено было убить одного из должностных лиц.

В исходе 4-го часа, из дома Бочкова, Антонов и Виндрявский вышли и направились по Теплой улице на луг, к полотну железной

дороги. Агенты последовали за ними, и, проходя мимо стоявшего на посту в «Новом Тамбове» городового Тихонова, сообщили ему, что преследуемых ими молодых людей требуется задержать. Злоумышленники заметили, что за ними следят и, повернув, вместо луга, в «Новый Тамбов», направились по Новой Киркинской улице обратно к валу. Когда злоумышленники поравнялись с бакалейной лавкой Коняхина, что на углу Обводной и Новой Киркинской улицы, в доме Брюкова городовой Тихонов, бросившись к злоумышленникам, хотел остановить их, но один из них, все время державший руку в кармане брюк (по предположению Антонов), быстро выхватив револьвер, произвел в Тихонова один за другим три выстрела, ранив его в шею с левой стороны с повреждением ключицы, в левую руку и правую ногу. Тихонов упал, а злоумышленники в этот момент, воспользовавшись происшедшим среди жандармских агентов замешательством, бросились бежать в разные стороны. Ранивший городового побежал огородами по «Новому Тамбову», а товарищ его — по Киркинской улице, по направлению к 1-й Долевой. Агенты тут же кинулись по следам первого злоумышленника преследовать его (всех агентов, как передают, было пятеро) и вскоре заметили его на одном огороде спрятавшимся в кустах. Открыв по злоумышленнику стрельбу из револьверов, преследователи заставили его выйти из кустов. Выйдя из кустов и расстреляв все пули, к счастью не попавшие ни в кого, злоумышленник кинулся снова бежать по огородам, причем на одном из них сбросил с себя пиджак, в кармане которого оказался мешочек с пулями. После безуспешных попыток скрыться в каком-нибудь доме (злоумышленник забегал в несколько дворов, но его не пускали, причем в одном дворе за отказ в приюте он ударил ремнем хозяйку-старуху), злоумышленник повернул обратно, пробрался огородами в сад Лащенко, что на валу и — как в воду канул. Другой злоумышленник, направившись по Киркинской улице, не будучи никем преследуем, также скрылся.

На место происшествия прибыли: казаки, конные стражники и усиленный наряд милиции. Были оцеплены все ближайшие кварталы, весь "Новый Тамбов", сады, но обыски не привели ни к чему. С целью задержания преступника были тщательно осмотрены Петропавловское кладбище, кирпичные сараи и "ахлябиновская" роща, но также безрезультатно» [2].

Незаурядные качества конспиратора помогали А. Антонову до той поры, когда в феврале 1909 г. он был арестован в Саратове и препро-

вожден в тамбовскую тюрьму, а затем приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В тюрьмах Тамбова и Владимира, где он отбывал наказание, его окружало немало видных деятелей разных партий, а также крестьянских активистов. Так, в Тамбове одновременно с ним находился в тюрьме Г.Н. Плужников, будущий руководитель Союза трудового крестьянства, арестованный за участие в крестьянских выступлениях [3].

Боевое эсеровское прошлое А.С. Антонова помогло ему стать после Февральской революции помощником начальника милиции Тамбова, а затем и начальником милиции Кирсановского уезда. В условиях разгула революционной стихии это был ответственный пост, на котором Антонов сумел себя проявить. Ему приходилось бороться с «аграрным террором», разоружать проходившие в мае 1918 г. через Кирсанов эшелоны чехословацких войск. Возможно, это оружие пригодилось ему.

Уход Антонова с поста начальника уездной милиции был добровольным, и за ним, несомненно, стоит его неприятие перерождения большевистского режима в государственно-диктаторский, несогласие с политикой власти в отношении крестьянства. Революционно-максималистский настрой, жажда борьбы против всякого диктаторства логически вели его к организации вооруженного отпора большевикам. После недолгого пребывания в Самаре, где властвовал Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), Антонов вновь вернулся в родную Тамбовщину. Из кирсановских крестьян он сформировал «боевую дружину» для прямой вооруженной борьбы с «пролетарской диктатурой». Почти два года действовал он привычными методами индивидуального террора и экспроприации, пытаясь возбудить крестьян против большевиков [3].

В 1919 г. Антонов стремился к установлению связи с Деникиным, что ему и удалось при следующих обстоятельствах: при наступлении на Тамбовскую губернию деникинских войск под командованием Мамонтова со стороны в то время «Зеленой армии» под предводительством Антонова посылались два представителя: В. Якимов и Н. Санталов — в штаб Деникина, которые по приезде в г. Балашов были остановлены казачьим офицером в чине капитана, и, назвавшись представителями от «Зеленой армии» Чуевского леса и получив от него пакет, адресованный в Урюпино, в Главный штаб, выехали из города.

По приезде в Урюпино они получили документы приблизительно следующего содержания: «Приказываю всем командирам, комендантам и т.п. вверенного мне фронта предъявителям сего удостоверения

оказывать всяческое содействие по прожитию, передвижению как в прифронтовой, так не прифронтовой полосах. Требования их должны быть исполняемы. Подпись: Командир 2-го казачьего сводного корпуса генерал-лейтенант (фамилия неразборчива)» [4].

С боевой дружиной Антонова пытались бороться, но она всегда легко ускользала от чекистов.

В органах ЧК отложились сведения о первых шагах «банды Антонова», который представлялся правым эсером. В частности, говорится о том, что в Кирсановском уезде еще с движения «зеленых» оперировала банда Антонова (правого эсера), которая стала появляться частью в Тамбовском и Борисоглебском уездах. Уже тогда говорилось, что эта банда представляла большую опасность, тормозила всю работу, задалась целью истребления коммунистов. Ей приписывалось убийство 100 ответственных товарищей, в том числе председателя губернского исполкома М.Д. Чичканова.

Указывалось также, что директивы антоновская банда получала от членов Учредительного собрания — правых эсеров Немтинова и Архангельского, находившихся в пределах Тамбовской губернии. Отмечалось, что «планы этой банды были широкие, даже предполагалось наступление ее на Тамбов. Банда скрывалась в лесах и у кулаков. Все посылаемые раньше отряды не могли ее уничтожить. Губкомом вместе с губчека для уничтожения банды был организован отряд под командой т. Маслакова, отчет о работе которого имеется в ВЧК» [5].

В то же время в архиве сохранилось письмо начальника боевой дружины А. Антонова начальнику Кирсановской уездной милиции с протестом против очернения дружины и предложением сотрудничать в борьбе с бандитизмом. В нем Антонов писал: «По дошедшим до нас сведениям, товарищи коммунисты, желая очернить меня и моих товарищей перед лицом трудового крестьянства и всей свободомыслящей России, обзывая нас бандитами, стараются приписать нам причастность к грабежам, совершенным в районе волостей: Трескинской, Калугинской, Курдюковской и др., прилегающих к этому району. Подобная наглость достойна позорной бюрократии старого времени. Я больше чем уверен, если вы истинные демократы, то, заглянув в тайники души своей, обрызганной святой кровью трудящихся, скажете: "Толкаемые бессильной злобой, мы бросаем людям незаслуженные обвинения, позорящие имя гражданина, хорошо зная, что эти люди не только сами не способны на такое позорное дело, но и не пропустят этого безнаказанно другим". Поскольку нам известно желание комму-

нистов очернить нас перед лицом трудящихся, но это плохо удается, надеюсь, на этом поприще они и впредь будут иметь подобный успех. Порукой тому тяготение к нам трудящихся масс сознательной России. Нашу непричастность к грабительским бандам мы доказываем следующими фактами: Караваинская банда, находящаяся под руководством известного Вам Бербешкина, ныне нами ликвидирована. Труп Бербешкина и его помощника Артюшки можете взять в округе "Кензари" в ста саженях от дороги направо, как ехать из Курдюков на Рассказово. Трупы других, если Вам требуются, можем доставить по месту требования или просто обнаружить, причем считаем своим долгом довести до Вашего сведения, что на борьбу с уголовщиной мы всегда готовы подать Вам руку помощи. О чем можете обращаться через «Известия» или каким другим способом. О вышеизложенном прошу довести до сведения уездного комитета партии коммунистов-большевиков. По доверенности дружины: Антонов» [6].

Эта «боевая дружина» стала организационным ядром будущей партизанской армии.

Характерно, что и после разгрома восстания А.С. Антонов не ушел из губернии: вероятно, не оставлял надежд на возрождение движения. Смерть настигла его недалеко от родных мест.

Документы воссоздают образ типичного русского революционера начала XX века, вышедшего «из низов» и отдавшего себя целиком революции, человека немедленного действия, готового ради высоких идеалов совершать и «теракты», и «эксы». Именно из них состоял боевой авангард и у эсеров, и у анархистов, и у большевиков, — тех, кто сам шел на баррикады и звал других. Они легко отождествляли себя с революцией, проникались сознанием особой миссии собственной личности — вождизмом. Приписываемые Антонову стихи в этом отношении очень выразительны. Характерным для этих стихов, как и для «Песни партизана», было яростное обличение врага и очень туманное отражение или полное отсутствие позитивного идеала.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

14 ноября в селе Моисеево-Алабушка (25 км южнее Ржаксы) состоялось собрание командиров отрядов из всех трех мятежных уездов. Участники собрания подвели итоги почти трехмесячному периоду

вооруженной борьбы. Главным вопросом, обсуждавшимся на собрании в Моисеево-Алабушке, был вопрос о том, что же делать дальше. В одном собравшиеся были едины: о прекращении восстания и вооруженной борьбы с коммунистами не может быть и речи. В прямой связи с этим на собрании было высказано и одобрено предложение об объединении фактически разрозненных на данный момент отрядов в одну «Партизанскую армию Тамбовского края», управление которой должно исходить из одного руководящего центра — «Главного оперативного штаба». На собрании путем голосования был избран руководящий состав Главоперштаба в количестве пяти человек: А.С. Антонова, А В. Богуславского, И.А. Губарева, П.М. Токмакова и Митрофановича. Таким образом, 14 ноября 1920 г. высшим руководящим органом тамбовских мятежников стал Главоперштаб во главе с А.С. Антоновым [7].

В начале 1921 г. Главоперштаб принял свою завершенную форму — представлял из себя довольно мощную организацию со сложной внутренней структурой. Во главе его по-прежнему стояли те же 5 человек, занимавшие следующие должности: 1) начальник Главоперштаба А.С. Антонов, 2) помощник начальника Главоперштаба, 3) командующий армией, а с 1921 г. — армиями, 4) помощник командарма и 5) начальник разведки. Все перечисленные должности были выборными, причем начальник Главоперштаба по должности был выше, чем командующий армией. Первым командармом собрание в Моисеево-Алабушке избрало П.М. Токмакова.

В 1921 г. в составе Главоперштаба было 8 отделов: 1) политический, 2) армейский суд, 3) медико-санитарный, 4) хозчасть, 5) комиссия по замене лошадей, 6) трофейная комиссия, 7) комендант штаба и 8) начальник связи.

Была принята единая форма одежды всех партизан и знаки отличия для командиров. В принятом документе говорилось: «При сем объявляется форма для партизан и командного состава партизанской армии Тамбовского края (красные нашивки на левом рукаве выше локтя): партизанам — бантик для ношения на головном уборе. Ленточки: отделенному командиру — одну, взводному — две, вахмистру — три. Треугольники углом вниз: эскадронному командиру и начальникам отдельных команд — один, дивизионному командиру и полковым адъютантам — два, командирам полков, помощникам, начальникам пулеметных команд и штаба дивизии — три. Треугольники углом вверх: комендантам при полках — один, коменданту при Главном опе-

ративном штабе Тамбовского края — два. Ромбы: командиру дивизии и начальникам штаба армии — один, командующему армией и его помощнику — два. Лента с обозначением занимаемой должности: чинам Главного оперативного штаба партизанской армии Тамбовского края, начальнику связи и адъютанту при сем штабе» [8].

Процесс создания и становления Партизанской армии Тамбовского края проходил в нелегких для мятежников условиях. Уже 17 ноября конница Бриммера едва не накрыла находившийся в Моисеево-Алабушке отряд Антонова вместе со всем новорожденным Главоперштабом. В руки красных кавалеристов, в числе других трофеев, доставшихся после стремительного бегства антоновцев из села, попало и постановление съезда о создании Главоперштаба.

Довольно ловко уходя от преследования, Антонов со своим отрядом и Главоперштабом до начала декабря непрерывно колесил по северо-западной части Борисоглебского уезда.

Но, несмотря на массу встречавшихся трудностей, дела с созданием армии у Антонова успешно продвигались вперед, и мятеж разрастался с каждым днем. На 1 декабря охваченная мятежом территория увеличилась по сравнению с 10 сентября ровно в 15 раз и достигла 18 тыс. квадратных километров.

В декабре 1920 г. активность мятежников резко возросла, хотя случались у них и отдельные неудачи, когда, например, в Борисоглебском уезде кавполк Переведенцева дважды — 4 декабря под Козловкой и 6 декабря в селе Криуша — настигал и изрядно трепал отряд самого Антонова, захватив в этих боях свыше 150 пленных и отбив один пулемет.

Однако других таких непобедимых частей, как кавалерийский полк Переведенцева, в распоряжении командующего войсками Тамбовской губернии Редьзко практически не было. Поэтому помешать становлению Партизанской армии Тамбовского края он не мог, хотя внимательно следил за процессами, происходившими внутри армии мятежников. Подобные нижеприведенной сводке секретного отдела сведения к нему поступали постоянно:

«К ноябрю 20-го г., когда количество отрядов достигло большой численности, Антоновым было созвано пленарное заседание командного состава всех партизанских отрядов, на котором вынесли постановление, по которому все отряды соединяются и образуют единую партизанскую армию, для чего организуется Главный оперативный штаб партизанской армии Тамбовского края, состоящий из 5-ти из-

бранных тайным голосованием лиц (приказ № 1 от 14 февраля 1920), с сего времени он и приступает к объединению отдельных бандитских отрядов путем планомерной организации как в политическом, так и военном отношениях. Через месяц как конструкция, так и планы, и задачи всего повстанческого движения были конкретизированы и получили определенный облик. Все отряды, представляющие из себя не что иное, как отдельные шайки, без авторитетных руководителей, а лишь с главарями, начинают соединяться в отдельные части, при достижении количества в 300—500 человек получают название полков, каковые, в свою очередь, имеют определенные названия и нумерации. Имеются данные, что полки соединены в более крупные единицы, как бригады, дивизии, а последние даже и в корпуса.

Операции военного характера начинают приобретать определенную планомерность, и действиями полков начинает руководить уже не инициатива прежних главарей, ставших впоследствии командирами полков, а указания и приказания Главного оперативного штаба, во главе которого стоит сам Антонов и командующий всеми силами Токмаков. Подтверждением этому служат приказы Главного оперативного штаба партизанской армии № 14 параграф 8 от 29.12.20, где указывается о существовании 3-й дивизии, № 8 параграф 1 от 18.01.21 г. — о существовании 2-й дивизии, № 14 параграф 3 от 29.12.20 г. — о существовании 1-й дивизии, помимо этого ряд донесений за подписями начальников дивизий. О существовании бригад известно из приказов штаба 1-й партизанской армии Тамбовского края № 9 параграф 2 от 16.01.21 г.

В отношении корпусов для более яркой иллюстрации приведу целиком параграф 2 приказа штаба 1-й партизанской армии Тамбовского края № 3 от 8 января 1921 г., где говорится: «Дабы устранить недоразумения, могущие происходить во время боя, приказываю: при совместном действии корпусов, дивизий и полков для более правильного командования войсками назначить одно лицо или соединить штабы, вместе от которых должны исходить распоряжения действующих в бою частей. Кроме того, в приказе штаба 1-й армии № 24 от 25.01.21 г. объявлены штаты армии, корпусов, дивизий, бригад, полков и т.д.

Эти факты указывают на существование, а, возможно, лишь на предположенные существованием таких соединений. Согласно протоколу объединенного заседания членов губернского комитета Союза трудового крестьянства и Главного оперативного штаба, командиров

частей, политических работников 1-й армии Тамбовского края и организаторов Тамбовского и Борисоглебского уездов, состоявшегося 15 января 1921 г. под председательством Батько и при секретаре Тюкове, на котором, помимо других вопросов, заслушан доклад о существовании двух штабов армии: Главного оперативного штаба и штаба 1-й партизанской армии. По существу вопроса вынесли единогласно постановление, что для более гибкого управления войсками существование штаба 1-й партизанской армии признать целесообразным, а Главный оперативный штаб во главе Антонова признать вторым штабом армии Тамбовского края. Связывающим звеном между штабами, признать Тамбовский губернский комитет Союза трудового крестьянства, представителей от штабов армии. После чего 18 января 1921 г., согласно протоколу Главного оперативного штаба с участием члена губернского комитета от 18. 01. 21 г. № 1 параграф 2, объявленном в приказе по Главному оперативному штабу № 9 параграф 2 от 19. 01. 21 г. имеющиеся в Тамбовском крае партизанские силы разделить на две армии. В состав первой партизанской армии входят: 1-й Каменский, 2-й Борисоглебский, 5-й Пановский, 6-й Савальский, 7-й Тамбовский, 10-й Волче-Карачанский, 11-й Павлодарский, 12-й Токайский, 13-й Битюговский полки.

В состав второй армии входят: 3-й Кирсановский, 4-й Низовой, 8-й Пахотно-Угловский и 9-й Семеновский полки.

Начособотделарм Чибисов
Начсекретотдела Ситро
Уполномоченный Хворов» [9].

Не вызывает сомнений хорошая организация повстанцев, образовавших своеобразную «крестьянскую республику» на территории Кирсановского, Борисоглебского, Тамбовского уездов с центром в с. Каменка. Вооруженные силы А.С. Антонова сочетали принципы построения регулярной армии (2 армии в составе 21 полка, отдельная бригада) с иррегулярными вооруженными отрядами. Антоновцы не практиковали мобилизаций в свои ряды, привлекая население лишь для охраны, подвоза и пр.

Для характеристики деятельности антоновцев обратимся к приказам по 1-й партизанской армии Тамбовского края.

Приказом № 1 (Пановы Кусты, 1 января 1921 г.) объявлялась всему командному составу и партизанам 3-го Борисоглебского полка глубокая благодарность за внутренний порядок в полку, правильное походное движение и стойкость в бою с противником. Приказом в целях

пресечения в корне бандитизма, который распространялся благодаря оставлению ненадежных партизан для несения внутренней службы, все комитеты Тамбовского и Борисоглебского уездов обязывались для несения внутренней охраны оставлять людей благонадежных и ни в чем не замеченных; охрана и комитеты должны были следить за внутренним порядком, в особенности за грабежом, а если будут поступать от граждан заявления на неправильные действия комитетов и охраны, то таковые должны привлекаться к революционному армейскому суду. (Подлинный подписали: Начальник штаба Губарев, врид командующего армией Гавриков) [10].

Приказом по 1-й партизанской армии Тамбовского края обращалось внимание на то, что при следовании полков было замечено, что «партизаны в продолжительных стоянках кормят лошадей исключительно только одним овсом, не давая другого фуража, не считаясь с тем, что государство за 3-летие правления большевиков приведено в полное истощение, а исход борьбы сопротивления для партизанских отрядов зависит от зернового фуража, без которого лошади не могут делать дальних походов, а поэтому приказываю командирам полков наблюсти, чтобы на продолжительных стоянках делать экономию в зерновом фураже, заменяя его другим фуражом: сеном и соломой» [11].

Приказом № 4 (с. Каменка. 10 января 1921 г.) указывалось на три проблемы и определялись меры по их решению.

Во-первых, отмечалось, что «многие командиры полков отдают распоряжения об аресте лиц, вышестоящих по службе, без моего на то распоряжения. Приказываю такие аресты не допускать».

Во-вторых, констатировалось, что «многие партизаны почти ежедневно заменяют своих лошадей, из чего я усматриваю, что партизаны не смотрят за своими лошадьми, надеясь, что в другом селе или деревне заменят на другую. Ставлю на вид такое упущение со стороны командиров полков и приказываю во всех полках завести списки лошадей, из которых будет видно, когда и где партизаном заменена лошадь».

В-третьих, указывалось, что многие партизаны при совместной стоянке полков переходят из полка в полк и в этой связи приказывалось «командирам полков такой переход партизанов не допускать, а политическим руководителям при полках следить и внушать партизанам, что такой переход вреден в отношении внутреннего и боевого порядка полков» [12].

В приказе по 1-й партизанской армии Тамбовского края № 5 (с. Чикаровка. 8 января 1921 г.) указывалось, что «никакие конфискации, реквизиции, обыски и самовольные аресты как в организованных, так и в неорганизованных волостях не производить без моего на то распоряжения и губернского и уездных комитетов. Дабы устранить недоразумения, могущие происходить во время боя, приказываю при совместном действии корпусов, дивизий и полков для более правильного командования войсками назначать одно лицо или соединяя штабы вместе, от которых должны происходить распоряжения для действующих в бою частей» [13].

Приказом № 6 по 1-й партизанской армии Тамбовского края (с. Каменка, 13 января 1921 г.) объявлялось, что «старая коммунистическая власть комиссаров считается низложенной, ввиду чего все ее старые законы и распоряжения аннулируются». По всем гражданским делам предписывалось обращаться к губкому и уездном комитетам. Всем командирам полков приказывалось «отдать в приказе по полку именной список всех партизан, находящихся в полку, с указанием постоянного их местожительства, т.е. из какого села или деревни, волости и уезда происходит партизан» [14].

Приказом № 14 по 1-й партизанской армии Тамбовского края (с. Каменка, 14 января 1921 г.) комендантом штаба армии назначался А.П. Сажин. За сформированным Абакумовской организацией полком закреплялось наименование 9-м Битюговский партизанский полк. (Справка: протокол Абакумовской организации от 25 декабря 1920 г. № 1.) Командиром этого полка назначался Д.Г. Иванников. (Справка: протокол Абакумовской организации от 25 декабря 1920 г. № 1) [15].

Приказом № 9 (с. Туголуково. 15 января 1921 г.) производились кадровые назначения и перестановки. Назначенных командирами полков Т.С. Гаврикова (1-м Каменский полк) и Г.В. Крудских (10-й Семеновский полк) исключали из членов штаба 1-й партизанской армии. Назначались командирами бригад с выполнением возложенных на них обязанностей кавалерийских полков: 1-й бригадой — Гаврикова, 2-й бригадой — К.И. Баранова, 3-й бригадой — И.М. Кузнецова и 4-й бригадой — Г.В. Крудских. Входящие полки в состав 1-й бригады: 1-й Каменский полк, 2-й Тамбовский полк; 2-й бригады — 3-й Пановский полк и 9-й Битюговский полк; 3-й бригады — 7-й Павлодарский полк и 6-й Волче-Карачанский полки; 4-й бригады — 5-й Борисоглебский и 10-й Семеновский полки. «Для пользы службы» командир 5-го Борисоглебского полка А.Б. Кулдошин прикомандировывался к

штабу армии, а на должность командира вышеуказанного полка назначался Д.П. Бенедиктов. Вместо избранных пленарным заседанием членами в Главный оперативный штаб, за выбытием из штаба армии Т.С. Гаврикова и Г.В. Крудских, назначались помощником командира армии Н.М. Изофатенко и заведующим оперативной сводкой С.Д. Богомолов. Приказ подписан начальником штаба армии Губаревым, вр. командующим армией Егорчевым, адъютантом штаба армии Тюковым [16].

В целом организация и стиль руководства антоновцев оказались достаточными для ведения успешных военных действий партизанского типа в условиях трех лесных уездов Тамбовщины — при наличии прекрасных природных укрытий, при теснейшей связи с населением и его всемерной поддержке, при отсутствии необходимости в глубоких тылах, обозах и т.п.

Об этом говорят оперативные сводки о действиях партизанской армии.

В оперативной сводке 1-й партизанской армии Тамбовского края только за один день — 11 января 1921 г. сообщалось о следующих военных действиях Партизанской армии.

1-м Каменским полком совместно с 5-м Борисоглебским полком в районе М. Алабухи при наступлении красных войск со стороны Уварова, численностью 350 кавалерии и 150 человек пехоты при 4 пулеметах, 3 автоматических винтовках, полк отразил это наступление, но вследствие выхода из строя пулемета пришлось отойти с потерей командира 1-го Каменского полка Е.И. Казанкова и местного организатора П.А. Иванова и 12 убитых, 3 раненых партизан. Вслед за тем контратакой партизан красные были выбиты из Малых Алабух по направлению Орловки с потерей у красноармейцев 50 человек убитыми и несколькими ранеными, среди убитых командиры Морозов и Альтов, политком Курников и тяжело ранен Лобанов.

Вновь организованным Сукмановским отрядом был задержан поезд, взято 62 человека в плен, захвачено 100 винтовок, много патронов и разных продуктов. Битюговским полком был произведен набег на Воронковский совхоз, в котором были забраны лошади, коровы и свиньи, хлеб и много других предметов, зарублено 3 коммуниста, отобрано 10 винтовок и небольшое количество патронов. Сукманской организацией на ст. Есипово была произведена порча железной дороги и телеграфного сообщения между Жердевкой и ст. Терновкой. 2-м Тамбовским полком была остановлена у Танковского моста ле-

тучка, которую подвергли сильному ружейному обстрелу, захватив у охранника железнодорожного моста ящик патронов [17].

Все это события одного дня — 11 января 1921 г.

Приведем донесение командира 5-го Борисоглебского партизанского полка командиру 4-й бригады 1-й партизанской армии Тамбовского края Г.В. Крутских о выполнении боевой задачи от 18 января 1921 г.: «Доношу, что часть заданной вами боевой задачи исполнена ночью 17-го под 18 января (1921 г. — *Авторы*). Путь жел. дороги в районе Отхожая — Уварово разобран, остальная часть — Уваро-во — Моисеевский разъезд — будет разобрана сегодня ночью. Красных в Уварово 200 человек или около этого при 2 пулеметах. По выполнении задачи будем в Отхожей. Сообщаю, что 5-го Подгорнского партизанского полка до сих пор нет. Несмотря на то, что ему было послано приказание и неизвестно, где он находится, т.к. связи от него нет никакой. Командир 5-го Борисоглебского кавалерийского партизанского полка Венедиктов, политком Куликов» [18].

Разбору железнодорожной линии и уничтожению всякого рода государственных сооружений, как мостов, телеграфных проводов, столбов, аппаратов, станционных зданий, будок, стрелок повстанцы придавали большое значение. Подтверждением служит целый ряд изданных приказаний и распоряжений. Отметим, что к работе по разрушению государственных сооружений партизанами привлекалось все население данной местности и близлежащих сел и деревень, причем как мужчины, так и женщины [19].

5-й Пановский партизанский полк имел непосредственную задачу производить поломку железнодорожной линии на участке Жердевки—Токаревка. На обязанности этого полка лежала задача осаживания с рельс бронепоездов и бронелетучек, препятствие рабочим, посылаемым со стороны красных, производить исправление железнодорожной линии путем обстрела и устройства засад. Об этом, в частности, говорилось в сводке 5-го Пановского полка, в сводках войсковых частей партизанской армии.

Были случаи нападения на поезда с целью ограбления, как, например, на станции Сабурово бригадой козловских полков «Карась» был захвачен товарный поезд, взяты большие военные трофеи, а паровоз разогнан и пущен по направлению разобранного пути для большего разрушения [20].

В оперативных сводках Главного штаба о произведенных частями, находящимися в непосредственном подчинении Главного оперативно-

го штаба, действиях говорилось: «20.01.21 г. полками Антонова при наступлении красных со ст. Жердевка разбит особый полк (красных), из которого побито 650 человек татар, взято 3 пулемета, масса патрон и оружия. 11.02.21 г. произошло столкновение с противником, наступающим на село Каравайня. Красные бежали в панике. Захвачены пленные. 12.02.21 г. разведчиками партизан в селе Курдюках — взято 9 человек красных. 17.02.21 г. столкновение при селе Отъяссы с отрядом красных численностью в 150 человек. Отряд обезоружен. Взято в плен 118 человек, винтовки и патроны. 22.02.21 г. столкновение с красными при селе Двойни. Отход партизанских частей. 25.02.21 г. столкновение с красными при деревне Кобылинка, в результате которого взяты пулеметы, винтовки и патроны. Обезоружено около 60 красных. 20.02.21 г. нашими разведчиками в районе Калугино, Трескино и Богданово обезоружены 32 красных. 27.02.21 г. нападение на красных, расположившихся в селе Богословке, после непродолжительной перестрелки партизаны отошли в виду явного превосходства сил противника. 01.03.21 г. произведено нападение на отряд красных, расположенных в селе Отхожем, противник выбит из села с большими потерями и, преследуемый кавалерией партизан, поспешно отошел в село Уварово. Партизанами взято 4 орудия, около 500 снарядов, винтовок, масса патрон, седла, обоз с провиантом и пленные. 01.04.21 произведен налет красных численностью в 250 человек, расположенных в деревне Калиновка. Отряд разбит, часть, около 70 человек, бежала, остальные обезоружены. Взято 2 пулемета, масса патрон и седла. 02.04.21 наступающий на деревню Калиновку полк красных из группы Дмитриенко партизанским контрнаступлением был обращен в бегство. Взято 3 пулемета, много седел и патронов. 07.04.21 при преследовании красных в составе одного эскадрона от деревни Федоровской до ст. Волхонщина, взято несколько седел. 08.04.21 г. налет на полк красных, расположенный в селе Трескино. Красные, бросившись бежать, были окружены и, за исключением трех человек, взяты в плен. Взято 5 пулеметов, 60 лент и огромное количество патронов» [21].

Конкретность и наглядность целей и результатов военных действий повышали боевой дух армии и привлекали к ней новые силы: число бойцов в антоновском войске в феврале 1920 г. достигло 40 тыс., не считая «вохры» (охраны). Но это был предел. К началу мая их численность сократилась до 21 тыс., как в результате начавшихся решительных действий Красной армии, так и в связи с отменой продразверстки и наступлением весенней страды [9].

Хорошо были поставлены шпионаж и осведомление партизан, о чем свидетельствовали имевшиеся у них сведения не только о войсковых частях, активно борющихся против них, но даже расположенных по гарнизонам, а также о настроении граждан и внутреннем распорядке городов. Донесения как в штаб партизанской армии Тамбовского края, так и в губком Союза трудового крестьянства показывают, что главное участие в осведомительной деятельности принимали местные жители: женщины, старики и даже подростки, дети, пробиравшиеся из местностей, зараженных бандитизмом, по тем или иным причинам в города. Здесь они получали необходимые и интересующие партизан сведения путем личного наблюдения и разговоров со знакомыми, проживающими в городах, которые (по своей психологии обыватели) рассказывали все, что знали о местной власти и ее распоряжениях, о виденном и слышанном. Эти сведения поступали в местный комитет СТК или в штаб какой-либо партизанской части, откуда по инстанциям в штаб армии [9].

Имели место случаи посылки замаскированных шпионов в город Моршанск под видом женщин и монашек (сводка Особого отдела № 3). Начособотделарм Чибисов, начсекретотдела Ситро, уполномоченный Хворов в оперативной сводке отмечали: «В отношении же существования резидентов, сотрудников и осведомителей на местах в утвердительном смысле за отсутствием данных сказать не представляется возможным, а относительно лиц, находящихся на службе в советских учреждениях, то некоторые из таковых, несмотря на их партийность, стараются и оказывают поддержку бандитизму. Для наглядности такой помощи смотри в приложении в графе "вооружение и источник получения такового". Разведка и осведомление о противнике являлись наиболее налаженным аппаратом в военном отношении, и как первое, так и второе поставлены у него идеально. Помимо войсковой разведки, действовавшей согласно инструкции, громадную услугу в этом отношении оказывали местные, враждебно относящиеся к Советской власти, жители. Они добывали и немедленно передавали все сведения о движении, перемещении и местонахождении, а иногда даже численности и вооружении наших войск» [9].

В указанной оперативной сводке начособотделарма Чибисова, начсекретотдела Ситро, уполномоченного Хворова говорилось: «Постановку разведки и связи можно назвать идеальной, оказывающей громадную услугу партизанским частям. В каждом селе волости или деревне, как упоминалось выше, имеются: милиция, вохра и связь,

выставляющая в селах наблюдательные посты. При появлении в том или ином районе советских войск местной милицией производится за их движением и действиями наблюдение, а связь в это время передает другим комитетам сообщения о движении войск. Сообщения доходят до штаба или отдельных (в случае их вблизи нахождения) войсковых соединений, которые, зная численность вооружения противника, нападали на них с той стороны, с которой они меньше всего ожидали. При превосходстве сил противника партизанские части путем хорошо налаженной связи, зная расположение своих частей, соединяются вместе несколькими отрядами или полками и, таким образом образовав группу, нападают» [9].

Связь с войсковыми соединениями и штабом армии, а также и с комитетами Союза трудового крестьянства осуществлялась в двух видах: во-первых, при каждом новом расквартировании войсковой части посылались к начальнику команды связи штаба 1-й партизанской армии два партизана для установления связи. Во-вторых, создавалась специально организованная служба связи в виде летучей почты, которая имелась в каждом селе, волости или деревне, находящихся в районе оперирования партизан и состоящих из десяти и более человек, несущих между собой смену. Причем главную роль играют женщины, скрывающие пакеты, посылаемые по связи, в волосах. Кроме того, у партизан существовала телефонная связь преимущественно между штабами и армейскими учреждениями, а также и некоторыми комитетами Союза трудового крестьянства, как, например, между Сукмановкой и Туголуково.

Помимо внутренней связи существовала связь с руководителями восстания из других местностей. Так, 27 февраля 1921 г. в Кабань-Никольскую волость Борисоглебского уезда Тамбовской губернии прибыл И.С. Колесников с отрядом численностью 1500 человек, хорошо вооруженных, при 9 пулеметах с целью связаться с армиями Тамбовского края и совместно решить несколько общих боевых задач [22].

Столь мощная организация и постановка шпионажа, разведки и осведомления, снабжение всеми видами довольствия и снаряжения не могла быть, если бы на стороне восставших не были симпатии населения губернии. Это особенно проявилось в дни начинавшегося повстанческого движения. Граждане в ряды партизан привлекались путем агитации и воззваний. Советские склады, совхозы, разграбленные полками, шли на нужды партизанской армии, были случаи

раздачи имущества населению, производилась борьба с продотрядами красных, действовавших по выполнению государственной разверстки, уничтожали коммунистов и т.п., чем, конечно, завоевывали симпатию населения. Но при достижении высшего апогея в рядах повстанцев находились различные элементы, пристрастные к мародерству. Истощение запасов продовольствия у населения, успехи советских войск — все это, взятое вместе, вырвало из строя партизан первых поднявших знамя восстания, и стали все более учащаться случаи мародерства, грабежей, реквизиции и конфискации имущества. Ряд приказов и распоряжений как Главного оперативного штаба, так и штаба 1-й армии обращали внимание командного состава на борьбу с мародерством со стороны партизан, на необходимость привлечения таких партизан к ответственности, и это в большинстве случаев проводилось в жизнь.

Приведем воззвание Главного оперативного штаба и политических руководителей.

«Товарищи партизаны! Уже шесть месяцев прошло с тех пор, как мы, партизаны, вышли на борьбу за полное освобождение крестьян и рабочих от гнета и насилия, вышли против кровожадных насильников — грабителей-коммунистов. В течение нашей шестимесячной борьбы нами сделано многое, со всех сторон трудового населения к нам стекаются сотни и тысячи честных борцов, становясь в ряды нашей армии для достижения нашей общей задачи, в интересах всего трудового и угнетенного населения. Вы вспомните, товарищи, когда мы выходили в первые дни нашей революции, у нас было до 20 винтовок и по пяти к ним патронов, а теперь что мы видим перед собой: многочисленную и прекрасно вооруженную армию, которая уже нашим врагам коммунистам нанесла большой удар и заставила их призадуматься, но знайте, дорогие товарищи партизаны, что не одним тем мы стали сильны, сильны мы больше своей честностью и тем, что благодаря последнему, т.е. честности, за нами идет все трудовое население, которое всегда и везде старается всеми силами помочь нам чем только может и, наоборот, напрягает все силы для того, чтобы, где можно, поставить тормоз нашим врагам как в военном деле, так и в остальных отраслях их работы. Но помните, товарищи, всегда, что население идет навстречу лишь тем передовым борцам, которые всеми силами и средствами стараются помочь во всех их нуждах и удалить от них всех насильников и грабителей, которые посягают на их права и нажитое ими в поте лица имущество.

И вот как раз в наших революционных рядах народной армии в последнее время наблюдается весьма печальное для честных партизан явление. Среди вас, честных борцов, замешались люди, которые относятся к населению, и без того обиженному и истерзанному мерзавцами коммунистами, очень дерзко. Были случаи, когда из нашей же среды некоторые партизаны отбирали платья и другие вещи с целью собственной наживы, а также прибегали к самым настойчивым требованиям, чтобы хозяева давали самые лучшие съестные припасы, которых хозяева даже не имеют.

Такое явление в нашей армии недопустимо, этим мы ставим себя против всего трудового населения и можем тем проиграть все наши заветные мечты к полному освобождению всех угнетенных.

Мы, члены Главного оперативного штаба, ваши политические руководители, обращаемся к вам, дорогие товарищи партизаны, с горячим призывом — будьте честными борцами и защитниками прав трудящихся, поставьте себя перед населением самыми скромными и истинными сынами нашей крестьянской революции, и тогда люди сами поймут, что мы действительно не бандиты, как именуют нас грабители-коммунисты, а честные борцы за идеалы угнетенных. В этом, товарищи, есть залог нашей борьбы, в этом заключается наша победа над ненавистниками врагами-коммунистами. Призывая всех честных и сознательных товарищей строго следить за теми, кто служит в нашей армии плохим примером и дерзко относится к населению, старайтесь им внушить и втолковать, что мы не для того взяли оружие в руки, чтобы наживать карманы, а, наоборот, уничтожить всякие хулиганства и насилия, творимые грабителями-коммунистами над человечеством.

Помните, друзья партизаны, что когда мы будем действовать сознательно, честно и справедливо, то начатое нами дело скорее придет к желанному концу.

Долой всякое несознание.

Да здравствует сознательная и честная партизанская армия!»[23]

Мародерство со стороны партизан строго наказывалось, виновные подвергались суду и арестам.

Полковой суд 6-го Верхне-Карачанского партизанского полка 19 февраля 1921 г. рассматривал заявление гражданки Н.И. Мальшиной о незаконном взятии у нее вещей партизанами 1-го эскадрона 6-го Верхне-Карачанского полка. На заседании суда командир 1-го эскадрона К.В. Поздняков показал: «17 января во время стоянки моего

эскадрона в д. Петровской, граждане заявили мне, что у Мальшиных зять был коммунистом и навозил им много награбленного добра, тогда я сделал обыск и действительно взял те вещи, которые показывает Мальшина, только советских денег взято не 40 тыс. руб., а 28 355 руб. 28 коп., корейских денег совсем не брато, николаевских не 900 руб., а 248 руб., черные карманные часы и 7 аршин батиста не взяты».

Суд постановил: «Все вещи, взятые у гр-ки Н.И. Мальшиной, за исключением неценных вещей, 20 фунтов табаку и одной подушки, которые отходят в пользу партизанской армии, возвратить обратно Мальшиной, а именно: 1) 1 суконное зимнее на вате мужское пальто; 2) 28 355 руб. советских денег; 3) 248 руб. николаевских денег; 4) бархатный ковер; 5) 6 руб. 90 коп. серебра и 6) серый пиджак. Оговорка: пальто временно будет в пользовании партизана, не имеющего одежды, до снабжения его таковой».

Партизанам и командиру 1-го эскадрона суд дал строгий выговор за самовольный обыск и наказал впредь этого не делать без разрешения на то суда и коменданта полка [24].

Весной 1921 г. в период сева участились дезертирства, для пресечения которых были созданы комиссии по борьбе с дезертирством. 19 апреля было приказано всем организациям обратить серьезное внимание на обработку полей и их обсеменение. Прежде всего должны были быть обеспечены в этом отношении семьи партизан, а затем все остальные безлошадные граждане. Устанавливалось, что обработка полей должна быть бесплатной, замеченные в противном должны караться по законам революционного времени.

В отношении мародеров в партизанской армии выносились приговоры суда, наказание розгами, плетьми и проводились даже расстрелы за грабеж и мародерство.

В партизанской армии была определенная схема организации ее учреждений, устанавливалось такое разделение функций и обязанностей между существовавшими органами и должностными лицами.

Армейский суд партизан состоял из председателя, помощника, двух членов, делопроизводителя (секретаря) и судьи. Полковой суд — из председателя, помощника председателя, одного члена, делопроизводителя (секретаря) и судьи.

Функция суда: надзор за соблюдением установленных правил и обязанностей, при наличии отклонения от них проводить расследования, налагать наказания. Кроме того, суду вменялось в обязанность наблюдение за конфискацией имущества, принадлежащего

коммунистам и другим лицам, по постановлению суда. Персональный состав суда должен был состоять из партизан твердого характера, свободного развитого ума, благонадежных, которых подкупить и уговорить ни в коем случае нельзя. Суд в работе должен руководствоваться инструкциями и товарищеским союзом, т.е. он должен был помнить то, что надвигается третья революция, т.е. последняя, которую создает сам народ, почему и приказано судам обратить на это внимание.

При осуждении партизана полка за преступление следовало обращать внимание на следующее — какого он был поведения до сотворения преступления: если поведение было правильным, то дать ему свободу для исправления своего характера и поступка. Если же поведение его было неприлично, то его следовало наказывать строго.

Если лицо, по которому ведется в полковом суду расследование, по характеру своего преступления не подсудно полковому суду, то дело передается в высшую инстанцию — бригадный или армейский суд. Частных лиц полковой суд мог приговаривать вплоть до расстрела, поэтому подсудимых следовало опрашивать с осторожностью и большей бдительностью ввиду того, что среди таковых могли быть шпионы и контрреволюционеры (контрразведчики), а также возможны и невиновные граждане.

В случае если суд оправдывает то или иное лицо, то комиссия суда пишет отношение командиру полка, который, согласно постановлению суда, выдает пропуск. Считалось необходимым присутствие на суде и политического работника, который, в свою очередь, имел право опроса подсудимых.

Все протоколы, постановления и решения суда в копиях направлялись в Главный оперативный штаб. Большая часть работы возлагалась на секретаря (делопроизводителя) суда. В функции суда входил разбор дел, кроме указанных случаев, по всем преступлениям: по обвинению как граждан, так и партизан войсковых соединений в мародерстве, дезертирстве, грабеже, нанесении оскорблений, агитации в шпионаже, контрреволюции и т.п. Опросом пленных при полках ведали политические работники, которые проводили эти опросы по специально выработанной схеме. Весь опрос пленного сводился к выяснению характеристики полка, состояния части в боевом, политическом и экономическом отношениях, характеристики командного состава и политработников, отношения массы к партизанам. По окончании опроса пленные вместе с протоколом опроса направлялись в

штаб армии, а иногда и освобождались, судя по данным показаниям и их виновности. При суде имелись конвоиры для сопровождения арестованных. Мест заключения не было; согласно инструкции о наказаниях на заключение под стражу не осуждались.

Политотдел. Вся политическая, агитационная и организационная работа лежала: в армии, бригаде — на политотделе, в полку — политическом бюро, дивизионах и эскадронах — на политработниках полка. Политотдел армии вел учет, регистрацию и производил посылку работников по районам и войсковым соединениям. Кроме того, политотдел должен был разрабатывать воззвания, листовки и т.п. по армии, которые после утверждения губкомом Союза трудового крестьянства распространялись как среди населения, так и партизан.

Главную роль играли агитационные и организационные работники, которые политотделом армии командировались в бригады и полки для работы среди воинов, партизан и населения в районе, в котором находилась часть. После выполнения задачи продолжительность нахождения в части разрешалась на время по усмотрению самого работника, о результате ее он направлял доклад в оперативный штаб.

Задачей политотдела являлось: а) разъяснять воинам и населению цели борьбы; б) воодушевлять бойцов; в) поднимать революционный дух у населения, г) внушать ему необходимость оказания всевозможной и всесторонней помощи партизанам. В местностях, присоединяющихся к общему народному движению, политотделы организовывали комитеты «нового порядка жизни». Командиры бригад, полков и др. войсковых частей всеми мерами содействовали их работе.

Агитпроп и оргработники армии по прибытии в бригаду, полк связывались с политическими работниками и действовали с ними в полном контакте. Самовольный уход с поста политработника или вообще уклонение его от исполнения своих обязанностей влекли за собой ответственность военного времени. Изложенная посылка работников давала положительные результаты, из ряда донесений видно, что митинги и организации комитетов Союза трудового крестьянства проводились успешно даже в тех местах, где полк находился на отдыхе в течение 2—3 часов. При появлении партизан в селах, волостях и деревнях немедленно созывалось общее собрание граждан, которые в большинстве своем охотно шли на сборы. Выступающий оратор своей речью показывал гражданам печальную картину положения страны благодаря трехлетней власти коммунистов и целесообразность выступления крестьян. Как говорилось в оперативных сводках как партизанской армии,

так и красных частей, граждане, проникнувшись словами ораторов, выражали свое глубокое сочувствие «благому начинанию освобождения трудового населения от "ига" коммунистов» и выносили резолюции такого содержания: «Горячо приветствуем и приносим сердечную благодарность повстанцам, которые горят желанием освободить народ из-под ига, рабства, и даем слово в тесной связи плечо к плечу идти бодро и смело на борьбу и на помощь организованным путем восставшего народа, дабы этим защитить себя от новых нападений. Смелым натиском сбросим оковы порабощения незаконных, нечеловеческих коммунистических грабежей, зверских поступков и репрессий». По окончании митинга во многих селах записывались добровольцы и тут же проводились организация (в случае отсутствия) комитетов Союза трудового крестьянства и формирование местного отряда. Выдвигаемые кандидаты на ответственные посты утверждались райкомами.

Комендантская команда. При штабе армии во главе коменданта имелся взводный командир, писарь и команда партизан. При полках было от 3 до 5 человек комендантов, в обязанности которых входило проведение обысков, арестов и конфискации имущества, а также обязательное участие в боях для сбора трофея, отбираемого у противника, и слежка за партизанами, выходящими из цепи во время боя без уважительных причин.

Казначей. Имелся при каждом полку, в его обязанности входило вести все казначейские книги и при всяком требовании отдавать отчеты о приходе и расходе кассовых сумм.

Обоз. Обоз при полку должен был состоять из 13 повозок, которые распределялись следующим образом: санитарные, хозяйственные, канцелярии полка — 1, канцелярии хозчасти — 1, канцелярии строевой — 1, пулеметных (по числу пулеметов). Начальник обоза вел наблюдение за исправностью обоза, как то: в отношении повозок, конного состава, а также наблюдение за уходом лошадей и наблюдение за построением обоза в соответствии с указанием штаба.

Контрхозком. Берет на учет весь обоз и хозяйственные части полка: лошадей, сбруи, повозки, продовольствие, обмундирование, вооружение и т.п., на что имеет списки, ведет приходо-расходные книги продовольствия и фуража, списки состоящих на каждый день на довольствии. Все, числящееся по спискам, сдается под расписку начальнику обоза или начхозчасти. Ответственность устанавливалась через каждые три дня, еженедельно проверялись отчеты у начобоза и начхозов.

Оперсводка. На обязанности заведующего оперсводкой лежал сбор сведений военно-политического характера, для чего он следовал всегда впереди с командой конных разведчиков.

Комиссия по замене лошадей. В состав комиссии входили: председатель, помощник председателя, два члена и секретарь. В функцию комиссии входили мобилизация и снабжение армии лошадьми. Мобилизация лошадей производилась у хозяев, имевших двух или более лошадей. Замена лошадей производилась у хозяев, имевших одну лошадь.

Хозчасть. Состояла из заведующего, помощника, писаря, заведующего оружием (он же оружейный мастер), двух слесарей и 13-ти повозочных. В функцию хозяйственной части входило: распределение фуража и других материалов, поступающих в хозчасть, конфискация имущества, принадлежащего коммунистам и другим лицам по постановлению суда, а также прием всякого имущества, принадлежащего советским учреждениям.

Санчасть. В функции заведующего санитарной частью входило: наблюдение за положением раненых, больных в отношении обмундирования, питания и нахождения в пути. При каждом полку у партизанской армии имелся околоток с перевязочным пунктом, при нем медицинский персонал полка: врач, два фельдшера и при каждом эскадроне по два санитара. Расквартирование околотка производилось совместно с хозяйственной частью полка. Все санитарные повозки эскадронов, занятые больными, следовали за фельдшерской повозкой. Всеми видами довольствия околотки снабжались хозяйственной частью полка. В целях оказания скорейшей помощи раненым партизанам во время боя они ставились в известность о месте расквартирования перевязочных пунктов. Имевшиеся в каждом эскадроне два санитара оказывали первую, не требующую отлагательства, помощь раненым. При передвижениях околоток имел одну свободную повозку на случай внезапно заболевших. Перевязочные пункты во время боя, считаясь со стратегическим планом, выдвигались из обоза ближе к линии боя на расстояние в 2—3 версты. Раненые и больные партизаны направлялись в ближайшие местные больницы. На обязанности местных комитетов лежало: раненных в бою партизан направлять в больницы и снабжать их квартирами, провиантом и уходом.

Рассматривая схему организации армии и его учреждения, взаимоотношения с Союзом трудового крестьянства, нужно констатировать тот факт, что вся она была скопирована почти до мельчайших

подробностей со строения Красной армии. Большинство командиров армий, дивизий, полков Партизанской армии Тамбовского края раньше были командирами подразделений Красной армии. Так же, как и руководящим началом строительства Красной армии являлась РКП(б), так и руководящим началом Главного оперативного штаба Антонова являлся губком Союза трудового крестьянства. Для руководства политической работой в Красной армии имелись политотделы, проводящие партийную линию по заданиям ПУРа, такие же политотделы были и в армии Антонова, такие же политкомы имелись в каждом полку у Антонова. Политруки и политработники в Красной армии — политработники и агитаторы у Антонова. Полковые суды тоже скопированы по образцу полковых судов Красной армии, а бригадные, дивизионные, армейские суды — по образцу реввоентрибуналов. Началось дезертирство из рядов партизанской армии — и Антонов боролся с этим явлением организацией комдезов.

Существование и действенность указанной структуры в определенной степени видна из донесения агитатора 1-го партизанского полка Ф.С. Подхватилина в Главный штаб 1-й партизанской армии о состоянии 8-го Токайского полка и политическом состоянии населения Воронежской губернии: «1921 г. 22 января прибыл я как агитационный работник Подхватилин Ф.С. в распоряжение Токайского 8-го полка. Что мной наблюдалось: полк составляет штаб полка, который состоит из командира полка Громова, адъютанта. По канцелярии один делопроизводитель Гриднев, 2-й делопроизводитель — Четвериков. При канцелярии две пишущие машины. При полку имеются лазарет, при лазарете один врач Виноградов, тюремный фельдшер Попов, младший фельдшер Ананьев и сестра Орлова, остальные дежурные при лазарете, больных и раненых человек двенадцать. Наблюдается и уход за больными энергичный, также и медикаментов в достаточном количестве, хозчасти не было, но сейчас постоянно количество вооруженных 300 человек боевых кавалеристов, соответствующих 60 боевиков пехоты и 150 пехоты добровольцев невооруженных. Один пулемет “максим”, исправный. При достаточном количестве лент и патрон, на каждого боевика вооружения по 40 штук, так что по прибытии полк наблюдается пока на должной высоте, только что хромает в политических отношениях, нет соответствующих агитаторов.

Когда я следовал по селам и деревням, то наблюдалось мной, хотя комитеты существуют кое-где, но определенной цели общего достижения еще не знают, ввиду того, что не было ораторов, политических

работников, которые могли бы осветить о текущем моменте и что мы достигаем, но люди, кто в деревнях и селах, все одного убеждения против коммунистов, по пути моего следования ставил я митинги. Подготовлял программы и инструкции, освещал о порядках, какие должны быть по установленной власти Временного правительства, люди мною остались довольны, моим посещением, уже чувствуют под собой твердую почву, а, явившись в расположение полка, сейчас же приступают к своим обязанностям, согласно выработанной инструкции. На 23-е сего месяца назначили съезд с четырех волостей представителей для выборов районных и волостных комитетов, так что надеюсь здесь поставить все политические работы, также и организацию, на должную высоту» [25].

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

Ю.Н. Подбельский, член ЦК ПСР, в своем заявлении по поводу обвинений партии социалистов-революционеров в организации крестьянского восстания в Тамбовском крае и о Союзе трудового крестьянства написал так: «Союз трудового крестьянства, организованный весной 1920 г. “правыми” и “левыми” с.-р., был разбит осенью 1920 г. в первые же дни восстания и не имел ничего общего с “Тамбовским губернским Союзом трудового крестьянства”, сфабрикованным Антоновым уже в процессе самого восстания. В этом можно легко убедиться из сравнения программ обоих союзов. Достаточно поверхностно ознакомиться с той безграмотной программой, которая была выработана этим вторым антоновским Союзом и отдельные пункты которой были приведены и в “Известиях ВЦИК” (“государственный кредит личности” и прочие перлы грамотности), чтобы не смешивать в одну кучу две совершенно разнородные организации. Именно этот союз во главе с Антоновым, а не П.С.-Р., и является руководителем антоновского движения, и напрасны все попытки свалить всю вину за жестокости, проявленные крестьянами в борьбе с жестокостями противной стороны, на созданный весною 1920 г. союз, который, конечно, никаких зверств не “освящал”, ибо в момент восстания он уже не существовал. Некоторое сходство в названиях этих двух совершенно разнородных организаций дало ВЧК повод для того, чтобы все, что творилось от имени “антоновского” Союза (существующе-

го, кажется, больше на бумаге), свалить на плечи погибшего осенью, вследствие арестов и бегства его руководителей, Союза трудового крестьянства, а, по пути, и на П.С.-Р. Ни один из упомянутых в докладе ВЧК товарищей, названных "членами Тамбовского губернского комитета П.С.-Р.», в действительности членами губернского комитета не были" [26].

И это было действительно так. Союз трудового крестьянства, созданный на съезде партии социалистов-революционеров, и Союз трудового крестьянства, который был фактически партией Партизанской армии Тамбовского края и во главе которого был Г.Н. Плужников, имели общим только название. Ни Антонов, ни Плужников не создавали новый Союз трудового крестьянства. Просто в трех уездах — Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском, территория которых контролировалась Партизанской армией, эсеровские районные комитеты Союза трудового крестьянства возглавили единомышленники Антонова, приняли свои, отличные от эсеровских, Устав партии, программу, избрали свой губком и принялись активно пропагандировать свои взгляды на будущее России, организовывать волостные и сельские комитеты Союза трудового крестьянства.

Главной своей задачей Союз трудового крестьянства ставил «свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора». Среди политических и экономических целей в Программе Союза трудового крестьянства назывались: политическое равенство всех граждан, без разделения на классы (правда, с добавлением в одном из вариантов Программы слов: «исключая дома Романовых»); созыв Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права для «установления нового политического строя»; создание временной (до созыва Учредительного собрания) власти «на выборных началах», но без большевиков; частичная денационализация промышленности с оставлением «в руках государства» крупной промышленности, особенно каменноугольной и металлургической; «рабочий контроль и государственный надзор над производством»; «проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объеме»; «свободное производство» в кустарной промышленности; снабжение продовольствием и другими предметами первой необходимости «населения города и деревни через кооперативы»; «регулирование цен на труд и продукты производства» в государственной промышленности; «допущение русского и иностранного капитала» для восстановления хозяйственной жизни и др.

Программа тамбовского губернского Союза трудового крестьянства в целом представляла документ широкого демократического содержания с заметным эсеровским влиянием и с явными противоречиями, порожденными спецификой крестьянской революционной идеологии. Таким противоречием было исключение «дома Романовых» и «коммунистов» из числа тех, кому предоставлялись провозглашенные демократические права. В этом ряду находится и объявление «прекращения Гражданской войны» в качестве цели «вооруженной борьбы», которую ведут партизанские отряды Союза трудового крестьянства, иными словами — в качестве цели Гражданской войны.

Отметим еще одну характерную особенность Программы Тамбовского Союза трудового крестьянства как политического документа: Закон о социализации земли, осуществление которого названо в числе программных требований, приписывался Учредительному собранию, хотя в действительности был принят 27 января (8 февраля) 1918 г. Объединенным (III) съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которым руководили большевики и левые эсеры. Авторы Программы не могли этого не знать, но они видели свою задачу в борьбе за Учредительное собрание, против Советской власти.

Губком состоял из трех членов: Ишина, проводившего агитационно-организационную работу по Кирсановскому уезду; Шамова, проводившего агитационно-организационную работу по Борисоглебскому уезду, и Плужникова (Батько), проводившего агитационно-организационную работу по Тамбовскому уезду, он в то же время являлся заведующим политическим бюро штаба 1-й армии и представителем при штабе армии, рассматривал совместно с членами штаба армии планы оперативных действий с советскими войсками. При губкоме имелся агитационный отдел, персональным составом которого являлись политработники и агитаторы армии.

Программа Союза трудового крестьянства определяла основные цели, политические и экономические задачи СТК.

Программа СТК провозглашала: «Союз трудового крестьянства своей первой задачей ставит свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора, для уничтожения этой ненавистной власти и ее порядка, Союз, организуя добровольческие партизанские отряды, ведет вооруженную борьбу» [27: 77].

Цели Союза трудового крестьянства.

«1. Политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы.

2. Прекращение Гражданской войны и установление мирной жизни.

3. Всемерное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами.

4. Созыв Учредительного собрания по принципу равного всеобщего прямого и тайного голосования, не предрешая его воли в выборе установления политического строя, с сохранением права за избирателями отзыва представителей, не выполняющих воли народа.

5. Впредь, до созыва Учредительного собрания, установления временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвовавшими в борьбе с коммунистами.

6. Свобода слова, печати, совести, союзов и собраний.

7. Проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объеме, принятого и утвержденного бывшим Учредительным собранием.

8. Удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы.

9. Регулирование цен на труд и продукты производства фабрик и заводов, находящихся в ведении государства.

10. Частичная денационализация фабрик и заводов, крупная промышленность, каменноугольная и металлургическая, должна находиться в руках государства.

11. Рабочий контроль и государственный надзор над производством.

12. Допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны.

13. Немедленное восстановление политических и торгово-экономических сношений с иностранными державами.

14. Свободное самоопределение народностей, населяющих бывшую Российскую империю.

15. Открытие широкого государственного кредита для восстановления мелких сельских хозяйств.

16. Свободное производство кустарной промышленности.

17. Свободное преподавание в школе и обязательное всеобщее обучение грамоте.

18. Организованные и действующие ныне партизанские добровольческие отряды не должны быть распускаемы до созыва Учредительного собрания и разрешения им вопроса о постоянной армии».

Программа СТК представлялась как документ Тамбовского губернского комитета Союза трудового крестьянства [27: 77—78].

Устав СТК давал такое определение: «Союз трудового крестьянства есть организация крестьян, поставившая своей целью свержение власти коммунистов-большевиков».

Уставом были определены правила вступления в Союз: членами Союза могли быть лица обоего пола в возрасте от 18 лет; члены Союза должны были строго соблюдать дисциплину, принятую Союзом; лица, желающие поступить в Союз, должны заявить об этом местному комитету Союза; комитет, принявший заявление лица, желающего поступить в Союз, докладывает об этом на общем собрании Союза для его удовлетворения; для того, чтобы вступить в Союз, необходимо было иметь поручительство двух членов Союза, а где нет Союза, комитет создает его. В том случае, когда в Союз вступает все население какого-либо общества, утверждение протокола и списка представляется волостному съезду Союза. До утверждения их съездом общества считаются вступившими в Союз с предварительного согласия волостного комитета. В Союз принимались лица, полностью разделяющие его программу и задачи; лица, состоящие в партиях коммунистических или монархических, не могли быть приняты в Союз.

Были определены правила исключения из Союза. Исключались не посещающие общих собраний Союза без уважительных причин до трех раз; не подчиняющиеся дисциплине Союза; безнравственно ведущие себя, компрометирующие сам Союз; опороченные по суду за кражи, грабежи, убийства, поджоги, шпионаж и проч.

Вводились нормы об общем собрании членов Союза. Общее собрание, съезд Союза созывается по мере надобности. Инициатива созыва общего собрания или съезда принадлежала комитетам. В случае необходимости допускался созыв комитетами общих собраний или съездов по заявлению не менее как одной трети Союза. Общее собрание считалось правомочным при двух третях собравшихся членов Союза. Спустя два часа после вторичного оповещения собрание считалось правомочным при любом количестве собравшихся.

В Уставе говорилось, что Устав принимается за основание и может быть дополняем уездным, губернским и Всесоюзным съездом [28].

Основными направлениями деятельности комитетов Союза трудового крестьянства являлись: агитационно-организационная работа среди населения сел, волостей и деревень; формирование отрядов и подготовка пополнения партизанским войсковым соединениям;

снабжение продуктами семей партизан и отчасти снабжение партизан; ведение внутреннего распорядка и строения комитетов; несение караульно-разведывательной службы и службы связи; хранение оружия, припасов, снаряжения и т.п.; снабжение партизан; нападение и обезоруживание мелких войсковых соединений советской армии. Особое внимание руководителей Союза трудового крестьянства уделялось постановке политической, пропагандистской работы среди крестьян. Работа проводится согласно инструкциям и положению о комитетах [9].

Работа по организации районных, волостных и сельских комитетов Союза трудового крестьянства и их обязанности устанавливались специальными инструкциями. Приведем Инструкцию, утвержденную Борисоглебским уездным съездом 26 декабря 1920 г.

Районный комитет должен был состоять из пяти человек: председателя, четырех членов — заведующих отделами «А» (общий), «Б» (политический), «В» (военный) и хозяйственный. Волостные комитеты должны были состоять также из пяти членов: одного председателя и четырех членов, в случае необходимости предоставлялось право кооптации с разрешения уездного комитета. Сельские комитеты должны были быть организованы из трех членов: одного председателя и двух членов. Члены комитетов избирались общим собранием Союза трудового крестьянства. Секретарями являлись приглашенные лица.

При комитетах организовывались вооруженные команды внутренней охраны: при районных — 10 человек, волостных — 5 человек, сельских — 2 человека. В селениях, граничащих с укрепленными пунктами коммунистов, вооруженные команды создавались по мере надобности с уведомлением уездного комитета.

Были четко определены обязанности комитетов. Держать тесную связь между собой и отделом связи при уездном комитете не менее одного раза в день. Следить за передвижением красных войск и шпионажем. Задержанных шпионов препровождать в суд при уездном комитете, мелкие неприятельские отряды, если таковые под силу местной охране, пресекать в корне. Самовольно отлучившихся партизан из отряда задерживать и направлять в ближайшие отряды, в случае их сопротивления обезоруживать и сообщать тем отрядам, из которых отлучился партизан. Следить за грабежами, убийствами и пожарами, замеченных в этом задерживать и направлять в суд как бандитов. Члены комитетов должны были быть вооружены по мере возможности. Охрана народного имущества, в чем бы она ни заключалась. Строго

преследовать лиц, занимающихся варкой самогона, уличенных в этом лиц предавать суду. Ставить в известность красноармейцев, приехавших в отпуск, чтобы они не возвращались в свои части, руководствуясь при этом приказом военного штаба. Оказывать продовольственную посильную помощь лицам, в первую очередь принимающим участие в борьбе, и их семьям. Комитеты должны еженедельно давать отчеты о своей деятельности высшей инстанции. Все распоряжения губернского комитета и уездного комитета исполнять точно и аккуратно. Не пропускать для продажи из восставшего района в другие местности лошадей и хлеб [29].

Работа районных комитетов Союза трудового крестьянства регламентировалась инструкциями.

Районный комитет должен был состоять из председателя, помощника председателя, секретаря и двух членов. Для особых поручений в распоряжении комитета должен был находиться штаб конного отряда в 20 человек. При волостных комитетах отряды в 1 человек, в селах — по 2 человека.

Инструкция в обязанности комитета включала такие вопросы: держать тесную связь с партизанским отрядом и сельскими комитетами не менее одного раза в сутки, для этого в обязанность одного воина вменялось продвигать свою работу в ближайшие селения других районов. Комитет должен был следить за передвижением красных войск и шпионами. Комитету и штабу конного отряда вменялось в обязанность следить за самовольной отлучкой из партизанского отряда без отпуска командира и комитета, таковых задерживать и препровождать с конвоем в партизанский отряд. Комитет должен был ставить в известность всех мельников, что за работу они должны брать 15-ю меру, если чистый хлеб, а если с лебедой, то 20-ю меру. Карточная система вовсе отменялась. Комитет должен был ставить в известность всех маслобойщиков, чтобы они за работу брали с закладки один фунт масла и 250 рублей деньгами, но жмых в пользу свою не оставляли. Волостные и сельские комитеты должны были сами быть вооруженными по мере надобности и могли пользоваться районным конным отрядом [30].

Комитеты Союза трудового крестьянства расширяли свою деятельность, этому способствовал рост повстанческой армии и ее успехи. В этой связи сошлемся на протокол пленарного заседания представителей 1, 2, 3, 4 и 5-го полков боевой дружины Тамбовского края от 16 декабря 1920 г. «Заслушав доклад члена губернского комитета

Батько о текущем моменте, в коем точно вырисовалось положение настоящего момента, а именно — ослабление коммунистического правительства, апатичное отношение членов Коммунистической партии к своей собственной роли, усиливающееся развитие партизанских отрядов, частичное проявление на лицах крестьян-пахарей и забитой до максимума интеллигенции, громадное стремление хлеборобов в ряды партизан и вообще отрицательное отношение населения к советско-коммунистическому правительству, за исключением, конечно, лишь небольшой кучки самих коммунистов, что этот факт подтверждается при наблюдении над населением, постановили: выразить т. Батько благодарность за выяснение столь желаемых нам положений, распространить среди населения воззвания хлеборобам-крестьянам, интеллигенции, дезертирам и прочим с призывом о скорейшем свержении темного невежественного и столь грубого палача — коммунистического правительства, с точным разъяснением, для чего создались партизанские отряды, и что они хотят сделать для угнетенного и разоренного населения России. Да здравствует скорейшее объединение населения под знаменем "В борьбе обретешь ты право свое!"» [31].

Выходили из подполья ячейки СТК, образовывалась местная сельская власть в лице комитетов Союза трудового крестьянства. В комитеты избирались большею частью местные граждане, а подпольные работники облекались в форму политработников армии и были частью прикреплены к частям, задача которых была: разъяснение среди воинов и населения целей борьбы, воодушевление борцов, подъем революционного духа бойцов и населения, внушение необходимости дисциплинированного выполнения служебных обязанностей, населению необходимости всевозможной и всесторонней помощи партизанам, наряду с чем производить в неорганизованных селах организацию комитетов СТК. Другая часть работников, находясь в непосредственном ведении политического бюро, рассылалась по районам для агитационно-организационной работы, о результатах которой свидетельствует то, что к началу апреля 1921 г. действовало до 900 районных, волостных и сельских комитетов, главным образом в Тамбовском, Борисоглебском и Кирсановском уездах [32].

Комитеты Союза трудового крестьянства находились под властью военного командования.

Так, в предписании командира 8-го Токайского полка сельским комитетам Союза трудового крестьянства в январе 1921 г. предписывалось разбить все село или деревню по сотням, из каждой сотни

выбрать по 2 человека представителей, которые должны находиться на местах, обязаны только являться на все районные съезды. Комитетам СТК предписывалось составить список на весь имеющийся скот (коров, телят, лошадей, овец, свиней) и список на всех граждан в возрасте от 19 до 40 лет, как постоянно, так и временно проживающих в селе или деревне. Все списки на граждан и на скот должны были находиться на местах впредь до распоряжения. За неисполнение этого указания виновные подвергались военно-революционному суду [33].

В целом анализ структуры и деятельности Союза трудового крестьянства показывает их демократическими и по способу избрания, и по составу. Даже негативно окрашенные чекистские донесения не отрицали благожелательного отношения крестьянства к СТК. Чрезвычайный характер обстановки наложил сильнейший военный отпечаток на всю деятельность Союза трудового крестьянства и не позволял определить направление и перспективу их развития как будущих органов народовластия. В самой структуре СТК просматривались элементы будущей партии (централизм, собрания сторонников, возможное членство в них). Многие решения и действия Союза трудового крестьянства копировали советских политкомиссаров и политотделов. В частях и соединениях армии А. Антонова был строжайший «учет и контроль», суровые наказания за проступки «по законам революционного времени» и пр. В реальных условиях войны, хозяйственной разрухи, острой нехватки материальных ресурсов антоновское командование так же, как и Советская власть, вынуждено было идти на жесткие меры, аналогичные «военному коммунизму», прежде всего на разверсточную систему материального обеспечения армии. Сходство в организации и идеологии противостоящих друг другу революционных сил проявлялось во многом, вплоть до обращения «товарищ» и красного знамени.

Направления деятельности Союза трудового крестьянства видны из Инструкции комитетам СТК о порядке их деятельности. Они должны были следить за точным поступлением зерна с мельниц в распоряжение комитета и о поступлении таковых хозяевам мельниц выдавать по квитанции. При добровольном сборе пожертвований зерна и фуража составлять акты и таковые хранить в делах комитета. По требованию командиров частей или отдельных партизан, едущих по делам службы, снабжать таковых и вести учет снабжения с указанием номера документа проезжающих. Удовлетворять по возможности добровольными пожертвованиями партизан, нуждающихся в платье

и обуви. Удовлетворять проезжающие войска продуктами питания и фуражом, каковые имеются налицо у домохозяина.

Обязанностью комитетов СТК была замена лошадей по требованию командиров части и по требованию отдельных проезжающих партизан по делам службы. Эта обязанность расписывалась до деталей. Во-первых, жеребых кобыл брать ни в коем случае нельзя. Во-вторых, если имеется одна лошадь (мерин, годный для боевой обстановки), такого можно заменить. В-третьих, если имеется две лошади, из коих одна около двух лет, а вторая годна для похода, то последняя подлежит замене. В-четвертых, если имеется три лошади, из коих одна около 2-х лет, а две другие годны для похода, то одна из последних может быть изъята без замены, а вторая — с заменой. В-пятых, если у гражданина имеется 2 или 3 лошади, не годные к походу, а годные к работе, а у другого имеется одна лошадь, годная к походу, то таковую можно взять, заменить лошадью первого. Комитеты СТК должны были бросовых лошадей, находящихся при комитете, отдавать безлошадникам. Строжайше следить за приведенными партизанами и оставленными дома лошадьми, каковых отбирать и удерживать в распоряжении комитета.

Комитеты должны были следить, чтобы у всех проезжих партизан были документы, и без документов направлять в штаб. Принимать меры при помощи милиции для отправления дезертиров в войска и не подчиняющихся таковому распоряжению арестовывать и отправлять в штаб вместе с оружием и лошадью при конвое. Следить за своевременным отправлением партизан после отпуска в войска, с отказавшимися поступать согласно 10-му параграфу. Партизана вашего района, заявившего о болезни, направлять в ближайшую больницу для свидетельствования и выдачи удостоверения о болезни врачом, оставлять дома. Раненных в бою направлять в больницы и снабжать их квартирами, провиантом и уходом. Все имущество, сдаваемое частями или организациями, принимать и направлять по указанию сдающего, выдавая расписку сдающему. Следить за невывозом зерна, фуража и скота в несорганизованных местностях. Тщательно следить за выдачей пропусков и выдавать таковые только благонадежным лицам за печатью и написанные чернилами. Задерживать всех подозрительных лиц, не пропуская без спроса, как то: женщин, горшечников, нищих, и после спроса доставлять в штаб. Задерживать шпионов-коммунистов и под усиленным конвоем направлять в штаб. Ни в коем случае не должно быть вскрытия пакетов и ломания печатей.

Следить за точным и своевременным отправлением пакетов. По выдаче хлеба семьям партизан и населению должен быть тщательным осмотр членами комитета, чего не имеется, и на заявлении подающего на пособие должна быть пометка члена, осматривающего хлеб, за его подписью. Следить за гонкой самогона и в корне пресекать таковую, отдавая самогонщиков под суд. Выдавать топливо населению, и только из указанных местностей. Следить за воровством, грабежом, убийством и виновных арестовывать и предавать суду. Следить при помощи милиции за охраной и постами в селениях, на больших дорогах ставить заставы. Не допускать самовольных арестов, обысков и конфискации имущества. Не допускать самовольных расправ населения с подозрительными лицами и пленными. Пресекать в корне взяточничество и виновных предавать суду. Следить за тщательным исполнением военных нарядов. Пресекать в корне игру в карты и на деньги и виновных предавать суду.

Обращает на себя внимание то, что эта инструкция комитетам Союза трудового крестьянства о порядке их деятельности была составлена на основании приказа 1-й армии № 23 параграф 1 от 24 февраля 1921 г. [34].

Комитеты Союза трудового крестьянства фактически являлись органами власти в районах, где действовала повстанческая армия. Это признавалось в докладе В.А. Антонова-Овсеенко в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением 20 июля 1921 г. В нем говорилось:

«1. В пяти уездах создано было до 900 сельских комитетов, избранных сходами, объединяемых волостными, далее районными, уездными и наконец губернскими комитетами СТК.

2. Комитет СТК выполняет основные функции органа власти. В военной области он организует пополнения добровольцами или проводит по приказу "штабов" мобилизации в бандитский полк, навербованный в данном районе. Он налаживает сбор денежных, продовольственных и вещевых средств для партизан, организует им медицинскую помощь и содействие их семьям. Он чрез "комендатуру" ведает расквартированием бандитских шаек, сменой лошадей, организует связь и разведку. В поддержку Комитету, для борьбы с мелкими партиями "красных" и содействующими "красным", а также для поддержания связи, комитет организует "вохру" (внутрен. охрану в количестве от 5 до 50 человек на село). Комитет СТК проводит также общехозяйственную и административную работу.

3. На основе территориальной системы создан ряд бандитских "полков". На бумаге существовали точные штаты, на деле "полки" представляли просто сборище разной степени организованности (от 2 до 7 эскадронов), разной численности (от 200 до 2000 сабель) и вооружения (значительная часть была почти без оружия), большинство на конях, пешие в виде исключения. Штабы разрабатывали точные приказы и инструкции, но эти правила были выполняемы редко. При полках существовали довольно правильная разведка (конная), пулеметная команда, связь (конная), хорошо поставленная канцелярия, хозяйственная часть, комиссия по замене лошадей, обоз (весьма облегченного вида по штатам, на деле часто крайне громоздкий), полковой суд, иногда и специальный "палач", политотдел (политработники). Основной мерой наказаний в дисциплинарном уставе определена порка (от 2 ударов плетьми властью отделенного до 20 — полкового комитета и выше по суду), следующая мера — расстрел. Борьба с мародерством, пьянством, картежной игрой, судя по приказам, проводилась упорно, но не давала никаких результатов [35].

Комитеты Союза трудового крестьянства обращались к крестьянам по политическим и хозяйственным вопросам и, как правило, получали поддержку. Так, Тамбовский губернский комитет Союза трудового крестьянства в своем воззвании писал:

"В борьбе обретешь ты право свое!

Крестьянам и рабочим!

Верь, крестьянин и рабочий, в скорую и окончательную победу над твоим заклятым врагом насильником-коммунистом, поработителем и попирателем твоих священных и неотъемлемых прав: прав на землю, на собственный труд, прав свободно распоряжаться им, согласно своим нуждам и потребностям. Ряды борцов за осуществление твоих святых желаний, как: "Свободный союз крестьянства и рабочих", с каждым днем растут и увеличиваются, и недалеко то время, тот час, когда из края в край всей порабощенной России пронесется мощный клич, вырвавшийся из многомиллионных крестьянских и рабочих грудей: "Да здравствует новая свободная жизнь с властью подлинно выражающей волю трудящихся!" Тогда настанет истинное царство труда, труд будет выше всех других сторон жизни, а крестьянин и рабочий его непосредственными хозяевами.

Крестьянин и рабочий, ты поднял знамя восстания с лозунгом: "Союз крестьянства и рабочих", так и иди же смело и прямо по тому намеченному пути к осуществлению своих заветных дум, указате-

лем которого у тебя твое красное знамя. Держи его крепко, чтобы ни одна бесчестная рука не могла вырвать из твоих мозолистых рук. Еще раз повторяем, что должно быть твоим символом веры: "Вера в свои силы и победу, власть только трудящимся"» [36].

Воззвания адресовались и красноармейцам. В одном из них говорилось:

«Братья красноармейцы!

Опомнитесь, с кем воюете вы? Это не банда, а восстание крестьян. Мы для того восстали, чтобы освободить от коммуны граждан. Красноармейцы, протягиваем вам братскую руку. Давайте вместе вести борьбу. Вместе сбросим эту муку и устроим по-хорошему жизнь свою. Коммунисты-жиды нас стравили. Мы друг друга убивать стали. Эх! Сколько крови они нашей напрасно пролили, и мы им это прощаем! Остановитесь, зачем братьев своих убиваем? Мы хотим хорошую жизнь восстановить. Нужда заставила нас воевать. И вы, наши братья, решаетесь восстание подавить. Братья красноармейцы, вы делайте наоборот, оружие сдавайте. Кто ж — ведь восстал народ. Там и вы нам, партизанам, помогайте, не тушите огня. Пусть пламя восстания ярче горит. Народ восстал спасать себя. Этот пожар впереди жирную жизнь сулит. Прекратится тогда надоедливая война, каждый из вас за дело возьмется. Все мы разойдемся по своим домам. Скоро опять промышленность разовьется. Ведь мешают этому коммунары, они озлобили крестьян, повыгребли у всех амбары, они поделали из народа партизан. Вам надоело воевать, вас коммунисты мобилизовали. Вам оружие дали и на своих братьев воевать послали. Кто сочувствует партизанам, ни разу в них не стрельнут, а оружие им сдадут. Кто стреляет, тот враг, тех партизаны побьют.

Да здравствуют наши братья красноармейцы!

Да здравствует союз всех крестьян!

Да здравствует вождь наш Антонов!» [37].

В повстанческой армии большое значение придавали агитационно-пропагандистской работе как непосредственно в воинских частях, так и среди населения. В армейских подразделениях и в комитетах Союза трудового крестьянства этой работой занимался большой штат работников.

Помимо политработников в агитационных отделах были так называемые «редакторы», составляющие воззвания, листовки и редактирующие поступавшие из штаба армии воззвания, которые утверждал член губкома Батько. Милиция во главе с начальником Чичкановым

несла караульно-разведывательную службу, следила за антиобщественными проступками, замеченных в чем-либо привлекала к ответственности. Связь при губкоме Союза трудового крестьянства состояла из 3 человек во главе с Д.Г. Плужниковым (сыном Батько), она занималась исключительно поддержанием связи со штабом армии и войсковыми соединениями партизанской армии, расположенными в Каменском районе. Конкретное указание этого района объяснялось тем, что расквартирование работников губкома Союза трудового крестьянства было в этом селе. Задача имевшейся при губкоме канцелярии в составе 3-х человек, из которых два писаря, один из них выполнял обязанности секретаря и один — машиниста, заключалась в даче тех или иных указаний уездным и районным комитетам по распоряжению Плужникова. Эти технические работники в какие бы то ни было дела губкома не посвящались. На губкоме Союза трудового крестьянства лежало общее руководство организационной работой в уездах и агитационной работой среди населения и в войсковых частях. Организационная работа комитетов осуществлялась специально выделенными организаторами по районам, но они не были закреплены за районами. Эти работники, организовав дело, поручали его вести временно выбранному из населения, а сами, получая распоряжение губкома, отправлялись в следующий район.

Характер агитационно-пропагандисткой работы виден по Инструкции оперативного штаба 1-й партизанской армии агитационным работникам. В ней указывалось, что агитационные работники являются работниками при штабе армии, который командирует их по своему усмотрению в бригады армии для работы среди воинов-партизан и населения в районе, в котором действует бригада. После работы, продолжительность которой отдавалась на усмотрение работника, о ее результатах он делал доклад в оперативном штабе.

Задачи агитационной работы: а) выяснить среди воинов и населения цели борьбы, б) воодушевить борцов, в) поднимать революционный дух у населения, г) внушить населению необходимость всевозможной и всесторонней помощи партизанам. В местностях, присоединяющихся к общему народному движению, агитационные работники должны были организовывать комитеты нового порядка жизни. Командиры бригад, полков и других воинских частей и комитеты всеми мерами содействовали их работе.

Агитационные работники штаба по прибытии из бригады связывались с полковыми агитационными работниками и действовали с

ними в полном контакте. Самовольный уход с поста работы агитационного работника и уклонение от исполнения своих обязанностей влекли за собой ответственность по военному времени [38].

Уездных комитетов значилось только три: Тамбовский, Борисоглебский и Кирсановский. Уком имел отделы — продовольственный, политический, военный, связь, суд и милицию. Общей работой укома руководил председатель, лицом, контролирующим работу отделов, являлся товарищ председателя. Продовольственный отдел вел учет продовольствия по районам и волостям и сообразно наличию делал распоряжения, как, например, взятие на учет продуктов, промышленных предприятий: мельниц, прессов, перерабатываемого мельницами зерна и т.п.

Военный отдел руководил работой районных и волостных военных отделов в области правильной постановки дела, издавал распоряжения в отношении формирования отрядов, подготовки пополнения партизанских частей, проведения мобилизаций и т.п.

Политотдел, имевший в своем распоряжении политических работников, агитаторов и организаторов, рассылал их по районам и волостям с целью агитационно-организационной работы, контролировал работу районных и волостных комитетов, сплачивал массы вокруг комитетов повстанческого движения.

Милиция, возглавляемая начальником, в оперативном отношении непосредственно подчинялась начальнику губернской милиции. Команда уездной милиции находилась в прямом подчинении начальника и по его распоряжению производила обыски, выемки, конфискации, реквизиции и аресты. При каждом производстве обыска, ареста, конфискации или реквизиции посылаемый милиционер приглашал члена местного комитета и двух понятых, в присутствии коих составлял протокол. Каждый милиционер при производстве операции должен был вести себя прилично, обращаться с гражданами чинно и гуманно и в случае, если будет не в состоянии разобраться с делом на месте, приглашать граждан к начальнику. Милиционер, заметивший какой-либо случай, приносящий вред народу или одному лицу, и в случае, не терпящем отлагательства, обязан был немедленно принять меры для остановления и недопущения преступления и тут же доложить начальнику. Милиционер не мог без разрешения начальника куда-либо отлучаться. Ежедневно старший команды назначал в суточный наряд одного дежурного и ему помощника.

В феврале 1921 г. принималась специальная Инструкция губернского комитета Союза трудового крестьянства и штаба 1-й партизанской

армии об обязанностях милиции. Согласно инструкции в обязанности милиции входило следующее. Точное и безукоризненное исполнение всех приказаний начальника милиции и комитетов. Следить за точным исполнением частными лицами всех приказаний, исходящих от военных и гражданских властей. Нести поочередное дневное и ночное дежурство по назначению комитета или начальника милиции. Следить за распределением постов и застав. Следить и пресекать в корне гонку самогона и виновных предавать суду. Задерживать всех подозрительных лиц и после опроса направлять в комитет. Проверять документы проезжающих партизан и задерживать, направлять в штаб не имеющих документов. Следить за своевременными выездом в полки партизан, прибывших в отпуск. Тщательно наблюдать за партизанами, прибывающими домой, и таковых, если не имеют законных документов, направлять в штаб. Следить за партизанами, чтобы они не оставляли своих боевых лошадей для домашних надобностей, и не выезжал бы полк на плохих лошадях. Следить за приводом вторых лошадей и отбирать таковых, отдавая их своим партизанам, кои заявят, что их лошади негодны для боя (заключение ветеринарного врача). Не допускать вывоза хлеба в неорганизованные местности. Следить за шпионажем, за пропагандой коммунистов. Не допускать самовольные обыски и аресты, от кого бы они ни исходили. При производстве обысков должны присутствовать понятые из местных жителей и кто-либо из членов семьи. При конфискации имущества должна быть составлена опись конфискованного имущества, и под ней должны быть подписи хозяина дома, понятых и чинов милиции. Следить за грабежами, кражами, убийствами, и виновных в этом арестовывать и препровождать в суд. Не допускать самовольной расправы со взятыми подозрительными лицами. Оказывать всякое содействие воинским частям по просьбе таковых. В корне пресекать взяточничество и виновных в этом предавать суду. Милиция должна быть вооружена огнестрельным оружием или холодным [39].

Дежурный по милиции обязан был следить за действиями противника, выставляя наблюдателей, где необходимо, из граждан села, знать расквартирование команды. При передвижениях из одного села в другое он должен выезжать первым в село, где выставлять наблюдателей и назначать квартиры. Смена происходила ежедневно. Ни один милиционер не имел права без дела входить в помещение президиума укома и обо всем должен докладывать начальнику.

Суд ведал расследованием исключительно обвиняемых лиц гражданских учреждений и политически заподозренных в лояльности

коммунизму, уголовных, гражданских проступках и т.п. Обвиняемые и задержанные в указанного характера преступлениях направлялись в уездный суд.

Команда связи налаживала связь с войсковыми частями и близлежащими комитетами Союза трудового крестьянства, инструктировала районные и волостные команды связи. Начальник связи находился в непосредственном подчинении председателя укома.

Для более гибкого управления уезды были разграничены на несколько районов. Тамбовский и Борисоглебский уезды имели по четыре района. В состав районного комитета входили общий, политический, продовольственный и военный отделы, суд, милиция, команда связи, во главе отделов стояли члены райкома, в то же время являясь и членами суда. В функции райкома входило исполнение различных приказов и распоряжений, применяемых к местным условиям, исходящих как от укома, так и губкома.

Продотделом велся точный учет продовольственных продуктов, сбор пожертвований для нужд партизанской армии и распределение взятых на учет продуктов среди населения, большей частью и в первую очередь удовлетворение семей партизан. Причем взятие на учет производилось путем списочной системы (подворные списки), кроме того, в функции продотдела входило взятие на учет рогатого скота и лошадей, которыми и снабжаются войсковые соединения партизанской армии.

Во главе политотдела стоял член райкома. В функции политического отдела входило контролирование подведомственных райкому органов — волостных и сельских комитетов и ведение среди населения агитационно-организационной работы, разъяснение гражданам цели борьбы и указывание на необходимость оказания всяческой помощи партизанам. В состав отдела входил комендант команды вохры.

Военотдел проводил формирование отрядов первоначально путем добровольной записи, впоследствии, взяв на учет население в возрастном и политическом отношениях и согласно распоряжению укома или какого-либо соединения, производил мобилизацию. В большинстве случаев происходит так — президиум райкома на своем заседании выделял одного гражданина, поручал ему формирование отряда. Отряд в течение 3—5 дней вначале производил самостоятельные действия в виде нападения на мелкие боевые единицы советских войск, разбор железнодорожных линий и убийства отдельных советских работников, а затем вливался в другие отряды или сливались

вместе несколько отрядов. Таким образом, образовывались полки, о чем доводилось до сведения Главного оперативного штаба, который присваивал номер и наименование полка с указанием, какой армии подчинен. При военном отделе имелся комендант, принимавший активное участие в формировании отряда и борьбе со шпионажем, контрреволюцией и тому подобное. В функции вохры при военном отделе входило несение внутренней охраны, выставление по селу застав, постов и несение караульной службы, охрана общенародного достояния: лесов, имений, сооружений, а также проведение самостоятельных оперативных действий, разъездов, разведки и т.п.

В функции общего отдела, во главе которого стоял член райкома, входили наблюдение и ведение внутреннего распорядка.

Милиция находилась в ведении райкома, в то же время подчинялась распоряжениям уездной милиции.

В функции команды связи входили установка связи с комитетами и вблизи расположенными войсковыми частями партизанской армии, взаимная информация с частями о произведенных действиях. Состав команды связи был незначителен, а потому нередко привлекались частные граждане, исполнявшие поручения комитетов, выражавшиеся в доставке тех или иных пакетов по назначению.

В каждый район входило несколько волостей, местная волостная власть подчинялась различным приказам и распоряжениям районной власти. Волостной комитет делился на милицию, хозотдел, военотдел и связь. Общей работой руководил председатель и товарищ председателя. Техническое исполнение работы президиума лежало на кооптированном секретаре.

Милиция совместно с вохрой несла караульно-разведывательную службу, следила за передвижением советских войск, шпионажем и лицами, распространяющими ложные слухи, наблюдала за отлучившимися по тем или иным причинам партизанами, а самовольно отлучившихся арестовывала и направляла обратно в часть, вела борьбу с уголовными и антиобщественными проступками, всех заподозренных в этом направляла в суд райкома.

Функции хозяйственной части, команды связи и военного отдела те же, что и районного комитета, лишь с изменением того, что вохра по охране общественного достояния находилась в ведении военного отдела.

Сельские комитеты были подведомственны волкому по числу сел, деревень и хуторов в каждой волости в отдельности. Изменения лишь

в том, что вохра действует самостоятельно, подчиняясь председателю комитета, команда связи отсутствовала, а ее функции исполняли кроме своих обязанностей милиция и, кроме этого, использовалось местное «благонадежное» население.

Во главе комитетов и их отделов стояли граждане преимущественно зажиточного класса, но в некоторых местах было и беднейшее крестьянство по тем причинам, что комитеты в иных местах образовывались на выборных началах открытым голосованием, а в других местах назначались высшими органами даже и те лица, у которых члены семьи или родственники находились в рядах Красной армии. Одновременно назначаемый председателем высшего органа являлся активным участником повстанческого движения, с целью наблюдения за деятельностью членов.

Вооружение вохры и милиции формировались из запаса, заготовленного в период работы комитета СТК и находившегося по тем или иным причинам на руках у граждан, а пополнение происходило путем захвата у небольших советских отрядов, с которыми приходилось сражаться, и обезоруживания отдельных красноармейцев, захваченных в плен во время нахождения их в организованных селах.

Большею частью вооружение состояло из бердан, обрезов и винтовок разного образца и среднего количества патронов. Все излишки вооружения через военные отделы направлялись в штаб армии или по его указанию сдавались войсковым соединениям.

Постановка шпионажа и осведомления у комитетов была на должной высоте. Из ряда имеющихся в архивных делах документов видно, что шпионаж, преимущественно на железнодорожных станциях, был поставлен посредством отдельных лиц, находившихся на службе в советских учреждениях, как, например, на станциях Жердевка и Волконская. За подписью псевдонимов с указанием находившихся и проходивших через станции эшелонов с советскими войсками указывалось — когда прибыли части, их вооружение, численность, состояние, настроение, политический состав и маршрут, какая часть несет караульную службу, где выставляет посты, их вооружение, где курсирует бронелетучка, настроение населения, и здесь же приводился план нападения. Шпионы по роду передачи сведений делились на две группы: одна группа передавала сведения о международном положении (выдержки из газет). Все поступавшие в волком сведения систематизировались и в одной общей сводке направлялись в штаб армии, а копия передавалась по инстанции — губкому. Вторым

способом шпионажа являлся переход за линию фронта в местности, занятые советскими войсками, откуда пробирались в город: одни с намерением узнать состояние Советской власти, другие — просто с целью спекуляции. Но в конечном итоге результат один и тот же, ибо, находясь в городе, путем личного наблюдения и имея родственников и знакомых, проживавших в городе или даже состоявших на службе в советских учреждениях, заводя разговор на злободневные темы, касаясь Антонова, граждане рассказывали прибывавшим из деревни о всем происходящем в городе. Полученные сведения по прибытии на место жительства немедленно передавались в комитет, откуда через службу связи сведения срочно доносились до губкома и штаба армии.

В листовке «Почему не смогут большевики победить Антонова» раскрывалось видение антоновцами истоков их побед и поражений красных частей [40].

«Почти шесть месяцев тому назад в нескольких уездах Тамбовской губернии началось крестьянское восстание. Измученные гнетом советского самодержавия, разоренные дотла государственной разверсткой, доведенные до отчаяния безудержным разгулом местных коммунистов и различных наезжих агентов, распухшие от лебеды крестьяне, наконец, не выдержали и чуть ли не с голыми руками бросились на своих угнетателей. С вилами и топорами они грудью пошли на винтовки, пулеметы и орудия. И через несколько дней у повстанцев уже были и винтовки, и пулеметы. Движение, начавшееся в двух-трех волостях, перекидывалось дальше и дальше. В настоящее время мы видим, что Кирсановский, Борисоглебский и Тамбовский уезды сплошь заняты повстанцами. Вместо отдельных небольших шаек, что были в августе и сентябре месяце, мы видим десятки конных полков, прекрасно вооруженных, с пулеметами и даже орудиями. Полки эти постоянно передвигаются, шутя отбивают все нападения на них красных и с каждым днем все растут и растут. Во главе этого движения стоит испытанный борец за народную свободу социалист-революционер Антонов. Кто такой Антонов, что он сделал для народа, об этом не стоит говорить, так как вся эта работа идет на виду всех крестьян Тамбовской губернии. Одно нужно сказать, что нет для большевиков более ненавистного имени, чем Антонов; ему они приписывают главную роль в повстанческом движении, и в этом они совершенно правы. Недаром большевики даже самое движение называют Антоновщиной.

Все силы большевики употребляют на то, чтобы разбить Антонова, уничтожить Антоновщину, а выходит как раз обратное. Антоновщина растет и растет — из маленьких отрядов выросла чуть ли не целая армия, которая начинает тревожить не только тамбовских, но уже и московских коммунистов.

В чем же сила этой Антоновщины, отчего большевики до сих пор не смогли раздавить Антонова, как они не раз собирались? И смогут ли они вообще разбить Антонова и уничтожить народное движение в Тамбовской губернии? Эти вопросы должны интересовать всех, в ком не пропала вера в русское крестьянство, и правдивый ответ на эти вопросы разъяснит многим то, что для них остается неясным. Будем отвечать на эти вопросы.

Несмотря на все старания большевиков очернить крестьянское движение всякими гнусными и клеветническими измышлениями, несмотря на позорные названия (бандитов и разбойников), которыми они называют повстанцев, все отлично знают, что повстанцы — это подлинное трудовое крестьянство, которое своим горбом кормило и кормит всю Россию, у которого с рук не сходят мозоли. Измученные, истерзанные и голодные, эти землеробы грудью поднялись на своих угнетателей и решили: или умереть, или победить, поворота назад нет и быть не может, вот их девиз. У повстанцев есть идея — свободная жизнь в свободном государстве. Идя в бой, они твердо знают, за что они умирают, и в этом их сила. Воодушевление, доблесть и геройство, эти черты присущи каждому повстанцу. А если к этому прибавить, что по большей части повстанцы — старые солдаты, вынесли на своих плечах великую германскую войну, тогда всем станет понятно, что за силу представляют из себя те, которых безмозглые большевики называют бандитами. А что представляют из себя доблестные красные войска, которые полк за полком бросаются в Тамбовскую губернию и здесь бесследно исчезают. Это вот уже подлинно сброд! Тысяча мобилизованной молодежи, у которой даже не хватило смелости быть дезертиром, десяток-другой коммунистов-хулиганов, масса патронов и пулеметов — вот вам красные полки.

Храбрые с бабами и стариками, мобилизованные при одном приближении партизан бросают винтовки и сдаются без боя. Коммунисты отчаянно сражаются, зная, что их ждет печальная участь, но что может сделать десяток-другой даже отчаянных храбрецов против превосходных сил повстанцев? Угрозами, расстрелами коммунисты заставляют идти мобилизованных в бой, а те при первом же удоб-

ном случае бросают оружие. Вот откуда повстанцы приобретают себе десятки тысяч винтовок, пулеметов, миллионы патронов, седел и прочее снаряжение. Так было и так будет дальше, ибо иной, лучшей армии у советской власти нет. Значит и впредь эта доблестная красная армия будет лишь пополнять боевым снаряжением народную армию Антонова, но никакого серьезного сопротивления этот сброд не может оказать повстанцам. Сколько большевики рассказывали про буденновцев, на которых у них была вся надежда! Где же они? Они были и, как дым, рассеялись. Войско, отлично сражавшееся на фронтах против поляков и Врангеля, оказалось бессильным против горсточки партизан, часть сдалась и частью разбежалась. Собрать же отряды из одних коммунистов большевики не смогли и не смогут, так как охотников подставлять свои лбы под пули среди них немного. Быть комиссаром — пороть плеткой стариков и баб, пьянствовать, ходить в дорогих шубах и золоте — вот настоящее занятие коммунистов, а драться с партизанами они посылают мобилизованных. Что сделали большевики для того, чтобы подавить народное восстание? Ровным счетом ничего, а все, что они сделали, это только раздувало пожар. Беспощадные расстрелы, избиение правых и виноватых, бессмысленные поджоги домов и хлеба, дикий грабеж имущества и крестьян, увод заложниками всех, не принимавших участия в движении, — все это привело к тому, что самые робкие вынуждены были идти к повстанцам. Дома остались старые да малые.

Большевики теперь и сами поняли, что они натворили, и своими последними приказами (отмена расстрела, реквизиций и тому подобное) хотят привлечь на свою сторону крестьянство. Волков в овечьей шкуре крестьяне умеют угадывать.

Большевики изо всех сил стараются показать, что такое движение происходит только в одной Тамбовской губернии. Но шила в мешке не утаишь, и все знают теперь, что волна народных восстаний поднимается все выше и выше. В Воронежской, Курской, Саратовской губерниях крестьяне с оружием в руках тоже идут на своих поработителей. Дон и Украина сплошь объяты восстанием. Сибирь понемногу начинает давать отпор большевистскому самодержавию. И нет сомнения, что к весне котел народного гнева закипит еще сильней. Вы, братья-крестьяне Тамбовской губернии, не одиноки в своей борьбе. Правда, в наших рядах слишком мало интеллигенции, но знайте, что к вам на помощь идет ваша крестьянская партия социалистов-революционеров. Только на днях закончился в Париже съезд членов

Учредительного собрания, на котором большинство решило всячески поддержать социалистов-революционеров, а эти устами своих лучших вождей Чернова, Керенского, Авксентьева объявили, что будут вести вооруженную борьбу с большевиками. Итак, помощь не за горами. Мужайтесь, братья-крестьяне, знайте, что советское правительство доживает последние дни. Оно окружено кольцом враждебных держав, которые и разговаривать не хотят с разбойниками (за границей иначе большевиков не зовут как разбойниками), так что помощи извне им не будет.

Внутри страны полная разруха во всем. Их армия — сброд согнанных плеткой дезертиров. Захватив обманом в октябре 1917 г. в свои руки власть, они слишком издевались над крестьянством, пока, наконец, оно не проснулось и с оружием в руках не пошло на своих врагов.

Кроток и мягок русский мужик, но и страшен он бывает в гневе своем, большевики сумели пробудить этот гнев у него на свою голову.

Нет, не раздавить большевикам Антонова, ибо Антонов — это все трудовое многомиллионное крестьянство, которое начинает понемногу пробуждаться от сна и сбрасывать с себя ненавистное иго большевиков. Еще месяц, другой, и пожар крестьянских восстаний охватит всю Россию.

Волна народного гнева смоет с русской земли весь навоз, называемый большевизмом, и на очищенной земле полновластный хозяин земли Русской — Учредительное собрание даст исстрадавшемуся крестьянству не только землю, но и волю» [40].

В покорность бунтовавшее население приводилось путем репрессий, обратившихся на всех — от детей до стариков. Большевистская власть не останавливалась перед самыми жестокими и варварскими способами подавления восставших крестьян: «законные» и «незаконные» расстрелы, массовые аресты, уничтожение целых сел. Снесены артиллерией и сожжены села Коптево, Хитрово, Верхне-Спасское. Особенно безнравственна была система заложничества.

В политической сводке Тамбовского боеучастка о ходе операции по искоренению повстанчества от 30 июня 1921 г. говорится, что в ряде районов производились расстрелы за укрывательство и помощь бандитам, брались заложники, например: в Пановых Кустах — 64 человека, в Кривополянье — все мужское население, а 14 причастных к бандитизму расстреляли, в Грязнухе — 17 человек.

Это еще более ожесточило повстанцев, которые в качестве ответной меры брали в заложники семьи красноармейцев и коммунистов.

В ответ вводилась сеть концлагерей, в которых содержались и дети повстанцев [1].

Резюмируя изложенное, сделаем следующие выводы. Документы воссоздают образ А.С. Антонова как типичного русского революционера начала XX века, вышедшего «из низов» и отдавшего себя целиком революции, человека немедленного действия, готового ради высоких идеалов совершать и «теракты», и «эксы». Именно из них состоял боевой авангард и у эсеров, и у анархистов, и у большевиков, — тех, кто сам шел на баррикады и звал других. Они легко отождествляли себя с революцией, проникались сознанием особой миссии собственной личности — вождизмом. Приписываемые Антонову стихи в этом отношении очень выразительны. Характерным для этих стихов, как и для «Песни партизана», было яростное обличение врага и очень туманное отражение или полное отсутствие позитивного идеала.

Конкретность и наглядность целей и результатов военных действий повышали боевой дух армии и привлекали к ней новые силы: число бойцов в антоновском войске в феврале 1920 г. достигло 40 тыс., не считая «вохры» (охраны). Мощная организация и постановка шпионажа, разведки и осведомления, снабжение всеми видами довольствия и снаряжения не могла быть, если бы на стороне восставших не были симпатии населения губернии. Граждане в ряды партизан привлекались путем агитации и воззваний.

Но при достижении высшего апогея в рядах повстанцев находились различные элементы, пристрастные к мародерству. Мародерство со стороны партизан строго наказывалось, виновные подвергались суду и арестам.

Союз трудового крестьянства, созданный на съезде партии социалистов-революционеров, и Союз трудового крестьянства, который был фактически партией Партизанской армии Тамбовского края, имели общим только название. Антонов не создавал новый Союз трудового крестьянства. Главной своей задачей Союз трудового крестьянства ставил «свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора». Даже негативно окрашенные чекистские донесения не отрицали благожелательного отношения крестьянства к СТК.

Несмотря на все старания большевиков очернить крестьянское движение всякими гнусными и клеветническими измышлениями, несмотря на позорные названия (бандитов и разбойников), которыми

они называют повстанцев, все отлично знают, что повстанцы — это подлинное трудовое крестьянство, которое своим горбом кормило и кормит всю Россию, у которого с рук не сходят мозоли.

В покорность бунтовавшее население приводилось путем репрессий, обратившихся на всех — от детей до стариков. Большевистская власть не останавливалась перед самыми жестокими и варварскими способами подавления восставших крестьян: «законные» и «незаконные» расстрелы, массовые аресты, уничтожение целых сел.

Источники и примечания:

1. «Антоновщина». Как это было //http: //www2001.lipetsk.ru/ town/ kraeved/is06anto. html.

2. Поранение городового при преследовании злоумышленников. Из сообщения о попытке задержания полицией А. Антонова // Тамбовский край. 13 июня 1908 г.

3. Биографическая справка на А. Антонова, составленная в Тамбовской губернской ЧК // РГВА.Ф. 235. Оп. 2. Д. 2. Л. 37.

4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 82. Д. 199. Л. 36.

5. ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 520. Л. 7—8.

6. Письмо начальника боевой дружины А. Антонова начальнику Кирсановской уездной милиции с протестом против очернения дружины и предложением сотрудничать в борьбе с бандитизмом // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 3897. Т. 1. Л. 21.

7. Доклад губкома РКП(б) в Центр о причинах и ходе борьбы с крестьянским повстанческим движением // РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 133. Л. 46.

8. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 470—471.

9. ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1110. Л. 1—3.

10. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 1, Пановы Кусты. 1 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 468.

11. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.

12. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 4, с. Каменка. 10 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.

13. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 5, с. Чикаровка. 8 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.

14. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 6, с. Каменка. 13 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.

15. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 7, с. Каменка. 14 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.

16. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 9, с. Туголуково. 15 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.

17. Оперативные сводки 1-й Партизанской армии Тамбовского края за 11 января 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 117.

18. Донесение командира 5-го Борисоглебского партизанского полка командиру 4-й бригады 1-й партизанской армии Тамбовского края Г.В. Крутских о выполнении боевой задачи. Вх. № 719/21. 18 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 473.

19. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 14.

20. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 15—16.

21. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 20.

22. Доклад Штаба РККА в Реввоенсовет Республики о повстанческом движении на территории Республики // РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 403. Л. 8.

23. Воззвание Главного оперативного штаба и политических руководителей // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 477 об., 472—473.

24. Протокол заседания полкового суда 6-го Верхне-Карачанского партизанского полка о возвращении незаконно изъятого имущества Мальшиной Н.И. 19 февраля 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 89 об.

25. Донесение агитатора 1-го партизанского полка Ф.С. Подхватилина в Главный штаб 1-й партизанской армии о состоянии 8-го Токайского полка и политическом состоянии населения Воронежской губернии // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 209—210.

26. Цит. по: Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота. Амстердам, 1989. С. 551—555.

27. Программа Союза трудового крестьянства // РГВА.Ф. 235. Оп. 1. Д. 29.

28. Устав Союза трудового крестьянства // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 221—222.

29. Инструкция по организации районных, волостных и сельских комитетов Союза трудового крестьянства и их обязанностях, утвержденная Борисоглебским уездным съездом 26 декабря 1920 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 224—225.

30. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 223.

31. Протокол пленарного заседания представителей 1, 2, 3, 4 и 5-го полков боевой дружины Тамбовского края № 216 декабря 1920 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 106—106 об.

32. Из доклада В.А. Антонова-Овсеенко в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением // The Trotski Papers. Vol. II. P. 490

33. Предписание командира 8-го Токайского полка сельским комитетам Союза трудового крестьянства о их действиях на текущий момент. Январь 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 209—210.

34. Инструкция комитетам Союза трудового крестьянства о порядке их деятельности // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 230—231.

35. Доклад В.А. Антонова-Овсеенко в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением (с пометками В.И. Ленина на полях рукописи) 20 июля 1921 г. // РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 40.

36. Обращение Тамбовского губернского комитета Союза трудового крестьянства // РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

37. Воззвание к красноармейцам // РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 2. Л. 72.

38. Инструкция оперативного штаба 1-й партизанской армии об агитационных работниках // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 232.

39. Инструкция губернского комитета Союза трудового крестьянства и штаба 1-й партизанской армии об обязанностях милиции. 24 февраля 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 234—735.

40. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 661. Л. 32—38.

ПОДАВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ НА ТАМБОВЩИНЕ

Трудно упрекнуть тамбовское руководство в недооценке грозившей ему опасности. Как уже отмечалось, в первые дни восстания был создан оперативный штаб по борьбе с бандитизмом. В начале сентября 1920 г. губком и губисполком делегировали в Москву А.Г. Шлихтера для личного доклада, отмечая в нем то, что «не удалось своевре-

менно задавить повстанческое движение, которое теперь разрослось до громадных размеров и имеет тенденцию разрастаться, захватывая новые территории». 9 сентября А.Г. Шлихтер встретился с В.И. Лениным и попросил у него содействия в получении для Тамбовской губернии батальона пехоты, двух эскадронов кавалерии и двух тысяч продотрядников, а также 1000 винтовок, 1000 револьверов и 25 тысяч патронов для вооружения местных коммунистов. Шлихтер заверил Ленина, что если все это удастся получить, то тамбовские власти смогут не только быстро подавить мятеж, но и полностью выполнить государственную разверстку по хлебу.

24 сентября командированный в Москву заместитель председателя Тамбовского губисполкома В.Н. Мещеряков направил В.И. Ленину записку, в которой говорилось: «Со времени Вашего разговора (и содействия) с Шлихтером о нашем восстании — положение наше ухудшилось: разоружены наши 2 роты, взято, таким образом, 400 винтовок и 4 пулемета и вообще противник окреп. Я был у главкома (главнокомандующий всеми вооруженными силами республики С.С. Каменев. — *Авторы*), получил обещание послать в Тамбов 1 батальон и 300 винтовок, но по вопросу о продотрядах до сих пор ничего не вышло. Нам не дали ничего. Иссыпка идет по 20—22—25 тысяч пудов в день вместо 200—220 тысяч нужных. Имею просьбу Шлихтера и губкома переговорить с Вами на эту тему, ибо положение худое» [1: 78].

В ответ на записку В.И. Ленин дал указание заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому и председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому: «Надо принять архиэнергичные меры. Спешно!» [1: 79].

Через три дня, 27 сентября 1920 г., В.И. Ленин поручил заместителю председателя Наркомпрода Н.П. Брюханову проверить, верна ли разверстка в 11,5 млн пудов для Тамбовской губернии — «не скостить ли?». Однако на следующий день в Тамбов была послана телеграмма за подписью председателя СНК В.И. Ленина и заместителя наркома продовольствия Н.П. Брюханова с указанием экстренно направить в Москву два хлебных маршрута по 35 вагонов каждый. В телеграмме от 28 сентября 1920 г. говорилось: «Вне всякой очереди (в Тамбов из Москвы из Кремля) ... Ввиду создавшегося катастрофического положения с поступлением хлеба, наличности запасов: на фронте — два, в Москве и Петрограде — один день, приказываю напряжением всех сил, использованием всех средств губернии не позднее первого октября фактически загрузить и отправить в Москву в адрес Наркомпрода:

помимо плановых отправок два маршрута с хлебом по тридцать пять вагонов каждый со специальными проводниками» [2: 270—271].

Через два дня из Тамбова рапортовали о выполнении чрезвычайного правительственного распоряжения.

Эти действия вызвали недовольство народа, люди восстали. 15 октября 1920 г. В.И. Ленин направил телеграмму заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому, в которой указывает: «Дайте РВСР поручение или, вернее, точный приказ добиться быстрой и полной ликвидации. О принятых мерах мне сообщить» [3: 51: 290]. 19 октября Ленин направляет командующему внутренними войсками республики В.С. Корневу и председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому записку следующего содержания: «Тов. Шлихтер сообщает мне об усилении восстания в Тамбовской губернии, о слабости наших сил, особенно кавалерии. Скорейшая (и примерная) ликвидация (антоновщины. — *Авторы*), безусловно, необходима. Прошу сообщить мне, какие меры принимаются. Необходимо проявить больше энергии и дать больше сил» [3: 51: 310].

Первоначально тамбовское руководство отводило на ликвидацию крестьянского восстания не более трех-четырех недель. Партизанский способ ведения боевых действий повстанцев, успевавших под натиском красноармейских частей скрыться и просто раствориться в крестьянской среде, пульсирующий характер движения затрудняли оценку эффективности военных мер. В докладе В.И. Ленину командующий войсками внутренней службы республики В.С. Корнев уже 1 ноября 1920 г. заявил, что с этого времени восстание можно считать подавленным и вся задача ближайшего времени сводится к ликвидации отдельных банд и шаек. В докладе говорилось: «Со второй половины октября с. г. отмечается перелом в операциях на территории Тамбовской губернии, выразившийся в том, что сильный противник с большим преимуществом в маневренных действиях, после ряда нанесенных его ядру сильных ударов потерял повстанческую окраску в широком масштабе. С 20-х чисел октября антоновцы начали избегать встречи с нашими частями, заметно терялись в неожиданных схватках и сводили свои боевые операции преимущественно к налетам и грабежам. Однако, держась постоянно в хорошо знакомом ему районе, противник, несмотря на наносимые ему удары, быстро пополнялся за счет местного населения, дававшего ему боевой и конский состав» [4].

Побывав в Тамбове в конце декабря, В.С. Корнев, по его же словам, убедился в невозможности справиться с восставшими наличны-

ми силами. В это время против мятежников действовало уже свыше 10 тыс. штыков и сабель.

Впоследствии в официальных документах не раз утверждалось о спаде или разгроме восстания, но оно вновь оживало. После посещения Тамбова комиссией во главе с В.С. Корневым Оргбюро ЦК РКП(б) 1 января 1921 г. рассмотрело вопрос о массовых беспорядках в Тамбовской губернии. По докладу Ф.Э. Дзержинского о массовых беспорядках в Тамбовской губернии, необходимости усиления тамбовской губернской организации коммунистами и о невозможности быстрой переброски воинских частей было принято постановление: «28. а) поручить учетно-распределительному отделу и ПУРу в 3-х дневный срок направить в Тамбов 300 человек, главным образом, из расформированной 2-й армии» [5].

Но все эти действия были недостаточными, они не давали желаемого результата.

Важнейшим рубежом в цепи событий стал февраль 1921 г. К этому времени повстанческое движение достигло наибольшего размаха, стало находить отклик в пограничных уездах Воронежской и Саратовской губерний.

Советская власть перешла к решительным действиям против антоновцев. Ликвидация фронтов против Польши и Врангеля позволяла двинуть на Тамбовщину крупные и боеспособные воинские контингенты, технику, включая артиллерию, бронечасти, самолеты. Изменилась и тактика действий против повстанцев. Вместо отдельных, не связанных единым планом операций была создана четкая структура военного управления. Вся губерния была поделена на шесть боевых участков с полевыми штабами и чрезвычайными органами власти — политкомиссиями.

В феврале 1921 г. произошел перелом в общей политике государства по отношению к крестьянству. Именно государственной политике принадлежало последнее слово в борьбе с крестьянской революцией и, следовательно, в выходе страны из состояния Гражданской войны. Эти изменения, выразившиеся в переходе к новой экономической политике, как показывают открывающиеся документы, оказались связанными с антоновщиной не только как частью общего крестьянского движения того времени, наряду с Кронштадтским мятежом, но и непосредственно с конкретными событиями и лицами, соприкоснувшимися с Тамбовщиной того времени.

Накануне X съезда РКП(б) проводилась общепартийная дискуссия по проблемам, порожденным «военным коммунизмом». В это время в Тамбов выезжали два крупных представителя центрального руководства — Н.И. Бухарин и А.В. Луначарский. Бухарин участвовал в работе X губернской партконференции (28—30 января 1921 г.), Луначарский участвовал в работе VII губернского съезда Советов (31 января — 4 февраля). По выступлениям делегатов от местных организаций, от разных учреждений они могли составить представление о действительных масштабах и характере антоновщины как массового крестьянского восстания и быстро нарастающей угрозе самому существованию советского строя. Они увидели также, что партийное и советское губернское руководство, раздираемое бесконечными и пагубными распрями, не способно справиться с положением.

Нужны были решительные меры со стороны руководства. Сразу после возвращения Бухарина в Москву В.И. Ленин поставил в перечень вопросов на заседание Политбюро ЦК РКП(б) на 2 февраля вопрос об антоновщине. В биографической хронике В.И. Ленина есть такая запись:

«Значит, завтра поставим

1) доклад Бухарина

2) Шкловский...» [6: 48—49].

Как свидетельствует протокол заседания Политбюро ЦК партии от 2 февраля 1921 г., первым вопросом на заседании был доклад Н.И. Бухарина. Сама форма процитированной ленинской записи отражает ситуацию какого-то напряженного разговора с кем-то, вернее всего, именно с Бухариным. Процитируем протокол № 81 заседания Политического бюро ЦК РКП от 2 февраля 1921 г.:

«Присутствовали: тт. Ленин, Бухарин, Сталин, Крестинский, Преображенский, Рудзутак, Каменев, Андреев.

Слушали: 1. Доклад т. Бухарина.

Постановили: 1. а) Указать т. Цюрупе, что политическое положение и восстание крестьян безусловно требует обращения самого серьезного внимания на быстрое проведение продовольственной скостки в тех местах, где крестьяне особенно пострадали от неурожая и особенно сильно нуждаются в продовольственном отношении.

Признать необходимым также выработку ряда других мер для облегчения продовольственного положения крестьян в этих губерниях, в особенности для организации общественного питания.

Поручить Наркомпроду 2 раза в неделю представлять в ЦК письменные сообщения о мерах, принимаемых во исполнение данного постановления, и о фактическом их проведении в жизнь.

б) Поручить Оргбюро совместно с президиумом ВЦИК организовать немедленно посылку комиссии от ВЦИКа в Тамбов для политического руководства и помощи товарищам в борьбе с крестьянским восстанием и для политической обработки районов, освобождаемых от повстанцев.

в) Поручить Секретариату ЦК сегодня же вызвать по телеграфу в Тамбов т. Антонова-Овсеенко.

Поручить т. Фомину проследить за возможно более быстрой доставкой Антонова-Овсеенко в Тамбов.

г) Поручить Оргбюро сегодня же найти подходящих работников для Тамбовской губ. и отправить их в Тамбов немедленно.

д) Поручить Оргбюро в самом срочном порядке подыскать начпоарма в Тамбов.

е) Поручить т. Шведчикову усилить снабжение Тамбовского губисполкома бумагой.

Слушали: 2. Доклад Комиссии по вопросу о помощи крестьянству, пострадавшему от неурожая.

Постановили: 2. а) Поручить т. Преображенскому по соглашению с тт. Цюрупой и Лежавой выработать проект постановления Политбюро о мерах, которые должны быть предприняты для облегчения положения крестьян и передать сегодня же к 10 часам в секретариат для опроса всех членов Политбюро по телефону.

б) Поручить тт. Бухарину, Преображенскому и Каменеву выработать и окончательно утвердить текст обращения от имени президиума ВЦИК за подписью т. Калинина к крестьянам Тамбовской губ. с тем, чтобы распространить его только в этой губернии, не печатая в газетах» [7].

Содержание доклада Н.И. Бухарина в протоколе заседания Политбюро ЦК РКП не отражено, поиски его по другим фондам, в том числе фонду Н.И. Бухарина, безрезультатны. Но постановление Политбюро, принятое на основе обсуждения доклада Н.И. Бухарина, в какой-то мере отражает его позицию. Она проявляется, на наш взгляд, в разделе о том, что «политическое положение и восстание крестьян (не бандитизм. — *Авторы*), безусловно, требует... самого серьезного внимания на быстрое проведение продовольственной скостки в тех местах, где крестьяне особенно пострадали от неурожая». Настойчивое развитие

этой темы в постановлении, вплоть до «организации общественного питания», необычно для подобного уровня документов и, вероятнее всего, исходит от докладчика. К особенностям позиции Бухарина можно отнести и решение послать в Тамбов «для политического руководства и помощи товарищам в борьбе с крестьянским восстанием» комиссию от ВЦИК, а не создавать предлагавшийся еще один реввоенсовет. На другой же день на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) была создана Полномочная комиссия ВЦИК, которую возглавил Антонов-Овсеенко.

Сошлемся на протокол № 93 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 3 февраля 1921 г.

«Слушали: 52. О председателе Пермского губпосевкома взамен отозванного для работы в Тамбове тов. Антонова-Овсеенко.

Постановили: 52. Командировать в распоряжение НКЗема для назначения Пермским Губпосевкомом тов. И. Шелехес если последний найдет возможным отказаться от использования предоставленного ему отпуска.

Слушали: 54. Постановление Политбюро о посылке комиссии от ВЦИК в Тамбов для политического руководства и помощи товарищам в борьбе с крестьянскими восстаниями.

Постановили: 54. Поручить Президиуму ВЦИК организовать комиссию во главе с т. Антоновым-Овсеенко.

Слушали: 55. Постановление Политбюро о срочной посылке политработников в Тамбовскую губернию и начпоарма для Тамбова.

Постановили: 55. Поручить тов. Александрову совместно с ПУРом срочно выделить 200, лучшего качества работников, чем первые 350 для Тамбова и выдвинуть кандидата на должность начпоарма» [8].

Как видим, практические решения Политбюро по докладу Н.И. Бухарина носили чрезвычайный характер — их нужно было выполнить «сегодня же», «в самом срочном порядке».

Вторым на заседании Политбюро 2 февраля был поставлен вопрос, не обозначенный в упоминавшейся ленинской записи повестки этого заседания Политбюро — доклад комиссии по вопросу о помощи крестьянству, пострадавшему от неурожая. Предварительно решение по этому вопросу подготовлено не было. Е.А. Преображенскому, А.Д. Цюрупе и М. Лежаве было поручено по итогам обсуждения «выработать проект постановления и передать сегодня же к 10 час. в секретариат для опроса всех членов Политбюро по телефону» [7].

Было дано еще одно важное поручение — Н.И. Бухарину, Е.А. Преображенскому и Л.Б. Каменеву поручалось «выработать и оконча-

тельно утвердить текст обращения от имени президиума ЦИК за подписью т. Калинина к крестьянам Тамбовской губ. с тем, чтобы распространить его только в той губернии, не печатая в газетах» [7).

Вместе с тем было понятно, что обращение с объявлением прекращения взимания продразверстки от имени высшего органа государственной власти невозможно было ограничить Тамбовщиной. Утаивание самой возможности отмены продразверстки могло стать детонатором еще больших социальных взрывов в деревне. Поэтому обращение к тамбовскому крестьянству было распространено от имени губисполкома и губкома РКП(б) 9 февраля 1921 г. Его суть состояла в отмене продразверстки и разрешении местного торгового обмена продуктами сельского хозяйства.

В Обращении отмечалось, что Народный комиссариат по продовольствию решил прекратить дальнейшее взимание хлебной разверстки в Тамбовской губернии. Эта мера объяснялась тем, что, во-первых, появилась возможность понемногу получать хлеб с юга и из Сибири; а во-вторых, была ответом на обращение губкома компартии, который указал на всю тяжесть положения, в котором находился тамбовский крестьянин, и на то, что большая часть разверстки была выполнена, а те остатки, которые имелись у некоторых кулаков, сравнительно ничтожны.

В Обращении говорилось, что Губернский комитет коммунистов и губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с великой радостью приняли распоряжение Народного комиссариата по продовольствию о прекращении дальнейшего взимания хлебной разверстки в губернии и дали распоряжения уездным продкомиссариатам немедленно прекратить собирание хлебной разверстки и снять все продотряды.

В Обращении говорилось: «Тов. крестьяне и крестьянки! Со страшной трудностью, но с честью вы выполнили вашу великую повинность перед рабоче-крестьянским государством. Теперь рабоче-крестьянское государство, ваша родная, вами выбранная власть должна в свою очередь оплатить вам сторицей». По предложению губкома партии губернский исполнительный комитет решил проводить преимущественное снабжение крестьянского населения и ходатайствовал перед центральной властью об увеличении материальных кредитов.

Губисполком и губкомпарт заверяли крестьян: «Всем, чем только можно будет вам помочь, — Советская власть поможет. И для того, чтобы лучше слышать вашу просьбу и нужду, по всей губернии ор-

ганизуются широкие беспартийные конференции, куда приглашаем присылать своих представителей. Называйте смело и прямо ваши нужды и ваших обидчиков. Советская власть сумеет вас защитить». Губернские органы компартии и государства призывали к мирному труду: «Товарищи крестьяне и крестьянки! Война кончена, разверстка выполнена — теперь дружною семьей за подготовку к весенней семенной кампании! Пусть будет проклят всякий, кто осмелится оторвать крестьян от этого мирного труда! Беспощадно обрушится на его голову Советская власть! К труду, к миру, к весеннему севу, товарищи крестьяне и крестьянки!» [2: 299—300].

Это Обращение было принято и обнародовано за месяц до X съезда РКП(б), заменившего разверстку твердым продналогом и разрешившего свободу торговли, и почти за месяц до Кронштадтского мятежа.

Обращает на себя внимание одно обстоятельство: за день до даты принятия названного обращения состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б). На тексте Обращения В.И. Ленин написал «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», с которого советская историография определяет разработку новой экономической политики.

В действительности появление и значение этого исторического документа выглядит иначе. Он находится в несомненной связи с тем, что происходило в Политбюро 2 февраля 1921 г., и тем, что было между 2 и 8 февраля. В.И. Ленин усиленно занимался ускорением военного решения тамбовской проблемы. В этом ряду событий, связывающих борьбу против антоновщины и переход к нэпу, следует отметить встречу Ленина с депутацией тамбовских крестьян, в беседе с которой он не только выслушал жалобы на непосильность разверстки и произвол продагентов, но и одобрил принятые меры. Содержание беседы тамбовских крестьян с Лениным известно из листовки, которую распространяли среди восставших крестьян. Естественно, беседа эта интерпретировалась агитаторами губкома партии по-своему. Приведем текст листовки, подготовленный Полномочной комиссией ВЦИК — «Что сказал тов. Ленин крестьянам Тамбовской губернии»:

«14 февраля т. Ленин принял в Кремле крестьян Тамбовской губернии, приехавших поведать ему о крестьянских нуждах.

Крестьянин Пахотно-Угловской вол. Тамбовского уезда Кобзев и крестьянин деревни Грушево Трескинской волости Кирсановского уезда Соломатин рассказывают об этом приеме так:

— Тов. Ленин принял нас в зале один, любезно поздоровался, пожал руки, пригласил сесть и сказал: “Крестьяне-тамбовцы, дорогие товарищи, объясните мне, какое у вас неудовольствие и что такое банда Антонова и что она делает”.

Крестьянин Бочаров, Ивановской волости, пояснил: “Банда грабит советские хозяйства и потребиловки и частных граждан, у крестьян отнимает скот, лошадей, сбрую, фураж. А после приходят красные и тоже обижают крестьян”.

Тов. Ленин записал это на бумаге и просил высказываться еще.

Тов. Бочаров указал, что наложили непосильную продовольственную разверстку.

Тов. Ленин спросил:

“А в 1918 и 1919 гг. вы без скандала выполняли разверстку?”

Тов. Бочаров ответил: “Без скандала. Только в этом году был сильный неурожай, и разверстку выполнить невозможно”.

Тов. Ленин дальше спросил: “А как относятся местные власти?”

Мы давали ему ответы, что агенты продорганов, не считаясь ни с чем, требовали и брали, а власти не обращали внимания. И еще очень обидно, что, бывает, берут картошку, мы ее свозим, где картошка гниет, и нас же опять заставляют очищать это место. Нам, крестьянам, очень жаль, что нашим трудом красноармеец и рабочий не пользуются.

Тов. Ленин сказал на это, что люди бывают не на своих местах. Причем просил нас выбирать в Советы самых лучших, добросовестных людей из трудового класса. Также обратил наше внимание на беспартийную конференцию, куда сказал побольше посылать хороших людей и высказывать власти все нужды крестьянства.

— “А если люди, избранные вами, к власти оказались негодными, то надо их смещать и заменять другими”.

Иван Кобозев спросил: “А как нам быть с землею в смысле дележа?”

Тов. Ленин ответил: “Распоряжайтесь землей, как вам лучше. Хотите — ежегодно делите, хотите — на многие годы”.

А еще мы сказали тов. Ленину, как бывает. Сидят в советских имениях лодыри и все получают — и керосин, и спички, и соль. И он это записал, а напоследок сказал:

“Если теперь крестьяне будут обижены властью, сообщайте в губернию, а если губернская власть не окажет внимания, то обращайтесь в Москву, в Кремль, ко мне. Можно письменно и лично”.

И еще тов. Ленин сказал: “Вы вместе с рабочими проливали кровь за свободу, за свою власть. Держите ее крепко в своих руках вместе с рабочими. И тогда увидите, какая будет власть”.

И тов. Ленин просил передать всем крестьянам, что принял крестьян как любезных гостей и просит всех крестьян крепко держать свою рабоче-крестьянскую власть и выбирать в Советы самых честных людей из трудового крестьянства. И кончил так: “Я знаю, как трудно жить крестьянину, когда с них все берется и так мало им дают. Я знаю крестьянскую жизнь, люблю их и уважаю. Прошу крестьян немного потерпеть, приходить в сознание и идти на помощь своей власти”.

На том мы простились с тов. Лениным. И теперь мы вернемся в свои волости и расскажем, что он нам говорил и как надо нам держаться Советской власти и помочь общей нашей беде.

Со слов крестьян Кобозева и Соломатина записал член Тамбовского уисполкома Смоленский» [9].

Как видим, В.И. Ленин был озабочен положением крестьянства Тамбовщины и всего крестьянства страны. Вместе с тем он правильно ставил вопрос о том, что сами крестьяне должны использовать свои права при выборе руководителей и требовать с них отчета о своей деятельности.

Делегат II Всероссийского съезда Советов, коммунист Н.Н. Исполатов из г. Усмани Тамбовской губернии в письме В.И. Ленину высказал сокровенные мысли крестьян, дал «земную» характеристику действий представителей местных органов власти. Он писал:

«Дорогой Товарищ!

Считаю своим долгом сообщить Вам свои впечатления о взаимоотношении социальных сил в современной России. Я думаю, Вам, стоящему на вершине российской государственной пирамиды, и мне, находящемуся у основания ее, в самой гуще жизни, картина русской жизни представляется с различных точек зрения. Усманский уезд Тамбовской губернии, постигнутый неурожаем, вчистую ограбленный продотрядами под видом взимания государственной разверстки, — причем не столь получило государство, сколько они, — в настоящее время переносит муки острого голода. Люди дерутся из-за падали, пухнут до неузнаваемости от голода, ходят из учреждения в учреждение и отсылаются, дети бросаются родителями и десятками подкидываются в детские дома. Грабеж и воровство достигли небывалых размеров.... Идейных коммунистов — капля в россий-

ском море... Спасти положение может только широкое применение рабочего демократизма в партии, профессиональных союзах и среди крестьянских масс, создание твердых правовых норм и поднятие престижа народного суда» [10].

Положение крестьянства Тамбовщины неоднократно рассматривалось высшими органами государства и компартии. Даже Манифест ВЦИК «К крестьянству Российской Социалистической Советской республики» от 19 марта 1921 г. был принят Политбюро ЦК РКП(б) на заседании, которое начиналось с отмены «постановления ЦК о полной приостановке заготовок в Тамбовской губернии». Это решение найти не удалось, но, может быть, как особого документа его и не было, а речь идет о содержании постановления от 2 февраля, которым Бухарину, Преображенскому и Каменеву поручалось подготовить Обращение ВЦИК, появившееся 9 февраля от имени Тамбовских губисполкома и губкома партии. Разрешение заготовок объемистого фуража (сена) «на надобности военных сил, действующих там против местных бандитов», ничего не меняло: продразверстка была отменена, «военный коммунизм» заменялся нэпом.

Следует подчеркнуть, что тамбовское крестьянство восприняло новую экономическую политику в целом одобрительно. Об этом, в частности, говорит резолюция I губернской беспартийной конференции крестьян о замене разверстки натуральным налогом, снабжении крестьян предметами первой необходимости от 11 марта 1921 г. В ней говорилось: «...Мы приветствуем заявление В.И. Ленина о необходимости дать простор крестьянину и перейти от продразверстки к натуральному налогу, при котором каждый крестьянин будет заранее знать, сколько должен будет отдать государственных налогов. Мы приветствуем прекращение взимания с Тамбовской губернии госразверстки хлебом и просим центральную власть распорядиться об усилении снабжения крестьянства продуктами первой необходимости» [11].

Немало было и крестьян, которые не верили заверениям руководителей, считали, что власть ничего не делает просто так, без тайной выгоды для себя: «Советская власть будет брать с крестьян больше, чем по декрету о налоге»; «Как только уродится хлеб — будут отбирать по-прежнему», «Хотите завоевать симпатию отменой разверстки. Нет, теперь уже поздно. Натурналог — та же разверстка, только название другое». Сомнения эти были небеспочвенными. Продналог на первых порах мало отличался от продразверстки: весной 1921 г.

его размер по губернии определялся в 5, 3 млн пудов, а в октябре — уже в 8,5 млн пудов. Правда, это увеличение хлебных сборов было связано с голодом на юго-востоке России, особенно в Поволжье.

Обратимся к «Информационной сводке губчека о политическом настроении населения за период с 15 февраля по 1 марта 1921 г.». Тамбовская губернская чрезвычайная комиссия отмечала, что настроение населения вследствие продовольственного и топливного кризиса было крайне возбуждено. Отмена продразверстки с крестьянского населения губернии не дала желаемых результатов. Первые сообщения в губернских и уездных «Известиях» об отмене продразверстки произвели на крестьян хорошее впечатление и в своем большинстве (за исключением Лебедянского, Темниковского уездов, где население и до отмены продразверстки голодало по причине выполнения всего проднаряда) крестьянство встретило это с большой радостью. Однако отмена продразверстки, как показали дальнейшие события, не оставила крестьянство в покое вследствие того, что «работа восставших, превратившихся в последнее время в орду головорезов, громил, и к ним примкнувшее целиком деревенское кулачество, создавшие из себя целые полки, исключительно содержится на продовольствии крестьян, точно так же красноармейские части, за недостатком снабжения их из госфонда, содержатся на 80 % на крестьянский счет». В Информационной сводке губчека делало вывод, что «крестьянство Кирсановского, Борисоглебского, Тамбовского и часть Усманского и Моршанского уездов находилось в плачевном продовольственном состоянии, с одной стороны, по причине работы там восставших, результат чего привел к систематической варке самогона и спекуляции хлебом, с другой стороны, выполнения большого процента продразверстки последними двумя уездами наряду со скудностью урожая 1920 г.». На проходивших районных и уездных конференциях беспартийного крестьянства поднимались вопросы бандитизма и посевной кампании [12].

Как бы то ни было, инерция войны не только продолжала диктовать поведение обеим сторонам, но еще более ожесточила, довела их противоборство до крайней степени. Высшим органом борьбы с «антоновщиной» в конце февраля — начале марта 1921 г. стала Полномочная комиссия ВЦИК.

7 февраля 1921 г. в Тамбов для организации борьбы с бандитизмом направляется Антонов-Овсеенко, который возглавил Полномочную комиссию ВЦИК, в нее также вошли секретарь губкома РКП(б) Б.А.

Васильев, председатель губисполкома А.С. Лавров. 26 апреля 1921 г. В.И. Лениным вносится предложение в Политбюро ЦК, а 27 апреля принимается решение «О ликвидации банд Антонова в Тамбовской губернии», по которому М.Н. Тухачевский назначается «единоличным» командующим войсками. В мае 1921 г. он принял командование войсками Тамбовской губернии. Вместе с ним прибыли другие военачальники — Н.Е. Какурин, И.П. Уборевич, Г.Н. Котовский, от карательных органов Г.Г. Ягода и В.В. Ульрих [10].

Полномочная комиссия фактически сосредоточила в своих руках всю власть в Тамбовской губернии.

В.А. Антонов-Овсеенко, прибыв в Тамбов и изучив обстановку, состояние красноармейских частей, докладывал в Москву: «Политработа в Красной Армии без руководства. Никакого учета и попыток перераспределения партийных школ. Комиссарский состав слаб. Поарм неработоспособен. Агитация против эсеров, бандитов эпизодична. В штабе — засилие местных, ненадежных людей, коммунистов почти нет, связь слаба, разведка — бессистемна, контрразведка отсутствует. Никакой систематизации и изучения данных о восстании ни в чека, ни в штабе, ни в губкоме. Реввоентрибунал работает над мелочами, совершенно не ведется политических кампаний. В частях — мародерство, подножный корм, ненадежность комсостава, боеспособность крайне низка, отсутствие простейшего понимания обстановки, умения применяться к ней. Эти части — чудовищная мозаика всяких войсковых отбросов (за небольшими исключениями), в одном Тамбове до 16 мелких частей. Некоторые определенно связаны с бандитами (установлено для 44-го полка в Тамбове, связанного с подготовлением восстания, полк выводится в Ростов; крайне подозрителен батальон чека в Тамбове). Повсеместная болтливость, игнорирование простейших правил конспирации, неосведомленность — мать паники (ряд ложных тревог в Тамбове — "противник 20-го занял Пушкари в 5 верстах от Тамбова" и т.п. сведения от частей, от разведки, прибывающие в штаб и будоражащие весь гарнизон). Комвойсками одинок в штабе, без опоры в пустом губкоме. Начинает несколько нервничать. Комучастками — особенно нач. 15-й дивизии, слабы, не понимают особенностей обстановки. Чека насыщена развращенными и подозрительными лицами и совершенно парализована. Особый отдел никуда не годен...» [13].

Как видим, оценка положения на Тамбовщине и в воинских частях давалась В.А. Антонов-Овсеенко крайне негативной. К тому же о по-

ложении дел у восставших крестьян он был более высокого мнения. В то же время он докладывал руководству страны о том, что после его первых шагов основные части разбиты, а идейное руководство восставшими крестьянами взваливает на плечи эсеров.

В.А. Антонов-Овсеенко делал вывод о том, что «восстание подготовлено вполне систематически и опирается на прочную, корневую организацию социалистов-революционеров в Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском уездах. Уезды разбиты на районы, в которые входят несколько волостей, иногда сел, во главе стоят комитеты эсеров и штабы. Волостные тайные (и явные, где свергнута власть Советов) правления имеют волостной военный отдел, производящий районные и открытые мобилизации по приказу штабов. В месте пребывания штабов организованы и комендатуры, ведающие обысками, арестами, внутренней охраной. Сторожевая служба, связь и разведка поставлены своеобразно, но вполне надежно. В каждом селе сформирована воинская часть (от взвода до рот), собирающаяся по первому приказу штаба и расходящаяся немедленно по домам в случае неудачи и т.п.» [13].

В.А. Антонов-Овсеенко информировал Центр о том, что действия военных частей хорошо инструктированы, высшие штабы довольно энергично борются с недисциплинированностью частей. Об этом, в частности, свидетельствовали приказы, устанавливающие шкалу наказаний от 20 до 2-х (отделенный) розог в дисциплинарном порядке.

Эсеры действовали под вывеской «Союз трудового крестьянства», программу деятельности которого они изложили в 17 пунктах, которая существенно отличалась от официальной, разработанной в центре. В ней содержался открытый призыв к восстановлению учредилки; денационализации промышленности, кроме железных дорог, рудников и шахт; высказывалось требование всяких свобод и мира с заграничными капиталистами, твердых цен на изделия промышленности и в то же время замалчивалось о твердых ценах на хлеб, снабжение продовольствием через кооперативы, выражалось требование свободы преподавания в школах, которое провозглашали учащиеся из интеллигенции и деревенского кулачья.

Факты говорили о том, что эсеровская программа имела успех среди крестьян. На беспартийной конференции крестьяне прямо высказывались о том, что учредиловка им представляется «ближе и проще» Советской власти. Снятие хлебной продразверстки крестьянство истолковывало как действие во вред ему, как следствие победы «своих» войск, признание факта полного ограбления крестьян, и в то же время

снятие хлебной продразверстки не пользовалось признательностью в ряде уездов, выполнивших разверстку почти полностью [13].

Эсеры, не имея печатного станка, вели агитацию листовками, изготовленными на машинках и гектографе. В агитации нередкими были выражения — «жиды-коммунисты», говорилось о злоупотреблениях и насилии агентов Советской власти, непомерной продразверстке, умышленном затягивании войны. Такие заявления особенно обращались к красноармейцам. У противников Советской власти было быстрое и точное осведомление, были установлены хорошие связи среди железнодорожников, работников сферы продовольствия, кооперативов. В действиях отдельных шаек налицо были планомерность и системность [13].

В докладе в Центр В.А. Антонов-Овсеенко отмечал, что, несмотря на усилия эсеровских дружин обособиться от разбойных элементов, взаимопроникновение этих двух начал совершенно очевидно, их действия скоординированы и неразрывны, под влиянием военных неудач бандитское начало решительно преобладает — влияние эсеровского командования теряется, дисциплина падает [13].

На февраль 1921 г. главные военные силы повстанцев, сгруппировавшиеся в смежных волостях Кирсановского и Тамбовского уездов, были разбиты. Лучшие полки Антонова почти уничтожены, большая часть их остатков перешла в своих селах на мирное положение, часть (до 600 конных с Антоновым во главе) прорвалась в Моршанский уезд, после чего появилась почти у самого Тамбова, рассчитывая на подготовленное и случайно предотвращенное восстание в местном гарнизоне. К 22 февраля Антонов появился в своем главном штабе — Беломестная Двойня Козловского уезда, старинном эсеровском гнезде, куда вызвал начальников всех отдельных частей на военный совет. Он был настигнут красной конницей, сильно потрепавшей его. Удар по главному штабу расстроил военную организацию бандитов, но одновременно и возбудил у них бешеную энергию. Антонов с 500 конными вновь бросился в излюбленный им район пограничных волостей Тамбовского и Кирсановского уездов. Одновременно с севера Селянский (до 2000 человек), накопившись у Пахотного Угла Моршанского уезда, стал наступать на Столовое, Покровское, пробиваясь на соединение с Антоновым. Колесников (600 сабель, 400 штыков и 6 пулеметов) неожиданно для Красной армии появился у д. Жерновка, захватил две роты — одну целиком истребил и взял 1 пулемет, а потом двинулся к северу, опять-таки, по-видимому, то-

ропясь на соединение с Антоновым. Между тем Антонов завязывает встречный бой с кавалерийским полком и батальоном пехоты. Антонов, дважды разбитый, как будто рассыпается в трех направлениях и вдруг 25 февраля ночью нападает на кавалерийский полк на ст. Отхожее, рассеивает полк и отбивает у красных частей 4 орудия. Селянский в Моршанском уезде на следующий день был взят между двух огней — красная конница зашла ему в тыл, он был почти уничтожен и, что всего важнее, благодаря умелой провокации (назвавшись белыми) красным кавалерийским частям удается поснимать подряд с нескольких сел эсеровские штабы и военные команды. Таково было положение по представлению В.А. Антонова-Овсеенко [13].

В докладе в Центр В.А. Антонов-Овсеенко писал: «Мы, опирающиеся почти исключительно на города с рабочим и совслужащим населением и на воинские части, мы, потерявшие почти целиком все свои связи с деревней в трех уездах, охваченных восстанием. И крестьянство, объединенное корневой партией, выделившее несколько тысяч активных борцов — кулацкая армия. Насколько мы слабо связаны с крестьянством, показывает хотя бы то, что лучшим источником нашего осведомления является воздушная разведка. Остальная ничего путного не дает» [13].

В.А. Антонов-Овсеенко подробно информировал Центр о том, что было сделано: «16-го февраля собрание активных работников Тамбова, мой доклад об общем положении, о наших задачах. Решено предложить губкому созвать на 1 марта губконференцию. Взял на себя агитпропотдел, провел его переорганизацию — при губкоме только секретариат и заведующий, аппарат слит с губполитпросветами (тоже в уездах); разработал календарный план работы агитпропотдела на март, включая работу отделов губкоммола (губернский комитет комсомола. — *Авторы*), губпросвета. Взял на себя непосредственное руководство губернской печатью. Лично выступал на общегородских собраниях в противовес демагогии и “урадемократизму”, в подготовку к губконференции. Губконференция открылась 2 марта, 3-го закончилась. На ней задан твердый тон, приняты необходимые резолюции. Были два-три пакостных махаевских выступления, в общем гладко. Выбран губком, в который прошли из старого состава только двое, затем я, Жабин и Антонов (предгубчека). Работа будет...» [13].

В.А. Антонов-Овсееннко информировал о конкретных действиях по борьбе с бандитизмом: «Усилен поарм, заменен комиссарский состав штаба, мобилизованы партработники для чека, преобразован

(не до конца) особый отдел. Сильно подтянут реввоентрибунал. Заказаны, отредактированы и сданы в печать брошюрки “Правда о бандитах”, “Наказ красноармейцу”, выпущены листовки “Что сказал Ленин Тамбовским крестьянам” (25 тыс.) и два воззвания (о самообороне против эсеров и бандитов), поставлена агитация в печати. Во всех партшколах вводится курс (6 часов) об эсерах и Союзе трудового крестьянства. Разработан, проведен через собрания президиумов губисполкома, губкома, командования и чека план борьбы с бандитизмом с конкретными заданиями каждому учреждению. Разработана инструкция о ревкомах и по согласованию с командованием и представителями уездов намечена их сеть. Разработана инструкция о крестьянской самообороне от эсеро-бандитов...» [13].

Как видно из этого доклада, Полномочная комиссия ВЦИК активно вступила в борьбу с Партизанской армией Тамбовского края, начала борьбу за души крестьян, пытаясь оторвать их от повстанцев. Было подготовлено издание еженедельной стенной газеты «Правда о бандитах», поручено ряду товарищей написать проекты листовок на темы: бандиты — враги крестьян; бандиты — враги Советской власти и сторонники царского строя; кто против Советской власти, тот за царя, за буржуя; бандитизм осуждает на голодную смерть трудящихся. Социал-революционеры за кулаков и против трудового крестьянства; кто помогает бандитам-антоновцам, тот роет себе же яму; трудящиеся восстанавливают народное хозяйство, а бандиты его разрушают; дезертиры-шкурники не должны быть в трудовой деревне; кто за спокойствие, за порядок, тот против бандитов; почему бандиты-антоновцы разрушают советское хозяйство и крестьянские артели; крестьянин, гони от себя бандитов; почему бандиты убивают коммунистов; как честному трудовому крестьянству бороться с бандитами; кто идет с бандитами [14].

Выпускались многочисленные воззвания и обращения к населению Тамбовской губернии об оказании содействия в истреблении бандитов. Одно из таких обращений было написано не позднее 3 марта 1921 г.: «Из разных мест губернии крестьяне обращаются к советским властям с просьбой защитить их от бандитов. Настоящим доводится до всеобщего сведения, что главные силы бандитов разбиты и почти уничтожены. Остатки бандитских шаек скитаются по губернии или рассеялись по отдельным селам, где усиленно вербуют новых сторонников. В истреблении бандитов должно принять участие само население» [15].

Далее перечислялись эти обязанности: не давать приюта контрреволюционерам и бандитам; разоружать их и доставлять с оружием в руки властей; сопротивляющихся бандитов истреблять как бешеных псов, действовать против них всеми своими средствами; укрывателей бандитов проучить так, чтоб никому впредь не было повадно содействовать этим злодеям; принимать меры наблюдения и самоохраны, чтобы не допустить контрреволюционеров проникнуть в охраняемый район и чтобы искоренить внутри своих сел всякую контрреволюцию; выносить на сельских сходах приговоры против бандитов.

Воззвание призывало: «Крестьяне Тамбовской губернии! Помните, все жители каждого села будут отвечать раньше или позже за преступные действия каждого из них. Не давайте подводить себя под суровую кару. Не давайте отвлекать себя от мирного труда. Помните — враги Советской власти — ваши враги. Истребляйте их без пощады. Беритесь немедленно и смело за чистку своих деревень от контрреволюции. До весны бандитизм должен быть уничтожен в корне» [15].

Эти действия ощутимых результатов не давали. Крестьяне не верили этим обращениям и призывам в основном потому, что повстанцы именовались в них бандитами, а это были их соседи, братья, отцы.

Вот какими увидел бандитов землемер Насонов и рассказал об этом в своем письме В.И. Ленину: «Меня пригласили выполнять должность секретаря. В штаб приводили бандитов. Здесь мне пришлось сталкиваться не с помещиками и банкирами, а я воочию встретился с крестьянами-бедняками, которые возмутились "тиранами коммунистами" и стали уничтожать их без пощады. Пойманные бандиты были одеты в рубища, часто босые, истощенные. Я едва сдерживал себя, сгорая от стыда, что до этого довели, быть может, все здесь сидящие ответственные работники. Я много думал о способах, как парализовать повышенное настроение крестьян против "грабителей", я много думал о мерах и способах, какие нужно ввести в среду крестьян и отвлечь их внимание от выражающего гнева, но не имел на то сил и влияния как единомышленник, чтобы выразить свое мнение.

Сейчас я землемер и выполняю рядовую работу. Но душа болеет об одном: о бандитах. Мне тяжело и горько слышать, как эти темные и несознательные крестьяне сами себе роют могилу на радость российской и европейской буржуазии. Я пришел к глубокому убеждению, что не пушками, не пулеметами, не расстрелами можно

остановить нападение крестьян на Соввласти, а решительным и быстрым проведением в жизнь декрета о земле. Вспомните Вы, почему в 1905— 1907 гг. правительство Столыпина так сравнительно успешно ликвидировало крестьянские “бунты”, когда, казалось бы, не было надежд для буржуазии остановить народное движение? Подумайте несколько минут, и Вы придете к заключению — так же, как и я — о земельном законе, об отрубном хозяйстве. Тогда же за изданием закона народные массы потянулись к земле; вопрос об отрубах стал для крестьян вопросом жизни. Все уткнулись в земельный вопрос. Буржуазному правительству это и было нужно: они торжествовали в своих дворцах.

Хотя Соввласть и издала декрет о земле в большей части желательным для крестьян, но в жизнь он почти не проводится. Этим совершенно оторвали крестьян от земли. Тяготение крестьян к земле в настоящее время огромно. На основании фактов я утверждаю, что уничтожить бандитизм, поднять сельское хозяйство можно только земельною политикою по проекту расселения крестьян в добровольном и срочном порядке, для чего необходимо безотлагательно повести агитацию, выпустить листовки, брошюры и т.д., и тогда крестьянская масса почувствует, что земля действительно принадлежит им, и они все потянутся к земле, на новые места, а бомбы и винтовки побросают в мусорные ямы как ненужный хлам. Только земельной политикой можно создать социалистическое сельское хозяйство. Только земельной политикой можно укрепить РСФСР.

Землемер уземотдела Насонов» [16].

В конце апреля 1921 г. Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом заслушала доклад председателя Полномочной комиссии ВЦИК Антонова-Овсеенко о политическом и экономическом положении в Тамбовской губернии. Стало ясно, что «в последнее время нет улучшения и даже местами ухудшение». 26 апреля Ленин вносит в Политбюро ЦК партии предложение, а 27-го принимается решение «О ликвидации банд Антонова в Тамбовской губернии». Этим же решением М.Н. Тухачевский назначался «единоличным командующим войсками в Тамбовском округе... ответственным за ликвидацию банд...» В постановлении содержалась прямая директива выполнить эту задачу «не позднее, чем в месячный срок».

В архиве Склянского содержится записки В.И. Ленина и Э.М. Склянского о поручении М.Н. Тухачевскому подавить Тамбовское восстание:

«Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания. В последнее время там нет улучшения и даже местами ухудшение. Получится несколько большой политический эффект от этого назначения. В особенности за границей.

Ваше мнение?

(Написано рукой т. Склянского)

Внесите Молостову для П.-Бюро на завтра. Предлагаю назначить его без огласки в Центре, без публикации. (Написано рукой т. Ленина) Верно» [17: 460—462].

Эти вопросы рассматривались на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 27 апреля 1921 г.:

«Слушали: 7. О ликвидации банд Антонова в Тамбовской губернии.

Постановили: 7. А. Комиссии ВЦИК, назначенной в Тамбове, не распускать, усилив ее т.т. Залуцким и Тухачевским.

Б. Назначить единоличным командующим войсками в Тамбовском округе т. Тухачевского, сделав его ответственным за ликвидацию банд в Тамбовской губ., не записывая о его назначении в протоколы РВСР. Не допускать никакого вмешательства в военные действия т. Тухачевского, как со стороны комиссии ВЦИК, так и других властей.

В. Дать т. Тухачевскому директиву ликвидировать банды Антонова в Тамбовской губ. не позже, чем в месячный срок. Доклады т. Тухачевского в краткой письменной форме в ЦК должны быть сообщаемы по телеграфу еженедельно.

Г. Поручить ВЧК усилить разведку и чекистскую работу в Тамбовской губ.

Д. Передвинуть из армии тысячу коммунистов на тамбовский фронт на срок ликвидации тамбовских банд, обязуя т. Склянского принять сугубые меры для срочного продвижения командированных коммунистов и возвращения их по ликвидации обратно в армию.

Доклад о ходе мобилизации военных коммунистов за т. Склянским еженедельно в ЦК.

Е. Поручить т. Склянскому ускорить посылку бригады курсантов в Тамбов [18].

Таким образом, изложенное дает возможность прийти к заключению.

В официальных документах не раз утверждалось о спаде или разгроме восстания, но оно вновь оживало. Все действия властей были недостаточными, не давали желаемого результата.

Важнейшим рубежом в цепи событий стал февраль 1921 г. К этому времени повстанческое движение достигло наибольшего размаха, стало находить отклик в пограничных уездах Воронежской и Саратовской губерний. Советская власть перешла к решительным действиям против антоновцев.

В феврале 1921 г. произошел перелом в общей политике государства по отношению к крестьянству. Переход к новой экономической политике оказался связанным с антоновщиной не только как частью общего крестьянского движения того времени, наряду с Кронштадтским мятежом, но и непосредственно с конкретными событиями и лицами, соприкоснувшимися с Тамбовщиной того времени. Тамбовское крестьянство восприняло новую экономическую политику в целом одобрительно. Немало было и крестьян, которые не верили заверениям руководителей, считали, что власть ничего не делает просто так, без тайной выгоды для себя.

Губернское руководство было не способно справиться с положением. Нужны были решительные меры. 7 февраля 1921 г. в Тамбов для организации борьбы с бандитизмом направляется Антонов-Овсеенко, возглавивший Полномочную комиссию ВЦИК, которая фактически сосредоточила в своих руках всю власть в губернии.

Полномочная комиссия ВЦИК активно вступила в борьбу с Партизанской армией Тамбовского края, начала борьбу за души крестьян, пытаясь оторвать их от повстанцев.

Источники и примечания:

1. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 135.

2. Советы Тамбовской губернии в годы Гражданской войны 1918—1921 гг. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1989.

3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.

4. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2574. Л. 1.

6. Выписка из протокола № 83 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 января 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 108. Л. 2—3.

6. В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. С. 48—49.

7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.Д. 128. Л. 1.

8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 120. Л. 6.

9. ГАТО. Ф. Р.-119. Оп. 1. Д. 899. Л. 27.

10. «Антоновщина». Как это было //http: //www2001.lipetsk.ru/town/kraeved/is06anto. html

11. Поиск: Журнал Тамбовского обкома КПСС. 1991. № 2. С. 49.

12. Информационная сводка губчека о политическом настроении населения за период с 15 февраля по 1 марта 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 193—194.

13. РГАСПИ. Ф. 5. Оп.1. Д. 2574. Л. 6—9 об.

14. ЦДНИТО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 213. Л. 112—113.

15. Обращение к населению Тамбовской губернии об оказании содействия в истреблении бандитов. Не позднее 3 марта 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 231.

16. ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 122. Л. 128.

17. Из архива т. Склянского // The Trotsky Papers. 1917—1922. Ed. Jan M. Meijer. Vol. 11, 1920—1922. Mouton, The Hague-Paris, 1971.

18. Выписка из протокола № 18 заседания Политбюро ЦК РКП(б), 27 апреля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.Д. 155. Л. 2—3.

ПОРАЖЕНИЕ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

Назначение выдающегося советского военачальника М.Н. Тухачевского руководителем подавления крестьянского восстания неизбежно имело бы весьма отрицательный политический резонанс. Поэтому была сделана попытка провести это назначение без огласки. Вместе с ним на Тамбовщину прибыли и некоторые другие военачальники, отличившиеся в Гражданской войне, — Н.Е. Какурин, И.П. Уборевич, Г.И. Котовский. Одновременно туда были командированы от карательных органов Г.Г. Ягода и В.В. Ульрих. Численность советских войск на Тамбовщине непрерывно росла: к 1 января 1921 г. — 11 870, 1 февраля — 33 750, 1 марта — 41 848. К лету она превышала 100 тыс. красноармейцев [1: 16].

Против крестьянской армии была брошена вся военная мощь республики. Была создана Центральная междведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом, в которую вошли представители ЦК, СТО, ВЧК, НКПС и т.д. Возглавил Комиссию заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э. Склянский.

Начался военный разгром антоновщины. Стратегия состояла в полном и жестоком осуществлении военной оккупации повстанческих местностей, к которой приступили уже предшественники нового руководства. Суть этой стратегии с предельной четкостью была изложена в распространенных для всеобщего сведения в пределах

Тамбовшины приказе № 130 Тухачевского от 12 мая и в приказе № 171 Полномочной комиссии ВЦИК от 11 июня 1921 г. Этот режим включал в себя занятие территории войсками, назначаемое сверху управление (участковые политкомиссии и сельские ревкомы, включавшие в свой состав представителей армии, чека и парторганизаций), уничтожение хозяйств и разрушение домов участников мятежа и их семей, взятие заложников (одиночками и целыми семьями), создание концентрационных лагерей и репрессии вплоть до расстрела за неповиновение, укрывательство «бандитов» и оружия.

Из документов вырисовывается мрачная картина того, как приводилось в покорность население бунтовавших деревень. Репрессии обрушивались на всех — от детей до стариков. Особенно безнравственна была система заложничества, по существу, каравшая мирных, не причастных к восстанию людей. Это еще более ожесточало повстанцев, которые в качестве ответной меры брали в заложники семьи красноармейцев, коммунистов, советских служащих.

Главнокамандующий М.В. Тухачевский прибыл в Тамбов 6 мая 1921 г., и уже 12 мая появились его знаменитый своей жестокостью приказ № 130 и инструкция по применению этого приказа.

Приводим этот приказ: [2]

«Победы рабоче-крестьянской Красной Армии над капиталистами и помещиками после трехлетней кровопролитной войны позволили, наконец, Советской Республике перейти на путь мирного хозяйственного строительства.

Первой заботой рабоче-крестьянского правительства было улучшение и поднятие на должную высоту разоренного крестьянского хозяйства. Была организована выдача крестьянам семян и, наконец, продовольственная разверстка была заменена продовольственным налогом и предоставлением крестьянам права свободно распоряжаться излишками (продавать, выменивать и проч.). Продовольственный налог установлен в самом незначительном размере.

Все крестьяне Советской России с удвоенной силой взялись за полевые работы, за улучшение сельского хозяйства. Лишь в Тамбовской губернии, где себе свила гнездо партия эсеров, партия предателей рабочего класса и крестьянства, развился бандитизм, который грозит окончательно разрушить и без того разоренное сельское хозяйство Тамбовской губернии. Русские помещики, бежавшие за границу, торжествуют теперь в своих газетах, надеясь на анархию в рабоче-крестьянском государстве и на возврат потерянных ими имений.

Рабоче-крестьянское правительство решило в кратчайший срок искоренить бандитизм в Тамбовской губернии, проведя в жизнь самые решительные меры.

Во исполнение сего и по постановлению Полномочной комиссии ВЦИК приказываю:

1. Войскам Тамбовской губернии с полученными ими подкреплениями решительными и быстрыми действиями уничтожить бандитские шайки.

2. Всем крестьянам, вступившим в банды, немедленно явиться в распоряжение Советской власти, сдать оружие и выдать главарей для предания их суду военно-революционного трибунала. Добровольно сдавшимся бандитам смертная казнь не угрожает.

3. Семьи не явившихся бандитов неукоснительно арестовывать, а имущество их конфисковать и распределить между верными Советской власти крестьянами согласно особых инструкций Полномочной комиссии ВЦИК, высылаемых дополнительно.

4. Арестованные семьи, если бандит не явится и не сдастся, будут пересылаться в отдаленные края РСФСР.

5. Бандитов, не явившихся для сдачи, считать вне закона.

6. Честные крестьяне не должны допускать мобилизации и формирования банд в своих деревнях и о всех бандах должны доносить войскам Красной Армии.

7. Всем без исключения войсковым частям Красной Армии оказывать крестьянам всяческую поддержку и неуклонно защищать их от нападения бандитов.

8. Настоящий приказ является последним предупреждением перед решительными и суровыми действиями и будет проводиться в жизнь строго и неуклонно.

Командующий войсками Тухачевский

Начальник штаба генерального штаба Какурин

Приказ прочесть на сельских сходах и собраниях» [2].

Они же 12 мая 1921 г. подписали секретную Инструкцию по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии [3]. В Инструкции были определены те руководящие начала, на основании которых должна вестись борьба по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии. Это лишь принципиальные указания, организационные же формы борьбы давались в соответствующих приказах.

Инструкция предписывала на задачу искоренения бандитизма смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную опе-

рацию, а как на более серьезную военную задачу — кампанию или даже войну. Местность, охваченная бандитизмом, должна быть как бы вновь возвращена государству. Для этого требуется, во-первых, разбить живую силу бандитских вооруженных шаек и, во-вторых, овладеть источниками питания бандитской войны, так сказать, жизненными центрами бандитизма. «Эти занимаемые нами жизненные центры должны быть не только задавлены вооруженной силой, но и местное население искусными мероприятиями должно быть излечено от эпидемии бандитизма».

Таким образом, ставилась задача в занимаемых бандитами областях организовывать не только вооруженное сопротивление возможности нового появления бандитизма, но, главное, — создать сопротивление среды появлению этого бандитизма. Военачальники предупреждали, что такая сложность задачи заставляет чрезвычайно тщательно подготовить военные действия против бандитов в организационном, административном, оперативном и строевом отношениях, как в чисто военной, так и в политической стороне дела.

Инструкция приписывала не увлекаться мелкими оперативными задачами в ущерб общей подготовке в начальный период боевых действий. Операции против бандитов должны были вестись с непогрешимой методичностью, так как бандитизм лишь тогда будет сломлен морально, когда сам характер подавления будет внушать к себе уважение своей последовательностью и жестокой настойчивостью. Ведение малой войны против шаек не может искоренить бандитизма и, как показывает опыт, только раздувает разбойничий и партизанский пыл бандитов.

Инструкция устанавливала, что военные действия против бандитов заключаются в операциях по уничтожению главных масс живой силы бандитских шаек и в занятии и закреплении за собой источников питания бандитизма. Первая задача, с точки зрения военной, наиболее простая и не заключает в себе ничего специфического, специально противобандитского. Как и всегда, надо хорошо организовать разведку, иметь образцовую связь и внимательно нести службу охранения. Банды, как только они будут обнаружены, должны немедленно и стремительно атаковываться и уничтожаться. Преследование должно вестись неотступно до окончательного распыления банды.

Вторая задача гораздо труднее, и от нее почти всецело зависел исход борьбы с бандитизмом. Этот период борьбы называется оккупацией. Вся территория, охваченная бандитизмом, разделяется на

участки, охранение спокойствия в которых поручается особым войсковым начальникам и подчиненным им войскам. На основе этого военного обеспечения вновь восстанавливается Советская власть, которая и противодействует возникновению бандитизма.

В Инструкции указывалось, что военные действия во время оккупации будут не только узкотерриториальные, ограниченные границами участка, но будут также действия вполне самостоятельных отрядов, непрерывно преследующих странствующие, наиболее значимые банды.

Обыкновенно банды бродят по всему району. Войска каждого участка оккупации должны неизменно атаковывать эти банды и стремиться уничтожить их в пределах своих границ. Таким образом, банды попадают в серьезный переплет. Однако, переходя из участка в участок, они находят все-таки время для отдыха, оправляются, пополняются местными кулаками и потом вновь начинают активно проявлять себя. Для того чтобы избежать таких явлений, необходимо против каждой значительной банды выделить особый надежный и сильный отряд, который должен иметь своей целью непрерывное преследование и наседание на банду, должен не давать ей нигде останавливаться и отдыхать, а тем более комплектоваться. Остановка банды на отдых уже тем самым ставит перед этим отрядом задачу атаковать ее. Этот отряд должен присосаться как пиявка к своей банде и не должен давать ей ни сна, ни отдыха, ни возможности сорганизовываться.

Инструкция констатировала, что при такой организации борьбы главнейшие банды, как, например, Антонова и прочие, берущиеся в переплет оккупирующими войсками участков, в то же время непрерывно преследуются индивидуальными пиявочными отрядами, которыми и сводятся окончательно на нет. Оккупируемые войска по участкам не должны ни в коем случае распыляться на мелкие отряды. Каждый отдельный отряд такого участка должен быть в состоянии вести самостоятельно бой с любой шайкой бандитов, а потому размеры таких банд и определяют минимальные размеры отдельных отрядов оккупирующих участков.

Военачальники в этом документе отмечали, что распределение сил по территории должно производиться по следующим соображениям: с одной стороны, отдельные отряды не должны быть слабее бандитских шаек, а с другой стороны, эти отряды должны поспевать своевременно в любое место своего участка. При наличии крупных шаек бандитов, незначительных наших сил и обширных участков

эти два условия могут стать в противоречие друг с другом. Поэтому вопрос распределения сил должен быть тщательно изучен и войска должны быть распределены не равномерно по всем участкам, а в зависимости от интенсивности бандитизма в том или другом районе. Если войсковые средства позволяют, то распределение сил необходимо совершить из расчета времени, в какое должен поспеть отряд к самому отдаленному месту участка. По мере того как сил будет не хватать, одинаковых результатов придется достигать за счет форсирования передвижения отрядов.

В Инструкции говорилось, что отдельные отряды, выделенные участками, точно так же получают участки, в которых они отвечают за ликвидацию банд. Эти отряды уже не должны дробиться, т.к. иначе отдельные их части будут поодиночке уничтожаться бандами. Эти отряды должны располагаться кучно, но зато по всему своему участку, они должны тщательно организовывать разведку и связь, чтобы в любую минуту хорошо знать, где и что на участке делается, и чтобы немедленно атаковать банду, если таковая где-нибудь появится. От отрядов должны обязательно выставляться охраняющие части, и, вообще, служба охранения должна нестись более чем тщательно.

Такими в Инструкции представлены военные действия при проведении оккупационного метода борьбы против бандитов. Отсюда следует, что воинские части могут бороться только с действующими шайками, но не могут предотвратить их создания всюду, так как располагаются кучно в определенных пунктах и на всем своем участке, конечно, не усмотрят за населением. Эту работу по недопущению возникновения бандитизма ведут уже не войсковые части, а органы Советской власти, опирающиеся на гражданскую вооруженную силу — советскую милицию. Формирование милиции в бандитских районах должно вестись не на общих основаниях. Она ни в коем случае не должна состоять из местных уроженцев, должна быть обильно разбавлена коммунистами и надежным командным составом. Ее численность должна быть значительно повышена в сравнении с установленными нормами. Эта гражданская вооруженная сила послужит уже не сгруппированной, а, наоборот, децентрализованной опорой для местной, низшей Советской власти.

Работа милиции, вместе с впечатлением непоколебимой мощи Красной армии, которое обязательно должно быть внушено крестьянам войсками, создадут то устойчивое, успокаивающее настроение, которое должно быть затем закреплено советской работой ревкомов.

Для внушения вышеупомянутого уважения к силе Советской власти и Красной армии необходимо провести следующие меры: никогда не делать невыполнимых угроз; раз сделанные угрозы неуклонно до жестокости проводить в жизнь до конца; переселять в отдаленные края РСФСР семьи несдающихся бандитов; имущество этих семей конфисковывать и распределять его между советски настроенными крестьянами, что внесет расслоение в крестьянство, и на это может опереться Советская власть; советски настроенные крестьяне должны прочно и надежно охраняться нашими силами от покушений бандитов; советски настроенных крестьян надо всячески втягивать в советскую работу, в организацию разведки против бандитов и прочих, что поставит между этими крестьянами и бандитизмом непреодолимую грань. Проведение успокоения сразу создаст много сторонников Советской власти и среди крестьян, так как бандитизм и утомителен, и разорителен для крестьянской массы.

«Начальники и комиссары всех степеней должны твердо усвоить себе принятые методы борьбы с бандитизмом и согласовывать свои действия с общим духом инструкции» [3].

25 мая 1921 г. командарм М.Н. Тухачевский докладывал заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому о подготовке к решительным действиям против повстанцев:

«Месячный срок могу считать лишь начиная с 6 мая, когда вступил в командование. Сейчас заканчивается период подготовки и до сих пор меры по ликвидации банд носили лишь вспомогательный характер. Окончание подготовки задержали опоздание коммунистов, курсантов для лагерного сбора, 1897 г. для милиции и, наконец, различные организационные подготовительные мероприятия. Окончательно подготовка будет закончена к 1 июня. Советский аппарат довольно слабо укрепился, т.к. коммунисты прибыли более чем слабые. Подготовка ревкомов и их инструктирование в полном ходу. Прибывшие коммунисты поделены на армию, на милицию, на формирование ревкомов и на укрепление местных советских органов. Разведка работает плохо, дает не то, что нужно. Она проинструктирована, и дело налаживается. Усиливается агентурный аппарат особотдела. Дополнительные меры нужны следующие: необходимо достать срочно 7500 человек 1897-го г. рождения для милиции, сделать нашего чусоарма полноправным Чусо с непосредственным подчинением Эйсмонту, создать трехнедельный запас продовольствия и, кроме того, было бы желательно дополучить два-три бронепоезда и даже одну

стрелк. бригаду. День окончания операций гораздо труднее определить, чем день окончания подготовки, однако наши действия будут настолько суровы, беспощадны и так методичны, что надо ожидать быстрых результатов.

Командвойск Тухачевский» [4].

2 июня состоялось решающее столкновение 2-й армии Партизанской армии Тамбовского края в составе 4, 14, 16-го и частей других полков (всего в бою у д. Елани под командованием А.С. Антонова было до 2000 сабель), а у красноармейцев были значительено превосходящие силы, в которые кроме конницы входил бронеотряд. Антоновцы были разбиты и рассеяны.

Командарм докладывал в реввоенсовет: «В течение десяти дней неутомимого преследования бронеотряд, при содействии красной конницы, отбил у Антонова все пулеметы, весь обоз, положил на месте до 800 человек бандитов, еще более вывел из строя ранеными, рассеял остальных» [5].

Но Полномочная комиссия ВЦИК после этого сражения еще яростнее взялась за искоренение мятежного духа тамбовских крестьян. Был подписан второй, еще более жестокий по своей сути, приказ № 171.

Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей № 171, г. Тамбов, 11 июня 1921 г. [6].

«Уполиткомиссиям 1, 2, 3, 4, 5.

Начиная с 1 июня решительная борьба с бандитизмом дает быстрое успокоение края.

Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду.

Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке.

Дабы окончательно искоренить эсеро-бандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

12 июня 1921 г.

1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае не сдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко
Командующий войсками Тухачевский.
Председатель губисполкома Лавров.
Секретарь Васильев.

Прочесть на сельских сходах» [6].

Остановимся еще на одном приказе Тухачевского — № 0016 от 12 июня 1921 г. о применении газового оружия.

Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев № 0116, г. Тамбов: [7]

«Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов приказываю:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками Тухачевский.
Наштавойск генштаба Какурин» [7].

Первоначально появление этого приказа воспринималось как акт устрашения. Однако сейчас стали выявляться факты применения химического оружия. Столичная Комиссия по борьбе с бандитизмом

принимала постановление от 19 июня 1921 г., предписывающее «к газовым атакам прибегать с величайшей осторожностью». В таком указании не было бы нужды, если бы речь шла лишь об устрашающем приказе. Можно привести и прямые свидетельства: артобстрел «острова, что северо-западнее села Кипец» (Карай-Салтыковская волость): «...выпущено 65 шрапнелей, 49 гранат и 59 химических» [8]. Донесение не сообщало ни повода, ни результатов этой стрельбы 2 августа 1921 г. [9].

Приказы № 130 и № 171 выполнялись с особой жестокостью. В июне Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом сочла необходимым, «хотя большинство банд в Тамбовской губернии разгромлено и кулачество убедилось в мощи советской власти», выселить из губернии «всех лиц, замешанных в бандитизме, в том числе некоторых железнодорожников».

Приведем сведения из общегубернской информационной сводки о борьбе с бандитизмом по данным уездных политкомиссий за июнь—июль 1921 г.

С 19 по 25 июня включительно. Операции по приказу № 130 проводились в 11 районах, 15 волостях с селами. Взято бандитов 728, арестовано заложников-одиночек — 1847, семей — 308. Конфисковано 68 хозяйств, условно конфисковано 62 хозяйства, сожжено 6 домов бандитов. Добровольно явилось: бандитов — 479, дезертиров — 3856, задержано дезертиров — 136. Из добровольно явившихся бандитов 21 явились после взятия семей в качестве заложников.

Местное население, где уже проведена систематическая борьба с бандитизмом, частью определенно начинает поддерживать Советскую власть, частью выходит из-под влияния бандитизма. В волостях, где систематическая борьба не проведена, население поддерживает бандитов. Меры Советской власти по изъятию бандитов производят устрашающее действие, часть населения сочувствует, как могущим (т.е. мерам) привести к быстрому окончанию войны, тягостной для них. Отмечается малая помощь населения.

В разных местах заключения на 21 июня 1921 г. состояло: бандитов — 1094 (из них расстреляно 46, приговорено 83), заложников — 634, дезертиров — 956.

С 26 июня по 2 июля включительно. Население сочувственно относится к ликвидации бандитизма и в некоторых местах: Пересыпкинский, Иноковский, Паревский районы — крестьяне принимали активное участие в облавах на дезертиров и бандитов.

Операции по приказу № 130 производились в 8 районах, 14 волостях и 33 селах. Взято бандитов 596. Арестовано заложников-одиночек — 683, семей — 183. Взято на учет для конфискации 76 бандитских хозяйств. Конфисковано 48 бандитских хозяйств, сожжено и разрушено 79 домов. Явилось добровольно: бандитов 507, дезертиров 1063, задержано дезертиров — 1165, воров — 23. Состояло на 28 июня в местах заключения: бандитов — 1275, заложников — 931, дезертиров — 1838, разных — 79, шпионов — 28, осужденных — 395. Расстреляно 183 человека.

Со 2 по 9 июля. В Богословской и Царевской волостях чистка производится ревкомами путем периодических облав на бандитские элементы, случайно оставшиеся после оккупации местностей красноармейскими частями.

В с. Горелом взято бандитов 21, которые тут же, на общем собрании граждан, расстреляны.

В с. Сураве 6 бандитов расстреляно особым отделом и 18 — местными гражданами; по Беломестно-Двойневской волости расстреляно 34 человека из пойманных 40 бандитов. Всего по 2-му боеучастку расстреляно 233 человека.

В с. Хитрове был созван сход, на котором объявили постановление Уполиткомиссии и был дан одночасовой срок, по прошествии которого граждане ответили незнанием требуемых сведений, почему пришлось расстрелять 7 кулаков, после этого был дан еще 1 час, во время которого одна женщина заявила, что в церкви должно быть что-то скрыто; во время обыска в церкви под алтарем был найден полевой телефонный аппарат, бархатно-красное знамя с нашитой надписью: «В борьбе обретешь ты право свое».

Общий итог: операции по приказу № 130 производились в 19 районах, 30 волостях, 29 селениях. Взято бандитов 354 и разных 93. Арестовано заложников: одиночек — 432 и семей — 161. Взято на учет для конфискации, конфисковано условно и описано 80 хозяйств. Конфисковано 210 хозяйств и сожжено 4 дома. Явились добровольно: бандитов 476, дезертиров — 329, взято дезертиров — 857. Расстреляно 394 человека [10].

О том, как применялись на практике приказы № 130 и № 171, председатель Полномочной комиссии ВЦИК В.А. Антонов-Овсеенко докладывал В.И. Ленину так:

«Во втором наиболее бандитском уезде — Тамбовском — наиболее крутые меры были применены в волостях: Беломестная Двойня,

где упорствующие в укрывательстве оружия и бандитов крестьяне сдались лишь после расстрела двух партий заложников-кулаков. В общем здесь расстреляны 154 бандита-заложника, взято 227 бандитских семей, сожжены 17 домов, разобрано 24 дома и 22 дома передано бедноте, в Эстальской волости — расстреляно заложников и бандитов — 75, сожжены 12 домов, разобран 21 дом, в обоих волостях крестьянами выданы и частью приведены до 300 бандитов, 118 винтовок, 25 обрезов, револьверов 10 и т.д.

Каменская волость Тамбовского уезда — место пребывание губкома СТК — сдалась после ареста всех мужчин — указала склады, тайники, выдала многих бандитских главарей, в том числе членов губернского и районного, волостного и сельского комитета СТК; добровольно явились местная "вохра" и несколько десятков бандитов. В с. Кривополянье после расстрела 13 заложников был указан склад запчастей к пулеметам, выданы несколько бандитов, указано убежище остатков банды Селянского. В общем, в Тамбовском уезде с 1 июня по 10 июля явились добровольно бандитов с оружием — 59, без оружия — 906, дезертиров — 1445, изъято бандитов — 1455, дезертиров — 1504. Семей заложниками взято 549, проведено 295 окончательных конфискаций имущества, разобрано 80 домов, сожжено 60 домов, расстреляны 591 бандит, заложников — 70, за укрывательство — 2» [11].

Методы подавления крестьянского восстания, особенно приказ № 171, вызвали протест и в высших слоях большевистского руководства. В последние годы рассекречены два важных документа, проливающие свет на финал борьбы с антоновщиной: письмо А.И. Рыкова Л.Д. Троцкому от 18 июля и протокол заседания комиссии по борьбе с бандитизмом под председательством Л.Д. Троцкого от 19 июля 1921 г. Из опубликованных ранее ленинских документов было известно лишь, что 16 июля на утреннем заседании Политбюро Рыков просил Ленина, а Ленин обещал «через два часа» прислать номер тамбовской газеты с каким-то приказом неизвестно какого Антонова. Публикаторы этих документов оговаривали, что им «не удалось» установить наименование этой газеты, а следовательно, и повод обмена записками на упомянутом заседании. Речь же шла о номере козловской уездной газеты «Наша правда» от 18 июня 1921 г. с приказом № 171. Теперь мы знаем, что на заседании Политбюро состоялся какой-то разговор по существу и было принято постановление, согласно которому Рыков пересылал Троцкому газету с текстом приказа от 11 июня.

В протоколе заседания Политбюро от 16 июля, где между Лениным и Рыковым произошел обмен записками, мы находим пункт 8 «Заявление т. Рыкова» и весьма туманное решение по этому заявлению: «Передать вопрос, поднятый т. Рыковым, на рассмотрение Комиссии по борьбе с бандитизмом при участии т. Троцкого, поручив ей принять при единогласии окончательное решение» [12].

Между тем в публикуемом нами письме Рыкова сообщалось, что в президиум ВЦИК было внесено предложение отменить приказ и отозвать из Тамбова Антонова-Овсеенко и Тухачевского. Рыкову было поручено подготовить доклад по этим предложениям, и он просил председателя РВСР Троцкого «рассмотреть вопрос срочно и уведомить меня».

Записка члена Политбюро ЦК РКП(б) А.И. Рыкова председателю РВСР Л.Д. Троцкому о решении Политбюро аннулировать приказ № 171 и отозвать из Тамбова А.В. Антонова-Овсеенко и М.Н. Тухачевского 18 июля 1921 г.:

«Лев Давыдович!

Согласно постановлению Политбюро, посылаю Вам приказ Антонова-Овсеенко и Тухачевского. В Президиуме ВЦИК было внесено предложение, поддержанное большинством его членов:

1) Аннулировать приказ.

2) Отозвать Антонова-Овсеенко и Тухачевского.

За мной числится доклад в Президиуме ВЦИК об этих предложениях и согласование их с ЦК РКП.

Прошу рассмотреть вопрос срочно и уведомить меня.

На мой взгляд, Президиум ВЦИК должен как-то с опубликованием хотя бы в местной печати на этот приказ реагировать.

А.И. Рыков» [13].

Комиссия по борьбе с бандитизмом под председательством Л.Д. Троцкого (исключительный случай) 19 июля 1921 г. приняла решение «отменить приказ» и в тот же день «по прямому проводу передать для напечатания в тамбовских изданиях».

Из протокол заседания Комиссии по борьбе с бандитизмом при РВСР от 19 июля 1921 г:

«Присутствовали: Тт. Троцкий, Гусев, Уншлихт, Александров, Данилов, Тухачевский, Каменев.

Председательствовал: т. Троцкий.

Слушали: О приказе № 171, изданном Тамбовским командованием (Троцкий)

Постановили:

1) Приказ № 171, устанавливавший применение суровых мер расправы над мятежниками, был вызван исключительными условиями и преступно-предательской деятельностью анархо-эсеро-бандитских элементов, сосредоточивших в пределах Тамбовской губернии свои главные силы.

Приказ имел целью прежде всего показать большинству крестьянства всю серьезность обстановки, создаваемой указанными элементами, и решимость Советской власти беспощадно карать такого рода элементы, подрывающие обороноспособность Республики и в конец расстраивающие ее хозяйственную жизнь.

Вместе с тем Советская власть имела своей целью приостановить те зверские истязания, которые учинялись бандитами над беззащитными нередко рабочими и крестьянами, верными Советской власти.

Ныне, когда бандитские шайки, после того как они оказались изолированными от населения, разбиты и фактически ликвидированы, представляется возможным отменить приказ, вызванный указанными выше исключительными обстоятельствами.

2) Постановление это окончательно отредактировать сегодня и по прямому проводу передать для напечатания в тамбовских изданиях.

Председатель Троцкий

Секретарь И. Медянцев» [14].

Решение об освобождении Тухачевского «с возвращением его на Западный фронт» было принято Комиссией еще на заседании 17 июля 1921 г., т.е. на второй день после первого разговора о приказе № 171 на Политбюро. В скором времени был отозван и Антонов-Овсеенко.

В записке командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского В.И. Ленину о положении дел в губернии от 16 июля 1921 г. говорилось;

«I. Положение бандитизма к началу мая.

В пяти уездах Тамбовской губернии: Кирсановском, Тамбовском, Моршанском (южнее Сызр-Вяз. ж. д.), Козловском (восточнее Ростовской ж. д.) и Борисоглебском (за исключением самой южной части его) Советской власти не существовало (не считая городов).

В этом районе, объятом крестьянским восстанием, власть принадлежала СТК (Союз трудового крестьянства), через который проводила свою политику партия эсеров.

Бандитов насчитывалось до 21 000 человек.

Восстание началось в сентябре 1920 г., и местное крестьянство и бандиты именуют его своей революцией и даже датируют события, считая от момента революции (например, говорят: это было до революции, это после и т.д.).

Причины восстания — общие для всей РСФСР, т.е. недовольство продразверсткой и неумелое и исключительно жестокое ее проведение продорганами на местах.

Причины, организовавшие восстание, следующие:

а) сильное эсеровское гнездо, свитое в Тамбовской губернии;

б) искусная тактика, проявленная эсерами в создании СТК;

в) скрытый большой запас оружия, сделанный Антоновым за время его начальствования Кирсановской уездмилицией и, наконец, военно-организаторский талант Антонова.

II. План кампании.

На предстоявшие действия приходилось смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на целую кампанию или даже войну. Разгром живой силы бандитов, благодаря ее слабой боеспособности, не представлял серьезных затруднений.

Главную и самую трудную задачу составляло завоевание территории, оккупация источников комплектования банд и советизация их.

На эту задачу оккупации и были брошены главные воинские и политические силы, а на маневренные действия было выделено лишь три кавбригады.

Для согласования советской работы на местах с военными мероприятиями были созданы уполиткомиссии — уездные органы Полномочной комиссии ВЦИК.

Советизация должна была проводиться следующими мерами: изъятием бандитского элемента, насаждением ревкомов, расслоением крестьянства путем вооружения его против бандитизма, заинтересовывая его материально за счет конфискационных имуществ бандитов, применением террористических мер против сочувствующих бандитизму, извлечением комитетов СТК, трудовой помощью Красной Армии населению и налаживанием советской работы.

Параллельно с этим был намечен ряд маневренных операций против банд, каковые и должны были окончиться полной гибелью последних от истощения (источники комплектования оккупированы).

III. Достигнутые результаты и дальнейшие мероприятия.

В результате методически проведенных операций на протяжении сорока дней крестьянское восстание в Тамбовской губ. ликвидировано.

СТК разгромлен.

Советская власть восстановлена повсеместно.

От 21 000 бандитов осталось к 11 июля лишь 1200 сабель. Громадное количество главарей банд уничтожено.

Крестьянство скомпрометировано в глазах бандитов и ищет от них вооруженной защиты Красной Армии.

Но вместе с тем крестьяне определенно не верят в искренность декрета о продналоге. Среди них ходят слухи о том, что к осени наши войска будут выведены из Тамбовской губ., и тогда бандиты вновь начнут действия и, наконец, кое-где еще сидят волостные комитеты СТК.

В виду этого я считаю необходимым проведение нижеследующих мероприятий:

1) не выводить из Тамбовской губернии ныне действующих в ней войск в течение одного года;

2) оставить оккупационное командование в Тамбовской губернии по крайней мере до зимы, не увлекаясь сокращением штабов;

3) всех коммунистов, присланных по мобилизации в Тамбовскую губернию, закрепить за последней, а также произвести перегруппировку засидевшихся коммунистов;

4) не налагать на Тамбовскую губернию никаких дополнительных продовольственных налогов.

Тухачевский» [15].

Выписка из протокола заседания комиссии по борьбе с бандитизмом № 22. Совершенно секретно. 17 июля 1921 г.:

«Присутствовали: т. т. Гусев, Каменев, Артем, Данилов, Александров, Шапошников, Антонов, Уншлихт, Тухачевский, Брюханов, Михайлов.

Председательствует т. Гусев.

1. Слушали: Доклад т. Тухачевского о состоянии борьбы с бандитизмом в Тамбовской губернии.

1. Постановили: 1) Не выводить из Тамбовской губернии ныне действующих в ней войск, необходимых для оккупации и окончательной ликвидации бандитизма. 2) До 1 октября по возможности не снимать коммунистов, присланных в Тамбовскую губ. по мобилизации. 3) Предложить Главснабпродарму обеспечить Тамбовские войска продовольствием без перебоев. 4) Предложить Главначснабу усилить меры по обмундированию Тамбовской армии. 5) Разрешить командованию Тамбовской армии предлагать бандитам сдаваться на условиях сохра-

нения жизни и широкого применения условного осуждения — при условии сдачи оружия и выдачи всех главарей. 6) Предложить Главкому обеспечить Тамбовскую губ. до 1 октября бригадой курсантов.

2. Слушали: Об освобождении т. Тухачевского от должности комвойск Тамбовской губ. (С.С. Каменев).

2. Постановили: Комиссия находит возможным освободить т. Тухачевского с возвращением его на Западный фронт и с заменой его т. Левандовским.

3. Слушали: О командировке партийных работников в Тамб. губ. для проведения крестьянской конференции.

3. Постановили: Комиссия находит необходимым, чтобы ЦК РКП командировал в Тамбовскую губернию специально для проведения крестьянской конференции ответственных работников, а также усилил Тамбовскую губ. советскими работниками.

Председатель С. Гусев

Секретарь И. Медянцев» [16].

Активную роль в принятии этих решений сыграл Н.И. Бухарин. В разгар их обсуждений — 17 июля — В.И. Ленин посылает именно ему доклад главкома Красной армии С.С. Каменева с защитой методов борьбы, использованных Тухачевским в Тамбовской губернии, и признанием целесообразности их применения в других районах. На первой странице доклада имеется запись: «Бухарину секретно. Вернуть, прочитав от строки до строки в наказание за паникерство. Ленин» [17].

Полномочная комиссия ВЦИК 20 июля 1921 г. направила секретную депешу предуполиткомиссиям 1, 2, 3, 4, 5, 6 такого содержания:

«Банды Антонова разгромлены. Шайки Богуславского уничтожены. Банда Карася вместе со своим атаманом ликвидирована. Бандиты массами сдаются, выдавая главарей. Среди самих бандитских главарей идет разброд, и уже многие из них, окончательно разуверившись в неправильности эсеровской программы, перешли на сторону Советской власти.

Само крестьянство окончательно отшатнулось от эсеро-бандитского предательства: оно само вступает в решительную борьбу с разбойными шайками, ими организуются дружины в помощь Красной Армии, создается оборона селений, производится изъятие бандитов и эсеров-предателей.

Полномочная комиссия уверена, что при дружной поддержке самого крестьянства Красная Армия в кратчайший срок покончит со всеми остатками бандитизма в Тамбовском крае.

Окончательный развал эсеро-бандитизма и полное содействие в борьбе с ним со стороны крестьян позволяет Полномочной комиссии ВЦИК приостановить применение исключительных мер приказа № 171, направленных против упорствующих бандитов.

Полномочная комиссия еще раз подтверждает, что все добровольно сдающиеся сохраняют свою жизнь.

О всех мерах по приказу № 234 ставить Полком немедленно в известность по телеграфу.

Полком ВЦИК Васильев» [18].

На территории Тамбовской губернии создавались концентрационные лагеря, в том числе для малолетних детей.

В докладе уполномоченного по улучшению жизни детей при Тамбовском губисполкоме приводились сведения о количестве детей, содержавшхся в концлагерях Тамбовской губернии на 1 августа 1921 г.: до 3-х лет — 397, до 5-ти лет — 758 детей.

Это еще более ожесточало повстанцев, которые в качестве ответной меры брали в заложники семьи коммунистов, красноармейцев, советских служащих. В противовес приказу № 130 губком Союза трудового крестьянства издал свой приказ — «забирать заложниками семьи красноармейцев и советслужащих, конфискуя их имущество». Этот приказ проводился в некоторых районах с величайшей жестокостью (красноармейские семьи прямо вырезались десятками). Местами граждане иногда просили красноармейские части, из боязни белого террора, не трогать бандитских семей [9).

Эта тактика была настолько развита, что в июле 1921 г. было издано специальное распоряжение Тамбовской уполиткомиссии о запрете ареста в качестве заложников детей, беременных женщин и женщин с малолетними детьми. Тамбовская уполиткомиссия направила 20 июля 1921 г. председателю Пригородно-Слободского волревкома распоряжение о запрете ареста в качестве заложников детей, беременных женщин и женщин с малолетними детьми. За неисполнение этого распоряжения председатели ревкомов должны были привлекаться к строгой ответственности» [19].

Покидая Тамбовщину, В.А. Антонов-Овсеенко докладывал, что сделано Полномочной комиссией ВЦИК и что предстояло сделать в будущем в Тамбовском крае, чтобы восстание крестьян не вспыхнуло вновь.

«В общем, к настоящему времени положение таково:

1. Военные силы бандитизма сломлены: к началу мая насчитывалось до 20 000 действующих бандитов, к настоящему времени их несколько сотен.

2. Бандитские шайки совершенно потеряли поддержку хозяйственных слоев деревни. Крестьяне во многих местах настроены к ним определенно враждебно и охотно организуют дружины в помощь нашей милиции и войскам.

3. Организация СТК почти повсеместно сломлена и вся система бандитской милиционной армии разрушена, как весь ее аппарат связи, разведки, снабжения.

4. Однако в Кирсановском и Тамбовском уездах некоторые села еще сохраняют бандитские настроения и организации. Оружия изъято мало. Настроение большинства крестьянства выжидательно недоверчивое. Многие бандиты распущены (по слухам) по домам временно.

5. Это настроение питается скудностью и крайней пестротой урожая при громадном недосеве и паническими слухами из голодающих губерний, и слухами о предстоящем вскоре выводе красных войск из губернии.

6. Оккупация района почти завершена и уже приступлено к насаждению постоянных органов Соввласти в селах.

7. Сельская милиция осела на местах и приобрела некоторое значение наряду с начавшимися организовываться крестьянскими дружинами.

8. Партийная организация ослаблена, переутомлена, среди рабочих растет оппозиционное настроение, крестьянские организации (комячейки) только начинают налаживаться. Парторганизация насчитывает до 5000 членов вместо 14 000 прошлого года. В армии также до 5000 членов партии.

9. Заложников накоплено в концентрационных лагерях до пяти тысяч, а нарядов на их высылку нет.

10. Железнодорожники продолжают служить стержнем для контрреволюционной организации; между тем до сих пор не разрешен практически вопрос о перемещении их на другие дороги» [20].

Летом 1921 г. основные силы Антонова были разбиты. В конце июня — начале июля им был издан последний приказ, согласно которому боевым отрядам предлагалось разделиться на группы и скрыться в лесах или даже разойтись по домам. Восстание распалось на ряд мелких, изолированных очагов, которые были ликвидированы до конца года.

Антоновцы были силой только в своих уездах, рядом с родным домом. Когда же теснимые войсками под командованием М.Н. Тухачевского антоновские армии оказались в Пензенской губернии, то были разбиты в первом же бою. Отход в Саратовскую губернию ничего не изменил: новый бой и новый, на этот раз полный разгром. Антоновщина — типичное крестьянское восстание с типичным финалом — военным разгромом при выходе из родных мест.

Руководитель крестьянского восстания Тамбовской губернии Александр Степанович Антонов еще целый год скрывался в лесах и был выслежен и убит 24 июня 1922 г. в селе Нижний Шибряй Борисоглебского уезда.

Резюмируя вышеизложенное, сделаем выводы.

Против крестьянской армии была брошена вся военная мощь республики. Была создана Центральная межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом, в которую вошли представители ЦК, СТО, ВЧК, НКПС и т.д. Начался военный разгром антоновщины. Стратегия состояла в полном и жестоком осуществлении военной оккупации повстанческих местностей, к которой приступили уже предшественники нового руководства.

Главнокамандующий М.Н. Тухачевский прибыл в Тамбов 6 мая 1921 г., и уже 12 мая появились его знаменитый своей жестокостью приказ № 130 и инструкция по применению этого приказа.

Методы подавления крестьянского восстания, особенно приказ № 171, вызвали протест и в высших слоях большевистского руководства.

Летом 1921 г. основные силы Антонова были разбиты.

Источники и примечания:

1. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 16.

2. Приказ командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского о мерах борьбы с повстанцами № 130, г. Тамбов, 12 мая 1921 г. // ГАТО. Ф.Р. -1832. Оп. 1. Д. 1000. Л. 9а.

3. Инструкция по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии 12 мая 1921 г. Секретно, г. Тамбов // ГАТО. Ф. Р.-4049. Оп. 1. Д. 4. Л. 117—118 об.

4. РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 98. Л. 82—84.

5. РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 19.

6. Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей

№№ 171, г. Тамбов. 11 июня 1921 г. // ГАТО.Ф. Р.-4049. Оп 1. Д. 5. Л. 45.

7. Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев № 0116 г. Тамбов // ГАТО. Ф. Р.-1832. Оп. 1. Д. 943. Л. 3.

8. ГАТО. Ф.Р. -1832. Оп. 1. Д. 1026. Л. 14

9. Тамбовский волк вам гражданин! Уроки тамбовского восстания. Русский журнал. 2002. 27 ноября. http: //www. russ. ru/politics/ 20021127-sol. html

10. Общегубернская информационная сводка о борьбе с бандитизмом по данным уездных политкомиссий. Июнь—июль 1921 г. // ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1043. Л. 14—15.

11. Доклад В.А. Антонова-Овсеенко в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением (с пометками В.И. Ленина на полях рукописи) 20 июля 1921 г. // РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324, Л. 40.

12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.Д. 190. Л. 2.

13. Записка члена Политбюро ЦК РКП(б) А.И. Рыкова председателю РВСР Л.Д. Троцкому о решении Политбюро аннулировать приказ № 171 и отозвать из Тамбова А.В. Антонова-Овсеенко и М.Н. Тухачевского 18 июля 1921 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3.Д. 62. Л. 799—799 об.

14. Протокол заседания Комиссии по борьбе с бандитизмом при РВСР об отмене приказа №№ 171 №23. 19 июля 1921 г. // РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 383. Л. 3О3.

15. Записка командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского В.И. Ленину о положении дел в губернии 16 июля 1921 г. Секретно №№ 1251, г. Москва // РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 36—40.

16. Выписка из протокола заседания комиссии по борьбе с бандитизмом №№ 22. С. секретно. 17 июля 1921 г. // РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 383. Л. 324.

17. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19851. Л. 1—2

18. Полномочная комиссия ВЦИК // РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 39.

19. Распоряжение Тамбовской уполиткомиссии председателю Пригородно-Слободского волревкома о запрете ареста в качестве заложников детей, беременных женщин и женщин с малолетними детьми. 20 июля 1921 г. Секретно, срочно // ГАТО. Ф. Р. -4049. Оп. 1. Д. 1. Л. 117.

20. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 40.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Важнейшей особенностью крестьянского движения в Поволжье в 1918—1922 гг. был многонациональный состав его участников. Эта особенность определялась спецификой Поволжья как одного из многонациональных районов страны. Крестьянские выступления против политики военного имели место во всех национальных районах Среднего и Нижнего Поволжья. И русские, и татарские, и чувашские, и мордовские села принимали участие в повстанческом движении. Они единым фронтом выступали в защиту своих крестьянских интересов. Об этом убедительно свидетельствует самое мощное в регионе крестьянское восстание, названное современниками «вилочным» или «восстанием Черного орла-земледельца» [1: 16].

«Вилочное восстание» в начале 1920 г. выявило национальные особенности протестного движения крестьянства. Поволжье — огромная территория, заселенная многонациональным населением — русскими, татарами, башкирами, мордвой, чувашами, калмыками, немецкими и латышскими колонистами, давно освоившими крупный район в саратовском Заволжье.

Основную часть повстанцев составили татары и башкиры. Но наряду с ними активное участие в восстании принимали крестьяне русских селений, немецкие и латышские колонисты. Местные руководители в пропагандистских целях пытались расколоть повстанцев по национальному признаку. На Уфимской губернской конференции РКП(б) 3 марта 1920 г. докладчик—председатель губревкома Б.М. Эльцин утверждал: восставшие — мусульманская часть населения, русские же либо пассивны, либо активно защищают Советскую власть [1: 419]. В реальности «вилочное восстание» было многонациональным: в нем принимали участие татары, башкиры, русские, чуваши, мордва, немцы. Оно не являлось национальным движением. Большинство населения территорий, охваченных восстанием, было мусульманское, поэтому в восстании участвовало больше мусульманского населения, чем русского крестьянства.

Определяющим фактором восстаний в многонациональной среде являлся протест против продовольственной политики военного коммунизма. В конце 1918 — начале 1919 г. основная тяжесть продразверстки легла на уезды Симбирской, Самарской и Казанской губерний, освобожденных от власти Комуча осенью 1918 г. В 1919 г. продразверстка была распространена на Уфимскую губернию и прилегающие к ней районы,

большинство населения которых составляли татары и башкиры. В Белебеевском уезде Уфимской губернии восстание распространилось на все татарские волости: Старо-Турай-скую, В. Бшиндинскую, Чукадытамак-скую. Собрание Белебеевской организации РКП(б) 3 марта 1920 г. констатировало: «Нации более низкой культуры не понимают трудностей хозяйственной разрухи» [1: 405, 412].

Показателен доклад руководителя Белебеевского уездного исполкома Г.К. Касымова в Уфимский губком РКП(б) об обстоятельствах убийства продотрядовцев в деревне Казаклар-Кубово Чукадытамак-ской волости 16 января 1920 г. В нем сообщалось, что 12 января комиссар продовольственного отряда Михайлов и двое продотрядовцев были убиты жестоким способом: трупы обезображены, у некоторых мозги наружу, глаза выкатились и зубы выбиты. Арестованные участники убийства оказались из числа наибеднейшего и среднего крестьянства: один из них — житель Казаклар-Кубово Альмухамет Шаймухаметов — неимущий бедняк, добывавший пропитание для полдюжины своих детей плетением и продажей лаптей. Он избивал продотрядовцев, держа в одной руке лапти, в другой дубину. Объяснение жестокого убийства не имело под собой никакой национальной окраски: продотряд решил самовольно закрыть местный базар, в результате данной акции неимущая беднота лишалась последней возможности приобрести где-нибудь кусок хлеба. Никакого снабжения бедного населения продовольствием со стороны местной власти организовано не было. Общее собрание жителей татарской деревни признало, что вследствие совершенного на ее территории убийства на деревню пал позор, поэтому общим собранием было вынесено решение: в течение трех дней выполнить годовой наряд хлеба. Белебеевский уездный исполком предлагал организовать в срочном порядке национальные продотряды [1: 332—335].

Преобладание в составе участников «вилочного восстания» мусульманского населения не отличало его принципиально по своим целям и механизму проведения от подобных выступлении русских крестьян. Характерно обращение Бирского ревкома Уфимской губернии к мусульманскому населению уезда от 5 марта 1920 г.: «Братья-мусульмане! Из вашей среды вышли некоторые группы граждан, которые и сами поддались разным провокационным слухам и которые мирное население с дерзостью поднимают к восстанию против Советской власти. Мысль о восстании, как уже выяснилось, зародилась среди кулаков, торговцев, приверженцев старого царского строя, офицерства и буржуазии, возвратившейся из Сибири. Они пустили в темную мусульманскую массу

свой разлагающий яд и эту самую трудящуюся бедноту натравили против Советской власти и коммунистов, а сами остались в стороне. Кто же расплачивается за их предательскую провокацию? Кто кладет свои головы в борьбе с доблестной Красной армией? Кто выступает с цепами, лопатами и другими такими же орудиями против красной винтовки и пулемета? Да та же трудовая беднота мусульманства, на которой всегда выезжала кулацкая наглая свора. Она именно своею жизнью, своими головами платится за чужие грехи только лишь по своему неразумию...

Бедный, заблуждающийся брат-мусульманин! Побереги свою голову и жизнь — они нужны еще для блага твоего семейства, твоих малых дочерей и сыновей! Твои руки еще нужны для поднятия твоего разрушенного хозяйства! Ты неразумно пользуешься лопатами, вилами, цепами — разве это орудия для войны? Если хочешь воевать — бери винтовку, она не изменит, а эти мирные сельскохозяйственные орудия тебе нужны для твоего крестьянского труда. Плох и неразумен тот хозяин, который цепом убивает врага, а винтовкой молотит хлеб. А если у тебя нет подходящих для войны орудий, если ты видишь, что тебя дурачат богачи и толстосумы — возвратись к своему домашнему хозяйству, ибо ты не воин. Работай у себя дома и ты больше пользы принесешь себе и родине, чем отправляясь на войну с лопатой. Пусть Аллах благословит твой мирный земледельческий труд!» [1: 437—438].

Главным фактором протестных выступлений являлся продовольственный вопрос: недовольство возникало на основе просчетов политики военного коммунизма. Национальный и религиозный и аспекты играли важную, но далеко не определяющую роль, причем в данном соотношении религиозный оказался более весомым, чем национальный: основной массой восставших крестьян были мусульмане.

В мусульманских селах Казанской, Самарской и Уфимской губерний местные продорганы в ходе выполнения продразверстки не учитывали религиозные традиции населения. Устанавливая задания по разверстке на свинину на татарские села, продкомы даже не учитывали, что татары свиней не разводят, соответственно, не могут выполнить план разверстки [1: 449—453]. Особое недовольство крестьян вызвали действия местных властей по принудительной мобилизации мулл для выполнения трудовых повинностей и взятию их в качестве заложников за невыполнение плана государственной разверстки. Там, где это осуществлялось, происходили протестные акции. Религиозные деятели мусульман — муллы — нередко были среди участников и инициаторов восстаний. Сельские священники, тесно связанные с крестьянами, нередко активно

участвовали в крестьянском движении, вели агитацию против политики большевистского государства, в числе первых подвергались репрессиям. Карательные отряды производили аресты татарских мулл в качестве заложников. Однако население не выдавало зачинщиков восстания даже после ареста мулл [1: 449—453].

Как правило, крестьяне выступали в защиту своих священников и сельской церкви против притеснений со стороны местной власти. Угроза закрытия церквей, аресты священнослужителей, оскорбительные для чувств верующих действия местных активистов нередко провоцировали восстания.

С большей силой религиозный фактор проявился в ходе «вилочного восстания», где основной массой восставших крестьян были мусульмане. В то же время среди лозунгов повстанцев был «За веру христианскую и ислам!».

Просчеты в религиозных вопросах дополнялись ошибками в национальных делах: отбирали метрические книги, требовали регистрацию рождений, смерти и браков на русском языке. Крестьяне-мусульмане восприняли это так, как будто их хотят крестить. Неумелые циркуляры органов власти сыграли негативную роль. Так, с регистрацией рождения был такой случай: мусульманского ребенка зовут Харис, а записывают в волости Борис.

Продармейцы открыто издевались над минаретами, над тюбетейками. Трудовой мобилизации (заготовке дров) подвергались женщины, которые по законам ислама одни, без мужей, не должны были ходить в лес. Продовольственные агитаторы во многих местах вместо агитации занимались избиением не за то, что нет хлеба, а просто потому, что не нравилась физиономия мусульман [1: 453—454]. Все это служило спичкой, вызывавшей пожар. В одной из секретных информационных сводок Саратовской губчека описана протестная акция в селе Старый Мостяк Старо-Атлашинской волости Хвалынского уезда 7 сентября 1919 г. В день советской пропаганды в селе был организован митинг, на котором выступили местные руководители. Во время митинга со стороны татар послышались возгласы: «Почему в школах воспрещают учить Коран, Закон Божий?» Вскоре возгласы превратились в шум. Не дав ответить на заданный вопрос, толпа с криками «Долой трудовую школу!», «Долой коммунистов и Советскую власть!» бросилась на ораторов и принялась их избивать [1: 310].

Игнорируя национальные и культурные традиции, руководители местных органов власти нередко злоупотребляли своим служебным по-

ложением, занимались произволом в национальных районах. Некоторые представители местной власти в пьяном кураже доходили до откровенного издевательства и унижения крестьян. Подобные вопиющие факты часто появлялись на страницах центральных печатных изданий. В селе М. Чурашево Казанской губернии в феврале 1919 г. во время проведения обряда сельской свадьбы один из членов волостного совета Гавриков организовал своеобразную свадебную процессию: запряг четырех женщин в салазки, надел на них хомуты, седелки, бубенцы, к дуге привязал колокольчики, взял в руки кнут и тронул по улице диковинную четверку. Периодически Гавриков слезал со своих салазок, привязывал «четверку» к воротам и входил в чью-либо избу за угощением; «лошади», стоя на морозе, стучали зубами от холода. За эту поездку Гавриков заплатил каждой по 40 руб., но затем вернул их.

Другой случай произвола связан с традицией чувашских женщин носить украшения из старинных серебряных монет. В Ядринском уезде Казанской губернии заведующий отделом труда Акмин и уездный чрезвычайный комиссар Федотов использовали данную традицию в интересах собственного обогащения. В определенное село к председателю комбеда отправлялся нарочный с извещением, что едет начальство, с приказанием приготовить угощение с самогонкой. После угощения начинались облавы у заранее намеченных лиц. Награбленное серебро поступало в личное распоряжение «представителей» власти. В некоторых местах грабители накладывали еще контрибуцию в свою пользу. Председателю за «молчание» давали до 50 руб. или угрожали смертной казнью в случае доноса [2].

Многочисленные факты насилия и произвола отмечались со стороны красноармейских частей. Так, в одной из оперативных сводок перечислялись вошедшие в повседневную практику факты: «Красноармейцами 93-го батальона у муллы дер. Карабаш отобран тулуп и вылито на него полтора пуда керосина. 27-м батальоном у граждан дер. Карабаш Сулемана Баккулова, Фатиха Сулейманова, Сар-бухмали Гаисеевой, Мусехха Баккулова, Закира Виттулова отобрано много одежды, белья с сундуками, самоваров и ковров» [3]. Подобных случаев было немало.

В ходе многочисленных протестных выступлений между повстанцами не было вражды по национальному признаку. Крестьянское движение в Поволжье в 1919—1922 гг. не восприняло националистических идей татарской и башкирской радикальной интеллигенции. Татарские и башкирские крестьяне остались безучастными к политической и вооруженной борьбе националистических сил против большевиков. Опреде-

ленную роль в данном случае играли родопле-менные традиции. Так, традиционные ценности башкир основывались на идейной основе мусульманства в Башкирии — ишанизме — разновидности суфизма. В традиционном аграрном сообществе с отчетливыми патриархальными чертами, каким являлось башкирское, был высок авторитет ишана (учителя). Представителей же национальной интеллигенции в селах (мугаллимы-учителя) повстанцы нередко подвергали арестам и даже избиениям [1: 487].

Созданные в национальных районах отделения по делам мусульман при Советах, трансформированные впоследствии в отделы по делам национальностей, подчиненные исполкомам Советов и Нар-комнацу, были не в состоянии контролировать ситуацию. В Самарском губкоме партии была создана мусульманская секция, при Самарском губисполкоме — губернский комиссариат по делам мусульман, занимавшийся агитационно-пропагандистской работой в национальных районах. В телеграмме Дзержинского командующему Запасной армией Б.И. Гольдбергу 25 февраля 1920 г. предписывалось войскам «никоим образом не затрагивать национальных, религиозных чувств населения» [1: 379].

Оформление национальных республик и областей в Поволжье, по замыслу руководства Советского государства, было призвано устранить в протестном движении национальный фактор. Местные руководители требовали возвратить для работы с местным национальным населением коммунистов-татар, башкир, черемисов (марийцев) и представителей других национальностей с фронтов домой.

18 февраля 1919 г. башкирские воинские формирования, ранее активно участвовавшие в боевых действиях против Красной армии, перешли на сторону Советской власти. В соответствии с «Соглашением Российского рабоче-крестьянского правительства с Башкирским правительством о советской автономии» 23 марта 1919 г. образована Башкирская советская республика. В ее состав входила территория так называемой Малой Башкирии — часть Уфимской, Оренбургской, Екатеринбургской и Самарской губернии с преобладанием башкирского населения. Башкирская советская республика объявлялась составной частью РСФСР. Идеологом национальной республики и ее фактическим руководителем являлся А.-З. Валидов. Позднее, в 1922 г., была создана Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика (Большая Башкирия, включая Уфимскую губернию).

Высшее советское руководство было обеспокоено опасностью вовлечения в крестьянские восстания боеспособных красных башкирских

частей: 28 февраля 1920 г. Башкирский и Стерлитамакский полки выступили с совместной резолюцией о присоединении к восставшим, которая начиналась так: «Мы, башкиры и красноармейцы, присоединяемся к крестьянскому восстанию и идем против коммунистов» [4].

Член политбюро ЦК РКП(б), секретарь ЦК партии Н.Н. Крестинский в телеграмме председателю Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкому 2 марта 1920 г. высказывал опасения по поводу возможности со стороны повстанцев Казанской и Уфимской губерний «увлечь башчасти» [5]. В ответной телеграмме Троцкого Крестинскому сообщалось: «Башкирские части держат себя хорошо». Троцкий предупредил А.-З. Валидова о возможности влияния мусульманского фактора на красноармейцев башкирских частей. По информации Троцкого, «Валидов клялся, что ни один башкир не выступит против Советской власти», более того — «предлагал башкирские части для усмирения». Уверенность Троцкого в лояльности башкирских частей объяснялась тем обстоятельством, что красноармейцы-башкиры были уроженцы в основном из 12 горных, потребляющих районов Башкирии, население которых было враждебно настроено к более зажиточному населению земледельческих районов республики [6]. Уполномоченный ВЦИК Ф.А. Артем (Сергеев) также информировал руководство Советского государства, что Валидов предлагал свои услуги в усмирении повстанцев [1: 390].

Указанные факты свидетельствуют о том, что националистическое движение в Башкирии развивалось автономно от крестьянского движения и преследовало свои цели. Столкновение между двумя властными органами — Башкирским ревкомом и Башкирским обкомом РКП(б) привело к тому, что в мае 1920 г. А.-З. Валидов перешел на сторону антибольшевистских сил [7].

В мае 1920 г. оформилась Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика. В соответствии с декретом ВЦИК и СНК от 24 июня 1920 г. была образована Чувашская автономная область на территории части Казанской и Симбирской губерний.

Однако образование национальных республик и областей не устранило рецидивных проявлений политики военного коммунизма, порождавшей новые протестные явления. В Башкирской Республике в период «вилочного восстания» почти в каждой деревне, где проходили карательные отряды, производились массовые расстрелы и реквизиции. В районе Уссерганского, Бурзян-Тангауровского и Тамьян-Катайского кантонов расстреляны сотни и тысячи башкир без всякого повода и причин, без предварительного следствия и суда. В Тамьян-Катайском

кантоне расстрелы имели место почти в каждой деревне: в деревне Расулево 28 января 1920 г. было расстреляно карательным отрядом 9 человек, в поселке Васильевке — около 200 человек. В деревнях Абзяково, Мухаметево, Куракаево, Балабаново происходили массовые расстрелы. Мальчик 12 лет был расстрелян за то, что не дал лошадь, изнасилована башкирка, убит старик 70 лет — отец красноармейца кавбригады за отсутствие сына, который якобы дезертир. Отбирались вещи и имущество башкир. В Бурзян-Тангауровском кантоне карательные отряды под командой Поленова и Руденко среди башкирского населения прослыли «зверьми». В качестве меры наказания Поленов возродил ужасные методы царской власти (генерала Тефкелева, в частности) при подавлении восстания в 1872 г. — вешание башкир на колья плетней. Башкирские власти не только не предпринимали мер к пресечению насилия, но нередко сами его поощряли. Председатель Башкирского ЦИК Мансырев одобрил командира карательного отряда Поленова за его «хороший и отличный террор». Ответом на проявления государственного террора являлось усиление народного сопротивления и рост массовых протестных явлений [8].

Башкирские крестьяне, как и русские, были вынуждены нести все тяготы разверсток и трудовых повинностей. Для Башкирии сложность усугублялась ее особенностями: в деревне проживало 94 % населения, земледелие было преимущественно экстенсивным и в нем значительное место занимал патриархально-натуральный уклад. Глубокой была дифференциация крестьянства, имели место существенные отличия в экономическом развитии отдельных регионов республики. В восточных — горностепных и горно-лесных районах республики были сильны традиции феодально-патриархального социально-экономического уклада, на стороне которого находились родовые институты и соответствующая им система внеэкономического принуждения. В период революционной трансформации произошло усиление роли общинных институтов: сельский сход как орган крестьянского самоуправления решал основные вопросы деревенской жизни.

Процесс расслоения крестьянства в Башкирии имел свои особенности. В башкирской деревне, особенно в восточных районах, преобладали бедняки и батраки. Середняк башкирской деревни мало отличался от бедняка русской деревни. Трудности при определении норм землепользования усугублялись активным притоком на территорию Башкирии переселенцев. Нередко мигранты занимали не только свободные земли, но и те, что принадлежали местному населению, заключая грабительские сделки с башкирской беднотой [9].

Указанные факторы побудили руководство Советского государства предоставить Башкирской Республике определенные льготы по выполнению разверсток и трудовых повинностей. В этой связи в соседних с Башкирией земледельческих районах проявилось стремление крестьян русских селений к добровольному вхождению в состав национальной Башкирской Республики. Подобные настроения в крестьянской среде получили широкое распространение. Данный прецедент являлся подтверждением характерного приоритета общих крестьянских интересов аграрного населения в отношении национальных факторов.

В частности, пограничные с Башкирией волости Бузулукского уезда Самарской губернии заявляли о добровольном присоединении к Ток-Чуранскому кантону: башкирские крестьяне имели меньше повинностей, особенно подворных. В этой связи даже возникла конфликтная ситуация между органами власти: Бузулукский уездный исполком Самарской губернии 17 декабря 1919 г. выдвинул требование к Ток-Чуранскому кантону Башкирской Советской Республики с требованием о принятии мер против движения за присоединение к Башкирии. В Обращении Бузулукского исполкома к руководству кантона констатировалось «сильное волнение крестьян на почве присоединения к кантону Башкирии» Боголюбовской, Графской и Вознесенской волостей: «Агенты указывали, что "мы у вас ни хлеб, ни скот отбирать не будем, как это делает Советская власть Российской Республики". Таковые собрания устраивались почти во всех селах, деревнях волостей, и на этих собраниях выносились письменные протоколы и составлялись списки желающих поступить в Башреспублику. Выбирались представители, и со всеми материалами о присоединении отправлялись в кантон и представляли все эти материалы, протоколы и списки Вам. Ваш кантонный ревком охотно принимал эти материалы о присоединении и указывал этим представителям, что все эти волости будут присоединены к башкирам и будут избавлены от большевистской власти Российской республики; эти представители, побывавшие в Вашем кантоне и обнадеженные присоединением к башкирам и избавлением от Российской Советской рабоче-крестьянской власти, повели сильную агитацию. Центральному советскому правительству пришлось принять меры изолирования кантонных мятежников от остальной крестьянской массы; при аресте вожди этого мятежа указывали и заявили, что "все равно мы отойдем к башкирам, ибо прибудут отряды башкир и перебьют вас всех, советских работников, а нас присоединят"» [10].

Напряженная ситуация сложилась на территории Татарской Республики. Особое возмущение местного населения вызывали действия

карательных отрядов. Органы власти были вынуждены провести расследование действий карательного отряда под командованием Жиго, совершенных в татарских селах в 1920 г. Результаты проверки выявили «бесконечный ряд беспощадных поголовных порок, прогон сквозь строй, убийств без разбора, поджоги бедных лачуг, грабеж, мародерское, грубое, нечеловеческое обращение с населением». Грабежам подвергались семьи красноармейцев. Подчеркивалась особая жестокость в отношении местного населения со стороны бойцов отряда китайцев и эскадрона мадьяр. В Ново-Шемшинске четырьмя китайцами была расстреляна женщина с грудным ребенком на руках. Отмечались случаи насилия над женщинами [11].

В своих донесениях татарская ЧК в сентябре 1920 г. констатировала народные волнения в Буинском кантоне: продовольственная политика военного коммунизма вызвала недород хлеба. Недовольство населения отмечалось также в Спасском кантоне: причиной «плохого» настроения называлась продразверстка. Неурожай, разверстка, повинности создали в Чистопольском кантоне, по донесению татарских чекистов, настроение «чуть ли не контрреволюционное». В конце 1920 г., по наблюдению татарской ЧК, настроение крестьян в республике оценивалось как «неудовлетворительное и отчасти враждебное» [1: 564, 613].

В начале 1921 г. восстания охватили Свияжский и Буинский кантоны. Массовые волнения произошли в волостях: Больше-Балтаевской, Ульянковской, Тавзаровской, Яльчиковской, Карлангалинской, Шим-кусской. Повстанцы громили общественные амбары и делили семена [12].

С 18 на 19 января 1921 г. в Чувашской автономной области в связи с семенной кампанией вспыхнуло восстание одновременно в четырех волостях: Акулевской, Чебоксарской, Алми-Касинской, Касинско-Сотниковской. Вооружение повстанцев составили вилы, топоры. К восстанию присоединились Тоганашевская, Помьяльская волости (около 2 тыс. повстанцев), Помарская, Хормалинская и Убеевская волости (до 5, 5 тыс.), Табурдановская, Кошелевская волости. Особая активность повстанцев отмечалась в волостях Цивильского уезда: Акулинской, Яниковской, Шоркисринской, Покровской. Основную часть восставших составили чуваши и черемисы. Волнения в республике были вызваны недовольством продовольственной политикой Советского государства, нежеланием населения выполнять семенную разверстку [1: 636—638].

ВЧК обязала губернские ЧК обратить особое внимание на роль немцев-колонистов в крестьянских восстаниях, поощрялась система заложничества из числа наиболее активных повстанцев [1: 423]. Подобное внимание чрезвычайной комиссии было не случайным. Трудовая ком-

муна немцев Поволжья, включая в свой состав часть территории Новоузенского и Николаевского уездов Самарской губернии, Камышинского и Аткарского уездов Саратовской губернии, являлась автономным государственным образованием. Немецкое население занималось в основном сельскохозяйственным трудом.

В марте 1921 г. на почве семенной кампании началось крестьянское восстание в Трудовой коммуне немцев Поволжья: ссыпные пункты подверглись разгрому, повстанцы заняли уездный город Ровное, где было собрано более 100 тыс. пудов хлеба. Губпродкомиссар Вол-тко затребовал вооруженной помощи от ВЧК [1: 679].

Особенностью волнений во многих немецких поселениях являлось активное участие женщин. Подобная картина наблюдалась в селах Розенфельд, Вейценфельд, Благодарное, Н. Тарлык. Женщины, вооруженные вилами, лопатами, кольями, оказались активными участницами восстания в немецком селе Неймариенталь, где 24 марта 1921 г. колонистами были убиты Алгаевский райпродкомиссар Гвас-та и комиссар Баронского уездного ЧК Цыцер. В докладе комиссии, расследовавшей причины восстания, события излагались следующим образом. 28 февраля 1921 г. в селе была закрыта мельница и прекращен размол муки для местного населения, что вызвало сильное негодование. На обращение жителей к райпродкомиссару Гвас-та последний отвечал в грубой форме, выражаясь: «Я вас заставлю стены грызть». 24 марта Гваста, Цыцер и 5 красноармейцев прибыли в Неймариенталь и отправились к мельнице с целью выяснить, как производится работа на мельнице и какую плату берет исполком за размол. Через некоторое время к мельнице стало собираться местное население, убежденное в том, что Гваста прибыл опять для закрытия мельницы. Толпа начала требовать от Гваста увеличения пайка и выдачи хлеба. Угрожая оружием, Гваста предложил разойтись, но толпа не подчинилась. Гваста сделал выстрел из револьвера в воздух, после чего толпа крестьян его обезоружила и стала избивать его и Цыцера. Женщины бросали им в глаза песок и золу. Гваста был убит, Цыцер серьезно ранен, красноармейцы были обезоружены, один из них убит [13].

На территории Коммуны немцев Поволжья разгорелось повстанческое движение. В оперативных сводках губчека сообщалось об ожесточенности сопротивления повстанцев весной 1921 г. Немецкие колонисты оказывали помощь также рейдовым крестьянским и казачьим повстанческим отрядам, передвигавшимся по территории Коммуны. Так, оперсводка за 27—30 апреля позволяет оценить масштаб повстанчества: «В Голо-Карамышском уезде банды направились в с. Макаровку,

что 30 верст западнее Голого Карамыша. Наши отряды — Скорохода, Фабрюса, 24 апреля вели наступление на бандитские шайки, банда отступила, скрываясь в лесах между Таловкой и Ново-Таловкой, численность банды 600—700 кавалерии и пехоты. 26 апреля были бои в районе с. Макаровки, в результате банды отступили. 28 апреля в Золотовском районе банды Попова держат направление Сосновки. 26 апреля в Голо-Карамышском и Мордово появилась разведка — 8 человек противников, причем двое убиты нашей разведкой. В ходе боев между Топовкой и Дмитриевкой у банд отняты два пулемета, взят в плен один руководитель бандитов Еремеев. 27 апреля банда Попова разбита, 100 человек кавалерии, 30 пехоты убито, ушла незначительная часть. В Ровненском уезде 29 сообщается, что уезд наводнен бандами, возвращающимися в свои дома, распускающими нелепые контрреволюционные слухи, дающие почву нового восстания. О вылавливании бандитов в Ровненском уезде меры приняты. Работает полевой военревтрибунал» [1: 715].

Национальные особенности крестьянского протеста наложили отпечаток на протестное движение. В Поволжье, несмотря на общность интересов крестьянских выступлений, традиционная замкнутость этнических групп, многонациональный состав крестьянского населения ослабляли организованность протестного движения как единого целого. В сравнении с Поволжьем крестьянское протестное движение в Западной Сибири, на Украине (махновщина), в Тамбовской губернии (антоновщина) оказалось более организованным, сопротивление значительно более длительным, поскольку население по своему национальному составу было однородным. Тяжелый след на населении Поволжья оставил голод 1921 г. Так, в Малой Башкирии от голода погибло 26,9 % населения [14]. Подобная картина была повсеместной.

Отчетливо выраженные национальные черты имели отдельные локальные протестные явления в Сибири. В марте 1918 г. была предпринята попытка по созданию национального государства Ойрот. Активным участником этой акции являлся Кайгородов А.П. — сын крестьянина-переселенца из волостного села Катанда Уймонского аймака Каракорумского уезда Алтайской губернии, участник Первой мировой войны, прапорщик и полный георгиевский кавалер.

В ходе повстанческого движения в Омской и Семипалатинской губерниях летом 1920 г. отмечалось участие киргизов (так тогда называли казахов). Они вступали в отряды повстанцев, киргизское население скрывало повстанцев и оказывало им помощь [15: 268].

В лубковщине в Мариинском уезде Томской губернии в сентябре 1920 г. значительную роль играли представители татарского населения.

Татары составляли основную часть повстанческого отряда Петра Лубкова. Причем вступали они в отряд добровольно. Так, например, татарская деревня Теплая Речка дала Лубкову до 170 человек добровольцев, деревня Нижегородка — до 40 человек добровольцев. Добровольчество объяснялось в значительной мере трудным материальным положением татарского населения. Вступая добровольцами, отмечалось в сводке Томской губчека, они говорили: «Лупка (Лубков) дает торговать, коммунист не тает таркавать, так надо пить камунист, путем прать Мариинск, мала-мала будем себе иметь мануфактуру». Жители татарского таежного поселка Тукаево, враждебно настроенные по отношению к власти, скрывали Лубкова в доме татарина Гайсина и помогли ему уйти в енисейскую тайгу, когда поселок был окружен кавалерийским отрядом 14 октября 1920 г. В ходе длительного и неравного боя окруженный дом был подожжен, однако Лубкову удалось скрыться [15: 411, 429, 432, 437—439]. За участие в восстании выездной сессией реввоентрибунала ВНУС Восточной Сибири среди приговоренных к расстрелу были активные участники лубковщины татары Абузяров Наб и Айкин Николай.

30 октября — 4 ноября 1920 г. произошло восстание в Молькинс-ком хошуне (улусе) Ангарского аймака Иркутской губернии, населенном бурятами. Основу повстанцев составили середняки и бедняки. Организаторами восстания являлись представители коренной национальности улуса Молька — буряты Улаханов Иосиф, Балдаев Гавриил, Развозжаев Иннокентий, Харлов Лука, Сабидаев Степан, Шодоров Матвей. Восстание было направлено против продовольственной политики власти. Проводились перевыборы исполкомов местных советов, аресты коммунистов. Одновременно с Молькинским хошуном восстание охватило также Кохинский хошун [15: 565— 566, 570—571, 576].

В Верхоленском уезде в ноябре 1920 г. произошло восстание бурят в Ленском хошуне Эхирит-Булагатского аймака, основную часть повстанцев составляли середняки и бедняки. Отряд повстанцев около 80 человек, большинство которого составляли буряты, 14 ноября предпринял наступление на город Верхоленск, однако вынужден был отступить вверх по реке Лене [15: 585, 591].

Районом длительного по времени повстанчества являлась хакасская территория Енисейской губернии между Ачинским и Минусинским уездами. Многие местные жители, хакасы, понимая советскую власть как власть сугубо русскую, относились к ней враждебно. С осени 1920 г. на хакасских землях действовали повстанческие группы А. Аргудаева, С. Астанаева, Ф. Карачакова, А. Кийкова, Н. Кулакова, И. и Е. Родионовых, Н. Соловьева и И. Шадрина (Мотыги). Летом 1921 г. они объединились

под командованием Н.И. Соловьева [16]. Осенью повстанцы часто распадались и многие их участники расходились по улусам, сбывая награбленное и ведя разведку. Оставшиеся оседали на зимовку в надежном месте, чтобы весной, собрав новых сторонников, вновь начать действия. К осени 1921 г. численность со-ловьевцев уменьшилась до 200, к 1922 г. — до 40, но с объединением повстанческих групп летом 1922 г. насчитывала до 500 человек. В отряде Соловьева находили пристанище лица, бежавшие от произвола местной власти, ранее даже служившие в милиции или состоявшие в РКП(б), хакасы-подростки, дезертировавшие с лесозаготовок, охотники, лишенные коммунистами оружия, любители вольной жизни, а также те, кого повстанцы увозили насильно. Лица, какое-то время жившие в тайге, воспринимались местными коммунистами как бандиты и в дальнейшем были вынуждены защищать себя. Хакасская беднота составляла 70—80 % всех соловьевцев.

Соловьеву удалось вовлечь в повстанчество значительную часть хакасского населения. Отряд повстанцев был организован по типу кавалерийской части, в которой установили относительный порядок. Конец соловьевщины был предопределен прибытием частей Красной армии и чоновских отрядов, использованием советской властью заложничества и наказаний. Главной же причиной была потеря повстанцами опоры среди хакасского населения. Устав от грабежей и насилия, оно выставило в поддержку чоновцев более тысячи истребителей. В ноябре—декабре 1922 г. повстанцам под ударами ЧОН и частей регулярной Красной армии пришлось покинуть свою главную базу и бежать из района, потеряв убитыми и сдавшимися основную часть повстанцев. Сам Соловьев с небольшой группой скрылся в тайге (убит в 1924 г. в селе Соленое Озеро Минусинского уезда). В целом восстание способствовало ускорению решения вопроса о создании Хакасского уезда [17].

В крупнейшем в советской истории Западно-Сибирском восстании протест против насильственных методов политики военного коммунизма объединил многонациональное крестьянское население Сибири. Примечательно, что в Тарском уезде на севере Омской губернии первыми восстали Карагайская и Тукузская волости, населенные преимущественно инородцами. В сообщениях советского военного руководства отмечалось, что в Петропавловском уезде — на юге Омской губернии — инородцы объявили «нечто вроде газавата» [18: 199, 326].

В северных уездах Тюменской губернии (Тобольском, Сургутском, Березовском) в восстании принимали участие самоеды (совр. саамы, ненцы), остяки (совр. ханты), манси, татары. В Тобольском районе в марте 1921 г. советские войска вели ожесточенные бои за Истяцкие, Бе-

гитинские, Карагайские, Кляшевские и Индерские юрты, в Тарском уезде — юрты Аксурка, Салинские, Решинские юрты [18: 656, 662].

Переход на сторону повстанцев частей отдельного Казанского стрелкового полка, сформированного для подавления восстания, советское военное командование объясняло национальными особенностями. При наступлении в районе Ярково 2 марта на сторону повстанцев перешли красноармейцы 4-й роты 2-го батальона Казанского полка с пулеметами. В Тюменском уезде Ярковский район был населен преимущественно мусульманами. Рота красноармейцев, перешедшая к повстанцам, также состояла из мусульман (татар и чувашей). Аналогичный случай произошел и с другой ротой Казанского полка [18: 699].

Существенные особенности протестное движение имело на Северном Кавказе. Данный многонациональный и густонаселенный регион отличался своеобразием, связанным с этнической пестротой и глубоким влиянием ислама и исторических традиций в этом регионе. Особенностью региона являлась также историческая вражда терских казаков и горских народов. Сунженская линия казачьих станиц разъединяла Ингушетию на две части. Горско-казачья вражда определяла главное содержание социальных противоречий на Тереке. В 1918—1919 гг. большевики нашли в лице горцев активного союзника, с осени 1920 г. прежние союзники стали непримиримыми врагами, в результате чего значительная часть горского населения Северного Кавказа поддержала и приняла участие в восстании Н. Гоцинского. В чем причина подобной кардинальной трансформации взаимоотношений горцев с Советской властью?

Сложная и запутанная ситуация на Северном Кавказе была далека от классической марксистской схемы. В тактике большевистской партии на Северном Кавказе проявился объективный учет реального соотношения сил, при необходимости — тактический отказ (там, где это ей было нужно) от строго классовой линии, приводивший к желаемым результатам. Отношения к национальным общественным группам строились не только по классовым признакам. Политика большевистской партии на Северном Кавказе продемонстрировала умелое манипулирование общественным сознанием с целью решения конкретной прагматической цели — привлечения на свою сторону национальностей, отличающихся глубокой религиозностью и консерватизмом. Причем роль религии и религиозных деятелей, с точки зрения коммунистов, не носила на Северном Кавказе однозначно негативной и враждебной оценки, характерной для ортодоксальной коммунистической доктрины.

Сложившаяся в большевистском руководстве оценка всего казачества как «сплошной контрреволюционной массы» обусловила ставку на

поддержку горцев. II Терский областной съезд, проходивший с 16 февраля по 15 марта 1918 г., принял «Закон о социализации земли», сделав тем самым первый шаг к решению аграрного вопроса в пользу горцев. 22 мая 1918 г. III съезд народов Терека принял резолюцию, в которой наркому земледелия предлагалось «немедленно приступить к урегулированию чересполосицы путем переселения для уравнивания национальных границ применительно к закону о социализации земли». В этих целях переселению подлежали казачьи станицы Сунженская, Акки-Юртовская, Тарская и Фельдмаршальская. В результате этого акта ликвидировалась часть казачьей Сунженской линии.

С этого времени в лице вооруженных отрядов ингушей и чеченцев, часто возглавляемых духовными лицами, Советская власть получила самоотверженных защитников, выступавших за нее в критические моменты, в частности, во время Терского восстания казаков летом 1918 г. Горцы оказали поддержку власти во время попытки казаков захватить Владикавказ 6 августа. На съезде представителей аулов, проходившем в селе Базоркино, горцы заявили о своей готовности помочь Советской власти. К концу марта 1920 г. совместными действиями Красной армии и горских партизан Северный Кавказ был освобожден от белых. Осетины, ингуши, кабардинцы, дагестанцы, балкарцы были проникнуты сознанием могущества новой власти и доверием к ней. Примечательно, что многие решения аулов в поддержку Советской власти принимались «согласно духу шариата и революции». В те дни Северо-Кавказский ревком заверял дагестанцев: «Религию, нравы, ваши обычаи, весь внутренний уклад горцев советская власть оставляет в полной неприкосновенности и сделает все к тому, чтобы горцы Северного Кавказа стали истинно свободными в своем национальном развитии и самоопределении» [19]. Ленин в телеграмме Реввоенсовету Кавказского фронта на имя Г.К. Орджоникидзе требовал: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще» [20].

Однако вскоре после укрепления советской власти на плодородном Северном Кавказе на местные органы власти в регионе обрушился поток циркуляров и декретов в русле политики военного коммунизма: регион рассматривался как одна из основных житниц для всей страны. Прежние исполнители государственных разверсток и трудовых повинностей — казаки — потеряли значительную часть своих земель, немалая часть казаков была выселена в ходе массовой депортации терского казачества.

Горец, боровшийся с «контрреволюцией» за Советскую власть, получил в награду бывшую казачью землю. Немедленно появились чрезвычайные продкомиссары во главе продотрядов, устанавливались плановые задания по продразверстке и трудовым повинностям. Тотальный учет кур, яиц, масла, национализация примитивных горских мельниц, требование от аулов, не способных прокормить даже себя, сдачи определенного количества баранов, шерсти, хлеба быстро подготовили почву для недовольства горских народов. Попытки представителей новой власти, невзирая на особенности края, рассматривать социальные отношения в горских областях лишь через призму классовой борьбы приводили к серьезным негативным результатам. Отрицательное впечатление на горцев, даже искренне сочувствовавших советской власти, производила система отказа в выдаче тел расстрелянных «контрреволюционеров» для погребения по исламскому обряду. В разных местах происходили эксцессы атеистического экстремизма.

Летом 1920 г. духовенство и святые шейхи со своими мюридами развернули пропаганду для мобилизации горского населения на борьбу с «гяурами-большевиками». Они использовали массовое недовольство горцев в отношении политики военного коммунизма. Учитывалось при этом, что на Северном Кавказе духовное лицо — не просто священник, но и судья, народный учитель, военный вождь, борец за свободу, носитель образованности. Муфтий (глава мусульманского духовенства) Н. Гоцинский осенью 1920 г. поднял в горах антисоветское восстание. Восстание началось в сентябре 1920 г. в Андийском и Гунибском округах Дагестана. Идейную основу восстания, по задумке его инициаторов, составляла попытка связать с исламом у горцев идею национальной независимости. Гоцинский в октябре 1920 г. был провозглашен имамом и руководителем восстания. В начале 1921 г. оно перекинулось на Чечню. Численность восставших составляла около 10 тыс. человек. Высшей властью был провозглашен «Совет четырех шейхов».

Восстание носило упорный и ожесточенный характер. Несмотря на то что большинство его участников было вооружено допотопным дедовским оружием, повстанцы нанесли Красной армии ряд тяжелых поражений. Ответные действия регулярных частей и карательных отрядов сопровождались проявлением жестокости по отношению к мирному населению. По оценкам современных исследователей, восстание Гоцинского стоило Красной армии больших жертв, чем десятилетнее басмачество в Средней Азии. Оно продолжалось около 9 месяцев и было подавлено в мае 1921 г. [21].

Изучение национальных аспектов протестного крестьянского движения позволяет утверждать о необходимости пересмотра оценки карельских событий 1921—1922 гг. и исторически обоснованного определения места крестьянского восстания в Карелии в истории первых лет советской власти как одного из крупных эпизодов ее завершающего этапа [22]. Карельские события, трактовавшиеся в советской историографии как «белофинская авантюра», имели особое значение для Советской Республики: через Карелию пролегал единственный выход страны к незамерзающему мурманскому порту.

Объективный анализ развития карельских событий с определенностью приводит к заключению о том, что к их определению необходимо подходить не как к белофинской авантюре, а к крестьянскому восстанию, которое имело выраженные национальные особенности, связанные с пограничным положением и национальным составом населения региона.

В «Краткой инструкции по борьбе с бандитизмом в Карелии» была дана четкая, недвусмысленная оценка движения: «Бандитизм в Карелии носит глубокий политический характер, почему при применении карательных мер к бандитам необходимо иметь большой политический такт и серьезно взвешивать все обстоятельства, дабы не вызвать возмущения широких масс населения». Далее предлагалось деление участников бандитизма на две основные группы: первая — «пришлый элемент», состоящий из русской и финской белогвардей-щины, чинов миллеровской армии и кронштадтских мятежников; вторая — уроженцы края. На вторую группу в «Инструкции» обращалось особое внимание, поскольку она разнородна и состояла, помимо «кулаков, буржуазии и аграриев», «из политически неразвитых крестьян и охотников», обманутых и одураченных белогвардейскими агитаторами, и, наконец, «насильственно мобилизованных крестьян, политически совершенно неразвитых». Такая дифференциация свидетельствовала об участии в восстании различных категорий местного населения.

По отношению ко второй группе предлагалось руководствоваться следующими соображениями: если установлено, что бандит «происходит из кулацкого элемента и вообще из враждебных нам слоев общества, имущество их конфисковать, а самих выслать из пределов Карельской трудовой коммуны». Конфискованное имущество подлежало передаче бедноте, пострадавшей от бандитов, что преследовало политическую задачу: приобрести симпатии и социальную опору среди бедноты.

К принимавшим участие в мятеже из крестьянской среды надлежало применять конфискацию имущества с большой осторожностью, только в отдельных случаях. Если было установлено действительное участие в

мятеже с корыстной целью, бандитов предавали суду военного трибунала. К насильно мобилизованным конфискацию имущества не применялась, за исключением случаев их участия, в том числе по принуждению, в вооруженных мятежах [23].

Карельское восстание было обусловлено этнической близостью карелов финнам: независимость Финляндии вызвала активизацию националистических настроений у карелов, а также стремление Финляндии присоединить к себе Карелию. В итоге оба фактора — национально-территориальный и социальный — образовали своеобразный сплав.

Примечателен характер антибольшевистских прокламаций 1921—1922 гг. В них речь шла об обмане карельского населения большевиками, которые объявили автономию для карельского народа, но не соблюдали условия договора: «Они (большевики) обещают много страдавшим карелам автономию и свободу... Но исполняют мало... Россия вновь управляет, как и при царизме. Они идут под лозунгом народной власти и свободы, но в действительности они — продолжение прошлого царизма, они со временем уничтожат всю народную свободу, автономию и всю карельскую национальность заставят обрусеть... Но автономию для Северной Карелии мы можем получить лишь через наше правительство, но не путем большевистских разговоров. Русские — лисицы, мы знаем это из прежних опытов. Так почему же мы доверяем их словам и обещаниям? Все равно они их не исполняют. Прогнанное русскими наше правительство, находящееся в Финляндии, добьется для нас автономии. Прогоним же долой большевиков с нашей земли, таким путем лишь сохраним и дорогую свободу, свои леса в целом. Правительство достанет хлеба, и мы сами определим нашу судьбу» [24].

Хронологически карельские события явились продолжением выступлений крестьянства против политики Советского государства: Кронштадтского мятежа, антоновщины, Западно-Сибирского восстания. Причины, возникновение, развитие событий во многом аналогичны. Восстание в Карелии объективно не могло достичь такого же размаха, как, например, антоновщина, но это явления одного порядка: Карелия не столь густо населена, как Черноземье, и по местным масштабам силы восставших были значительны. Необходимо учесть местные условия. Главком Красной армии С.С. Каменев подчеркивал, говоря о ликвидации восстания, что главная трудность — в природных условиях, в которых приходилось вести военные действия. На борьбу с повстанцами были брошены регулярные части Красной армии, отряды «красных финнов», в разработке и осуществлении операций участвовали Генеральный штаб, Реввоенсовет Республики, командование Петроградско-

го военного округа. Методы ведения военных действий с той и другой сторон, меры по ликвидации повстанчества, хотя и не столь жестокие, как, скажем, в борьбе с анто-новщиной, носили характер, свойственный крестьянской войне. Осложнялась борьба возможностью для повстанцев уйти за рубеж под давлением частей Красной армии, там довооружиться, пополниться и вновь вернуться на территорию Карелии.

Финны обеспечивали снабжение и военное руководство повстанческими формированиями, но старались получить необходимую поддержку местного населения, опираясь на недовольство крестьян политикой советской власти. Карельское крестьянство в этих событиях выступило в качестве активного участника.

Обострению социально-политической обстановки в Северо-Западном регионе способствовала нерешенность национального вопроса. В еженедельных информационных сводках секретного отдела ВЧК сообщалось, что имела место неприязнь отдельных лиц русской национальности к финнам и наоборот; между русскими и карелами — сильная национальная рознь: карелы тяготели к финнам.

Остроту сложившейся обстановки подчеркивал народный комиссар иностранных дел Чичерин в письме Ленину от 11 августа 1921 г.: «Уважаемый Владимир Ильич! Одно из мест, требующих наиболее серьезного внимания в отношении политических последствий голода, есть Карелия. Именно поэтому Карелия играла и играет такую роль в наших отношениях с Финляндией, и мы столько хлопотали о создании там автономной Карельской коммуны, что в географическом отношении она занимает одно из важнейших для нас мест, а именно коридор на север к Мурманскому окну в Европу. Создание Карельской коммуны разрешило задачу национального удовлетворения карел при сохранении единства с РСФСР. Но эти удачные результаты расстраиваются крайне тяжелым продовольственным положением Карелии, которая в этом отношении принадлежит к наиболее страдающим частям РСФСР. Она всегда питалась привозным хлебом. В настоящее время мы ее настолько недостаточно снабжаем, что в ней советский аппарат распадается, рабочие разбегаются или увольняются, всякие промыслы приостанавливаются, постоянные настойчивые телеграфные просьбы о высылке хлеба остаются без ответа и в данный момент во всей Карелии остается продовольствие только для детей и больных. Результат тот, что белофинны чрезвычайно усиливают свою агитацию, они через границу перевозят хлеб и пользуются им для своей политической работы, в населении создается чрезвычайно сильная тяга к Финляндии, которая может накормить. Если мы не примем меры, которые при скудном населении Карелии для нас

относительно вовсе не так тяжелы, нам могут грозить самые неблагоприятные политические осложнения. Именно теперь... финляндское правительство усиленно выдвигает карельский вопрос и обвиняет нас в нарушении договора и во всех прегрешениях в Карелии, что, конечно, находится в связи с усилением агитации в населении и с какими-то нам неизвестными планами. Удар по Карелии был бы для нас настолько чувствителен, что необходимо принять те сравнительно незначительные жертвы, ценою которых мы можем успокоить карельское население, хотя бы немного накормив его» [25].

Ко времени указанного письма Чичерина прошел уже почти год существования Карельской трудовой коммуны. Она была образована 7 июля 1920 г. постановлением ВЦИК: «1. Образовать в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний в порядке ст. 11 Конституции областное объединение в Карельскую трудовую коммуну». В нее вошли 24 административных единицы (волости и города) Олонецкой губернии и 20 — Архангельской губернии [26]. В подготовительном докладе к постановлению ВЦИК о создании коммуны подчеркивались цели ее создания: «а) в целях осуществления и дополнения права самоопределения карельского народа для противовеса завоевательным стремлением финнов, которые, возбуждая карельский национализм, стремятся к присоединению карельской территории к Финляндии...; б) в целях развития и поднятия карельской местной экономической жизни и ее производительных сил...; в) для содействия революционной пропаганде в Финляндии и Скандинавии». В докладе отмечалось, что большинство населения коммуны является крестьянским, которое кроме земледелия и скотоводства занималось рыболовством, охотой, рубкой и сплавом леса [27].

Карельская трудовая коммуна, согласно резолюции первого Всекарельского съезда Советов, «сохраняет тесную связь с рабочими массами России и с Российской Советской Республикой в ее целом. Но как часть Республики, отличающаяся от остальных частей ее своими национальными и экономическими условиями, Карельская трудовая коммуна будет иметь свои собственные компетентные органы самоуправления с широкой свободой действий» [28]. Декларировалось предоставление коммуне права национального самоопределения, широкой автономии во внутренних делах, вхождения в Российское государство на федеративных основах; карельский язык признавался языком административного законодательства и народного просвещения. Соглашением предусматривалось право устраивать экономическую жизнь коммуны согласно местным потребностям [29].

С созданием автономной национальной области настроение карельского населения изменилось в лучшую сторону. Ревком Карелии сообщал Совету труда и обороны, Реввоенсовету республики и Народному комиссариату иностранных дел: «Многие из трудовых карел, оказавшихся после ликвидации Северного фронта на территории Финляндии, раскаиваются в своих поступках и имеют желание перейти в Советскую Карелию. На территории Финляндии, граничащей с Кемским уездом, оперирует банда из пятисот человек, преимущественно из карел, во главе с белофиннами. Кемский уездревком указывает, что достаточно издать постановление о разоружении и гарантировать возвратившимся непризыв в войска, как банда разойдется и возвратится в свои деревни. Ревком Карельской трудовой коммуны, учитывая необходимость обеспечения рабочей силой... необходимость ограждения Кемского уезда в дальнейшем от бандитов, присоединяется к Кемскому уездревкому и просит санкционировать издание постановления, где будет указано, что всем трудовым карелам, возвратившимся из Финляндии и сдавшим оружие, будут гарантированы замена призыва в войска трудовыми мобилизациями и право пользования свободами революции наравне с остальными гражданами Советской Карелии» [30]. В этой связи Президиум ВЦИК в ноябре 1920 г. постановил: «Ходатайство Карельской трудовой коммуны удовлетворить. Ввиду предстоящего празднования 3-ей годовщины Октябрьской Революции применить к карелам, ушедшим в белые банды в Финляндию, амнистию. Практическое применение амнистии поручить нарком-внуделу совместно с Карельской трудовой коммуной» [31]. Акция оказалась успешной. По данным руководства Карельской коммуны, «согласно амнистии и по персональным разрешениям из Финляндии до сих пор вернулись обратно 8000 чел., и осталось в Финляндии еще 4000 чел.» [32]. Из данных Карельского ревкома следовало: в Финляндию ранее ушло 12 тыс. повстанцев-карел, что, по масштабам Карелии, немало. Немало беженцев впоследствии не только приняли участие в восстании 1921—1922 гг., но и оказались в числе его зачинщиков.

Поводом к восстанию в Карелии послужили непродуманные и противоречащие обещаниям действия местных властей. Оно началось в октябре 1921 г. в Тунгудской и Юшкозерской волостях. Начальник штаба Петроградского военного округа телеграфировал в конце ноября 1921 г. Реввоенсовету Республики, что «180 граждан Летнеконецкой волости, соседней с Тунгудской, вызывались на 1 октября на суд сессии Ревтрибунала в Кемь по делу причастности к восстанию 1920 года. Провокаторы запугивали граждан предполагаемыми жестокостями Ревтрибунала, призывали к восстанию против совввласти. Между тем Карревтрибунал

за недоказанностью дела 180 граждан производство прекратил и сообщил эту милость начмилиции 18 ноября. В промежуток времени между вызовом на суд и его отменой большинство граждан, желая избежать кары, ушли в Тунгудскую волость. Указанное обстоятельство могло быть одним из поводов к восстанию» [33]. Данную точку зрения разделял также заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский, который направил ВЦИК копию телеграммы с запиской: «Препровождая при сем копию телеграммы начштаба Петроградского военного округа от 24 ноября с. г. за № 263742/оп по поводу событий в Карелии и полагая возможным согласиться с выводом названного штаба, что факт привлечения к суду 180 граждан Тунгудской волости не мог не сыграть значительной роли в Карельском восстании, Революционный военный совет Республики просит Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет обратить особое внимание на этот факт и назначить специальное расследование этого случая, имевшего место в сессии Ревтрибунала Кеми» [34].

Активизировалось Ухтинское правительство, которое вместе с белой армией Миллера ушло за кордон в Финляндию, продолжая свою деятельность как правительство в эмиграции. Организацией помощи карельским повстанцам занимались представители Ухтинского правительства Сидоров и Борисов. Приняв название «Верховный комитет Карелии», оно разработало структуру гражданской власти. В деревнях предлагалось избрать старшин, в волостях — временные волостные комитеты, в городах — старшин участков и временные городские комитеты [35].

4 октября Сидоров и Борисов организовали съезд жителей 6 волостей, населенных карелами, в котором участвовали 100 человек. Съезд принял решение приступить к созданию лыжного карельского партизанского отряда и начал вербовку добровольцев-карел. По докладу военкома второго боевого участка Карельского района, «численность банд в районе волостей Рогозерской, Тунгудской, Кадожской, Вокнаволоцкой, Тихтозерской, Ухтинской, Погоской, частью Костенской и Маслозерской — 1000—1500 чел. По проверенным сведениям в Вокнаволоцкой волости имеется 50—60 чел. приезжих из Финляндии из числа ранее бежавших карел...» [35].

В октябре 1921 г. первым перешел границу отряд финского офицера Токкунена численностью в 60 человек. Вслед за ним в различных волостях перешли границу другие отряды и, по данным советских информсводок, «слившись с бандами местного происхождения, поддавшимися на удочку белогвардейских финских офицеров, начали свою каинову работу... производя набеги на деревни, разоряя лесные и рыболовные промыслы, склады и советские учреждения. Деревни и села, населенные

не сочувствующим бандитам элементом и пытавшиеся не повиноваться их распоряжениям в отношении поставки подвод, продовольствия и др., беспощадно сжигались» [36].

В конце 1921 — начале 1922 г. шла усиленная вербовка добровольцев в Карелию во всех городах Финляндии. Контингент завербованных относился к финским карелам, кронштадтским мятежникам. В информационной сводке на 1 января 1922 г. отмечалось увеличение численности повстанцев и усиление процесса объединения действующих отрядов, формирования из них боевых единиц — полков. Полки строились по территориальному принципу: деревня, имеющая 30—40 дворов и более, составляла роту, 4 роты сводились в батальон, 3 батальона составляли полк. Роты носили название деревень, в которых они были сформированы. Приведенные в сводке отрывочные данные о составе отдельных отрядов также подтверждают факт участия в восстании местного населения. Отряд в деревне Костамукша численностью в 120 человек под командованием трех финских офицеров состоял на одну треть из финских добровольцев и на две трети из карел. В деревне Кудом Губа такой же отряд состоял на 30 % из финских добровольцев. Из карел-беженцев, работавших в восточной пограничной полосе, был сформирован отряд в 750 человек [37].

Участие карельского крестьянства в восстании, таким образом, опровергает преувеличенную роль финских добровольцев. Повстанчество имело опору в местном населении. Кроме того, перечисление волостей, население которых поддерживало восставших, показывало, что им сочувствовали не только карелы, но и представители других национальностей.

Финские добровольцы обеспечивали поддержку карельских повстанцев вооружением, снабжением и организацией военных отрядов. Общее руководство осуществлял командующий войсками финский офицер Тулонен. Штаб вооруженных сил находился в Ухте, возглавлял его финский офицер Тусконда. В качестве резерва при штабе находился отряд «Медвежья гора». Войска были разделены на два фронта — Северный и Южный. В Северный входили Архангельский полк — 827 человек, Олангский отряд — 205, отряд Алоярви — 66 человек. Полк делился на три батальона, батальон — на три роты, рота — на три отряда, отряд — на три звена. В полку были два разве-дотделения, пулеметная команда — 30 человек, 4 пулемета. Общая численность войск фронта — 1098 человек. В Южный фронт входил Карельский партизанский (лесной) полк со штабом в Кимасозере. В нем было 4 батальона (один из них — лыжный) по 250 человек; общая численность фронта — 1210 человек, в каждом

батальоне — по 4 роты, включая пулеметную и резервную (100 чел.), 150 подвод. Всего на территории Карелии силы повстанцев насчитывали 2708 человек [38].

Командованием повстанцев был отдан приказ о мобилизации карел в занятых районах. Набор среди мужского населения от 18 до 45 лет производился и добровольно, и по принуждению. Как отмечалось в советских оперативных сводках, «мобилизации проводились почти всюду насильственным путем, кроме Тунгудской и Ухтинской волостей, где большинство мужчин еще в начале бандитского движения явились в банды добровольно» [39]. Восстание начиналось при опоре на местное население. Для снабжения использовались продукты, поступающие из Финляндии. При этом «Верховный комитет Карелии», хотя и скудно, обеспечивал не только свою армию, но и местное население. Для этой цели им были созданы в деревнях «этапные комендатуры», задача которых состояла в распределении продовольствия среди мирных жителей.

Обобщающие данные об отношении населения к восстанию приведены в «Ориентировке» главкома РККА С.С. Каменева о политическом положении в Карелии по состоянию на 25 и 26 декабря 1921 г., адресованной председателю Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкому: «Из оценки настроения по волостям оказывается, что из всех 46 волостей бесспорно на нашей стороне 26... в выжидательном настроении 11, и не сочувствующих нам 11. На вопрос: указать волости, захваченные бандитами, местные работники назвали 7 волостей: Тунгудская, Ребольская, Вокнаволоцкая, Тихтозерская, Ухтинская, Поросозерская, Маслозерская». О враждебном отношении к советской власти свидетельствовали случаи уничтожения и порчи местным населением неохраняемых линий связи в приграничных районах. Вместе с тем в Ребольской волости при отходе частей Красной армии населением было оказано содействие — выделены подводы и проводники из числа местных жителей. В Тунгудской и Маслозерской волостях при проведении повстанцами мобилизации часть жителей сбежала. По поводу пополнения повстанческих отрядов за счет местных жителей отмечалось, то «бандиты проявляют активность лишь вдоль границы, опасаясь отрываться от последней. Между тем, — по оценке Каменева, — если бы они чувствовали поддержку населения, то, вероятно, шли бы вглубь, тем более, что порча железных дорог является, казалось бы, одной из важнейших задач противника» [40].

Оценка ситуации оказалась противоречива. В одной из сводок командования Красной армии говорилось: «Местное население Карелии в большей части отказывалось от участия в “восстании”, в силу чего его мобили-

зовывали под угрозой расстрела и сожжения имущества. При отступлении повстанцы насильно уводили с собой мобилизованных или отправляли их с конвоем на территорию Финляндии, оставляя в деревнях одних женщин и детей. Особенно это соблюдалось в пограничной полосе, где в деревнях осталось по нескольку человек — исключительно стариков, и в некоторых одни только женщины и дети» [41]. Однако в политсводке за 31 марта уход крестьян в ряде волостей характеризовался иначе: «В Ребольском районе положение крайне тяжелое. Ощущается недостаток продовольствия. Нет фуража для рабочего скота, бандами угнано в Финляндию много лошадей. Из Ребольского района ушли добровольно с бандами 200 мужчин и 308 женщин. Кроме того, бандами мобилизовано до 300 мужчин. Оставшееся население нетрудоспособно. Лесозаготовительные работы не проводятся. В Ухтинском районе сохранилось всего 15 % рогатого скота и 5 % лошадей» [42]. Уход за кордон был относительно массовым. В Финляндию для работы среди карел-беженцев ушли три санитарных отряда. В Гельсингфорсе было создано особое бюро для поиска и предоставления беженцам работы. За один месяц 305 беженцев были отправлены на сельхозработы. Молодых женщин было решено направить в школы огородничества, мужчин — в сельхозучилища. О враждебности пограничного населения телеграфировал Троцкому Зиновьев [43].

Другой документ свидетельствовал об озлобленном настроении крестьян в связи со сбором продналога. «В Туломозерской волости имели место волнения крестьян в связи с неправильной раскладкой продналога... Отношение крестьянства к советской власти большей частью безразличное» [44].

Для подавления восстания советское военное командование сосредоточило значительные силы. Командующим войсками Карельского района был назначен начальник Петроградского укрепрайона, известный военачальник по Гражданской войне — А. Сидякин. Было решено немедленно перебросить из Тамбовского района в Петрозаводск две стрелковые бригады. Из состава войск Петроградского военного округа прибывали учебно-кадровые полки и дивизионные школы двух дивизий. В район военных действий были направлены три бронепоезда, авиаотряд и, по специальному распоряжению главкома, поезд связи штаба РККА с Западного фронта с пятью ротами обеспечения.

Источники и примечания:

1. Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: документы и материалы. М., 2002. С. 16.

2. ГАРФ. Ф. Р—393. Оп. 13. Д. 580. Л. 115.

3. РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 55. Л. 68.
4. РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1884. Л. 56.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 63. Л. 13.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 63. Л. 17—18.
7. См.: *Верещагин А.С.* Некоторые новые тенденции в изучении Башкирского национального движения в годы Гражданской войны / / Отечественная история. 2002. № 4.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 86. Л. 19—20.
9. См.: Отечественная история. 1999. № 6. С. 135—137.
10. РГВА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. Л. 69а.
11. РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 55. Л. 78—80.
12. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 600. Л. 36.
13. РГВА. Ф. 184. Оп. 9. Д. 18. Л. 12—13.
14. Отечественная история. 1999. №6. С. 135.
15. Сибирская Вандея. 1920—1921. Документы. В 2-х т. / Сост. В.И. Шишкин. Т. 1. М., 2000.
16. Соловьев Н.И. — уроженец станицы Фарнус (Солено-Озерное) Минусинского уезда, казак Сибирского войска, житель улуса Теплая речка Енисейской губернии.
17. Вопросы истории. 2006. № 2. С. 109—110.
18. Сибирская Вандея. Т. 2. М., 2001. С. 199, 326, 656, 662, 699.
19. *Магомедов М.А.* О некоторых особенностях Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. 1997. № 6. С. 87.
20. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 175.
21. Отечественная история. 1997. № 6. С. 89; Вопросы истории. 2002. №6. С. 31.
22. См.: *Гусев К.В.* К истории Карельского мятежа // Отечественная история. 1996. № 6.
23. РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 34. Л. 100.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 197. Л. 3—4.
26. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 65. Л. 56.
27. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2929. Л. 2—8.
28. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 65. Л. 55—56.
29. Там же. Л. 57.
30. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2929. Л. 1.
31. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 37. Д. 5. Л. 234.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 712. Л. 22—23.
33. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 99. Д. 70. Л. 40.

34. Там же. Л. 4.
35. РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 443. Л. 81.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 719. Л. 38.
37. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2496. Л. 27.
38. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 719. Л. 40—41.
39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 719. Л. 41.
40. РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 156. Л. 78—79.
41. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2496. Л. 44.
42. Там же. Л. 13.
43. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 337. Л. 34; Оп. 109. Д. 99. Л. 1.
44. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 99. Л. 74.

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1921 Г.: ЗА СОВЕТЫ БЕЗ КОММУНИСТОВ

Западно-Сибирское восстание, датируемое февралем—апрелем 1921 г., охватило огромную территорию Западной Сибири, Зауралья и современного Казахстана (обобщенное наименование Западно-Сибирского получил фактически целый ряд восстаний). Данное событие являлось самым крупным из крестьянских восстаний в Советской России, направленных против военно-коммунистической политики большевиков, как по численности участников, так и территории [1].

Приводятся разные количественные данные: разброс весьма широкий — 40 тыс. — 70 тыс. — 100 тыс. — даже до 150 тыс. Боевые действия, которые велись в феврале—апреле 1921 г. на охваченной восстаниями территории, по своим масштабам и военно-политическим результатам вполне приравниваются к фронтовой операции периода Гражданской войны, в подавлении восстаний были задействованы вооруженные силы, достигавшие численности полевой советской армии.

Беспочвенны утверждения о решающей роли в подготовке восстания контрреволюционных заговоров в Тюмени, Ишиме и Тобольске, о влиянии в Тюменской губернии Сибирского крестьянского союза как организатора контрреволюционной работы, опиравшегося на якобы зажиточность западносибирского крестьянства и высокий удельный вес кулачества в его составе[1].

---

[1] Показательно, что в Алтайской губернии восстание не состоялось, хотя крестьянство было более зажиточным, чем тюменское, к тому же существовала (в отличие от Тюменской губернии) достаточно широкая сеть ячеек Сибирского крестьянского союза [2:9, 10, 14, 15, 24].

Характерны следующие документальные свидетельства: до начала Западно-Сибирского восстания, осенью 1920 г. уцелевшие остатки представителей небольшевистских партий находились на учете ВЧК (выше отмечалось, что в Тюменской губчека в сентябре 1920 г. на учете значилось 128 меньшевиков и эсеров). Одним из основных центров повстанческого движения, где партизанские действия не утихали до 1922 г., являлись Ишимский и Ялуторовский уезды Тюменской губернии. В сводке Ишимского уездного исполкома Советов губернскому руководству (сентябрь 1921 г.) сообщалось, что в ходе крестьянских восстаний влияния политических партий (меньшевиков, эсеров и т.д.) не наблюдалось. По докладу руководства Ялуторовского уезда Тюменскому губисполкому в ноябре 1921 г., влияния какой-либо партии на крестьян не было, так как меньшевики и эсеры преследовались бандитами так же, как и коммунисты, «боялись в уезд показать нос» [2: 527, 545].

В числе главных причин, вызвавших Западно-Сибирское протестное выступление крестьянства, выступало недовольство крестьян политикой «военного коммунизма» (продразверстками, мобилизациями, трудовыми повинностями), которая не учитывала реальные интересы и возможности крестьянства, а также возмущение методами осуществления этой политики советской властью, произволом сотрудников продовольственных органов (нередко их жестокость превосходила прежние методы колчаковских карателей, которые в свое время испытал сибирский крестьянин). Продовольственная политика местных властей, проводившаяся в Тюменской губернии, не принимала во внимание обстоятельство, что тюменское крестьянство находилось на краю голода и не имело семян для посева.

20 июля 1920 г. Совнарком издал декрет «Об изъятии хлебных излишков в Сибири», в соответствии с которым сибирские губернии, освобожденные от власти Колчака, должны были с 1 августа 1920 г. до 1 марта 1921 г. сдать по продразверстке 110 млн пуд, хлеба, что составляло треть общереспубликанского задания [3: 764]. Размер продразверстки на крестьянские хозяйства устанавливался без учета излишков и возможностей крестьянского двора, распределялся по количеству крестьянских душ. Это нашло свое яркое выражение в Тюменской губернии, особенно в ее южных уездах — Ишимском и Ялуторовском.

В Тюменской губернии осенью 1920 г. разверстка проводилась впервые за время существования советской власти. Задание Нарком-прода для губернии составляло 6,5 млн пудов хлеба. Помимо государственной разверстки Тюменским губпродкомом была установлена дополнительно внутренняя разверстка для создания фонда бедноты — 900 тыс. пудов [2: 131].

Руководство Тюменской губернии восприняло задание Наркомпрода как боевой приказ. В постановлении Тюменского губисполкома о разверстке от 3 сентября 1920 г. в тоне военного приказа утверждалась установка: размер разверстки не подлежит никакому обсуждению. Губпродкомиссар Г.С. Инденбаум направил циркулярное письмо продработникам губернии с неукоснительным требованием: «Ни минуты колебания по выполнению разверстки в деревне» [2: 31, 33].

В соответствии с данными установками 8 сентября 1920 г. губпродком разработал специальную инструкцию по выполнению разверстки. Волисполкомам, получившим приказ о разверстке от уп-родкома, определялся пятидневный срок для проведения разверстки между отдельными селами.

Инструкция регламентировала действия местных органов советской власти: после определения разверстки по каждому селению в отдельности производилась государственная и внутренняя разверстка на отдельные хозяйства по подворным спискам: составлялись подробные именные списки (с указанием сельского общества, имени, фамилии, количества подлежащего сдаче хлеба), оформлялись расписки с определением срока сдачи. Именной список представлялся на ближайший ссыпной пункт, копия направлялась в волисполком. За выполнение всех перечисленных мероприятий отвечали персонально члены волостных исполкомов.

Устанавливалась норма, оставляемая в крестьянском хозяйстве при определении хлебной разверстки: на пропитание членов семьи — 13,2 пуда, на посев — 12 пудов на десятину, для рабочих лошадей — 18 пудов, жеребят — 5 пудов, коровам — 9 пудов, телятам — 5 пудов.

Количество нормативных «пайков» для рабочего скота имело двойную привязку. Во-первых, к объему пашни: имеющему размер надела от одной до 3 десятин предназначался «паек» на одну лошадь, от 4 до 6 десятин — на одну лошадь и одного жеребенка, от 6 до 10 десятин — на 2 лошади и 2 жеребенка, от 11 до 15 десятин — на 3 лошади и 3 жеребенка. Подобное исчисление преследовало цель — рабочий скот должен максимально эксплуатироваться крестьянином на сельскохозяйственных работах. Но одновременно действовала и другая методика исчисления нормы, имеющая привязку к количеству членов семьи: в хозяйстве одинокого человека норма для скота не оставлялась вообще, семья из 2—3 человек могла расчитывать на получение нормы для одного теленка, семья из 4—7 человек — на одну корову и одного теленка, крестьянская семья из 8—11 человек — на 2-х коров и 2-х телят, семья из 12—15 человек — на 3-х коров, 3-х телят.

Весь хлеб, поступающий от внутренней разверстки по волостям, подлежал сначала сосредоточению в волостном центре, только затем под

контролем волисполкома мог выдаваться неимущему населению, причем только на один месяц [2: 35—36].

В крестьянской среде перечисленные нормы получили наименование как «голодная норма»: их хватало только на полуголодное пропитание, при этом не учитывались затраты и издержки тяжелого физического труда в сельскохозяйственном производстве — как людей, так и рабочего скота.

Неимущее сельское население губернии, не имеющее собственных запасов хлеба, должно было обеспечиваться за счет внутренней разверстки — излишков, оставшихся у более зажиточных крестьян сверх норматива по государственной разверстке и собственного потребления. Конечно, ни один крепкий хозяин не горел желанием добровольно расстаться с «излишками» как по государственной разверстке, так и по фактически повторной разверстке — внутренней.

Крестьянская беднота, чтобы получить хлеб, должна была добираться в волостной центр, выстаивать очередь в продконторе, доставлять полученный хлеб домой — на все это растрачивалось много времени и сил, столь необходимых в полевой сезон. Для бедняцких хозяйств, если они имели свой хлеб, чтобы протянуть какое-то время, исчисление выдачи хлеба из волостных закромов основывалось на пониженной норме — 9-пудовой.

12 октября 1920 г. Тюменский губпродком детально регламентировал порядок сбора внутренней хлебофуражной разверстки. Внутренняя разверстка определялась как извлечение излишков, оставшихся у кулака, середняка и бедняка сверх количества государственной разверстки и собственных нужд по установленной норме. Причем внутренняя разверстка производилась параллельно с государственной.

Порядок распределения продуктов был следующий: для получения пайка сельские советы составляли именные списки хозяйств, действительно нуждающихся в хлебе, с указанием количества едоков и количества недостающего хлеба — продовольственного и посевного отдельно — и представляли данные списки в волисполкомы с соответствующим ходатайством. Волисполком, получив от сельсоветов списки нуждающихся в хлебе, составлял общий список по волости и представлял его в уездный продком, опять же с соответствующим ходатайством об отпуске хлеба для бедняцкого населения. Упродком, получивший списки от волисполкомов, составлял сводный список по уезду и представлял его в следующую вышестоящую инстанцию — в губернский продовольственный комитет. Отдел распределения губпродкома, получив списки от упродкомов, разрабатывал годовой план снабжения неи-

мущего населения губернии и распределял ежемесячно наряды каждому упродкому на отпуск хлеба из волостных продконтор, о чем для сведения уведомлялись волисполкомы и продконторы [2: 37].

Подобная «трансфертная» бюрократическая система создавала благоприятную почву для всевозможных форм нецелевого использования хлебных запасов, разбазаривания и воровства, что на практике имело широкое распространение.

Губернские власти создали еще один административный инструмент для выполнения разверстки под названием «товарная блокада». Один и тот же орган, ответственный за продразверстку, губпродком, сосредоточил в своих руках распределение необходимых для крестьянства товаров первой необходимости — соли, спичек, керосина, мыла, гвоздей, обуви и т.п.

7 сентября 1920 г. было объявлено об установлении в губернии товарной блокады. Суть ее сводилась к следующему: сельские общества или волости, выполнившие все разверстки к установленному сроку полностью, могли получить товарный паек в полуторном размере; выполнившие разверстки в размере 50 % хлебной, 25 % мясной, 25 % овощной, 25 % по птице, 25 % сырьевой и 25 % сенной, получали товарный паек в одинарном размере; выполнившие разверстки в размере 50 % хлебной, 25 % мясной и 25 % всех остальных разверсток, взятых вместе, получали товарный паек в половинном размере. Если процент выполненной разверстки в сельских обществах или волостях оказывался меньше перечисленных выше, товары не выдавались. Допускалось засчитывать одну разверстку за другую в процентном соотношении, за исключением хлебной: хлебная разверстка являлась главной и требовала обязательного выполнения [2: 34].

Установленная губпродкомом полуторная норма (довольно скудная сама по себе) является свидетельством того, что губернские власти заранее предвидели невозможность 100-процентного выполнения всех заданий — это было невозможно. Кроме разверстки на хлеб, зернофураж и масличные семена, в Тюменской губернии были введены разверстки на картофель (27 августа 1920 г.), мед (2 сентября), птицу (3 сентября), крупный и мелкий рогатый скот, свиней (6 сентября), кожу и шерсть (13 сентября), льноволокно и пеньку (14 сентября 1920 г.) и другие продукты сельскохозяйственного производства. Разверстывались задания на табак, щетину, рога, копыта, хвосты, гривы. Всего к началу 1921 г. в Тюменской области существовало 34 вида разверсток [2: 649—650], ложившихся непосильным грузом на крестьянство. Каждую разверстку сопровождала одинаковая по установкам инструкция: так, в приказе гу-

бисполкома и губпродкома № 59 от 28 октября 1920 г. говорилось: «Разверстка на шерсть — боевой приказ. Немедленно провести раскладку на отдельные хозяйства со вручением каждому особой повестки» [2: 40].

Руководство губернии требовало от уездных и волостных партийных, советских органов, продкомов: поставленную Наркомпродом «боевую задачу» по выполнению всех разверсток продовольствия и сырья осуществить в кратчайший срок — не позднее 1 декабря 1920 г. Объявлялось, что заявления крестьян о неимении обмолоченного зерна не могут служить оправданием. Продработники, не выполнившие задания, подлежали аресту. В направленной на места телеграмме подчеркивалось: «Будьте жестоки и беспощадны ко всем волисполкомам, сельсоветам, которые будут потворствовать невыполнению разверсток. Давайте определенные боевые письменные задачи волисполкомам и к не выполнившим применяйте, помимо ареста волисполкомов, конфискацию всего имущества. Уничтожайте целиком в пользу обществ хозяйство тех лиц, кои будут потворствовать невыполнению разверстки. Уничтожайте железной рукой все тормозы, дезорганизующие вашу работу» [2: 38—39).

Губернский продкомитет получил практически неограниченные права, санкционированные губисполкомом, даже губчека остался в стороне. Председатель Тюменской чрезвычайной комиссии П.И. Студитов докладывал руководству о фактах «преступной работы продорганов», «грубых ошибках губпродкомиссара» [2: 613, 615]. Руководил губпродкомом Г.С. Инденбаум. С 31 августа 1920 г. он занимал должность тюменского губпродкомиссара. Инденбаум отличился чрезвычайно жесткими (точнее — жестокими) методами руководства. Когда стало ясно, что выполнить продразверстку к 1 декабря не удастся, он приказал выполнить все разверстки, не останавливаясь ни перед чем, назначил новый срок — не позднее 25 декабря: «Должна быть самая беспощадная расправа вплоть до объявления всего наличного хлеба деревни конфискованным», население допускалось оставить «на голодной норме» [2: 653). Председатель тюменской ЧК жаловался на Инденбаума: когда Студитов обратил внимание руководства губисполкома на произвол продработников, Инденбаум ответил: «Мы будем действовать самостоятельно, а если будет контрреволюция, тогда мы попросим Вас для ликвидации» [2: 614].

Для иллюстрации методов и стиля деятельности губпродкома приведем характерный текст приказа данного ведомства № 251 от 5 ноября 1920 г.: «Председатель сельсовета села Каменка Каменской волости Тюменского уезда тов. Шишелякин Алексей Федорович мною арестован и предан суду военно-революционного трибунала за противодействие государственной разверстке.

В Каменскую волость направить немедленно отряд, в течение трех суток выполнить разверстку в двойном размере против первоначально наложенной. У арестованного председателя тов. Шишелякина конфисковать все его имущество, заключающееся в живом и мертвом инвентаре.

Проведение этого приказа в жизнь возлагаю персонально на комиссара Тюменской продконторы тов. Сычева и председателя во-лисполкома Каменской волости. Настоящий факт широко опубликовать в местной прессе.

Предупреждаю, что за противодействие разверстке виновные будут мной караться самым беспощадным способом. Губпродкомиссар Инденбаум» [2: 42].

Столь же показателен текст распоряжения члена коллегии Тюменского губпродкома Я.З. Маерса волостным уполномоченным по проведению разверсток в Ишимском продовольственном районе. Товарищ Инденбаум в декабре 1920 г. инструктировал местных продработников: «Церемониться нечего, надо быть чрезвычайно твердым и жестоким и изъять хлеб, который разверстан по вашей волости. Вы должны твердо помнить, что разверстки должны быть выполнены, не считаясь с последствием, вплоть до конфискации всего хлеба в деревне, оставляя производителю голодную норму» [2: 59].

Любой советский работник мог быть обвинен в пресловутом «противодействии разверстке» и жестоко наказан. На практике это было нередким явлением. Председатель Чуртановского волисполкома Ишимского уезда Г.И. Знаменщиков был арестован продотрядом, посажен в холодный подвал с другими арестованными. В это время имущество в его хозяйстве, рабочий скот конфисковали без соблюдения всяких правил, выгребли весь хлеб, включая семенной, не оставив семье даже нормы. Не обратили внимания на наличие в семье грудных детей [2: 56—57]. Неудивительно поэтому, что в рядах тюменских повстанцев и их руководителей часто встречались бывшие работники местных советских и военных органов. Если государственная власть таким образом относилась к работникам собственного аппарата управления, кем был в ее глазах рядовой гражданин — крестьянин?

Местные органы были поставлены в условия, когда невыполнение заданий вышестоящего руководства, вне зависимости от объективных условий и возможности их выполнения, объявлялось преступным. Однако и среди местных работников было немало таких, кто не только выполнял полученные инструкции, не считаясь ни с чем, но и проявлял еще большую инициативу и рвение — на местах произвол и беззаконие стали привычным явлением.

Советские органы в уездах, волостях, приученные вышестоящими инстанциями к командам в военном тоне приказов и циркуляров в продовольственной политике, быстро переняли подобные методы. Так, заведующий продовольственной конторой № 20 Тобольского уезда направил 24 ноября 1920 г. в адрес всех уездных волисполкомов распоряжение: волисполкомам надлежит предъявить категорическое требование ко всем не выполняющим разверстку, не принимая от них никаких отговорок; если же кто явно не желает выполнить разверстку, то к нему надлежит применять самые строгие меры вплоть до конфискации имущества и предания суду, в противном случае вся ответственность будет возложена на председателя волисполкома вплоть до предания его суду ревтрибунала [2: 47].

В Ишимском уезде в декабре 1920 г. создали уездную чрезвычайную тройку с участием руководителей уездных комитетов партии, исполкома и продовольствия. Тройка получила чрезвычайные полномочия в проведении продовольственных разверсток. В приказе тройки № 1 требовалось полностью выполнить все разверстки по уезду к исходу первых семи суток нового 1921 г. Никакие оправдания о невыполнении разверсток не принимались, тем более категорически запрещалась посылка ходоков, делегаций с ходатайством о продлении срока или уменьшении разверсток. Последним грозил арест и направление на принудительные работы. С целью обеспечения выполнения хлебных разверсток в указанный срок все мельницы в Ишимском уезде (паровые, водяные, ветряные), за исключением мельниц, размалывающих государственное зерно, закрывались и размол зерна для личного потребления запрещался [2: 84].

На местах командовали и отдавали приказы и чрезвычайные тройки, и заведующие продконторами, и продкомы, и продкомиссары, и чрезвычайные уполномоченные. Продработники по собственному усмотрению разгоняли и арестовывали волисполкомы и сельсоветы, объявляли ту или иную волость на военном положении, создавали ревкомы.

Хлеб забирали, не оставляя нормы. Чрезвычайный уполномоченный губпродкома в Ишимском уезде Абабков Никифор приказал Дубынскому волисполкому любой ценой выполнить госразверстку, не соблюдая никакие нормы, оставляя продовольствие лишь на первое время на едока по 1 пуду с небольшим зерна. Приехав в село Бердюжье, он избил заведующего Бердюжинской продконторой. За время своего пребывания в селе Уктуз Абабков избил члена Уктузского волисполкома, представителей местной власти. Продотряд Абабкова наносил побои всем арестованным, по распоряжению Абабкова 56 арестованных крестьян оказались почти все избитыми, у некоторых были проломы в голове. Вызы-

вая на допрос, Абабков не давал никому объясниться ради оправдания, тут же избивал, а потом приказывал отправить в холодный амбар, сняв зимнюю одежду, тулупы, которые Абабков забирал и раздавал красноармейцам своего отряда. Другой уполномоченный губпродкома, Абабков Иван, отдавал приказы бойцам продотряда стрелять над головами толпы, избивать женщин прикладами, производил массовые аресты без предъявления обвинений [2: 70, 82, 112—113].

Уполномоченный губернской чрезвычайной тройки М. Мальцев имел обыкновение вынимать из кобуры револьвер и угрожал расстрелами. Райпродкомиссар Бердюжского района Г. Корепанов арестовал 5 членов сельсовета села Уктуз Уктузской волости. Сельсовет в селе Песьяны Безруковской волости был арестован военным комиссаром Марковым. Арестами занимались комиссары продотрядов, комиссары внутренних и регулярных войск [2: 71, 73, 83].

Инструкторы по продразверстке Успенской волости Тюменского уезда Баталов и Орлов за невыполнение разверстки по шерсти в селе Успенском конфисковали всех 200 овец. В Нердинскую волость этого же уезда 17 декабря прибыл комиссар Иевлевской продконторы К. Крутиков с отрядом для организации шерстяной разверстки. Комиссар распорядился произвести обыски у тех, кто не выполнил разверстку по шерсти. Когда продотрядовцы пришли в дом к Аптулле Атмайтандинову, у него шерсти не оказалось. Несмотря на то, что Атмайтандинов бедняк, комиссар Крутиков забрал тулуп, который висел на стене. После отъезда этот тулуп Крутиков надел на себя, а собственный рваный приказал сдать в Иевлевскую продконтору, но рваный комиссарский тулуп не был принят [2: 68, 69]. У крестьян отбирали одежду и обувь.

Обыденным явлением в деятельности органов власти стали взятия заложников до выполнения разверстки, конфискации имущества без соблюдения каких-либо правил, даже у семей красноармейцев. Хлеб выгребался полностью, не учитывалось ни семейное положение, ни наличие грудных детей.

Тюменский хлеб урожая 1920 г., отличавшийся невысоким качеством, зачастую ссыпался со снегом и льдом. У большинства крестьян зерно находилось в скирдах, особенно в красноармейских семьях — некому было обмолотить хлеб, мужское население несло службу в Красной армии или выполняло трудовые повинности, особенно на заготовке топлива.

Среднее крестьянство как основной слой сибирских крестьян являлось наиболее исправным плательщиком разверсток, у многих сыновья ушли в Красную армию добровольцами. Оно несло на себе основной

груз разверсток. На среднем крестьянстве больнее всего сказывались издержки военно-коммунистической продовольственной политики. Помимо многих видов разверсток, на среднем крестьянстве держались тяготы трудовых повинностей. Для выполнения трудповинностей, особенно гужевой, лесозаготовительной, требовались крестьянские лошади, подводы, а также собственный фураж. По норме хлебофуражной продразверстки у крестьян оставался запас фуража лишь на содержание лошадей и для засева, на проведение лесозаготовок продорганами фуража на рабочих лошадей не оставлялось. В производящих уездах получался замкнутый круг: фураж для выполнения трудовой повинности не выдавался.

Чрезвычайный уполномоченный в Ишимском уезде В. Соколов без всякого основания проводил конфискации лошадей у крестьян-середняков, включая семьи красноармейцев, поскольку они в его глазах были кулаками. Нарсуды оказались завалены аналогичными заявлениями крестьян с жалобами на произвол представителей власти. Один из следователей информировал ишимских чекистов: «Я не знаю, что делать… осаждает население подобными жалобами» [2: 64].

В хозяйстве многодетного крестьянина-середняка Олькова из деревни Больше-Бокова Готопутовской волости (семеро детей, в том числе один в Красной армии) конфисковали весь скот, хотя разверстка была выполнена, причем с ущербом для хозяйства. Грамотная соседка от имени Марфы Ольковой написала письмо ишимскому уездному продкомиссару: «Чем же должна существовать советская Россия в будущем, — спрашивала крестьянка продкомиссара, — если вы сейчас в корень разоряете среднее хозяйство, которое является оплотом республики?» [2: 61].

На ссыпные пункты собирался весь имеющийся хлеб, в том числе семенной. На совещании продовольственных работников Петуховского района Ишимского уезда в декабре 1920 г. уполномоченный губпродкома С. Дадурин сделал заявление: «Мы даже сейчас не можем сказать с уверенностью, что хлеб уже не горит, так как проверить его при помощи щупа нет возможности, ибо щуп невозможно загнать даже на 3 аршина в глубину, потому что внизу хлеб смерзся». Не лучше обстояло и с другими продуктами, в частности, с мясом, пушниной [2: 69].

При невыполнении разверстки к назначенному сроку на неплательщиков налагался двойной размер разверстки. Произвол продотрядов и продработников сопровождался применением оружия и поркой плетьми. Один из таких случаев был обжалован Больше-Ярковским сельским советом Казанской волости Ишимского уезда — факт незаконных действиях начальника продотряда Гуляева и ишимского райпродкомиссара И. Гущина, применявших оружие и порку плетьми [2: 58].

В губернии, по примеру Ишимского уезда, устанавливалась круговая порука сельских обществ: в случае обнаружения скрытого хлеба у одного члена общества проводилась конфискация его у всего общества, не считаясь ни с какими мерами. Один из характерных примеров наказания связан с провинившейся перед губпродкомом Юргинской волостью Ялуторовского уезда, для которой произвольно увеличили разверстку дополнительно на 50 % [2: 105—106].

Арестованные заложники освобождались только после выполнения разверстки всем обществом. В 8 волостях Ишимского уезда (Локтинской, Теплодубровской, Ларихинской, Казанской, Аромашевской, Ражевской, Усовской, Больше-Сорокинской) в декабре были арестованы все, кого отнесли к кулакам, в качестве заложников до выполнения всем уездом плана разверстки. Уполномоченный по продразверстке А. Братков выпустил циркуляр сельсоветам Локтинской волости с предупреждением: в случае восстаний деревни будут сжигаться [2: 49, 51, 53, 57, 59, 88—89, 90, 97].

Хлебофуражная разверстка в Ишимском уезде, основанная на насильственно-приказных методах, была выполнена 5 января 1921 г. На следующий день тюменский губпродкомиссар Инденбаум телеграфировал в Наркомпрод об ударном выполнении Тюменской губернией государственной разверстки хлеба и зернофуража на 102 процента (6600 тыс. пудов) 6 января в 2 часа дня. Разверстку масличных семян перевыполнили — 150 процентов. 130 наиболее отличившихся продработников губернии премировались костюмами [2: 97, 100, 109].

В связи с выполнением хлебной разверстки получили освобождение заложники. Ишимский уездный продовольственный комитет 10 января 1921 г. издал приказ: освободить ввиду выполнения 100 % хлебной разверстки председателя Песьяновского сельского совета т. Чистякова, членов совета Серебренникова, Чалкова, Угрюмова и Ва-раксина, арестованных за отказ выполнить государственную разверстку, и граждан того же села, арестованных как заложников, тт. Коротаева, Оверина, Каргаполова и Мальцева с сего числа [2: 107].

Губернские власти придумали красивое политическое обрамление по случаю выполнения хлебной продразверстки, расчитанное на общественный резонанс. По предложению губпродколлегии крестьяне, арестованные в процессе продразверстки, получили амнистию — данный акт проводился как общегубернское мероприятие с политическим подтекстом — демонстрацией гуманной воли со стороны государства в отношении крестьянства: освобождение проходило в установленное время — 20 января 1921 г. в 6 часов вечера. В ходе масштабного осво-

бождения советская власть не могла позабыть также о собственной классовой природе: в отдельное производство выделялась небольшая часть дел, которые должны были вылиться в показательный громкий судебно-политический процесс [2: 113].

Рапорт об успешном досрочном выполнении хлебной государственной разверстки заслонил собой провал плана внутренней разверстки, предназначенной для обеспечения неимущих слоев населения: мясная внутренняя разверстка оказалась выполнена на 79 %, яичная — на 47 %, масляная — 43 % [2: 131—132].

Тюменский губисполком и губпродком 22 января 1921 г. издали постановление о внутренней разверстке хлеба. По сути, решение проблемы обеспечения беднейшего крестьянства хлебом спускалось на уровень уездов: необходимое количество хлеба для снабжения беднейшего населения каждый уездный продком был обязан самостоятельно изъять из волостей посредством внутренней разверстки и перераспределить хлеб среди нуждающихся волостей. Указанный приказ содержал лукавую формулировку по поводу наличия в деревне неисчерпанного источника: деревенское зажиточное население не поддается никакому фактическому учету — своеобразный намек на неиспользованный резерв для выполнения внутренней разверстки.

Ишимский и Ялуторовский уезды, выполнившие государственную разверстку, объявлялись самоснабжающимися — это означало, что данные уезды не могли расчитывать на выделение хлеба из губернского фонда. Это же правило касалось волостей в других уездах, выполнивших хлебную государственную разверстку [2: 114—115]. Получилось, что ударные районы, вытянувшие воз госразверстки, оказались в положении наказанных — на них возлагалась вся тяжесть дополнительной — внутренней разверстки.

Раньше других тюменских уездов инициативу проявил Ишимский уезд. 10 января 1921 г. уездный продком постановил: с целью увеличения посевной площади в уезде в 1921 г. на 25 % изъять весь семенной материал по волостям. Для этого требовалось установить плановый показатель сбора семенного материала по каждой волости. Расчет основывался на площади посева 1920 г., увеличенного на 25 %. Ишимские уездные руководители ориентировались применить те же административные методы, которые использовались при проведении государственной продовольственной разверстки [2: 107].

В середине января 1921 г. появился приказ Тюменского губернского посевного комитета. Очередную продовольственную кампанию возглавлял влиятельный губпродкомиссар Инденбаум: под приказом посевко-

ма, наряду с председателем губисполкома Новоселовым, значилась его подпись. Приказ определял мероприятия, связанные с увеличением посевной площади всех культур в Тюменской губернии в 1921 г.: весь семенной материал, находящийся в отдельных крестьянских хозяйствах, подлежал изъятию и доставке в общественные хлебохранилища, для чего производилась разверстка по уездам, волостям, селам и отдельным хозяйствам по прилагаемой ведомости. Семенной хлеб в пределах разверстки граждане обязывались сдать в общественные амбары в течение трех дней. Устанавливалась круговая порука всех сельских обществ за сохранность семенных запасов; предписывались меры наказания: конфискация всех семян, живого и мертвого инвентаря, а также засеянных полей в пользу государства. Сроки разверстки по извлечению семенного хлеба определялись с 25 января до 10 февраля 1921 г. [2: 110—111].

4 февраля появился циркуляр за подписью секретаря Тюменского губкома РКП(б) С.П. Аггеева и губпродкомиссара Г.С. Инденбаума, выдержанный в традиционном силовом ключе: объявлялось, что после выполнения государственной продразверстки [6,6 млн пудов] важнейшим вопросом становится посевная кампания — в первую очередь сбор семян в общественные амбары в количестве 9 млн пудов. Как и прежде хлебная разверстка, задание по семенам для волостей и сел не подлежало никакому изменению. Продработникам на время посевной кампании присваивался статус и права уполномоченных посевкомов. Основным методом реализации посевной кампании являлось принуждение вплоть до вооруженной силы — требовалось действовать, как и ранее, твердо и решительно, не допуская колебаний [2: 128—130].

Сбор всего семенного материала в общественных ссыпных пунктах обрекал крестьян на невозможность будущего посева — впереди маячила перспектива голода. Для организации работ по сортировке семян губерния была просто не готова: для этого требовались сотни специалистов, а во всей системе губпродкома таких специалистов было всего 4 человека [2: 133].

Объявление в январе 1921 г. семенной разверстки, совпавшее по времени с началом интенсивного вывоза хлеба с внутренних ссыпных пунктов к линии железной дороги и его последующей отправкой в Центральную Россию, стало непосредственным поводом стихийного и массового крестьянского протеста. Приказ тюменского губпрод-кома определял срок стягивания всего хлеба к железной дороге до 20 января 1921 г. [2: 98].

Эти события послужили толчком к стихийному взрыву, объективно синхронизировали выступления населения ряда районов. Первона-

чально центрами локальных вооруженных вспышек стали населенные пункты, где находились продовольственные конторы, а также крупные железнодорожные станции.

Можно предположить, что губернское руководство не ожидало столь внезапного и мощного развития событий. Об этом свидетельствует следующее обстоятельство: президиум Тюменского губиспол-кома на заседании 21 января 1921 г. (то есть всего лишь за десять дней до начала восстания) решил, что пришла пора отменить военное положение на территории Тюменской губернии, оставшееся еще со времени прохождения фронта по территории губернии в войне с Колчаком. Президиум возбудил соответствующее ходатайство в адрес Москвы, обосновывая собственное решение об отмене военного положения рядом аргументов: «устойчивым и твердым», по оценке советского руководства губернии, положением власти; успешным проведением продовольственной кампании, не вызвавшей необходимости применения массовых репрессий; отсутствие заговоров, восстаний или выступлений контрреволюционных элементов [2: 114].

Однако за данным решением губернского руководства просматривается стремление приукрасить реальное состояние губернии перед центральной властью. Несомненно, члены президиума были информированы из донесений ЧК, внутренних войск, местных органов о фактах вооруженных столкновений и выступлений крестьянства в ноябре—декабре 1920 г. В донесении чрезвычайной тройки Ишимского уезда сообщалось: 20 ноября в деревнях Ново-Выигрышная, Максимовка, Буреевка и Садомская Аромашевской волости на почве продовольственной разверстки произошло столкновение продотряда с крестьянами, сопровождаемое кровопролитием. На подавление власти отправили отряд. Территория волости была объявлена на осадном положении, созданы волостной и сельские ревкомы, проведены репрессивные мероприятия, десятки крестьян арестованы [2: 46]. Подобных донесений в Тюмень с разных концов губернии поступало немало, особенно из Ишимского уезда. О вооруженных и кровопролитных столкновениях с крестьянами сообщалось штабом 61-й стрелковой бригады войск ВНУС 26 ноября, штабом 181-го полка 27 декабря, в декабре поступали донесения продотрядов о выступлениях и волнениях крестьян в ряде волостей: Аромашевской, Безруковской, Больше-Сорокинской, Уктузской. Ишимские власти выражали серьезную озабоченность настораживающим резким изменением отношения к советской власти со стороны среднего и бедного крестьянства: из благожелательного оно стало враждебным [2: 48, 73, 76, 81].

Западно-Сибирское восстание началось практически одновременно в нескольких местах: первые очаги возникли независимо друг от друга в разных районах Ишимского, Ялуторовского, Тюменского, Тюкалинского уездов Тюменской губернии. Крестьянские волнения явились ответом крестьян на действия продовольственных отрядов и местной власти по «выкачке» из деревень хлеба в счет продразверстки. О начале крупного восстания в губернии стало известно из донесений различных источников, сообщавших о вооруженных выступлениях крестьян против продотрядов и воинских формирований. 31 января 1921 г. поступило донесение по линии ЧК в Тюменскую губчека из Ишимского уезда о восстании на севере уезда — в Чуртановской и Челноковской волостях. В этот же день стало известно о восстании крестьян в Ларихинской волости — в деревнях Песьянское, Старо-Травнинское, Ново-Травнинское, Нижне-Травное. 1 февраля губернские власти получили информацию по линии войск ВНУС — о восстаниях в селах Абатское и Викулово [2: 122, 85, 91, 97]. Позднее, 5 февраля 1921 г., по линии ЧК поступили донесения из Ялуторовского уезда о восстаниях в Слободо-Бешкильской, Ингалинской, Петропавловской волостях [2: 136]. В других уездах, где не было продотрядов или войск, в январе происходило накапливание сил повстанцев.

Телеграмма председателя Сибревкома И.Н. Смирнова Ленину от 9 февраля 1921 г. свидетельствует о явной недооценке масштаба и силы восстания. Руководитель сибирского Ревкома обязался восстановить в ближайшие два дня прерванное железнодорожное сообщение. Он докладывал, что восстание носит стихийный характер, вызванный тяжестью продразверстки и гужевой повинности. Крестьянское движение характеризовалось как неопасное. Последнюю успокоительную формулировку оценки ситуации в губернии повторил Тюменский губком РКП(б) в своем решении 17 февраля [2: 160, 224].

Повстанцы на три недели парализовали движение по обеим линиям Транссибирской железнодорожной магистрали — Сибревком свое обещание, данное Ленину, не выполнил. В период наибольшей активности восставшие захватывали уездные центры: Петропавловск, Тобольск, Кокчетав, Березов, Сургут и Каркаралинск, вели бои за Ишим, угрожали Кургану и Ялуторовску, подходили к Тюмени на расстояние нескольких десятков верст.

Трехнедельный перерыв железнодорожного сообщения между Центральной Россией и Зауральем создавал реальную опасность для диктатуры пролетариата: Советская Республика лишалась возможности получать хлеб из Сибири, являвшейся в то время наряду с Северным

Кавказом главным источником получения продовольствия. К тому же из-за территориальной удаленности повстанческой территории от центра сложнее было подавить восстание.

К середине февраля восстание в короткий срок охватило большинство волостей Ишимского, Ялуторовского, Тобольского, Тюменского, Березовского и Сургутского уездов Тюменской губернии, Тарского, Тюкалинского, Петропавловского и Кокчетавского уездов Омской губернии, Курганского уезда Челябинской губернии, восточные районы Камышловского и Шадринского уездов Екатеринбургской губернии. Оно затронуло также пять северных волостей Туринского уезда Тюменской губернии, Атбасарский и Акмолинский уезды Омской губернии. Повстанческая территория весной 1921 г. охватывала огромный район от Обдорска (ныне — Салехард) на севере до Каркаралинска на юге, от станции Тугулым на западе до Сургута на востоке [2: 7].

Повстанческие отряды создавались и пополнялись посредством мобилизации населения. В Ишимском уезде с начала февраля 1921 г. производилась мобилизация граждан 18—35 лет и унтер-офицеров до 40 лет.

Организация повстанцев строилась по образцу регулярной армии: фронты (Сибирский, Северный, Южный, Юго-Западный), армии (Восточная, Южная, Западная, Народная повстанческая, Народно-крестьянская), дивизии (Курганская повстанческая, например), полки, батальоны, роты, взводы, отделения.

Так, Южная армия делилась на полки по названию населенных пунктов. 2-й и 3-й Освободительный полки имели в каждом по 3 батальона или отряда, 9 рот, 27 взводов, 54 отделения — всего 3 тыс. человек. При батальонах — кавэскадрон в 60 сабель. Комсостав состоял из бывших унтер-офицеров, прапорщиков. В подразделениях имелись обозы. Волостные военштабы выполняли хозяйственные, организационные, информационные задачи. В тыловых селениях назначались коменданты с небольшим отрядом охраны, отвечавшие также за связь с фронтом. Использовалась телефонная связь. В воинских формированиях и в тылу повстанцев старались поддерживать дисциплину: осуществлялась борьба с самогонщиками и чрезмерным потреблением самогона — виновные наказывались и предавались суду [2: 323, 343].

Не было, да и не могло быть в крестьянской среде программы по вопросам общественного и политического устройства России, тем более на концептуальном уровне. Не было и единства взглядов и политических устремлений. Повстанцев разных районов объединяло лишь общее неприятие коммунистического режима [2: 18, 19]. Повстанцы не создали единого центрального органа власти для всей территории, охваченной

восстанием вследствие недостатка времени для данного мероприятия и обширности территории.

Лозунг «За Советы без коммунистов» наиболее полно отражал устремления подавляющего большинства восставшего крестьянства, возлагавшего надежды на лучшую жизнь с Советами без диктата со стороны коммунистической власти. В повстанческих районах крестьяне на практике стремились воплотить в жизнь указанный лозунг, создавая в качестве органов управления Советы без коммунистов. На территориях, контролируемых повстанцами, создавались волостные и сельские Советы. Установлены случаи присоединения к повстанцам прежних сельсоветов и волисполкомов. Своеобразным образцом новой крестьянской власти был Тобольский крестьянский городской Совет — орган самоуправления г. Тобольска и Тобольского уезда (Тобольск находился под властью повстанцев с 20 февраля по 8 апреля 1921 г.).

Воззвание Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии к населению 16 марта 1921 г. (в Тобольске издавалась газета «Голос Народной армии) содержало следующее обращение: «Коммунисты распространяют среди вас слух, что против них восстали белогвардейцы: остатки колчаковской армии под предводительством золотопогонников — генералов и офицеров. Коммунисты говорят вам, что восстали против них помещики, капиталисты, кулаки и попы; говорят они также, что восставшие контрреволюционеры хотят потопить в крови рабочих и крестьян завоевания Октябрьской революции...

Не верьте им... восстал против коммунистов обманутый ими трудовой народ, само трудовое крестьянство. Оно идет под предводительством не генералов и офицеров, а идет оно под руководством своей совести и своего гнева против тех, кто обманом и несбыточными обещаниями вовлек наш темный и доверчивый народ на путь государственного расстройства и хозяйственной разрухи. Народ восстал против коммунистов, утопивших в крови рабочих и крестьян. Мы, восставшие крестьяне, когда-то с надеждой и верой ждавшие коммунистов, суливших нам свободный строй, братство и равенство, убедились теперь в несбыточности их обещаний и губительности для народа их политики. И поняли мы теперь, что они, коммунисты, несли тогда крепостное право для нас в форме, невиданной еще в истории всего человечества. Доведенные до отчаяния обманом и жестокостью коммунистов, мы, крестьяне, подняли знамя восстания против них, наших истинных угнетателей» [2: 353].

Воззвание Тобольского штаба повстанцев ко всем жителям Сибири 25 марта 1921 г. содержало еще более полный текст крестьянских требований и надежд:

«...До сих пор все-таки коммунисты никак не хотят понять или с умыслом пишут, что восстал не народ, которому невтерпеж стало жить, а будто бы восстали какие-то генералы, офицеры-золотопогонники, меньшевики и эсеры. Они все еще до сих пор скрывают, что восстал весь народ, который они считают серой безответной скотиной. Коммунисты все еще считают, что народ можно только обирать, грабить и расстреливать и что народ не способен восстать на защиту своих человеческих прав.

Мы добиваемся настоящей советской власти, а не власти коммунистической, которая до сих пор была под видом власти советской. Мы хотим, чтобы всем свободно дышалось, чтобы все могли свободно жить, чтобы каждый мог исполнять свободно ту работу, какую он хочет, чтобы каждый мог свободно распоряжаться своим имуществом, чтобы никто не имел права отбирать то, что нажито тяжелым трудом, чтобы каждый мог свободно распоряжаться тем, что он заработал своими трудовыми руками. Мы хотим, чтобы каждый человек верил, как хочет: православный — по-своему, татарин — по-своему, и чтобы нас всех не заставляли силком верить в коммуну. Одним словом, мы хотим свободной жизни, без всяких стеснений и насилий, без разверсток, "пятерок" и других выдумок.

Здесь, в Тобольске, мы уже избрали уездный крестьянско-городской совет, куда вошли по два человека от волости, всего человек 70, и 18 представителей от города. Волости выбрали своих уполномоченных свободно, без всякого принуждения, выбрали тех людей, которых население знало и которым доверяло. Коммунисты насильно заставляли выбирать коммунистов, которых население не знало, которые грабили это же население.

В своих волостях мы переизбрали также новые советы на новых началах.

И когда мы очистим от коммунистов всю губернию, народ выберет губернский совет, а когда наши войска соединятся с остальными партизанами других губерний — выберем сибирский совет...

Граждане, чем скорее мы кончим нашу борьбу, тем скорее примемся за нашу обычную работу. Граждане, примыкайте к нам. Арестовывайте своих коммунистов. Организуйте восстания, организуйте крестьянские отряды, выбирайте своих начальников-крестьян, нападайте на врага и помогайте нам уничтожить его окончательно. Все в бой! Да здравствует советская власть без коммунистов! Да здравствует свободное крестьянство. С нами Бог и победа!» [2: 391—393].

Восставшие выдвинули лозунги: «Долой продразверстку, трудовую повинность!», «Да здравствует Советская власть и сибирское крестьян-

ство!» Повстанцы заявляли: они не желают крови, выступая не против Советской власти, за которую боролись против Колчака, — они выступили против политики коммунистов. В этом протесте выражалось недовольство повстанцев властью, «не отвечающей потребности народа». Для организации новой власти крестьянство желало выбрать представителей от населения.

Требования восставшего крестьянства выражались в многочисленных воззваниях повстанцев к населению, к красноармейцам, местным Советам. Параллельно с боевыми действиями развернулась своеобразная пропагандистская война — обе противоборствующие стороны пытались доказать собственную правоту.

В обращении Усть-Ламенского повстанческого гарнизона Ишимского уезда к Глубоковскому, Бурлаковскому, Гоглинскому, Зубаревскому сельским Советам 18 февраля 1921 г. говорилось:

«Наступил момент, когда крестьянин, выведенный из терпения, взял в свои мозолистые руки дубину и с ней стал на защиту своих жизненных интересов, на защиту своего труда и свободы. Момент этот страшен был сначала, чтобы дерзнуть, взмахнуть пред высотой. Троцкого, обстановленного пушками и пулеметами и тысячами своих преданных рабов-коммунистов, которые, не признавая ничего: ни святости, ни правды, ни закона, — терзают каждого, который осмеливался выразить слово против диктатуры, расстреливают каждого, который утаивал свой труд, свой хлеб, приобретенный своими мозолистыми руками и потом. Раздевали, обирали и затем голодного и холодного крестьянина заставляли выполнять все похоти коммунистов, отрывая от сохи и от своей прямой работы, от которой зависит благо и жизнь всей страны. За полтора года довели страну до полнейшего разорения, голода. И выведенный из терпения мужик взял в свои мозолистые руки дубину и пошел с ней на пушку и пулеметы, никем не подгоняемый: ни офицерами, ни начальством, — и идет бесстрашно. И все ломится под его могучим натиском. Гонит он от себя коммунистов.

Присоединившийся к нему и обирающий его, не мешайте ему работать, не мешайте жить, не издевайтесь над ним. Каждый идет с надеждой победить своего врага, и победит он его. Не может быть страшна смерть от врага, когда она неминуема. Кто из трусости боится пожертвовать своей жизнью в борьбе с врагом, тот должен понять то, что он остается под игом коммунистов, через год или более умрет с голода, а голодная смерть гораздо ужасней боевой, ибо страна за полтора года доведена до голода. А что впереди?...» [2: 233—234].

Командование повстанцев Голышмановского района Ишимско-го уезда в феврале 1921 г. дважды обращалось к красноармейцам. В воз-

звании 10 февраля объяснялись мотивы восстания: «Товарищи красноармейцы. Мы идем не против советской власти крестьян и рабочих, ибо мы вполне убеждены, что советская власть есть действительно власть, всецело стоящая на защите интересов трудового народа. Мы идем против коммунистов — представителей колчаков-ских банд, наводнивших все наши правительственные учреждения и вносящих в нашу массу смуту, всячески стараясь подорвать нашу советскую власть. Мы идем против тех коммунистов, которые выгребли у нас все до последнего зерна и гноят его в амбарах, а если не хватало хлеба для выполнения наложенной на крестьян разверстки, то конфисковывали все имущество; против тех коммунистов, которые при непосильной шерстяной разверстке заставили нас стричь шубы и овец в зимнее время, отчего овцы гибли от мороза. От которых также хорошего ничего не слышали, кроме угроз и понудительных работ, а если крестьянин стал бы защищаться, то имущество его приказывали сжечь, не считаясь с целыми селениями. Да здравствует свобода!» [2: 169].

В другом воззвании в середине февраля 1921 г. голышмановские повстанцы призывали красноармейцев присоединиться к восставшим: «Братья, кровавое зарево повстанческого пожара смутно видно вам издалека. В недрах необъятной, могучей Сибири ширится пожар повстанческого движения. Братья-солдаты, обобранные, голодные, удерживая потоки кровавых слез, стиснув зубы от душевной боли, мы идем с палками в руках против орудий и пулеметов. Льются океаны нашей крови, но возврата к прежнему нет, позади могила. В решительную минуту протягиваем свои руки к вам, чтобы не смотрели безучастно на это страшное избиение народа. Коммунисты кровожадны и стремятся уничтожить нас. Ждем вас. Знайте, что это — решительная минута. Горе тем, кто не пойдет на голос своего народа» [2: 211].

Аналогичные мотивы звучали в воззвании Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии к красноармейцам 6 марта 1921 г.: «...Нас спрашивают: за что мы воюем? Мы говорим открыто и честно, что жить так, как заставляют нас коммунисты, дальше нельзя. Ведь вы сами знаете, что у нас отобрали весь хлеб в первую разверстку. Но этого показалось им мало. Они отобрали и весь семенной хлеб и ссыпали по амбарам, где и гноят его. Они остригли шубы у нас и овец в зимнее время, которые теперь замерзают. Народ, измученный, обобранный, угнетенный, не вынес коммунистического ярма и восстал как один человек. Коммунисты, обставив себя пулеметами и орудиями, издевались гнусно над русским бедным народом, чувствуя себя сильными за спиной одураченных ими красноармейцев.

Мы, крестьяне, хотим, чтобы человек стал человеком, чтобы всем жилось свободно. Мы хотим восстановить рабоче-крестьянскую советскую власть из честных, любящих свою опозоренную, оплеванную, многострадальную родину. Коммунисты говорят, что советская власть не может быть без коммунизма. Почему? Разве мы не можем выбрать в советы беспартийных, тех, которые всегда были с народом воедино и страдали за него? Что нам дали коммунисты? Они обещали нам чуть ли не райскую жизнь, обещали свободу во всех отношениях, но, взяв в руки власть, они дали нам тюрьмы и казни, они издевались над нами, а мы молча гнули спины. Но ведь всякому терпению бывает конец, и мы, крестьяне, отдавши коммунистам все добытое потом от земли, решили: лучше умереть от пули и штыка коммунистов, чем умирать медленной, мучительной голодной смертью или гнить в тюрьмах.

Братья-красноармейцы, опомнитесь! Идите к нам, бейте своих комиссаров и коммунистов, и мы окончим братоубийство, установим свою рабоче-крестьянскую власть, станем у станков, возьмемся за сохи, бороны и заживем мирным трудом. Идите же к нам!! Вас ждут старики и братья. Помните, что вы проливаете кровь не помещиков, офицеров и генералов, а свою чисто родную — крестьянскую!!!

Да здравствует народная советская власть! Долой коммунистов!!! Да здравствует полная свобода народа!!! Мы — народные представители от 22 волостей и говорим от имени народа!!!» [2: 304—305].

Известны случаи перехода к повстанцам не только отдельных красноармейцев, но целых воинских подразделений. Часть красноармейцев боеспособного Казанского полка перешла к повстанцам и влилась в Народную армию. Мотивация подобного решения бойцов регулярной Красной армии объяснялась в обращении бывших красноармейцев Казанского стрелкового полка к беспартийным красноармейцам 21 марта 1921 г. из Тобольска: «...Товарищи! Не белогвардейцы и не колчаковские офицеры сражаются против коммунистов, воюет наш простой, серый крестьянин, воюет наш брат и отец. За что же он воюет и против кого воюет?

Он признает советскую власть и советские учреждения, но не может смириться с той кабалой и с той бесправной, скотской жизнью, которую устроили для рабочих и крестьян коммунисты. Крестьянин добывает упорным трудом хлеб, который затем отбирается от него силой и преет в зернохранилищах. Крестьянин выращивает скот для того лишь, чтобы коммунисты сгноили мясо на своих складах. Наконец, сам крестьянин очутился на положении крепостного раба: зиму и лето должен он рубить, возить и плавить дрова, мотаться во всяких подводах, зиму и лето изводиться на тяжелых работах.

Крестьянин до поры до времени терпел и молчал. Чаша терпения переполнилась, когда коммунисты начали отбирать семенной хлеб и ссыпать его в те амбары, где уже прели десятки тысяч пудов отобранного ранее хлеба. Увидя, что у него не будет даже семян для посева, крестьянин не стерпел: вооружился дубиной и с яростью кинулся истреблять коммунистов.

Товарищи! Все мы — тоже крестьяне. Наши братья, наши отцы также разорены, оплеваны и также взяты в непосильную крепостную работу.

Товарищи, братья! Кого же нам поддерживать? Коммунистов ли, которых все мы ненавидим, или отцов и братьев? Ответ ясен.

Берите пример с Петропавловского гарнизона, который сам отдал своими руками город Петропавловск в руки народа!..» [2: 380—381].

В восстании действовали совместно крестьяне и казаки Сибири и Урала. Протестные настроения крестьянства усиливались недовольством сибирских казаков, лишенных политикой расказачивания своего традиционного социального статуса и образа жизни: казаки Петропавловского и Кокчетавского уездов упорно саботировали продразверстку, хотя ее размер для них не был столь обременителен, как для крестьян Ишимского уезда.

Восстание сибирского крестьянства имело преимущественно стихийный характер: единое руководство у повстанцев Западной Сибири отсутствовало. Но крестьянские выступления были массовыми: в восстании принимали участие крестьяне, принадлежавшие ко всем социальным группам. Тем не менее основная масса крестьян и казаков не поддержала повстанцев, хотя многие им симпатизировали [2: 16, 17]. Многие отказывались в открытую восстать против коммунистической власти из-за боязни мести за участие в восстании: население на собственном опыте уже познало карательную мощь советской системы. Решившийся на восстание осознавал, какие последствия ожидают его самого и его семью. Все имущество участников восстания подлежало конфискации.

Повстанцев, как правило, возглавляли местные инициативные люди, пользовавшиеся доверием и авторитетом у населения, обладавшие военными знаниями, боевым опытом или навыками общественной работы, при этом их социальный статус не играл решающей роли. Таким был, например, крестьянин села Смирновское Локтинской волости Григорий Атаманов — один из главных руководителей повстанцев Ишимского уезда, командир повстанческого корпуса, командующий фронтом повстанцев Ишимского уезда (его родной брат Иван Атаманов был коммунистом и в составе отряда ЧОН сражался против повстанцев). Родин Владимир

Алексеевич, учитель села Белое Соколовской волости Ишимского уезда, поручик старой армии, с 10 февраля 1921 г. командовал налобинским, затем петропавловским боевым участком повстанцев, с 18 февраля являлся командующим Сибирским фронтом.

Руководителями или инициаторами восстаний в Ишимском уезде являлись представители крестьянства: Калинин Василий, Ярослав-цев Максим (Викуловская волость), Назаров Евграф (с. Назарово Челноковской волости), Резонов Моисей, Ситников Тимофей (Чуртанская волость), Тетяев Кирилл (Сумская волость); в Ялуторовском уезде: Алферов Николай (Емуртлинский район), Филимонов Е. (Суерская волость), Кострюков Егор, Першаков Василий (Ингалинская волость). Крестьянская среда выдвинула командиров повстанческих отрядов в Ялуторовском уезде: Зломанов Гавриил, Кобелев Василий, Боровков Ф., Лопарев Архип, Мальцев Александр; в Ишимском уезде: Букарин Иван, Вишняков Осип, Кадышников Афанасий, Писарев Г., Климов Андрей.

Годы мировой войны и службы в старой (царской) армии сформировали в среде выходцев из крестьян значительный слой младшего командного состава — унтер-офицеров и прапорщиков. Приведем небольшой список повстанческих командиров.

Желтовский Василий Максимович из крестьян села Желтовское Кугаевской волости Тобольского уезда. Участник Первой мировой войны, фельдфебель. В начале 1921 г. служил делопроизводителем военкомата Кугаевской волости и имел крестьянское хозяйство ниже среднего. Являлся одним из главных военных руководителей повстанцев Тобольского уезда.

Данилов Степан Ильич — житель деревни Таратухина Карачинской волости Тобольского уезда. Участник Первой мировой войны, организатор и командир повстанцев Карачинской волости, затем командующий Юго-Западным фронтом Тобольского уезда.

Шевченко Петр Семенович — крестьянин-середняк села Большой Кусеряк Ишимского уезда. Инициатор мятежа в своем родном селе: 8—9 февраля 1921 г. мобилизовал под свое начало около тысячи человек. В дальнейшем командовал повстанческим полком и отрядом. Один из его братьев служил в Красной армии, другой убит повстанцами, сестра была у повстанцев.

Сикаченко Иван Лукьянович — крестьянин-середняк села Аромашево Ишимского уезда, бывший председатель волисполкома. У повстанцев был заместителем П. Шевченко.

Андреев П. — крестьянин села Глубокое Соколовской волости, командующий петропавловского боевого участка (направления) повстанцев Ишимского уезда.

Булатов Николай — крестьянин села Куртан Курганского уезда, прапорщик царской армии, инструктор всеобуча Красной армии, командир 2-го Освободительного полка Курганской повстанческой дивизии, затем начальник 1-го Ялуторовского освободительного отряда.

Горбачев Никон Васильевич — командующий Восточной армией Южного фронта повстанцев Ишимского уезда.

Губанов Петр — командир конного полка повстанцев Налобинской волости Ишимского уезда, затем командующий Сибирским фронтом.

Данилов Степан Ильич — командующий Юго-Западным фронтом Народной повстанческой армии Тобольского уезда.

Долин Петр Лаврентьевич — командир 2-го корпуса Народно-крестьянской армии Ражевского района Ишимского уезда.

Евсеев Л. — житель деревни Лапушинская Курганского уезда, начальник Курганской освободительной дивизии.

Лидберг Тимофей — бывший военком и председатель ячейки РКП(б) Троицкой волости Петропавловского уезда, начальник отряда повстанцев.

Иноземцев Николай — бывший помощник военкома Готопу-товской волости Ишимского уезда, начальник штаба повстанцев волости.

Коротков Александр — бывший сотрудник Ишимского уездного военкомата, руководитель повстанцев Чуртановской волости, командующий Северным фронтом Ишимского уезда.

Русаков Михаил — бывший заведующий Петуховской продконторой Ишимского уезда, один из главных организаторов повстанцев Петуховского района.

Слинкин Федор — командующий Северным фронтом повстанцев Тобольского уезда [2: 670—738].

Гражданское вооруженное противоборство обусловило жестокость, которую проявляли обе стороны. В феврале 1921 г. Тюменский губисполком в специальной листовке предупреждал население: «Товарищи крестьяне! Нашему терпению может быть конец. Да, мы жалеем, не в пример вашим вожакам, деревенские избы, невинных жителей, женщин и детей. Но у нас хватит пушек, чтобы в случае упорства сровнять с землей села и деревни. Если бессмысленные беспорядки будут продолжаться и мешать нам устраивать мирную жизнь, с болью в сердце, но во имя блага десятков миллионов рабочих и крестьян мы вынуждены будем употребить более решительные меры» [2: 227—228].

С другой стороны, в приказе по Южной Народной повстанческой армии Ишимского уезда 22 февраля 1921 г. заявлялось: «Врагам трудового народа пощады не будет. Лиц, замеченных в противодействии Народной

армии, уничтожать на месте, а имущество отбирать, а семьи забирать заложниками и в случае измены уничтожать. Борьба идет на смерть. Пощады никому не будет — или же с народом, или же против него» [2: 258].

Угрозы воплощались на практике. Количество потерь среди повстанцев превышало на порядок потери красноармейцев. По официальным милицейским отчетам, в Тобольском уезде по одному из районов милиции соотношение количества убитых и расстрелянных повстанцами, с одной стороны, и количества убитых и расстрелянных советскими войсками составляло 1: 10, по другому району соотношение еще более отличалось — 1: 19 [2: 454, 459].

Основную часть потерь повстанцев составили потери среди местного населения. Причины заключались в политике коммунистической власти не столько по отношению к повстанцам, сколько к мирному населению. Приказы советского командования содержали требования расстреливать на месте без суда всех, захваченных с оружием в руках, брать и расстреливать заложников за разрушение железнодорожной линии и телеграфной связи, за оказание помощи повстанцам, сжигать и уничтожать артиллерийским огнем целые деревни, поддерживавшие мятежников или оказывавшие упорное сопротивление. Командир 115-й стрелковой бригады Полисонов 2 апреля отдал приказ: деревни Боровую, Ярковское и Бигилу (Гилеволиповской волости) сжечь [2: 403].

Широкое распространение получили расстрелы без суда мирных жителей. Отсюда такие колоссальные потери на повстанческих территориях. Характерно в этой связи обращение повстанцев полка П.С. Шевченко к коммунистам в июле 1921 г., которое содержало прямую угрозу: «Товарищи, первым долгом уведомляем вас о том, а именно, чтоб вы не делали зверской расправы с партизанскими семьями, а то даем вам честное слово, что вас и ваши семьи партизаны будут уничтожать до корня. И будем производить такую короткую расправу, что хуже которой не может быть. Одним словом, будем всех превращать, как говорится, в капусту. Довольно вас миловать, довольно прощать вам за ваше зверство. Так вот, примите к сведению» [2: 500].

Главным средством разрешения конфликта оставались насилие, военные действия. Командование красноармейских частей угрожало командирам и комиссарам, проявлявшим миротворческую инициативу, суровым наказанием. Действовал приказ: ни в какие переговоры с бандитами не вступать, отвергать всякие переговоры с восставшими, не признавая их как равную сторону. Мятежникам выдвигалось лишь одно условие: полная и безоговорочная капитуляция.

Ликвидацией восстания руководила созданная 12 февраля 1921 г. Сибирским бюро ЦК РКП(б) полномочная тройка. В нее вошли председатель Сибревкома И.Н. Смирнов, помощник главкома вооруженными силами Советской Республики по Сибири В.И. Шорин, представитель ВЧК в Сибири И.П. Павлуновский. 14 февраля Смирнов снова телеграфировал Ленину о восстании.

Оценка восстания со стороны сибирского руководства претерпела кардинальное изменение после середины февраля. Положение стало тревожным. Командование советских вооруженных сил Тобольского боевого участка телеграфировало об этом помглавкому по Сибири (аналогичные телеграммы были направлены в адрес Сиббюро ЦК РКП(б), Уральского бюро ЦК РКП(б), Тюменского губкома партии, командующему войсками Приуральского военного округа). В тексте данной телеграммы обращает на себя внимание признание: движению не придавали серьезного значения — не предвидели, что ситуация резко изменится. Командование требовало срочной помощи [2: 269). 24 февраля Тюменский губком РКП(б) затребовал от центра дополнительные вооруженные силы [2: 273—274].

11 марта 1921 г. руководство Тюменской губернии направило телеграмму в ЦК РКП(б), президиум ВЦИК и заместителю председателя Реввоенсовета республики Э.М. Склянскому. Текст телеграммы свидетельствовал о растерянности губернского руководства: «В пределах Тюменской губернии не имеется в нашем распоряжении ни реальной силы, ни вооружения, ни обмундирования, ни огнеприпасов. Присланный из Казани полк оказался небоеспособным, частями переходит на сторону противника в полном вооружении. Положение становится серьезным, поскольку ликвидация беспорядков приняла затяжной характер: придется признать в этом году в губернии крах посевной кампании... лесозаготовительных работ, лишение центра России хлебозапасов, рыбы, пушнины и прочее.

Настойчиво, решительно требуем от вас немедленного принятия всех необходимых мер для быстрейшей ликвидации беспорядков в смысле соответствующего воздействия на Сибирское военное командование, в смысле непосредственной помощи с вашей стороны. Нужны реальные силы, вооружение, обмундирование, огнеприпасы. Нужна помощь партсилами, партийно-советские аппараты разрушены, во многих волостях члены партии поголовно уничтожены, 75 % всего состава продработников уничтожено... без помощи центра все попытки наладить снова партсоветскую жизнь губернии безнадежны. неопределенность и неизвестность усугубляют тяжесть положения» [2: 330—331].

В Сибирь были переброшены на подавление восстания 21-я стрелковая дивизия войск ВНУС, Симбирский и Казанский полки, специально сформированные из курсантов и отборных частей, 4 бронепоезда. Все войска Приуральского военного округа переходили в подчинение помглавкому по Сибири В. Шорину — члену чрезвычайной тройки Сибревкома.

Карательные меры включали как военные операции против отрядов повстанцев, так и решительные и жестокие меры в отношении населения на территориях, которые оказались охвачены восстанием.

12 февраля 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) секретным решением возложило ответственность, в случае порчи железной дороги, на ближайшие деревни, расположенные на расстоянии 10 верст от линии железнодорожного полотна. За разрушение мостов, рельсов близлежащие деревни подлежали уничтожению [2: 186].

Ишимский исполком издал приказ: ответственность за сохранность железной дороги возложить на волости, по которым проходит магистраль. В близлежащих деревнях предписывалось заранее взять заложников — в случае порчи дороги они подлежали расстрелу. Устанавливалась круговая порука на сельские общества: за участие в восстаниях производилась конфискация имущества и инвентаря в каждом десятом хозяйстве, за каждого расстрелянного коммуниста и совработника — расстрел десяти местных крестьян. Никакой пощады — требовало руководство уезда — вплоть до уничтожения отдельных деревень с применением пулеметов и орудий, применения репрессивных мер [2: 157—158].

Как следует из данных решений, особую озабоченность вызывала сохранность железнодорожной магистрали. Помимо органов советской власти беспощадные меры принимало военное руководство. Комбриг Рахманов, командующий вооруженными силами в районе Омск — Тюмень, 15 февраля отдал приказ: железнодорожные линии Омск — Тюмень и Омск — Челябинск разделить на определенные участки. Возложить ответственность за сохранность каждого участка, прилегающего к 10-верстной полосе по обе стороны от железной дороги, на местное население, из которого взять сразу же заложников. Объявить жителям деревень, входящих в указанную полосу, что в случае повторения налетов на железную дорогу заложники будут расстреляны без суда. Этот приказ предписывалось широко распространить среди местного населения, расклеив его на видных местах [2: 206].

Член чрезвычайной тройки Сибревкома, полномочный представитель ВЧК в Сибири И. Павлуновский 14 февраля 1921 г. издал инструк-

цию местным органам ВЧК «О применении высшей меры наказания в районе, охваченном восстанием». В соответствии с инструкцией подлежали расстрелу: руководители движения; занимавшие командные должности в отрядах повстанцев; повстанцы, взятые в плен и освобожденные, в случае, если они вторично попали в плен в боях с советскими войсками; не сдавшие огнестрельного оружия после того, как был опубликован приказ о сдаче оружия; уличенные в поджоге, порче железнодорожных путей и железнодорожных сооружений, телеграфных проводов [2: 203].

Тюменский губисполком 5 марта объявил о конфискации имущества причастных к восстанию [2: 297]. Свирепствовали выездные сессии ревтрибунала.

В конце февраля — начале марта 1921 г. от восставших были очищены железная дорога Омск — Тюмень и Омск — Челябинск. В конце марта — начале апреля основные очаги восстания были разгромлены. В мае 1921 г. карательные отряды Красной армии окончательно разбили основные силы повстанцев. В июне период оперативных военных действий в основном закончился. В отношении повстанцев был развязан беспощадный террор. В районе восстания свирепствовали созданные советским командованием революционные тройки и ревкомы, активно применялась система заложничества и расстрела заложников.

Однако борьба с повстанцами в апреле—мае не закончилась: она перешла в новую фазу — партизанской войны и продолжалась вплоть до начала 1922 г. Знание родной местности позволяло повстанческим отрядам оставаться неуловимыми. Тюменские повстанцы использовали эффективную партизанскую тактику: при приближении регулярных войск отряды рассыпались на мелкие группы, распылялись, их участники скрывались в лесах, в деревнях под видом сельских жителей, при необходимости снова объединялись для проведения стремительных налетов. Партизанская тактика показала неэффективность оперативных действий регулярных войск.

Сочувственное отношение к повстанцам и поддержка со стороны местного населения позволяли получить укрытие, своевременную информацию о приближении регулярных войск. Население снабжало повстанцев продовольствием, лошадьми и хозяйственными средствами.

Крестьяне считали повстанческих вождей защитниками от налогов. Захваченный ими хлеб из разграбленных ссыпных пунктов делился среди крестьян (подобную практику осуществляли, к примеру, Шевченко, Сикаченко, Вараксин, Булатов со своими отрядами). Жители сел и деревень отказывались помогать войсковым частям и власти в борьбе с повстанцами.

Примечательно в этой связи следующее документальное свидетельство. Командующий советскими войсками Тюменской губернии Г.А. Буриченков 7 мая 1921 г. направил телеграмму председателю Сибревкома И.Н. Смирнову, помглавкому по Сибири В.И. Шорину и Тюменскому губисполкому. Командующий докладывал: «Крестьяне Ишимского уезда на почве голода собираются толпами и разграбляют хлебные ссыппункты. Часть крестьян, с которыми также идут рука об руку местные волостные исполкомы и партийные организации, категорически отказались от предоставления подвод на вывозку хлеба, требуя вначале удовлетворения голодных крестьян. И даже в некоторых пунктах были созваны специальные совещания крестьян, совместно с волисполкомами и комячейками, на которых выносились соответствующие постановления, и после чего самочинно раздавался хлеб голодающим. Попытка наших воинских отрядов взять хлеб силою не привела ни к чему, т.к. открытая демонстративная стрельба по толпам, которые обступили хлебные ссыппункты и пытались разграбить их, никакого действия не произвела, и крестьяне, наоборот, взяли своих жен и детей, совместно с которыми вновь обступили хлебные пункты, настоятельно требуя расстрелять их всех вместе с детьми и женами, и тогда лишь вывозить от них хлеб. Такое положение дел пагубно отзывается на наши части, так как красноармейцы, естественно, видя такие картины, открывать боевого огня по крестьянам не будут, и в конце концов для выполнения приказа центра, и для того, чтобы заставить крестьян отдать хлеб и красноармейцев взять таковой силою, придется произвести массу расстрелов как среди крестьян, так и среди красноармейцев. Доводя до вашего сведения о создавшейся обстановке, прошу срочно инструктировать меня, так как я для выполнения приказа центра вынужден буду открывать боевой огонь по той же советской власти, какой и принадлежу сам, то есть расстреливать волисполкомы, комячейки, крестьян, красноармейцев» [2: 442—443].

Боевой командир Красной армии, всегда готовый к решительным боевым действиям в открытом бою с противником (об этом будет сказано ниже), оказался растерян, когда увидел в качестве условного «противника» трудовую народную массу, отсюда его призыв «срочно инструктировать меня».

Летом 1921 г. в Ялуторовском и Ишимском уездах существовали многочисленные организованные отряды, объединявшие 300—500 человек. По данным Тюменского губчека, в Ялуторовском уезде общая численность повстанцев доходила до трех тысяч человек [2: 498, 501].

Пополнение отрядов бойцами и провиантом объяснялось недовольством крестьянства методами взимания продналога: сбор продналога в

1921 г. напоминал продразверстку 1920 г. Бедное крестьянство, как и середняки, вынуждено было отдавать в счет продналога последнее зерно и картофель, приобретенные от продажи последней лошади или одежды и обрекалось на голод. Значительный недосев из-за отсутствия семян усугубился неурожаем вследствие засухи. Определение налога с площади крестьянского надела, который нечем было засеять, порождал недовольство, особенно среди бедняков. Среднее крестьянство выражало недовольство гужевой повинностью из-за отсутствия фуража, упряжи, смазочных материалов и изнуренности лошадей.

Термин «бандитизм» не определял реальную природу повстанческого движения. Конечно, среди повстанцев было немало уголовных элементов, занимавшихся разбоями, грабежом, но не они составляли большинство. Многие отряды отличались дисциплиной и организованностью, строгим подчинением вожакам. Примечателен в этом отношении текст приказа командира Н. Булатова по 1-му Ялуторовскому повстанческому освободительному отряду, изданный в сентябре 1921 г.. установить строгий военный порядок по примеру регулярных войск, командирам подразделений вменялось в обязанность сделать свою часть боеспособной и дисциплинированной. Отряд насчитывал до 450 всадников [2: 532, 536].

Необходимость ликвидации повстанческого движения в Тюменской губернии приняла чрезвычайный характер: под угрозой оказались посевная кампания и сбор продналога по губернии, а также возможное блокирование повстанцами железнодорожного сообщения между Тюменью и Екатеринбургом или Тюменью и Омском. Повстанцы убивали советских служащих, продовольственных работников (налоговых инспекторов), а также коммунистов. На заседании президиума Ялуторовского исполкома 1 июля 1921 г. выражалась озабоченность уездного советского руководства: попытки восстановить советский аппарат закончились новыми убийствами советских партийных работников, в результате ни один ответственный работник для восстановления ревкомов в этих волостях ехать не желает, из-за опасной обстановки работать там нет никакой возможности [2: 485].

Летом 1921 г. губернское руководство осознало недостаточность военного характера борьбы против партизанской тактики повстанцев, поддерживаемых местным населением. Об этом свидетельствует политический отчет Тюменского губкома, направленный в августе в адрес ЦК РКП(б). В отчете критиковалась позиция военного командования, которое «борется по всем правилам стратегии, наступает, ведет разведку всех видов, и из этого ничего не получается, кроме бессмысленного

гоняния бандитов с места на место, которые сегодня впереди, завтра в тылу, послезавтра рядом с деревней, в которой стоит наш отряд, грабят ссыппункт, а еще через несколько дней между двумя отрядами грабят продовольственный транспорт» [2: 519]. Для эффективной борьбы с повстанческим движением требовалось включить в действие экономические и политические средства.

Особое значение имели экономические мероприятия. На территории Тюменской губернии крестьяне получили возможность обмена, покупки, продажи и перевозки хлебозернофуража и картофеля, разрешалось свободное передвижение с товарами и продуктами. Продовольственные заградительные отряды были сняты с железнодорожных, водных путей и гужевых дорог. Разоренные продовольственной и семенной разверсткой, уезды получили, хотя и незначительный по объему, семенной материал из губернского фонда. Это касалось уездов и волостей, объявленных ранее самоснабжающимися, в первую очередь Ишимского уезда. Ишимскому уезду было отпущено 300 тыс. пудов семян [2: 407, 414, 438].

В число политических мер входило следующее: крестьяне, арестованные за продовольственные прегрешения перед властью (невыполнение разверстки, сокрытие хлеба, невыполнение трудовых повинностей), освобождались. Получившим амнистию 1 мая 1921 г. возвращался конфискованный инвентарь за неуплату продразверстки. В сентябре губисполком внес уточнение: возврату подлежало имущество только недвижимое. Такое решение принималось в интересах бедноты, иначе пришлось бы конфискованное имущество, выданное бедноте, возвращать владельцам — бедное крестьянство оказалось бы в данном случае крайне недовольно [2: 425, 497, 531—532].

Летом 1921 г. органы советской власти изменили позицию в отношении добровольной явки повстанцев. В период восстания (март—апрель) советское руководство объявило населению свою установку: добровольная явка мятежников заслужит прощение власти, сложившие оружия не будут подвергаться наказанию, за исключением зачинщиков и руководителей восстания [2: 326, 349). Объявленный в июле двухнедельник добровольной явки и сдачи оружия (5—20 июля, срок был продлен еще на семь дней — до 27 июля) предусматривал, что разделения на активных и рядовых, мобилизованных (подневольных) участников восстания производиться не будет — отношение ко всем одинаковое. Гарантировалась неприкосновенность личности явившихся, возврат им недвижимого имущества. Обязательным условием являлась сдача и регистрация оружия, а также регистрация в органах ЧК и милиции. Отмечалось, что добровольная явка в июле 1921 г. дала положительный результат, но ору-

жия вернувшиеся повстанцы сдали мало — в основном возвращались без оружия [2: 471, 474, 502—505, 518]. ВЧК распорядилась составить на всех добровольно явившихся списки с подробными данными по каждому, в том числе с указанием социального положения — бедняк, середняк [2: 494]. Не явившимся после двухнедельника угрожали самыми суровыми мерами преследования и искоренения.

Длительная история повстанческого движения на территории Тюменской губернии фактически лишила ее органов власти на местах. В ходе восстания было убито около 5 тыс. партийных и советских работников [3: 764]. Выбираемые населением из местных крестьян члены сельских и волостных исполкомов часто сами оказывали повстанцам помощь (к примеру, подобные факты имели место в Упо-ровской, Лабинской, Плетневской волостях Ялуторовского уезда). В Упоровской волости местное население с помощью повстанцев обезоружило воинскую часть [2: 485].

Ожесточение власти и воинских частей в борьбе с повстанцами нарастало. На заседании Ишимского уездного комитета РКП(б) 3 сентября 1921 г. комбриг Буриченков (тот самый командующий, который в мае требовал его проконсультировать, как обращаться с крестьянской толпой) докладывал: зарублен Шевченко и еще 111 бандитов, при этом особо подчеркивал, что живых не брали: «*рубилось* все, что попадало под руку... обращение было самое жестокое» — находили повстанцев по домам по захваченным спискам. Всего *зарублено* 130 человек [2: 525. — *Курсив авторов*].

Реквизиции, конфискации и мародерство воинских частей сопровождались случаями расстрелов добровольно явившихся. Отмечалась жестокость партизанских коммунистических отрядов из местного населения, созданных для самозащиты от нападений. Коммунистические отряды, никому не подчинявшиеся, отличились грабежами. Так, по фактам самовольных конфискаций и бесчинств одного из отрядов в Ялуторовском уезде вопрос рассматривался в губкоме РКП(б) [2: 490, 521].

Тюменский губисполком и командование советскими войсками Тюменской губернии выпустили приказ 15 октября 1921 г., жестоко каравший за поддержку повстанцев: «Лица, уличенные в сношении с ними, добровольном их укрывательстве, в снабжении продовольствием, а также сообщении бандитам сведений о движении войск Красной Армии, подвергаются высшей мере наказания — расстрелу. Непринятие мер к охране и ограждению государственных учреждений и предприятий, ссыпных пунктов, а также к спасению жизни должностных лиц советской власти, продовольственных работников и коммунистов при посяга-

тельстве и вооруженных налетах бандитов должно рассматриваться как сочувствие и пособничество разбойникам, а потому жителей тех сел и деревень, где такие случаи будут иметь место, надлежит облагать — вообще всех — контрибуцией денежной и натуральной с конфискацией имущества» [2: 539].

Данный документ дополнился отдельным приказом командующего советскими войсками Тюменской губернии — начдива 57-й дивизии, который устанавливал «суровые карательные меры» к населению за сочувственное отношение к бандитам, «не останавливаясь ни перед чем»: взятие заложников, выездные сессии ревтрибунала, расстрелы пособников, сжигание целых селений. Командование вооруженных сил придумало даже экзотический вид наказания: воинские гарнизоны, ответственные за определенную территорию, на которой произойдут проявления бандитизма, будут переведены на прокорм за счет населения данных территорий [2: 556].

Тем не менее осенью 1921 г. повстанческое движение еще не потеряло свою организованность. При необходимости отдельные группы могли собраться в боевой отряд до 500—700 человек, с обозом до сотни подвод [2: 566]. До начала зимы на территории Тюменской губернии общая численность постоянно действовавших повстанцев достигала до 500 бойцов [2: 566].

19 ноября 1921 г. поменялось руководство войсками Тюменской губернии. Новое руководство подчинялось не сибирскому военному руководству, а штабу Приуральского военного округа — в оперативном отношении данное обстоятельство имело значительные преимущества. С этого времени решительно изменилась военная тактика советских войск против повстанцев.

Вся территория Тюменской губернии была разделена на три боевых участка (Тюменско-Тобольский, Ялуторовский и Ишимский) с районами по административным границам уездов. Каждый боеуча-сток имел свой штаб во главе с начальником. Боевые участки поделили на батальонные, батальонные — на ротные или гарнизонные, согласно дислокации гарнизонов.

Новый метод борьбы основывался на восстановлении и усилении твердой власти на местах: в районах были выставлены гарнизоны в составе не менее роты и организованы ревкомы для организации власти на местах.

С территории губернии советское командование вывело недисциплинированные воинские части, под угрозой строгого наказания категорически запретило самочинные расстрелы и мародерство.

Мобильности действующих повстанческих отрядов и групп противопоставлялись вновь созданные летучие кавалерийские отряды — специально с этой целью отдельный кавалерийский полк 29-й дивизии был передан в распоряжение командования Тюменской губернии.

Создавалась сеть постоянной агентурной разведки, а также войсковая разведка, чтобы предупредить и своевременно устранить возможность возникновения в районах сопротивления власти. Амнистированные повстанцы привлекались к операциям по ликвидации и поимке главарей. Имели место случаи, когда бывшие повстанцы, получив амнистию, выдавали своих бывших вожаков [2: 519, 567—567, 297].

К концу декабря 1921 г. после разгрома отрядов Вараксина, Сикаченко, Булатова организованных отрядов в Тюменской губернии не стало. Самостоятельные мелкие группы оставались в районах по месту своего зарождения (в Ялотуровском уезде, к примеру, их общее количество составляло не более 50 человек) [2: 569—570, 576].

15—30 декабря 1921 г. состоялся второй двухнедельник добровольной явки повстанцев. Власти дали обещание репрессивные меры в отношении вернувшихся не применять. В то же время сдача оружия объявлялась непременным условием явки. Не явившиеся и не сдавшие оружия объявлялись вне закона с применением высшей меры наказания. 5—20 января 1922 г. проводился специальный двухнедельник добровольной сдачи оружия. После 20 января за сокрытие оружия виновные несли наказание по законам военного времени [2: 563, 574—575].

Западно-Сибирское восстание по своей природе типологически тождественно антоновскому восстанию в Тамбовской губернии и Кронштадтскому восстанию. Оно выявило глубокий кризис политики военного коммунизма, недовольство всего крестьянства советской властью как носительницей этой политики.

Источники и примечания:

1. Подробная и достоверная оценка Западно-Сибирского восстания представлена в работах сибирских историков. См.: *Третьяков Н.Г.* Западно-Сибирское восстание 1921 г. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994; *Шишкин В.И.* К характеристике общественно-политических настроений и взглядов участников Западно-Сибирского мятежа 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1996; *Он же.* К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1997; *Он же.* Западно-Сибирский мятеж 1921 г.: обстоятельства и причины возник-

новения // Социально-культурное развитие Сибири XVII—XX веков: Бахрушинские чтения 1996 г. Новосибирск, 1998; *Он же.* Западно-Сибирский мятеж 1921 г.: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001; За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921 г.). Сб. документов. Новосибирск, 2000; Сибирская Вандея. Т. 2 (1920—1921). Документы. М., 2001.

2. За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: Сб. документов / Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2000.

3. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД.Т. 1. М., 2000.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революционное вхождение в новый мир в России после 1917 г. означало отказ от прежнего мира. Забвение явилось условием обретения новой идентичности. Подобные исторические преобразования всегда сопровождаются в крестьянстве ощущениями тяжелой и невосполнимой потери и безнадежной дезориентации. В этом смысле такие исторические испытания являются, безусловно, травматическими. Но в таких ситуациях последствия травматического опыта часто оказываются гораздо более драматичными: например, в новой реальности революции и Гражданской войны в России люди безвозвратно утрачивали прежнюю идентичность и на смену ей приходила новая историческая и культурная идентичность. Социальную травму подобного рода социальная группа (общество, народ, крестьянство) будет всегда носить с собой после того, как исторический процесс заставил ее столкнуться с ней. Новая идентичность во многом конституируется травмой от потери прежней идентичности — и именно в этом заключается ее главное содержание.

Крестьянская революция 1917—1918 гг. трансформировалась в крестьянскую войну против политики военного коммунизма. Крестьянская война, начавшись во второй половине 1918 г., приобрела полномасштабный характер в 1919—1922 гг. Природа крестьянской войны в 1918—1922 гг. в Советской России как войны гражданской по своему содержанию, позволяет сделать утверждение о типологической общности крестьянского протеста на территории всей страны. Типологическая характеристика протестного крестьянского движения отражает тождественные черты, закономерности и тенденции, что и позволяет определить его в качестве крестьянской войны. Общность проявилась в при-

чинах восстаний, движущих силах и составе участников повстанческого движения, идейной основе крестьянского протеста, лозунгах, военной организации повстанцев и партизанской тактике ведения борьбы, а также в методах и действиях Советского государства по подавлению восстаний. Объяснение подобной картины заключается, во-первых, в природе самого крестьянского сообщества, во-вторых, в проведении единой государственной политики на территории всей страны — политики военного коммунизма, основанной на марксистском видении строительства нового общественного устройства. Общность условий создавала характерную тождественность протеста со стороны одного и того же субъекта в лице крестьянского населения. Социальная среда и сходные экономические условия в разных местах порождали одинаковые приемы борьбы с органами власти.

Стихийное, но массовое движение протеста со стороны крестьянства дополнялось принципом преимущественно добровольного характера участия всех крестьянских слоев. В этой связи представляется неправомерным сведение крестьянского протестного движения к общему знаменателю «третьей силы». Локальные и разрозненные формы сопротивления олицетворяли крестьянский протест. Повсеместное недовольство крестьянских масс стало ответной реакцией на политику военного коммунизма со стороны Советского государства, основанную на хлебной монополии, переросшей в чрезвычайную продовольственную диктатуру, продовольственной разверстке, мили-тарном характере организации труда, который проявился в тяжких для сельского населения трудовых повинностях. Первоначальные обещания Советского государства (Декрет о земле, Декрет о мире), породившие надежды и ожидания в крестьянской среде, сменились глубоким разочарованием и отчуждением от большевистской власти.

Ожидавшаяся трудовым крестьянством социализация земли трансформировалась в рамках государственной политики в национализацию. Но этим дело не ограничилось. Продукт крестьянского труда (хлеб в первую очередь) подвергался отчуждению от производителя в виде пресловутой «выкачки». Одновременно ожидания, порожденные Декретом о мире, воплотились на практике в разочарование, связанное с переходом к всеобщей мобилизации в виде принудительного набора в Красную армию.

Политика военного коммунизма породила не только системный экономический кризис, но и острый политический кризис, создавая оппозицию правящей власти: основная часть населения страны выражала как пассивное, так и активное противодействие политике Советского госу-

дарства, вылившееся в массовые и длительные по времени крестьянские вооруженные восстания по всей территории Советской Республики.

В числе главных причин, вызвавших протестное выступление крестьянства в России, являлось недовольство крестьян политикой военного коммунизма (продразверстками, мобилизациями, трудовыми повинностями), которая не учитывала реальные интересы и возможности крестьянства, а также возмущение методами осуществления этой политики. Документы советского правительства имели жесткие формулировки: виновные в уклонении от уплаты продразверстки, а также представители власти, не обеспечившие выполнение заданий, подлежали заключению в концентрационные лагеря как изменники делу революции с конфискацией их имущества. Для выполнения заданий в деревню направлялись продотряды, а также вооруженная сила.

Никакого детального учета хлеба в деревне, который считался «излишками», не проводилось. В распоряжении Наркомата продовольствия не было статистических данных о посевных площадях и урожайности, поскольку в годы революции и Гражданской войны статистикой не занимались. Планы продразверсток исчислялись на основе сохранившихся дореволюционных данных, которые обескровленная войнами и революцией российская деревня в неурожайные 1920—1921 гг. была не в состоянии выполнить.

Действия местных органов Советской власти регламентировались сверху: после опреде-ления разверстки по каждому селению в отдельности производилась государственная и внутренняя разверстка на отдельные хозяйства по подворным спискам: составлялись подробные именные списки (с указанием сельского общества, имени, фамилии, количество подлежащего сдаче хлеба), оформлялись расписки с определением срока сдачи. Именной список представлялся на ближайший ссыпной пункт, копия направлялась в волисполком. За выполнение всех перечисленных мероприятий отвели персонально члены волостных и сельских исполкомов.

Политика военного коммунизма легла своей тяжестью в первую очередь на основной слой сельского населения — среднее крестьянство, подрывая стимулы аграрного хозяйствования. Заставить производителя отдавать хлеб и не снижать при этом сельскохозяйственное производство можно было только усилением мер принуждения и насилия. Середняк являлся наиболее исправным плательщиком разверсток, у многих сыновья ушли в Красную армию добровольцами. Он нес на себе основной груз разверсток. Помимо многих видов разверсток, на среднем крестьянстве держались тяготы трудовых повинностей. Для выполнения трудо-

вых повинностей, особенно гужевой, лесозаготовительной требовались крестьянские лошади, подводы, а также собственный фураж. По норме хлебофуражной продразверстки у крестьян оставался запас фуража лишь на содержание лошадей и для засева, на проведение лесозаготовок продовольственными органами фуража на рабочих лошадей не оставлялось. В производящих уездах получался замкнутый круг: устанавливались тяжелые и обременительные трудовые повинности, но фураж для их выполнения не выдавался.

Недовольство властью выражала также значительная часть крестьянской бедноты. Нередко именно бедняки, не отягощенные личной собственностью, становились активными повстанцами. Подобное явление вполне объяснимо. Неимущее сельское население, не имеющее собственных запасов хлеба, должно было обеспечиваться за счет внутренней разверстки — излишков, оставшихся у более зажиточных крестьян сверх норматива по государственной разверстке и собственного потребления. Конечно, ни один крепкий хозяин не горел желанием добровольно расстаться с «излишками» как по государственной разверстке, так и по фактически повторной разверстке — внутренней. Весь хлеб, поступающий от внутренней разверстки по волостям, подлежал сначала сосредоточению в волостном центре, только затем под контролем волисполкома мог выдаваться не имущему населению, причем только в определенный срок. В крестьянской среде крестьянский «паек» получил наименование «голодная норма»: его хватало только на полуголодное пропитание. Крестьянская беднота, чтобы получить хлеб, должна была добираться в волостной центр, выстаивать очередь в продовольственной конторе, доставлять полученный хлеб домой — на все это растрачивалось много времени и сил, столь необходимых в полевой сезон.

Продовольственные органы придумали административные инструменты для выполнения разверстки. Один из них назывался «товарная блокада». Один и тот же орган, ответственный за продразверстку — губпродком — сосредоточил в своих руках распределение необходимых для крестьянства товаров первой необходимости — соли, спичек, керосина, мыла, гвоздей, обуви и т.п. Суть товарной блокады сводилась к следующему: сельские общества или волости, выполнившие все разверстки к установленному сроку полностью, могли получить товарный паек в повышенном размере; выполнившие различные виды разверстки в частичном размере (например, 25—50 % хлебной, или мясной, овощной, по птице, сырьевой, сенной), получали товарный паек в ограниченном размере. Если процент выполненной разверстки в сельских обществах или волостях оказывался меньше установленных свыше, товары не вы-

давались. Повышенная норма (довольно скудная сама по себе) являлась свидетельством того, что власти заранее предвидели невозможность 100-процентного выполнения всех заданий — это было невозможно. Так, в российских губерниях, кроме разверстки на хлеб, зернофураж и масличные семена, были введены разверстки на картофель, мед, птицу, крупный и мелкий рогатый скот, свиней, кожу и шерсть, льноволокно, пеньку и другие продукты сельскохозяйственного производства. Разверстывались задания на табак, щетину, рога, копыта, хвосты, гривы. Всего к началу 1921 г., например, в Тюменской области существовало 34 вида разверсток, ложившихся непосильным грузом на крестьянство. Каждую разверстку сопровождала одинаковая по установкам инструкция: разверстка — боевой приказ. В результате для выполнения шерстяной разверстки крестьяне обстригали шерсть на своих шубах. Другого выхода не было: за невыполнение разверстки шубы, шапки, валенки отбирались.

Любой советский или партийный работник мог быть обвинен в пресловутом «противодействии разверстке» и жестоко наказан. На практике это было нередким явлением. Неудивительно поэтому, что в рядах повстанцев и их руководителей часто встречались бывшие работ-ники местных советских и военных органов. Местные органы были поставлены в условия, когда невыполнение заданий вышестоящего руководства, вне зависимости от объективных усло-вий и возможности их выполнения, объявлялось преступным. Если государственная власть таким образом относилась к работникам собственного аппарата управления, кем был в ее глазах рядовой гражданин — крестьянин?

Никакие оправдания о невыполнении разверсток не принимались, тем более категорически запрещалась посылка ходоков, делегаций с ходатайством о продлении срока или уменьшении разверсток. Последним грозил арест и направление на принудительные работы. С целью обеспечения выполнения хлебных разверсток в указанный срок все мельницы (паровые, водяные, ветряные) закрывались, за исключением мельниц, размалывающих государственное зерно, размол зерна для личного потребления запрещался.

На местах командовали и отдавали приказы и чрезвычайные тройки, и заведующие продконторами, и продкомы, и продкомиссары, и чрезвычайные уполномоченные. Участие в продовольственной кампании принимали войска ВНУС, которые производили конфискации за невыполнение разверсток. Обыденными явлениями в деятельности органов власти стали взятие заложников до выполнения разверстки, конфискация имущества без соблюдения каких-либо правил, даже у семей красноармейцев. Арестованные заложники освобождались только после вы-

полнения разверстки всем сельским обществом — существовала своеобразная круговая порука.

Как правило, многочисленные народные восстания не выдвигали политические требования. Крестьяне были привержены борьбе за родное селение, волость, уезд, когда затрагивались их непосредственные интересы. Не было единства взглядов и политических устремлений. Повстанцев объединяло лишь общее протестное неприятие государственного режима. Однако известны отдельные программные документы: Программа антоновского Союза трудового крестьянства в Тамбовской губернии, резолюция гарнизонного собрания мятежного Кронштадта 1 марта 1921 г., Декларация реввоенсовета и командующего армии «Воли Народа» (Декларация Серова—Далматова), политическая программа Ф.К. Миронова.

Большевистская трактовка крестьянских восстаний как «кулацких», «эсеровских», «белогвардейских» была обусловлена идеологическими соображениями, а также стремлением партийных, советских, военных руководителей, органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ переложить вину за собственные просчеты. Беспочвенны утверждения о решающей роли в подготовке восстания контрреволюционных заговоров, о серьезном влиянии местных крестьянских союзов как организаторов контрреволюционной работы, опиравшихся на кулачество в деревне. Уцелевшие остатки представителей небольшевистских партий (эсеры, меньшевики) находились на учете чекистов.

Крестьянское понимание справедливого общественного устройства, выразившееся в протестном движении, сводилось к лозунгу «Советы без коммунистов». Крестьянский протест выражался не против Советов, а против политики военного коммунизма, которая в крестьянском сознании отождествилась с разрухой, бесправием, насилием, голодом и другими бедствиями. Отношение к Советской власти характеризовалось восприятием ее как «истинной», народной власти, близкой интересам трудового народа. На повстанческих территориях указанный лозунг воплощался на практике путем создания волостных и сельских крестьянских Советов. В крестьянской среде постепенно сложилось мнение, что органы народной власти, завоеванной в результате революции и Гражданской войны, переродились в бюрократические инструменты государственного насилия, руководимые лжекоммунистами и бывшими угнетателями. Для организации новой власти крестьянство желало выбрать представителей от населения.

Типологию крестьянского протестного движения дополняли созданные повстанцами вооруженные формирования по принципу организации

регулярной армии (аналогично Красной армии), включая политические отделы и политкомы. Полки делились на батальоны, роты, взводы, отделения. Повстанческие отряды создавались и пополнялись посредством мобилизации населения. В подразделениях имелись обозы. Волостные военные штабы выполняли хозяйственные, организационные, информационные задачи. В тыловых селениях назначались коменданты. В воинских формированиях и в тылу повстанцев старались поддерживать дисциплину: осуществлялась борьба с самогонщиками и чрезмерным потреблением самогона — виновные наказывались и предавались суду.

Военное руководство в основном осуществлялось командным составом из крестьянской среды, подготовленным и закаленным в сражениях двух войн — Первой мировой и Гражданской. Комсостав состоял из бывших унтер-офицеров, прапорщиков. Было немало случаев, когда руководителями повстанцев становились бывшие командиры Красной армии (командиры дивизий, полков), в том числе награжденные в боях с белыми орденами Красного Знамени. Крестьянским командирам противостояли гораздо более квалифицированные и опытные командиры Красной армии, дослужившиеся в старой армии до высоких офицерских чинов. Указанные обстоятельства подчеркивают абсурдность заявлений об офицерском заговоре как причине крестьянских восстаний.

Противоборство отличалось ожесточением (и жестокостью) со стороны обеих сторон, значительными потерями, включая мирное население. Крестьянин, по складу своего природного ума привыкший к прагматичному подходу к любому делу, решаясь на отчаянный шаг — восстать против государственной власти — отдавал себе отчет, что обратной дороги может не быть, прекрасно осознавал последствия восстания в случае его ликвидации не только в отношении себя самого, но особенно в отношении семьи, родных, родного селения. Данный фактор заставлял повстанцев отчаянно сопротивляться. Количество потерь среди повстанцев превышало на порядок потери карательных войск. Основную часть потерь повстанцев составили потери среди местного населения. Причины заключались в политике государственной власти не столько по отношению к повстанцам, сколько к мирному населению. Приказы советского командования содержали требования расстреливать на месте без суда всех, захваченных с оружием в руках, брать и расстреливать заложников за разрушение дорог и связи, за оказание помощи повстанцам, сжигать и уничтожать артиллерийским огнем целые деревни, поддерживавшие мятежников или оказывавшие упорное сопротивление. Широкое распространение получили расстрелы без суда мирных жителей.

Гибельная перспектива повстанческого движения была предрешена и закономерна. Участники протестного движения даже в соседних регионах различались особенностями поведения, масштабом деятельности, численностью и составом. Повстанчество по своей значимости в жизни крестьянства и его отношениях с властью уступало поведению «молчаливого большинства»: консерватизм как характерный архетип крестьянского сознания основывалась на нежелании и боязни радикальных перемен. Легитимность центральной власти в крестьянском мироощущении подкреплялась идеей о сак-ральности власти. Многие отказывались в открытую восстать против власти государства из-за боязни мести за участие в восстании: население на собственном опыте уже познало карательную мощь государственной военной и административной системы. Решившийся на восстание осознавал, какие последствия ожидают его самого и его семью. Все имущество участников восстания подлежало конфискации. Разобщенность протестных проявлений усиливалась различной окраской (продовольственной, религиозной, национальной).

На подавление крупных восстаний штабом РККА направлялись регулярные воинские части: стрелковые, кавалерийские, броневые. Карательные меры включали как военные операции против отрядов повстанцев, так и решительные и жестокие меры в отношении населения на территориях, которые были охвачены восстанием. Районы боевых действий с повстанцами разделялись на боевые участки, каждому из которых ставилась специальная задача. Однако знание родной местности позволяло небольшим повстанческим отрядам оставаться неуловимыми. Повстанцы использовали эффективную партизанскую тактику: при приближении регулярных войск отряды рассыпались на мелкие группы, распылялись, их участники скрывались в лесах, в деревнях под видом сельских жителей, при необходимости снова объединялись для проведения стремительных налетов. Партизанская тактика показала неэффективность оперативных действий регулярных войск.

Сочувственное отношение к повстанцам и поддержка со стороны местного населения позволяли получить укрытие, своевременную информацию о приближении регулярных войск. Население снабжало повстанцев продовольствием, лошадьми и хозяйственными средствами. Крестьяне считали повстанческих вождей защитниками от налогов. Захваченный ими хлеб из разграбленных ссыпных пунктов нередко делился среди крестьян. Жители сел и деревень отказывались помогать войсковым частям и власти в борьбе с повстанцами. Таким образом, термин «бандитизм» не определял реальную природу повстанческого дви-

жения. Многие отряды отличались дисциплиной и организованностью, строгим подчинением вожакам.

После введения нэпа советское руководство осознало недостаточность военного характера борьбы против партизанской тактики повстанцев, поддерживаемых местным населением. Для эффективной борьбы с повстанческим движением требовалось включить в действие экономические и политические средства. Методы подавления и ликвидации крестьянских выступлений и восстаний со стороны органов Советского государства продемонстрировали, помимо репрессивных мер, комплекс оперативно-военных, экономических, политических мероприятий.

Особое значение имели экономические мероприятия. С переходом к нэпу крестьяне получили возможность обмена, покупки, продажи и перевозки хлебозернофуража и картофеля, разрешалось свободное передвижение с товарами и продуктами. Продовольственные заградительные отряды были сняты с железнодорожных, водных путей и гужевых дорог. В число политических мер входило следующее: крестьяне, арестованные за продовольственные прегрешения перед властью (невыполнение разверстки, сокрытие хлеба, невыполнение трудовых повинностей), освобождались. Объявлялись акции добровольной явки и сдачи оружия, включая командиров повстанцев. Органы Советского государства учли немаловажное обстоятельство, что организованность и дисциплина в отрядах повстанцев во многом держалась на авторитете народных командиров. Решение о прекращении сопротивления, принятое командиром, означало ликвидацию целого отряда. Указанные экономические и политические мероприятия являлись вынужденной уступкой государства в отношении крестьян, порожденной переходом к нэпу.

Уход крестьян к повстанцам сокращал трудовые ресурсы в деревне. Между тем задания по продовольственным поставкам в центр никто не сокращал. Сверху по-прежнему приходили жесткие указания с требованием выполнения заданий в установленный срок. Для решения этих задач требовались рабочие крестьянские руки. Военная цель — подавление восстания и уничтожение повстанцев — противоречила экономическим соображениям. В опустевших крестьянских волостях (одни были убиты, другие репрессированы, третьи ушли к повстанцам) экономическая политика военного коммунизма зашла в тупик: не у кого было забирать «излишки» — не стало ни излишков, ни их производителей. Некому было выполнять трудовые повинности: подвозить хлеб, заниматься заготовкой топлива. У крестьян не осталось ни лошадей, ни фуража. Уменьшенный по сравнению с продразверсткой, план продналога в 1921 г. оказался непосильным для крестьянства вследствие издержек

политики военного коммунизма (сокращения посевов и числа работников, опустошительных восстаний, разрухи), неурожаев и засухи.

Мобильности действующих повстанческих отрядов и групп противопоставлялись специально созданные летучие кавалерийские отряды. Создавалась сеть постоянной агентурной разведки, а также войсковая разведка, чтобы предупредить и своевременно устранить возможность возникновения в районах сопротивления власти. Амнистированные повстанцы привлекались к операциям по ликвидации и поимке главарей. Имели место случаи, когда бывшие повстанцы, получив амнистию, выдавали своих бывших вожаков.

Полоса крестьянских восстаний выявила глубокий кризис политики военного коммунизма, заставила руководство Советского государства искать пути выхода из глубокого кризиса. Однако переход к нэпу не мог осуществиться сразу: последствия политики военного коммунизма проявлялись еще долгие месяцы, порождая воспроизводство новых протестных явлений. Лишь в 1922 г. крестьянство почувствовало реальные преимущества новой экономической политики. В конце 1922 г. крестьянская война в России закончилась.

Коллективная идентичность российского общества после завершения открытого гражданского противоборства представляла собой совокупность шрамов в коллективной российской душе. Шрамы были оставлены вынужденным отказом от прежней идентичности. Они до сих пор вызывают в народе длительную и нескончаемую боль, которая известна под названием «боль Прометея». Благодаря этой боли российская цивилизация постоянно помнит об «утраченных мирах», от которых она была вынуждена отказаться в своей истории. Сопротивление крестьянства политике государства, основанной на насилии, не позволило уничтожить в крестьянине собственника, что означало бы ликвидацию самого крестьянина как такового. Вооруженное сопротивление крестьянства против насильственной политики военного коммунизма создало преграду расширению государственного принуждения в русле коммунистической доктрины о едином общегосударственном производстве и распределении в системе бестоварного народного хозяйства, о ликвидации классов и сословий — уничтожении земледельца как собственника.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Алешкин Петр Федорович
Васильев Юрий Альбертович

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В РОССИИ
в 1918—1922 гг.
От махновщины до антоновщины

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Верстка *И.В. Левченко*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
109004, г. Москва, ул. Николоямская, дом 43, корпус 4.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 02.04.2012. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ.л. 12,5. Тираж 2500 экз. Заказ № 4735.

Отпечатано в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В РОССИИ В 1918—1922 гг.

В настоящей книге рассматривается феномен массового и стихийного социального и политического протеста российского крестьянства в условиях политики военного коммунизма в 1918—1921 гг., дана оценка причин и факторов возникновения крестьянского протестного движения, анализ его природы, типологии, динамики и форм сопротивления. Условия, созданные политикой военного коммунизма, рассматриваются в качестве фактора порождения протестных явлений.

Природа крестьянских восстаний в 1918—1922 гг. в Советской России как войны гражданской по своему содержанию, подготовленной революцией 1917 г., позволяет выявить типологическую общность крестьянского протеста на территории всей страны.

ISBN 978-5-9533-6211-5